Министерство образования Республики Беларусь
Полесский государственный университет
Инженерный факультет
Кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летнему юбилею университета

ВЫПУСК 4

Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь

Часть III

Пинск, 2026

УДК 811.1/8(06):316.77
ББК 81.2
Я 41

Редакционная коллегия:
Дунай Валерий Иванович – ректор Полесского государственного университета, кандидат биологических наук, доцент;
Пригодич Ирина Александровна – проректор по учебной работе Полесского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент;
Чещевик Виталий Тадеушевич, проректор по научной работе, кандидат биологических наук, доцент.

Рецензенты:
Астренков Андрей Валерьевич – декан инженерного факультета Полесского государственного университета, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;
Жилевич Ольга Фёдоровна – заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации Полесского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент;
Тарасова Тамара Николаевна – профессор кафедры белорусской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, доктор филологических наук, профессор;
Гладко Марина Александровна – профессор кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного университета иностранных языков, доктор филологических наук, доцент

Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, УО ”Полесский государственный университет“, г. Пинск, май 2026 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В.И. Дунай [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2026. – 251 с.

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам IV Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития», проведенной кафедрой межкультурных коммуникаций Полесского государственного университета В четвертом выпуске издания рассматриваются актуальные вопросы межкультурной коммуникации в условиях глобализации, состояние и перспективы преподавания русского языка как иностранного, современные аспекты лингвистики, литературоведения, перевода и интерпретации текста в поликультурном пространстве.

Сборник адресован научным сотрудникам, преподавателям вузов, аспирантам и всем интересующимся вопросами лингвистики, литературоведения, перевода, методики преподавания и межкультурного взаимодействия.

Статьи представлены в авторской редакции.

УДК 811.1/8(06):316.77
ББК 81.2
© УО «Полесский государственный университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЯЗЫКЕ: ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИКА, ЭТИКА

Алиева М.Б., Якунина Р.П., Минулина О.В. Экономический эффект внедрения нейросетевых переводчиков в бизнес-процессы логистических компаний……. 6

Бахарь Т.Ч. Особенности использования искусственного интеллекта в системе образования Германии……. 10

Баширова Д.О. Искусственный интеллект как медиатор межкультурного диалога – возможности, риски и перспективы……. 16

Бекджаев Б.Т. Эволюция компьютерного обучения языкам: от языковых лабораторий к нейросетевым моделям на базе ИИ……. 20

Боровикова И.В. Использование искусственного интеллекта при составлении лексико-грамматических тестов……. 25

Грицай Л.А. Шаблонность развития мысли как характерная черта текста, сгенерированного искусственным интеллектом……. 29

Изотова Л.А., Новик У.Э. Роль машинного перевода в работе переводчика…… 37

Камалова Г.Р. Цифровые инструменты в лингвистике: возможности применения искусственного интеллекта…….. 40

Карапетова Р.В. Развитие коммуникативных навыков при изучении русского языка как иностранного с применением возможностей искусственного интеллекта…… 43

Клепацкая А.М. Применение искусственного интеллекта в обучении иностраннному языку студентов аграрного вуза…… 48

Литвинова Г.В., Джигова Д.В. Как нейросети меняют языковую практику: перевод, обучение и незаметные последствия…… 52

Ма Даньли Искусственный интеллект в языке СМИ: технологические возможности, практика применения и этические дилеммы…… 57

Макеева С.О., Павлюкова Е.В. Переводческие потери в тексте фэнтези и границы их автоматической компенсации (на материале перевода А.А. Грузберга "Lord of the rings")…….. 60

Маликова И.Г., Шульга О.Н. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам будущих специалистов технического профиля…….. 69

Мальцев В.В. Этические принципы использования технологии искусственного интеллекта в сфере образования…… 74

Остянко Ю.Р. Влияние искусственного интеллекта на развитие английского языка…….. 80

Петрова Н.Е., Сычёва Е.С. Искусственный интеллект в практике преподавания белорусского и русского языков……. 83

Рахманова Натаван Джамаладдин кызы Лемматизация как инструмент обработки естественного языка: теоретические и прикладные аспекты…… 88

Садыкова Э.А. Анализ концепта «любовь» с помощью инструментов искусственного интеллекта…… 93

Сикорская А.В., Бондарева Н.А. Автоматический перевод vs. человек: анализ ошибок машинного перевода на примере художественного и 96

научно-популярного текстов……
Синютич А.Г. Галлюцинации нейросетевого машинного перевода как угроза межкультурной коммуникации: современные данные и методы снижения рисков…… 104
Степанюк Н.И., Ходинская М.В. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта внедрения искусственного интеллекта в обучение английскому языку в неязыковых вузах…… 108
Столярова Е.Ю. Промпт-инжиниринг как новая составляющая функциональной цифровой грамотности преподавателя ESP…….. 112
Усова А.Г. Развитие социокультурной компетенции старшеклассников с использованием дидактических игр при подготовке к устной части ЕГЭ по английскому языку…… 117
Хатько Н.Н. Применение технологий искусственного интеллекта при обучении английскому языку в средней школе……. 122
Huang Jianmei A study on translation app dependency among chinese students in Belarus…….. 125
Черник К.А., Горина О.Н., Селиванова Е.А. Вопрос и оценка возможности искусственного интеллекта «быть человеком»: анализ перевода ИИ экспрессивных средств……. 132
Шуша Н.В., Чернявский А.А. Использование нейросетей в преподавании немецкого языка……. 141
МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
Бакиева М.М., Гаязова А.А. Использование виртуальной доски Unidraw при обучении иероглифическому письму в 5-7 классах…… 147
Белохвостик С.А. Художественное время в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья»……. 151
Варыгин А.О. Обзор вероятностных моделей, используемых в современной компьютерной лингвистике…… 155
Kaisheva K.V., Dyukareva E.M. Cross-cultural features of contemporary graphic design in Nigeria…… 158
Корженевич Ю.В., Ананич В.А. Сложные слова и специфика их перевода в экономическом дискурсе…… 165
Корженевич Ю.В., Лысенко Д.И. Проблемы художественного перевода.. 168
Корженевич Ю.В., Горун И.А. Влияние просмотра иностранного развлекательного контента на уровень владения лексикой языка……. 171
Корженевич Ю.В., Мальцева К.Г. Стратегии перевода англоязычных неологизмов на русский язык……. 175
Корженевич Ю.В., Петрова М.В. Эволюция восприятия статуса, компетенций и рыночной ценности профессии переводчика под влиянием распространения доступных систем искусственного интеллекта……. 178
Корженевич Ю.В., Тозик Е.В. Особенности перевода аббревиатур в текстах технических инструкций по эксплуатации с английского языка на русский…… 181
Kulikova A.A., Kaisheva K.V. Visual communication in merchandising…… 185
Kaisheva K.V., Lemesheva A. Yu. Transformation of media design and digital literacy in UAE educational policy……. 191
Липская С.Г. Явление языковой интерференции в современных исследованиях……. 196

Malchenko Y.V., Savonchyk A.D., Jilevich O.F. Word-formation characteristics of english economic network neologisms…….. 201
Марчик Ю.А., Черник К.А., **Жилевич О.Ф.** Специфика интерпретации идиоматических выражений искусственным интеллектом и системой машинного перевода при переводе текстов экономического дискурса в СМИ…… 205
Момотюк А.А., Жилевич О.Ф. Стратегии убеждения в деловом дискурсе: сопоставительное исследование английского и китайского языков в контексте международных переговоров…….. 210
Нестерова А.С., Аврусевич М.В., Жилевич О.Ф. Является ли искусственный интеллект полноценной альтернативой переводческой профессии в эпоху технологий?..... 215
Привалова П.В., Гриневская В.А. Репрезентация женских образов на военных агитационных плакатах…….. 218
Самусева А.Р., Макеевна С.О. Учебная игротека как инструмент формирования грамматических навыков в 5-х классах……. 225
Симирская А.Н., Жилевич О.Ф. Межъязыковые различия в постредактировании машинного перевода экономических текстов (на материале английского и китайского языков)…….. 232
Строк Д.С., Жилевич О.Ф. Роль номинализации и вербализации в адаптации заголовочных конструкций при переводе на русский……. 239
Черниенко П.В. Использование рифмовок в стиле рэп в ходе речевой разминки на уроке иностранного языка…….. 242
Чивильдеева О.О., Гостенина В.И. Социологический анализ межкультурной коммуникации: институциональные и нормативные аспекты…… 246

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЯЗЫКЕ: ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИКА, ЭТИКА

УДК 004.89:338.47:656

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ВНЕДРЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ ЛОГИСТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

М.Б. Алиева, Р.П. Якунина, О.В. Минулина
Казанский государственный энергетический университет
Российская Федерация
madina.alvv@mail.ru, eop100@mail.ru, olga.minulina@bk.ru

В статье рассматривается влияние нейросетевых переводчиков на эффективность бизнес-процессов логистических компаний. Анализируются возможности применения технологий искусственного интеллекта для автоматизации перевода документации и международной коммуникации. Особое внимание уделяется экономическому эффекту внедрения машинного перевода, включая снижение затрат, ускорение обработки информации и повышение производительности. Рассматриваются преимущества, ограничения и перспективы использования нейросетевых технологий в сфере логистики.

Ключевые слова: логистика, цифровизация, бизнес-процессы, машинный перевод, экономический эффект.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется активной цифровизацией бизнес-процессов и широким внедрением технологий искусственного интеллекта. Особенно заметны данные изменения в сфере логистики, где скорость обработки информации, качество коммуникации и эффективность управления оказывают непосредственное влияние на конкурентоспособность компании. Международные логистические компании ежедневно взаимодействуют с иностранными партнёрами, поставщиками и клиентами, что требует постоянного перевода большого объёма документов, деловой переписки и транспортной документации.

Традиционно данные задачи выполнялись профессиональными переводчиками либо специализированными агентствами, что сопровождалось значительными временными и финансовыми затратами. Развитие нейросетевых технологий и систем машинного перевода позволило существенно изменить подход к организации коммуникации в международной логистике. Современные нейросетевые переводчики способны автоматически обрабатывать тексты различной сложности, обеспечивая достаточно высокое качество перевода в режиме реального времени.

В последние годы технологии искусственного интеллекта демонстрируют высокую эффективность в сфере автоматизации логистических процессов. Согласно исследованиям, внедрение ИИ-решений в логистике позволяет значительно снизить операционные расходы и повысить производительность компаний.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки экономического эффекта внедрения нейросетевых переводчиков в деятельность

логистических компаний, а также анализа преимуществ и ограничений использования подобных технологий.

Нейросетевые переводчики представляют собой интеллектуальные системы машинного перевода, основанные на алгоритмах глубокого обучения и обработке естественного языка. В отличие от традиционных систем автоматического перевода, нейросетевые модели способны учитывать контекст предложения, особенности терминологии и стилистические характеристики текста.

Современные технологии машинного перевода активно развиваются благодаря применению больших языковых моделей. Исследователи отмечают, что использование крупных языковых моделей открывает новые перспективы для автоматизации перевода длинных документов, специализированных текстов и профессиональной коммуникации.

Наиболее распространёнными нейросетевыми переводчиками являются Google Translate, DeepL, Microsoft Translator и другие платформы, основанные на технологиях искусственного интеллекта. Их применение позволяет значительно сократить время обработки информации и минимизировать участие человека в рутинных операциях.

Для логистических компаний использование нейросетевых переводчиков особенно важно, поскольку международные перевозки сопровождаются большим количеством документов: транспортными накладными, договорами, таможенными декларациями, страховыми документами и служебной перепиской. Автоматизация перевода данных материалов позволяет ускорить бизнес-процессы и снизить административные издержки.

Кроме того, технологии искусственного интеллекта становятся частью общей концепции цифровой трансформации логистики. Современные исследования показывают, что внедрение ИИ способствует повышению эффективности управления цепями поставок, автоматизации документооборота и улучшению качества взаимодействия между участниками логистического процесса. Использование нейросетевых переводчиков в логистической деятельности осуществляется по нескольким основным направлениям.

Первое направление связано с автоматизацией документооборота. Международные перевозки требуют оперативного обмена документами между перевозчиками, таможенными органами, поставщиками и клиентами. Автоматический перевод позволяет сократить время обработки документов и повысить скорость принятия решений.

Вторым направлением является перевод деловой переписки и коммуникации с иностранными партнёрами. Логистические компании взаимодействуют с клиентами из различных стран, поэтому оперативность коммуникации становится важным фактором конкурентоспособности. Использование нейросетевых систем позволяет ускорить обработку запросов и снизить нагрузку на сотрудников.

Третье направление связано с автоматизацией клиентского сервиса. Многие компании внедряют чат-ботов и интеллектуальные системы поддержки, способные автоматически переводить сообщения клиентов и предоставлять информацию на различных языках.

Особую роль играет интеграция нейросетевых переводчиков с транспортными информационными системами (TMS и WMS). Это позволяет автоматизировать обработку заказов, транспортной документации и складских операций. Исследования показывают, что автоматизация логистических процессов

обеспечивает значительное снижение затрат и ускорение обработки данных. Одним из ключевых преимуществ внедрения нейросетевых переводчиков является снижение затрат на переводческие услуги. Международные логистические компании ежегодно тратят значительные средства на оплату профессиональных переводчиков и аутсорсинговых агентств. Автоматизация перевода позволяет сократить данные расходы и перераспределить ресурсы на развитие бизнеса.

Важным экономическим эффектом является повышение производительности труда сотрудников. Использование нейросетевых систем позволяет значительно сократить время обработки документов и ускорить обмен информацией между подразделениями компании. В результате сотрудники могут сосредоточиться на выполнении более сложных управленческих задач. Кроме того, автоматизация перевода способствует уменьшению операционных издержек. Согласно исследованиям эффективности цифровых технологий в логистике, внедрение интеллектуальных систем позволяет снизить логистические расходы в среднем на 7–10 %.

Существенное значение имеет и сокращение времени выполнения операций. Исследования показывают, что автоматизация процессов в логистике позволяет экономить до 80 % времени, затрачиваемого на ручную обработку информации.

Дополнительным преимуществом является повышение качества обслуживания клиентов. Быстрый перевод сообщений и документов способствует улучшению коммуникации, снижению количества ошибок и повышению уровня доверия со стороны партнёров. Вместе с тем внедрение нейросетевых переводчиков требует первоначальных инвестиций в программное обеспечение, интеграцию систем и обучение персонала. Однако практика показывает, что подобные решения окупаются в сравнительно короткие сроки. В ряде случаев срок окупаемости цифровых логистических технологий составляет от 6 до 12 месяцев.

Несмотря на значительные преимущества, применение нейросетевых переводчиков сопровождается рядом ограничений. Одной из основных проблем является возможность возникновения ошибок при переводе специализированной терминологии. В логистике даже незначительная ошибка в документации может привести к финансовым потерям и задержкам поставок. Кроме того, автоматические системы не всегда способны корректно учитывать культурные и языковые особенности деловой коммуникации. По этой причине во многих компаниях сохраняется необходимость дополнительной проверки переводов специалистами.

Отдельного внимания заслуживают вопросы информационной безопасности и конфиденциальности данных. Использование облачных переводчиков предполагает передачу информации через внешние серверы, что может создавать риски утечки коммерческой информации. Также необходимо учитывать влияние автоматизации на рынок труда. Развитие искусственного интеллекта постепенно изменяет структуру занятости и снижает потребность в выполнении рутинных операций человеком. Обсуждение данных процессов активно ведётся как в научной среде, так и среди профессионального сообщества. В ближайшие годы роль нейросетевых технологий в логистике будет продолжать возрастать. Развитие больших языковых моделей и совершенствование алгоритмов обработки естественного языка позволит повысить качество автоматического перевода и расширить возможности интеллектуальных систем. Ожидается дальнейшая

интеграция нейросетевых переводчиков с корпоративными информационными системами, платформами управления перевозками и цифровыми сервисами взаимодействия с клиентами. Это позволит создать единую интеллектуальную среду управления логистическими процессами.

Перспективным направлением является использование ИИ-ассистентов, способных автоматически обрабатывать запросы клиентов, формировать документы и осуществлять перевод деловой коммуникации без участия человека. По мнению экспертов, искусственный интеллект станет неотъемлемой частью корпоративной среды и будет активно использоваться в управлении бизнес-процессами.

Таким образом, внедрение нейросетевых переводчиков является важным элементом цифровой трансформации логистической отрасли и способствует повышению эффективности деятельности компаний. Внедрение нейросетевых переводчиков в бизнес-процессы логистических компаний представляет собой одно из перспективных направлений цифровизации современной экономики. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет автоматизировать обработку информации, ускорить международную коммуникацию и повысить эффективность управления логистическими процессами.

Проведённый анализ показал, что применение нейросетевых переводчиков способствует снижению затрат на переводческие услуги, сокращению времени обработки документов и повышению производительности труда сотрудников. Дополнительными преимуществами являются улучшение качества обслуживания клиентов и оптимизация международного взаимодействия.

Вместе с тем использование систем машинного перевода требует учёта рисков, связанных с точностью перевода, защитой информации и необходимостью контроля качества со стороны специалистов. В целом развитие нейросетевых технологий и искусственного интеллекта открывает широкие перспективы для дальнейшей автоматизации логистической отрасли и формирования эффективных цифровых бизнес-моделей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Attention Is All You Need / A. Vaswani, N. Shazeer, N. Parmar и др. // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2017. – Vol. 30. – P. 5998–6008.
2. DeepL Translator. Официальный сайт платформы машинного перевода. – URL: DeepL Translator
3. Google AI Blog. Neural Machine Translation and Sequence-to-Sequence Models // Google Research. – URL: Google AI Blog
4. Ivanov D. A. Digital Supply Chain Management. – M.: INFRA-M, 2023. – 368 p.
5. Microsoft Translator. Official site of machine translation technologies. – URL: Microsoft Translator
6. Sergeev V. I. Logistics in Business: Textbook. – M.: Yurayt, 2022. – 487 p.
7. The Total Economic Impact of Alpega TMS // Forrester Research. – URL: Alpega Group
8. Artificial Intelligence in Logistics and Supply Chain Management // arXiv.org. – URL: arXiv.org
9. Large Language Models for Machine Translation: A Survey // arXiv.org. – URL: arXiv.org
10. Thinking Inc. AI ROI in Logistics and Transportation. – URL: Thinking Inc.
11. TenChat. Экономический эффект от внедрения TMS-систем в логистике. – URL: TenChat

12. Кристофер М. Логистика и управление цепями поставок / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2021. – 512 с.
13. Сергеев В. И. Логистика в бизнесе: учебник. – М.: Юрайт, 2022. – 487 с.

ECONOMIC EFFECT OF IMPLEMENTING NEURAL NETWORK TRANSLATORS IN LOGISTICS COMPANIES' BUSINESS PROCESSES.

M.B. Alieva, R.P. Yakunina, O.V. Minulina
Kazan state power engineering university
Russian Federation
madina.alvv@mail.ru, Eop100@mail.ru, Olga.minulina@bk.ru

The article examines the impact of neural network translators on the efficiency of logistics companies' business processes. It analyzes the possibilities of using artificial intelligence technologies to automate the translation of documentation and international communication. Special attention is paid to the economic benefits of implementing machine translation, including cost reduction, faster information processing, and increased productivity. The article discusses the advantages, limitations, and prospects of using neural network technologies in the field of logistics.

Keywords: logistics, digitalization, business processes, machine translation, economic benefits.

УДК 004.8:37(430)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГЕРМАНИИ

Т.Ч. Бахарь
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, tbakhar78@bsu.by

В статье рассматриваются актуальные вопросы внедрения и использования ИИ в образовательной практике Германии. Особое внимание уделяется развенчанию распространенных мифов, стереотипов и неоправданных страхов по отношению к ИИ. Приводятся модели взаимодействия ИИ и обучения по Й. Фальку: от использования технологий как инструмента до сохранения традиционных методов. Статья подчеркивает необходимость интеграции ИИ в учебный процесс для подготовки учащихся к требованиям современного рынка труда.

Ключевые слова: искусственный интеллект; система образования в Германии; интеллектуальные обучающие системы; ChatGPT; методы обучения.

Общая цифровизация образования в Германии идет медленно, но появление бесплатного ChatGPT в ноябре 2022 года существенно изменило ситуацию, сделав технологии ИИ доступными широкой аудитории и вызвав бурные общественные дискуссии – от опасений до энтузиазма. На начальном этапе в Германии преобладали призывы к запрету ChatGPT и подобных технологий в образовании, однако затем сформировалась более взвешенная точка зрения, предполагающая, что продуманное использование ИИ в образовательном контексте действительно может быть полезным. Эта перспектива отражена в документах об образовании, например, в таких как «Рекомендации по вопросам использования искусственного интеллекта в образовательном процессе в школе», постоянной конференции

министров образования и культуры (KMK, 2024) или в указах отдельных федеральных земель об использовании ИИ [1].

В 2024 году немецким фондом Vodafone Germany (некоммерческая компания, которая проводит исследования и инициирует программы в области цифрового образования) был проведен опрос среди молодых людей 14 – 20 лет на тему «Пионеры перемен: как хотели бы обучающиеся использовать ИИ на занятиях». Согласно данному исследованию 73% опрошенных убеждены, что использование ИИ предоставляет больше возможностей. 69 % считают, что навыки работы с ИИ будут «определенно» или «довольно важны» для достижения личных карьерных целей. Репрезентативный опрос населения и родителей детей школьного возраста показал, что примерно три четверти респондентов (77%) также считают учителей ответственными за подготовку учащихся к компетентному и осмысленному использованию ИИ. Кроме того, 38 процентов опрошенных учащихся сообщили, что в их учебных заведениях ИИ не применялся. Еще 38 процентов заявили об отсутствии единых правил и о том, что использование ИИ зависит от учителя. [2]

В августе 2024 года в ЕС был принят закон об искусственном интеллекте, который принципиально не запрещает использование ИИ в школах; скорее, он определяет, какие приложения могут быть использованы и при каких обстоятельствах. Интерпретация этого закона в настоящее время находится в юрисдикции каждой отдельной федеральной земли. Большинство немецких земель выбрали конструктивный подход к использованию ИИ в школах, разрешив определенные (коммерческие) приложения, для приобретения которых они выделяют собственные бюджеты и тестовые среды, или разработав собственные интерфейсные решения на основе ИИ, например, для использования чат-ботов.

Йоша Фальк – немецкий преподаватель и специалист по развитию школьного образования в Центральной Франконии, член редакционной команды IQESonline, спикер, и блогер предлагает пять аспектов, которые можно использовать для описания взаимосвязи между ИИ и обучением:

1. Обучение с помощью ИИ определяет знания о применении и стратегиях использования ИИ таким образом, чтобы это способствовало обучению.
2. Изучение самого ИИ определяет необходимые знания о том, как работает ИИ, а также о социальных, этических, экономических и политических последствиях его использования.
3. Обучение посредством ИИ описывает способы, которыми ИИ может поддерживать учебные процессы.
4. Обучение вопреки ИИ подчеркивает необходимость возможностей для размышления и обсуждения вопроса о том, почему учащиеся должны по-прежнему приобретать знания самостоятельно, когда машина знает все лучше.
5. Обучение без ИИ подчеркивает необходимость сохранения школьных образовательных процессов без цифровых приложений. [3, с.20]

Растущая интеграция ИИ в работу и повседневную жизнь поднимает вопрос о том, следует ли по-прежнему преподавать фактические знания в школах наряду с общими навыками. Генеративные системы ИИ, такие как ChatGPT, обеспечивают еще более легкий доступ к практически неограниченной информации в интернете, чем традиционные поисковые системы, благодаря чему доступ к фактическим знаниям кажется очень быстрым и простым. Современные ученые приходят к мысли что все более ключевую роль в обучении будет играть так называемая

модель 4К - коммуникация, коллаборация (сотрудничество), креативность и критическое мышление. [2]

Эти междисциплинарные навыки считаются необходимыми для ориентации в мире, который становится все более динамичным и технологически развитым. Однако преподавание фактических знаний как образовательная цель остается неизменным. Оно дает понимание и оценку результатов, полученных с помощью ИИ, использование которых является ответственностью людей. Кроме того, приобретение фундаментальных фактических знаний является ключевым условием для понимания сложных вопросов и развития специализированных навыков. Это особенно актуально для сфер, как например, медицина, инженерия и т. д. Кроме того для работы с системами ИИ важны специфические знания и навыки, которые можно назвать «грамотностью в области ИИ».

Поэтому будущие образовательные цели по-прежнему включают передачу фундаментальных фактических знаний и базовых навыков, а также все более активное развитие междисциплинарных навыков для информационной эпохи и использования систем ИИ. [1]

Еще одним актуальным вопросом является вопрос об эффективности использования ИИ в образовательном процессе. Уже несколько десятилетий проходят изучения искусственного интеллекта в образовании Германии, который анализирует эффективность использования различных приложений ИИ в образовании. Эта область исследований фокусируется на использовании ИИ в форме интеллектуальных обучающих систем (ИОС), которые имитирует работу преподавателя и направлены на предоставление мгновенных и персонализированных инструкций или обратной связи учащимся, как правило, без участия преподавателя. Преимуществом таких ИОС являются:

- ✓ индивидуально адаптированный учебный контент. Вместо того чтобы давать всем ученикам одинаковые задания, система может выявлять области, в которых у кого-то возникают трудности, и предлагать целевые упражнения или учебные материалы для устранения этих конкретных недостатков.
- ✓ возможность использовать ИОС для оценки уровня компетентности учеников в любое время. Система постоянно собирает данные о прогрессе, активности и результатах учащихся, позволяя учителям немедленно видеть, кому нужна дополнительная поддержка, а кто готов перейти к следующей теме или уровню компетентности. Этот непрерывный анализ помогает эффективно планировать уроки и гарантировать, что никто не отстанет.
- ✓ персонализированная обратная связь. Вместо того чтобы ждать, пока учитель исправит их работу, ученики могут сразу увидеть, где они допустили ошибки и какие концепции они еще не до конца понимают. Эта обратная связь также может быть более подробной и конкретной, чем та, которую обычно может предоставить один учитель в большом классе.

После Саммита по вопросам образования Постоянная конференция министров образования и культуры (КМК) рассмотрела различные интеллектуальные обучающие системы и решила протестировать «Area9 Rhapsode» в пилотном проекте в нескольких школах Саксонии и Мекленбурга-Передней Померании. «Area9» – продукт датской компании Area9 Lyceum, имеющей офисы в Копенгагене, Бостоне и Лейпциге. «Area9» уже некоторое время используется в школах Дании и Великобритании. По данным компании, ею пользуются более 1,5

миллиона человек – не только в школах, но и в сфере образования взрослых. [3, с.14]

Платформа «Area9» предоставляет адаптивные учебные курсы. Это означает, что система собирает данные обучающихся по мере выполнения ими заданий и корректирует задачи в соответствии с уровнем и траекторией обучения, используя алгоритм, специально разработанный для индивидуального поведения в процессе обучения. «Area9» также призвана помогать преподавателям определять прогресс обучения каждого студента. Система анализирует, как и с какой скоростью студенты выполняют задания, и определяет, когда они достигли цели обучения и где существуют пробелы. Для устранения этих пробелов система предлагает учебную поддержку в виде пояснительных видеороликов, других обучающих материалов и дополнительных упражнений. Если кто-то выполняет задания очень быстро, система может их пропустить. Цель состоит в том, чтобы все студенты в учебной группе достигли одинакового уровня компетентности к концу каждого модуля, работая только над заданиями, имеющими отношение к их прогрессу.

Чтобы определить, насколько этот подход действительно эффективен на практике в нескольких школах Саксонии и Мекленбурга-Передней Померании было проведено тестирование «Area9» по заказу Постоянной конференции министров образования и культуры. В пилотном проекте приняли участие три школы в Мекленбурге-Передней Померании. Адаптивные учебные курсы были протестированы в 6-11 классах профессионального училища, региональной школы и общеобразовательной школы. В Саксонии в тестировании участвовали шесть школ: три начальные школы, две средние школы и одна гимназия. Пилотное тестирование системы «Area9» проводилось по географии (9-й класс) и математике (6-й класс). В математике основное внимание уделялось теме вероятности, а в географии – экологии и климату. Ученики самостоятельно изучали материал и проходили программу в итеративных циклах, сравнимо с принципом «перевернутого класса». В течение пробной недели система предоставляла обратную связь по результатам обучения и прогрессу после каждого задания, которую также могли просматривать учителя. Были отмечены такие преимущества системы как дифференцированный и индивидуальный подход. Это дает учителям больше возможностей сосредоточиться на тех детях и подростках, которые испытывают трудности с системой или нуждаются в дополнительной поддержке. Среди недостатков выделены мгновенная обратная связь и подсказки. Такой подход критикуют за то, что он не способствует глубокому усвоению материала учащимися. Некоторые учащиеся сразу же обращаются к подсказкам, вместо того чтобы попытаться решить задачу или выполнить задание. Когда это возможно, некоторые учащиеся стараются получить как можно больше подсказок как можно быстрее, чтобы быстрее выполнить задание. Еще одним недостатком интеллектуальных обучающих систем является то, что они не задают учащимся вопросы, чтобы объяснить их действия. Анализ показал, что ИОС в сочетании с традиционным обучением более эффективны, чем когда они его заменяют.

В настоящее время проводится оценка первоначального опыта использования «Area9». На основе опросов участвующих школ Министерство образования Саксонии считает его использование весьма целесообразным. [4]

Следующий вопрос, который занимает методистов и педагогов Германии заключается в том, что имеет ли смысл оценивать прогресс в обучении в эпоху

ИИ? Известно, что генеративный ИИ может генерировать ответы на вопросы, основанные на знаниях, и задачи по решению проблем за считанные секунды. Ранние версии ChatGPT допускали множество ошибок и выдавали неточные ответы, что могло заставить многих скептиков поверить, что ИИ просто не может конкурировать с людьми. С появлением более мощных моделей, таких как GPT-4, появилось множество свидетельств порой поразительной эффективности генеративного ИИ в обработке типичных требований экзаменов. Это часто и приводит к дискуссии о том, в какой степени ИИ делает оценку обучения целесообразной? С одной стороны возникает вопрос, нужно ли вообще еще усваивать знания, проверяемые на письменных экзаменах в школе и университете, поскольку их может предоставить ИИ в любое время, и не являются ли другие компетенции более важными для успешного участия в жизни общества. С другой стороны, возникают сомнения в том, возможна ли вообще достоверная оценка уровня знаний отдельного учащегося в эпоху ИИ, или можно ли однозначно отнести результаты экзамена к конкретному респонденту.

Немецкие коллеги предлагают два варианта решения проблемы:

1. Оценка с помощью ИИ: в XXI веке знания об использовании ИИ и навыки его применения также должны быть частью соответствующего свода знаний, которыми должны обладать дети и молодежь, например, когда учащиеся в качестве оценочного задания критически осмысливают и оптимизируют результат, сгенерированный ИИ. Аналогично, результаты, достигнутые совместно с ИИ, можно рассматривать как выражение совместного конструктивного достижения, на которое способны учащиеся в культуре цифровых технологий. Это позволяет создать экзаменационную ситуацию, которая гораздо лучше, чем экзамены без вспомогательных средств, отражает реальность современной рабочей жизни, в которой цифровые (на основе ИИ) инструменты являются частью повседневной жизни.

2. Новые форматы экзаменов, учитывающие совместную деятельность и возможность осмысления результатов ИИ, могут включать презентацию созданного контента, в том числе защиту созданных продуктов [1].

Актуальным на сегодняшний день является и вопрос подготовки учителей. Использование ИИ в образовании требует от учителей наличия целого ряда компетенций для эффективной и дидактической интеграции таких приложений в уроки, а также для их учета при разработке сценариев оценки. Для обеспечения развития компетенций Постоянная конференция министров образования и культуры рекомендует интегрировать и пересмотреть грамотность в области ИИ на всех этапах подготовки учителей. Было выделено шесть областей компетенции в области ИИ для учителей:

Теоретические знания об ИИ: Различия между ИИ и традиционными компьютерными программами и способы использования ИИ; включает базовое понимание методов ИИ, таких как машинное обучение, глубокое обучение, интеллектуальный анализ данных или нейронные сети, а также их ограничения (например, предвзятость).

1. Правовая и этическая основа ИИ: Понимание этических соображений, основанных на данных; осознание справедливости, равенства и прозрачности в контексте ИИ для предотвращения дискриминации; обеспечение соблюдения региональных требований по защите данных (см. раздел 2.2).

2. Влияние ИИ: Выявление проблем и потенциала ИИ для образования, общества и рабочего места, а также необходимых навыков граждан для внедрения этих идей на практике. Критическая медиаграмотность для распознавания так называемых дипфейков, фейковых новостей или другого ошибочного контента.

3. Отношение к ИИ: Открытость к ИИ и активное участие в определении областей применения для учащихся; критическое осмысление собственного отношения к ИИ

4. Преподавание и обучение с использованием ИИ: способность интегрировать ИИ в преподавание в форме ИИ как общей темы, ИИ для индивидуального и кооперативного обучения, ИИ как инструмента оценки; определение того, как ИИ влияет на образовательные процессы и как люди и машины могут сотрудничать; пример для подражания

5. Постоянная профессионализация: понимание необходимости непрерывного развития и налаживания связей; интеграция ИИ в организационные процессы [1].

Все эти наблюдения иллюстрируют сложность и противоречия, окружающие тему искусственного интеллекта в школьном образовании. Они также демонстрируют важность дифференцированного подхода – ИИ не является чудодейственным образовательным инструментом, способным решить все проблемы преподавания и обучения, и не делает устаревшими все наши знания о проектировании учебных процессов. Даже в случае с ИИ крайне важно его дидактически обоснованное использование, осуществляемое хорошо подготовленными учителями и учитывающее существующие компетенции учащихся. Как и в случае с дискуссией о цифровой трансформации в целом, возникает вопрос о том, в какой степени ИИ используется лишь для обогащения и цифровой модификации привычных методов обучения, или же он способствует, и даже требует, глубокой трансформации системы образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ССЫЛКИ

1. KMK, Kultusministerkonferenz (2024, 10. Oktober). Handlungsempfehlung für die Bildungsverwaltung zum Umgang mit Künstlicher Intelligenz in schulischen Bildungsprozessen [Electronic resource]: Mode of access: https://www.kmk.org/fileadmin/veroeffentlichungen_beschluesse/2024/2024_10_10-Handlungsempfehlung-KI.pdf. – Date of access: 05.05.2026.

2.Künstliche Intelligenz im Klassenraum [Electronic resource]: Mode of access: https://deutsches-schulportal.de/unterricht/ki-area9-kuenstliche-intelligenz-im-klassenraum/ – Date of access: 05.05.2026.

3. Künstliche Intelligenz in der Schule Eine Handreichung zum Stand in Wissenschaft und Praxis /Scheiter K. [u.a.]. – Bonn: Rahmenprogramm Bildungsforschung, 2025. – 43 S

4. Vodafone-Stiftung (2023). Aufbruch ins Unbekannte – Ergebnisse einer repräsentativen Umfrage in der deutschen Bevölkerung mit besonderem Fokus auf Eltern schulpflichtiger Kinder Schule in Zeiten von künstlicher Intelligenz und ChatGPT. [Electronic resource]: Mode of access: https://www.vodafone-stiftung.de/wp-content/uploads/2023/04/Aufbruch-ins-Unbekannte_Studie-zu-KI-im-Schulkontext.pdf

FEATURES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE USE IN THE GERMAN EDUCATION SYSTEM

T.Ch. Bakhar

Belarusian State University

Minsk, Belarus, tbakhar78@bsu.by

This article examines current issues regarding the implementation and use of AI in German educational practice. Special attention is paid to debunking common myths, stereotypes, and unfounded fears concerning AI. The article presents J. Falk's models of AI-learning interaction, ranging from using technology as a tool to maintaining traditional methods. The study emphasizes the necessity of integrating AI into the educational process to prepare students for modern labor market demands.

Keywords: artificial intelligence; education system in Germany; intelligent tutoring systems; ChatGPT; teaching methods

УДК 004.8:316.7

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕДИАТОР МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА – ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Д.О. Баширова
Бакинский славянский университет
Баку, Азербайджан, dilber.beshirli@gmail.com

В статье рассматриваются возможности и ограничения использования технологий искусственного интеллекта в качестве посредника межкультурного диалога. Анализируются ключевые механизмы работы современных языковых моделей в контексте кросс-культурной коммуникации, выявляются риски алгоритмической предвзятости и культурной гомогенизации. Предлагаются концептуальные основы этически ответственного применения ИИ в международных и межкультурных взаимодействиях.

Ключевые слова: искусственный интеллект; межкультурный диалог; большие языковые модели; культурная идентичность; алгоритмическая предвзятость; цифровая дипломатия.

Глобализация и цифровизация последних десятилетий коренным образом изменили характер межкультурного взаимодействия. Если прежде посредниками в диалоге культур выступали переводчики, дипломаты, журналисты и учёные, то сегодня эту роль всё активнее берут на себя системы искусственного интеллекта. Языковые модели, машинный перевод, чат-боты и интеллектуальные ассистенты ежедневно обслуживают миллиарды межкультурных контактов – от деловой переписки до политических переговоров.

Актуальность темы определяется стремительным проникновением ИИ в сферы, традиционно считавшиеся прерогативой человека: дипломатию, образование, журналистику, гуманитарное сотрудничество. Цель настоящей статьи – провести комплексный анализ роли ИИ как медиатора межкультурного диалога, выявить ключевые возможности и риски, а также наметить перспективные направления исследований.

1. ИИ как новый субъект межкультурной коммуникации

Понятие «медиатор» в контексте межкультурного диалога традиционно предполагает субъекта, способного не только транслировать, но и интерпретировать смыслы, адаптировать культурные коды и минимизировать коммуникативные сбои. Долгое время считалось, что подобная роль доступна исключительно человеку. Появление больших языковых моделей – GPT-4, Claude, Gemini – существенно пошатнуло эту позицию: обученные на колоссальных

массивах текстов на сотнях языков, они демонстрируют нюансированный перевод, адаптацию стилей общения и распознавание культурных контекстов.

Вместе с тем принципиальное отличие ИИ от человека-медиатора состоит в том, что машинная система не обладает подлинным культурным опытом и действует исключительно на основе статистических закономерностей, извлечённых из данных. Это обусловливает особый характер культурного посредничества, осуществляемого ИИ: оно носит вероятностный, а не интенциональный характер, опирается на усреднённые культурные представления и может давать сбои в нестандартных ситуациях.

В научном дискурсе наметились две противоположные позиции по данному вопросу. Технологические оптимисты рассматривают ИИ как мощный инструмент снижения культурных барьеров, демократизации доступа к информации и создания «культурных мостов» между странами и народами. Критически настроенные исследователи, напротив, акцентируют внимание на рисках культурного империализма, гомогенизации и утраты лингвистического разнообразия под влиянием доминирующих в обучающих данных англоязычных нарративов.

2. Возможности: аргументы в пользу ИИ-медиации

Среди бесспорных преимуществ использования ИИ в межкультурном диалоге выделяется прежде всего масштабируемость. Системы машинного перевода ежедневно обрабатывают сотни миллиардов слов, обеспечивая коммуникацию между носителями языков, которые прежде не имели доступных инструментов взаимодействия. Сервис Google Translate поддерживает свыше 133 языков, включая многие малые и региональные. Подобный охват недостижим для человеческих переводческих служб даже при неограниченном финансировании.

Существенным преимуществом ИИ-медиаторов является также их постоянная доступность и отсутствие эмоциональной усталости. В условиях длительных переговоров, кризисных гуманитарных ситуаций или работы с большим потоком беженцев возможность получить мгновенный перевод и культурные пояснения приобретает критическое значение. ООН и ряд гуманитарных организаций уже апробируют ИИ-инструменты для коммуникации в зонах конфликтов.

Немаловажен образовательный потенциал технологий. Интеллектуальные системы способны обучать иностранным языкам с учётом культурного контекста, моделировать диалоговые ситуации, характерные для разных культур, предупреждать о потенциально некорректных или двусмысленных формулировках. Ряд исследований фиксирует эффективность ИИ-тьюторов в формировании межкультурной компетентности у студентов.

Перспективным направлением является использование ИИ для анализа и деэскалации межкультурных конфликтов. Алгоритмы обработки естественного языка способны выявлять в публичном дискурсе нарративы, способствующие разжиганию розни, и предлагать альтернативные интерпретации, снижающие конфликтный потенциал. Данное направление активно разрабатывается в рамках проектов по цифровой дипломатии и «технологиям мира».

3. Риски: пределы и опасности ИИ-медиации

Наиболее серьёзным риском является проблема алгоритмической предвзятости (algorithmic bias). Языковые модели обучаются на текстовых корпусах, отражающих неравномерное представление различных культур, языков и мировоззренческих систем. По данным ряда исследований, англоязычный контент

составляет более 90% данных, используемых при обучении ведущих LLM. Следствием этого является то, что культурные нормы, ценности и нарративы, преобладающие в западном, преимущественно американском информационном пространстве, закрепляются в модели как «нейтральные» или «универсальные».

Эта проблема проявляется на нескольких уровнях. На лингвистическом уровне модели хуже справляются с идиомами, пословицами, культурно маркированными метафорами языков с меньшим представлением в обучающих данных. На концептуальном уровне такие понятия, как «демократия», «права человека», «семья» или «справедливость», интерпретируются системой в рамках определённой культурной традиции, без учёта существенно различающихся трактовок в иных цивилизационных контекстах. На ценностном уровне ИИ может воспроизводить скрытые предубеждения в отношении определённых народов, религий или культурных практик.

Отдельную угрозу представляет риск культурной гомогенизации. Повсеместное использование ИИ-инструментов, обученных на однородных данных, способно постепенно нивелировать культурное разнообразие, унифицируя стили общения, нормы вежливости и способы выражения смыслов по образцу доминирующей культуры. Данный процесс может быть особенно болезненным для носителей миноритарных языков, видящих в ИИ-медиации ещё один фактор ускорения языковой ассимиляции.

Серьёзной проблемой остаётся непрозрачность механизмов принятия решений в современных нейросетевых системах. В отличие от человека-переводчика или дипломата, которые могут объяснить логику своих интерпретативных выборов, ИИ не способен дать полного обоснования принятого решения. Это создаёт трудности для верификации качества межкультурной медиации и затрудняет корректировку ошибок.

Наконец, существует угроза злоупотребления ИИ-инструментами в деструктивных целях: для генерации дезинформации, направленной против конкретных культурных или этнических групп; для создания персонализированного манипулятивного контента, эксплуатирующего культурно-специфические уязвимости аудитории; для имитации аутентичных культурных голосов в информационных войнах.

4. Перспективы: контуры ответственного ИИ-медиатора

Преодоление выявленных рисков требует комплексного подхода, объединяющего технические, правовые и гуманитарные меры. На техническом уровне приоритетными задачами являются диверсификация обучающих данных за счёт расширения представленности незападных языков и культур; разработка методов аудита и измерения культурной предвзятости моделей; создание механизмов «культурной калибровки», позволяющих адаптировать поведение системы под конкретный культурный контекст.

Перспективным концептуальным направлением представляется разработка принципов «культурно-смиренного ИИ» (culturally humble AI) – систем, которые не претендуют на культурный нейтралитет, а явно сигнализируют о своих ограничениях и потенциальной предвзятости. Такой подход предполагает, что ИИ выступает не автономным арбитром культурных различий, а прозрачным инструментом, дополняющим, но не замещающим человека-медиатора.

На институциональном уровне необходимо формирование международных стандартов для ИИ-систем, используемых в межкультурных коммуникациях.

Принятая в 2021 году Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ заложила принципиальные основы, однако практические механизмы реализации в сфере культурных прав остаются недостаточно проработанными. Важную роль могут сыграть региональные инициативы, учитывающие специфику незападных культурных традиций в управлении технологиями.

Особое внимание следует уделить развитию ИИ-грамотности в контексте межкультурного взаимодействия. Пользователи, полагающиеся на ИИ-инструменты в кросс-культурной коммуникации, должны понимать их природу, ограничения и потенциал для предвзятости. Включение данных тем в программы языкового образования, дипломатической подготовки и профессионального обучения переводчиков становится актуальной задачей.

Возможности ИИ в данной сфере реальны и значительны: масштабируемость, доступность, обучающий потенциал и способность к анализу конфликтных нарративов делают эти технологии ценным ресурсом для глобальной коммуникации. Однако риски – алгоритмическая предвзятость, культурная гомогенизация, непрозрачность и злоупотребления – столь же реальны и требуют системного внимания.

Ключевой вывод состоит в том, что ИИ не может и не должен рассматриваться как самодостаточный медиатор, способный заменить человека в межкультурном диалоге. Его оптимальная роль – дополнять и усиливать человеческое посредничество, обеспечивая скорость, масштаб и аналитическую поддержку при сохранении за человеком ответственности за интерпретативные решения и ценностные суждения.

Перспективы ответственного применения ИИ в межкультурном диалоге определяются готовностью технологического сообщества, государственных институтов и гражданского общества к совместной разработке норм, стандартов и практик, ставящих культурное разнообразие и достоинство человека в центр технологического развития. Данная задача приобретает особую остроту в условиях нарастающей геополитической напряжённости и угроз информационного противостояния, в которых роль надёжного межкультурного медиатора – как человека, так и машины – трудно переоценить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Bender, E. M., Gebru, T., McMillan-Major, A., & Shmitchell, S. (2021). On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of FAccT. ACM. – P. 610–623.

2. Blodgett, S. L., Barocas, S., Daumé III, H., & Wallach, H. (2020). Language (Technology) is Power: A Critical Survey of Bias in NLP // Proceedings of ACL. – P. 5454–5476.

3. Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). Cultures and Organizations: Software of the Mind. – 3rd ed. – New York: McGraw-Hill.

4. Joshi, P. et al. (2020). The State and Fate of Linguistic Diversity and Inclusion in the NLP World // Proceedings of ACL. – P. 6282–6293.

5. Liu, P., et al. (2023). Pre-train, Prompt, and Predict: A Systematic Survey of Prompting Methods in NLP // ACM Computing Surveys. – Vol. 55, No. 9.

6. UNESCO (2021). Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. – Paris: UNESCO.

7. Warschauer, M., & Matuchniak, T. (2010). New Technology and Digital Worlds // Review of Research in Education. – Vol. 34. – P. 179–225.

8. Ялалова Г. И. (2022). Языковые модели ИИ в контексте межкультурной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – № 4. – С. 145–162.
9. Касавин И. Т. (2020). Цифровой разум и гуманитарные науки // Эпистемология и философия науки. – Т. 57, № 3. – С. 6–14.
10. Черных О. П. (2023). Алгоритмы и культура: к проблеме культурной нейтральности систем ИИ // Философские науки. – № 2. – С. 87–103.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEDIATOR OF INTERCULTURAL DIALOGUE - OPPORTUNITIES, RISKS, AND PROSPECTS

D. O. Bashirova
Baku Slavic University
Baku, Azerbaijan, dilber.beshirli@gmail.com

This article examines the possibilities and limitations of using artificial intelligence technologies as a mediator of intercultural dialogue. The key mechanisms of modern language models in the context of cross-cultural communication are analyzed, and the risks of algorithmic bias and cultural homogenization are identified. Conceptual foundations for the ethically responsible use of AI in international and intercultural interactions are proposed.

Keywords: artificial intelligence, intercultural dialogue, large language models, cultural identity, algorithmic bias, digital diplomacy.

УДК 372.881.1

ЭВОЛЮЦИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ: ОТ ЯЗЫКОВЫХ ЛАБОРАТОРИЙ К НЕЙРОСЕТЕВЫМ МОДЕЛЯМ НА БАЗЕ ИИ

Б.Т. Бекджаев
Средняя школа №48
Ашхабад, Туркменистан, b.bekjaev@gmail.com

В статье анализируется эволюция использования компьютерных технологий в обучении иностранным языкам – от ранних языковых лабораторий и мейнфреймов до современных нейросетевых моделей. Рассматривается методический потенциал технологий NLP и NLG для автоматизации подготовки контента, анализа произношения (системы CAPT) и использования корпусной лингвистики в рамках подхода Data-Driven Learning. Автор исследует возможности мультимодальных моделей и систем адаптивного обучения в создании безопасной образовательной среды. Особое внимание уделяется рискам «галлюцинаций» ИИ, проблеме атрофии когнитивных навыков и необходимости сохранения социальной роли педагога как верификатора и наставника в условиях системной цифровизации.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика; искусственный интеллект; NLP; генерация текстов; методика преподавания; нейросети; компьютерная лингводидактика.

The integration of technological tools into the process of foreign language teaching is not a phenomenon exclusive to the 21st century. The initial attempts to utilize computer technology–known as the mainframe era–began as early as the 1960s and 70s. The introduction of computer-based language laboratories, while met with great fervor by pioneering enthusiasts, nevertheless sparked justifiable skepticism among the more conservative members of the pedagogical community [3, p. 2]. Early systems, such as PLATO, were rooted in a behaviorist approach: they offered endless "drill and practice"

exercises which, despite being effective for rote memorization, did little to foster the development of communicative competence.

However, the global proliferation of personal computers at the end of the 20th century stimulated the emergence of new scientific disciplines that were previously unimaginable. Bionics arose at the intersection of biology and engineering, while the symbiosis of computing and philology gave birth to computational linguistics. This discipline radically transformed approaches to foreign language study. Many linguists already recognized then that the computer was not merely a device for arithmetic calculations, but a powerful tool for automating work with massive text corpora, capable of identifying patterns invisible to the human eye.

Today, the advancements in computational linguistics have become an integral part of everyday life. Machine Translation (MT) systems include giants such as Google Translate and Yandex Translate, which process billions of characters daily. The DeepL service deserves particular attention; it operates on the basis of convolutional neural networks, ensuring high stylistic accuracy in translation. Voice assistants–such as Siri, Alexa, and Alisa–have become the first mass-market conduits for Artificial Intelligence (AI) technologies in everyday communication.

As researcher K.K. Boyarsky notes, the primary vectors of computational linguistics are natural language text analysis (comprising both surface and deep syntactic analysis) and speech synthesis. While early programs were restricted by rigid rule-based approaches, today's landscape is dominated by probabilistic models [1, p. 5].

Computational linguistics today is the "engine" that transforms soulless program code into an empathetic interlocutor. At the heart of this process lie two fundamental technologies:

NLP (Natural Language Processing): These are the "ears" and "eyes" of artificial intelligence. This technology is responsible for converting chaotic human language into structured data. When an email service sends a message to "Spam" or a banking app recognizes a fund transfer command, NLP is at work. The algorithm performs tokenization and lemmatization, identifies parts of speech and word relationships, and transforms text into mathematical vectors within a multidimensional space. **NLG (Natural Language Generation)**: This is the "voice" of the machine. The technology works in reverse, converting data into coherent text. Modern NLG systems, such as those based on transformer architectures (GPT-4, Gemini), have moved far beyond canned responses. They are capable of constructing complex narrative logic, maintaining a conversation's context window, and adapting their style to the user.

The real breakthrough occurs when these two are combined. Within a chatbot, NLP deconstructs the request to extract the "intent," while NLG constructs a unique response. It is precisely this tandem that blurs the line between human and machine.

At the beginning of the 21st century, with the advancement of generative AI, the digitalization of education reached a qualitatively new level, often referred to as the "Intelligent CALL" (Computer-Assisted Language Learning) stage. AI assistants process millions of requests daily, continuously improving through Reinforcement Learning from Human Feedback (RLHF) mechanisms.

The use of computational linguistics in education is not a matter of replacing the teacher; rather, it is about the emergence of a universal digital assistant that serves as both a native speaker and a methodologist simultaneously. Let us examine the key scenarios for the application of these technologies by educators. Lesson preparation often takes more time than the actual teaching. AI allows for the optimization of this

process. A teacher can take a current article from the BBC or CNN that is too difficult for students to digest and prompt the neural network: *"Rewrite this text for an A2 (Elementary) level, preserving the core meaning but using high-frequency vocabulary and simplified grammatical structures.* Instead of relying on outdated textbooks, an educator can generate exercises to practice the *Present Perfect* that are thematically aligned with the class's interests (e.g., "Harry Potter" or "Esports"). A prompt might look like this: *"Compose 10 sentences about 'Travel' using the Present Perfect and format them as a gap-fill exercise."*

When discussing computer technology, one cannot ignore corpus linguistics. While generative AI creates new texts, corpus tools analyze existing bodies of real-world speech (corpora) numbering in the billions of words. Using corpus managers (like Sketch Engine) or open corpora (BNC, COCA) opens the door to evidence-based pedagogy. Instead of relying on intuition, a teacher can verify word compatibility (**collocations**). For example, concordance technology allows a user to see a word in hundreds of real contexts. This shifts the paradigm: the student becomes a language researcher (**Data-Driven Learning**), independently deriving rules based on examples rather than rote memorization.

The development of **CAPT** (Computer-Assisted Pronunciation Training) systems has been a revolutionary step. These are based on **ASR** (Automatic Speech Recognition) technologies. Modern algorithms do not just "hear" speech; they perform phonemic analysis, comparing the student’s pronunciation with reference models. Platforms like ELSA Speak or built-in functions in language apps provide instant feedback. They visualize errors, showing exactly where intonation was off or vowel length was incorrect. This is critically important for developing phonetic skills, as a teacher in a class of 20 people cannot physically correct every student’s pronunciation every minute.

The most recent significant breakthrough in the field of AI is the **multimodality** of neural networks. Modern models (GPT-4o, Gemini) are capable of simultaneously perceiving text, audio, and images. This opens new methodological horizons:

Visual Learning: A student can take a photo of an object (for example, the contents of their refrigerator) and ask the AI to draft a recipe in the target language.

Video Interaction: AI is capable of analyzing video clips, identifying idioms, explaining cultural references, and generating **comprehension check** questions in real time.

The use of computer technology in the 21st century has become a mandatory requirement, as modern students quickly lose interest in a subject without audiovisual materials. AI helps solve one of the main problems of traditional learning: the language barrier and the fear of making mistakes. When interacting with a chatbot, a student does not experience the psychological pressure inherent in human communication. A bot will not judge an error, nor will it tire of explaining the same rule for the tenth time. This lowers the so-called "affective filter" (according to S. Krashen), creating a safe environment for linguistic experimentation.

By analyzing task results, AI assistants are capable of accounting for individual learning styles. Adaptive Learning Systems build personal trajectories: if a student has not mastered the topic of "Articles," the system will discreetly return them to this material through new contexts, utilizing spaced repetition algorithms.

Despite the obvious advantages, techno-optimism should remain tempered. The use of AI is associated with several serious challenges.

Firstly, there is the issue of reliability. Language models are probabilistic rather than factual knowledge bases. The phenomenon where a chatbot generates plausible but false information is known as "hallucination." A bot can invent a non-existent rule, idiom, or historical fact while remaining absolutely confident in its accuracy. In the context of language learning, this is dangerous: beginner students (A1-B1) are unable to critically evaluate the machine's response due to its grammatical coherence and persuasiveness. Here, the teacher's role becomes that of a filter and verifier.

Secondly, there is a risk of cognitive skill atrophy. If a student uses AI to write essays or translate texts without attempting independent comprehension, the learning process grinds to a halt. The educator's task is to shift the focus of assignments from the result (the written essay) to the process (discussing arguments, editing AI-generated text).

Thirdly, the complete replacement of the educator is impossible, as language is a social tool. A foreign language lesson requires the creation of an empathetic environment and emotional contact in which the student feels comfortable developing [3, p. 18]. Irony, humor, cultural nuances, and support in moments of failure are things that remain inaccessible even to the most advanced algorithms.

In conclusion, it can be stated that the primary vector for the development of the modern educational system is the systemic integration of digital technologies into the learning process [2, p. 22]. We have moved from the stage of using the computer as a "typewriter" to a stage of partnership with artificial intelligence.

Computational linguistics has provided educators with a powerful toolkit: from NLP text analyzers to multimodal generative models. These technologies allow for personalized learning, provide instant feedback, and remove psychological barriers. However, the teacher today is not merely a transmitter of textbook knowledge, but a mentor possessing digital literacy. They must teach not only the language itself but also how to use AI for self-development, how to verify information, and how to maintain critical thinking in the era of digital surrogates. The future of linguistic education lies not in the competition between human and machine, but in their competent, synergistic interaction.

The classroom configuration, consisting of desks where students sit before an instructor writing on a chalkboard, is now an outdated image of the past. Nevertheless, there is no doubt that the presence of a physical teacher and students in direct contact remains vital to the educational process, as briefly discussed above [2 c. 22]. It is within the classroom setting that students and teachers collaboratively facilitate the understanding of ideas, tasks, and skills presented in a specific lesson through an interactive format. In such a learning environment, students practice active listening, the interpretation of meaning, and the identification of common ground while engaging in dialogue or collaborative exercises. These objectives cannot be achieved through a machine alone, regardless of its level of intelligence.

To put it simply, humans are inherently social beings, whereas machines are not; consequently, social interaction remains a prerequisite for authentic learning to occur.

With the emergence of language laboratories, foreign language instruction first converged with technology in an attempt to resolve the dilemma of language acquisition within a formal environment. This was followed by Computer-Assisted Language Learning (CALL) pedagogy, which integrated computers into foreign language teaching. With the advent of AI, a third revolution is well underway. The question of

whether AI can truly ensure successful foreign language acquisition in a formal setting remains, ultimately, a subject of debate.

Technology augments human capabilities in various ways: physically (the wheel extends the foot's capacity for mobility), intellectually (the alphabet enhances the effective collection of knowledge), symbolically (numerical systems expand counting capabilities), mechanically (the printing press scaled the use of writing), and mnemonically (the computer allows for the storage of more information than a single brain can contain), among others. As new and more powerful technologies are invented, we simultaneously transform the ways in which we acquire knowledge, perceive the world, transmit information, and engage in social interaction. In previous eras, the printed book served as the primary tool for commerce and education–an instrument that individuals learned to use effectively and efficiently for a variety of reasons. It also formed the foundation of how information was accessed and knowledge was internalized. As the Gutenberg era gave way to the electronic age, and now to the age of artificial intelligence, the tools for knowledge production and communication have shifted, as has our self-perception and, notably, our conception of the physical body.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Боярский, К. К. Введение в компьютерную лингвистику : учебное пособие / К. К. Боярский. – СПб. : НИУ ИТМО, 2013. – 72 с.

2. Титова, С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика / С. В. Титова. – М. : Эдитус, 2017. – 248 с.

3. Danesi, M. AI in foreign language learning and teaching: theory and practice / M. Danesi. – New York : Nova Science Publishers, Inc., 2024. – 147 p.

EVOLUTION OF COMPUTER-ASSISTED LANGUAGE LEARNING: FROM LANGUAGE LABS TO AI-POWERED NEURAL MODELS

B.T. Bekjayev

Secondary School No. 48,

Ashgabat, Turkmenistan, b.bekjaev@gmail.com

The article analyzes the evolution of computer technology in foreign language teaching– from early mainframe-based language laboratories to modern generative artificial intelligence. It examines the pedagogical potential of NLP and NLG technologies for content automation, pronunciation analysis (CAPT systems), and the integration of corpus linguistics through Data-Driven Learning. The author explores the capabilities of multimodal models and adaptive learning systems in fostering a secure educational environment. Special attention is paid to the risks of AI "hallucinations," the potential atrophy of cognitive skills, and the imperative of maintaining the educator's social role as a mentor and verifier within the framework of systemic digitalization.

Keywords: computational linguistics; artificial intelligence; NLP; natural language generation; teaching methodology; neural networks; computer-assisted language learning (CALL).

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕСТОВ

И.В. Боровикова
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, irbor@bsu.by

В статье рассматривается применение генеративных моделей ИИ (Perplexity, DeepSeek, ChatGPT) для подготовки лексико-грамматических тестов студентам неязыковых специальностей (A2-B1). Предложена трёхэтапная стратегия: генерация материала, создание заданий с дистракторами, выстраивание логики теста. Приведены примеры промптов.

Ключевые слова: генеративный ИИ; лексико-грамматические тесты; промпт-инжиниринг; дистракторы, неязыковой вуз.

Подготовка лексико-грамматических тестов для студентов неязыковых специальностей – процесс, знакомый каждому преподавателю английского языка. Составление тестов в соответствии с требованиями методической науки – трудоёмкая работа: необходимо разработать спецификацию, отобрать аутентичный материал, создать правдоподобные дистракторы, соблюсти уровневое соответствие (B1 – не B2 и не A2) и выстроить логическую последовательность заданий. Всё это требует времени, причём без учёта последующего анализа и корректировки по итогам апробации.

С появлением доступных генеративных моделей (Perplexity, DeepSeek, ChatGPT и др.) у многих возникла надежда на существенное ускорение этой работы. И действительно: на черновую подготовку с использованием ИИ уходит заметно меньше времени – некоторые онлайн‑инструменты генерируют тесты за минуты. Однако чуда ждать не стоит: качественный тест сам по себе не напишется, хотя рутинные операции ИИ заметно сокращает.

Чтобы работа с ИИ была действительно эффективной, целесообразно выделить три последовательных этапа составления теста. Первый этап посвящён содержательной основе: спецификации и генерации языкового материала. Второй – созданию самих заданий и правдоподобных дистракторов. Третий – выстраиванию логики теста, порядка заданий и их баланса. Такое разделение позволяет не «перегружать» один промпт и на каждом этапе сохранять контроль преподавателя над ключевыми методическими решениями, решая возникающие проблемы точечно.

Этап первый: разработка спецификации и генерация материала

На этапе разработки структуры теста важно определить цели и задачи конкретного теста. Всё это фиксируется в спецификации теста – документе, который описывает цели, формат, содержание и критерии оценки [4]. Слово «спецификация» не должно пугать составителя: это просто ответ на вопрос «для кого и для чего пишется тест». Написание спецификации – дело преподавателя. Только после этого к работе «подключается» ИИ, получая промпт с обязательными параметрами: тема (например, «условные предложения»), уровень владения (B1), профессиональная специализация (географы).

Пример промпта на этом этапе:

«Создай текст на тему Urbanization (200 слов) для студентов-географов уровня B1. Включи по 2–3 предложения zero, first, second и third conditionals (всего 10). Используй лексику: urban sprawl, urban heat island, congestion, density*.»

*Примечание: лексический блок приведён в сокращении; в полной версии промпта список терминов может быть расширен в зависимости от учебных задач.

На выходе мы получаем текст или отдельные предложения по оговорённой теме с глаголами в нужной грамматической форме. Этот этап важен, потому что материал должен выглядеть аутентичным и звучать естественно. Самостоятельный поиск и адаптация такого материала под учебные задачи занимает много времени. Обращаясь к ИИ, можно быстро сократить, расширить или упростить текст, а также «напитать» его заданной лексикой и грамматикой.

ИИ пишет черновик, который остаётся лишь подправить. Но подправлять приходится почти всегда. Типичные ошибки: лексика выходит за рамки программы (ИИ вставляет слова, которых студенты не знают), или предложения допускают два варианта ответа. Качество совместной работы растёт постепенно: некоторые модели (например, ChatGPT) запоминают предпочтения в памяти аккаунта, а преподаватель лучше понимает логику ответов ИИ. Правило: текст, полученный от ИИ, всегда рассматривается как черновой вариант.

Этап второй: создание заданий и дистракторов

Возможность автоматической генерации дистракторов привлекает всё большее внимание разработчиков тестов, о чём свидетельствуют, в частности, исследования последних лет [1]. ИИ быстро и почти без ошибок превращает предлагаемый текст в задание типа «Open the brackets / Put the verbs in the correct form». С заданием на множественный выбор риск ошибок выше. Да, ИИ моментально выдаёт варианты multiple‑choice, но предложенные им дистракторы часто критикуют за их «непривлекательность» для студентов (то есть дистракторы оказываются нерабочими). Часто такая критика несправедлива, поскольку проблема заключается в промпте.

Если ошибки ИИ вызваны низким качеством входного запроса, логично спросить: как выглядит хороший промпт? Разберём шесть критериев на примере создания тестов.

Цель теста – промпт должен начинаться с ответа на вопрос «Зачем?»

Составляем ли мы тест для самоконтроля студентов после занятия, промежуточный тест достижений, экзаменационный или зачётный тест?

Предметная конкретность – чётко указываем грамматическую тему, объём, типы заданий, исключения. Например: «Три времени: Present, Past, Future. Без пассивного залога. 20 вопросов: 10 multiple‑choice, 10 gap‑fill».

Аудиторный контекст – специальность, курс, уровень, профессиональная лексика. Например: «Студенты‑географы, 1 курс, A2. Лексика: explore, route, discovery, convert, expedition».

Формат предъявления – это не о содержании, а об интерфейсе теста.

Бланковый (бумажный) или цифровой? С отдельным листом ответов или с полями для ввода? Например: «Бумажный бланк. Отдельный лист ответов обязателен, поля для вписывания ответов в бланк заданий не включены».

Эталонные примеры – один-два идеальных пункта теста в нужном стиле помогают ИИ лучше понять требуемый формат и логику, дополняя словесные описания. Например: «Вот как должны выглядеть мои задания: The river 1.___

(flow) into the Black Sea every spring. → 1. flows. Geologists 2. ___ (already / map) the fault line. → 2. have already mapped».

Ограничения и запреты – чёрный список. Например: «Не используй вариант "all of the above", слова выше A2 (например, subduction). Избегай вопросов, где правильны два варианта».

Что касается назначения роли ИИ («Ты – опытный преподаватель...»): в простых задачах («напиши 5 предложений на Conditional 2») роль ничего не меняет. Но она помогает, когда задача сложная и многокомпонентная (тест из нескольких частей + спецификация + ключ) или когда нужен определённый стиль (строгий академический или дружелюбный). Главное правило: примеры и ограничения важнее роли.

Рекомендуемый шаблон промпта:

«Составь тест по теме [узкая тема] для [аудитория, уровень]. Формат: [типы вопросов, их количество]. Пример хорошего задания: [ваш пример]. Запрещено: [что исключить]. Выдай в формате: [нумерованный список / таблица]».

Пример готового промпта (лексико‑грамматический тест для студентов-географов уровня B1):

«Составь лексико‑грамматический тест для студентов‑географов 2 курса, уровень B1. Темы лексики: Natural Resources, Natural Hazards, Global Warming; грамматический материал: модальные глаголы, выражающие вероятность и предположение. Формат: 10 пунктов в формате multiple‑choice, 10 пунктов в формате open the brackets, 10 пунктов в формате spot and correct the mistakes. Каждый пункт – короткое предложение (10–14 слов) на одну из трёх тем. Пример хорошего задания: "Strong evidence suggests that the Antarctic ice sheet ___ more extensive in the past." A) must have been, B) might have been, C) could have been, D) should have been. Правильный ответ: A. Требования: Дистракторы должны быть правдоподобными, но не обманчивыми для уровня B1; не используй вариант "all of the above"; все предложения – на лексике не выше B1; в конце дай ключ и краткое пояснение к каждому правильному ответу (одно предложение)».

Этап третий: логика и структура теста

После того как материал и задания сгенерированы, наступает этап выстраивания логики теста. Структура теста ясна уже на этапе написания спецификации: мы идём от простого к сложному, от заданий закрытого типа (студент выбирает ответ из готовых вариантов) к заданиям открытого типа (студент генерирует ответ самостоятельно). Но ИИ может помочь логичнее распределить вопросы по сложности, перемешать их и проверить корректность инструкций. То есть при том, что исходная структура задаётся на первом этапе, на заключительном этапе проходит её контроль и коррекция.

Пример промпта на этом этапе:

«Перемешай эти 10 заданий, распредели их по возрастанию сложности. Убедись, что темы чередуются: hazards → resources → warming».

Распределение задач: кто за что отвечает

Этап	Роль ИИ	Роль преподавателя	Пример промпта
1. Материал	Генерация текста по промпту	Определение темы, лексики, грамматики и уровня	«Напиши 10 предложений на тему Urbanisation для географов B1, с лексикой: sprawl, congestion, heat island. Используй Conditional 2»
2. Задания и дистракторы	Черновые multiple‑choice и gap‑fill	Редактирование дистракторов	«Сгенерируй 10 вопросов с выбором ответа (multiple‑choice) по теме "Природные ресурсы". Отрабатываемая грамматика – модальные перфекты (must have done / might have done). Все дистракторы должны быть даны исключительно в перфектной форме»
3. Логика теста	Перемешивание, черновое распределение по сложности	Окончательное упорядочение заданий, баланс, инструкции и финальная проверка	«Перемешай 10 заданий, распредели их по возрастанию сложности»

При работе с ИИ для составления тестов важно ставить жёсткие рамки в запросе. Детальное описание задания экономит время на доработку. Любой сгенерированный тест следует проверять по четырём направлениям: языковая корректность, правдоподобность дистракторов, отсутствие двусмысленных формулировок, а также соответствие заявленному уровню (ИИ часто завышает сложность лексики и грамматики). Не стоит использовать только одну нейросеть – иногда полезно показать один и тот же запрос разным моделям. Подобный подход, реализованный для среды Moodle, уже показал свою эффективность [2]. И последнее: накапливайте удачные промпты, со временем это превратится в удобную подборку шаблонов. Как показано в работе О. С. Плохотнюк, именно накопление и рефлексивный анализ опыта взаимодействия с чат-ботами способствуют формированию у педагогов осознанных стратегий промпт-инжиниринга [3]. При соблюдении описанной трёхэтапной стратегии и обязательной пост-редактуры качество тестов не уступает традиционным, а время подготовки значительно сокращается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дагаев А.Е. Искусственный интеллект в задаче генерации дистракторов для тестовых заданий // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2025. Т. 13, № 2(49). DOI: 10.26102/2310-6018/2025.49.2.028.

2. Курочка К.С., Башаримов Ю.С. Нейросетевая модель автогенерации тестов для студентов в системе Moodle на основе анализа методических материалов // Цифровая трансформация. 2025. Т. 31, № 3. С. 66–75.
3. Плохотнюк О. С. Особенности разработки вариативных тестовых заданий с использованием чат-бота с искусственным интеллектом ChatGPT в обучении будущих педагогов иностранному языку // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». 2023. № 3 (65). С. 107–115.
4. Hughes A. Testing for Language Teachers. 2nd ed. Cambridge University Press, 2002.

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DEVELOPING GRAMMAR AND VOCABULARY TESTS

I.V. Borovikova
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus, irbor@bsu.by

The article examines the use of generative AI models (Perplexity, DeepSeek, ChatGPT) for preparing grammar and vocabulary tests for non-linguistic students (A2–B1). A three-stage strategy is proposed: generating material, creating items with distractors, and establishing test logic. Examples of prompts and a task table are provided.

Keywords: generative AI; grammar and vocabulary test; prompt engineering; distractors, non-linguistic students.

УДК 81'23:004.8

ШАБЛОННОСТЬ РАЗВИТИЯ МЫСЛИ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ТЕКСТА, СГЕНЕРИРОВАННОГО ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Л.А. Грицай
Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия, usan82@gmail.com

Статья посвящена исследованию шаблонности развития мысли как одной из ключевых характеристик текста, сгенерированного ИИ. Рассматриваются композиционные, семантические и стилистические особенности нейросетевых текстов, связанные с предсказуемостью аргументации, повторяемостью смысловых моделей и отсутствием индивидуализированной речевой динамики. Особое внимание уделяется сопоставлению авторского и машинного письма, а также анализу публикаций социальных сетей, имитирующих эмоциональную глубину и жизненную достоверность при помощи устойчивых речевых паттернов и алгоритмически воспроизводимых культурных клише.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросетевой текст, шаблонность мышления, развитие мысли, медиадискурс, авторский текст, речевые паттерны, цифровая филология, массовая коммуникация.

Развитие технологий искусственного интеллекта привело к радикальному изменению современной коммуникативной среды, внутри которой тексты, созданные нейросетями, постепенно перестают восприниматься как исключительно технический эксперимент и становятся частью повседневного медиапространства, образовательной практики и цифровой культуры. В социальных сетях, интернет-СМИ и различных онлайн-сообществах появляются публикации, полностью или частично сгенерированные алгоритмами, причем подобные тексты все чаще

маскируются под авторское письмо, имитируя эмоциональность, психологическую достоверность и индивидуальную интонацию. Однако, несмотря на высокий уровень языковой грамотности и композиционной связности, значительная часть подобных текстов распознается читателями интуитивно как «искуссвенные». И это ощущение искусственности связано не столько с наличием ошибок, сколько со спецификой организации самой мысли внутри текста: нейросетевое письмо нередко характеризуется чрезмерной гладкостью, предсказуемостью смысловых переходов, повторяемостью эмоциональных конструкций и отсутствием подлинной интеллектуальной динамики, которая обычно присутствует в живом человеческом произведении.

Актуальность исследования определяется стремительным распространением текстов, созданных ИИ, а также необходимостью разработки филологических критериев их анализа и распознавания. Современная гуманитарная наука все активнее обращается к проблеме взаимодействия человека и алгоритма в пространстве языка, поскольку нейросетевые технологии оказывают влияние не только на способы производства текста, но и на само восприятие авторства, речевой индивидуальности и культурной коммуникации, поэтому целью настоящего исследования является выявление и анализ шаблонности развития мысли как одной из ключевых характеристик текста, сгенерированного ИИ, а также определение композиционных, семантических и стилистических признаков, отличающих нейросетевое письмо от авторского текста.

Методологическую основу исследования составляют принципы филологического, дискурсивного и лингвостилистического анализа текста, ориентированные на изучение взаимосвязи между языковой формой и особенностями организации мышления. В качестве основных методов используются структурно-семантический анализ, сравнительно-стилистический анализ, элементы дискурс-анализа, а также метод интерпретации речевых паттернов. Материалом исследования стали публикации социальных сетей, с высокой вероятностью созданные при помощи генеративных нейросетей, в частности тексты сообщества «Жизненно» в социальной сети «ВКонтакте». Особое внимание уделяется анализу композиционной организации текстов, характеру аргументации, повторяемости смысловых моделей и особенностям эмоционального воздействия на читателя.

Как уже отмечалось нами выше, в последние годы тексты, созданные при помощи ИИ, стали неотъемлемой частью цифровой коммуникации. Особенно заметным это стало в социальных сетях и интернет-СМИ, где скорость производства контента нередко оказывается важнее его содержательной глубины.

Как отмечают Е.В. Горина и С.М. Уфимцева, «текст, созданный ИИ, лишен эмоциональности и индивидуальности. Он содержит шаблонные фразы, смысловые повторы, имеет четкую структуру» [3]. Данное наблюдение представляется особенно важным для филологического анализа, поскольку речь идет не просто о технических характеристиках текста, а о специфике организации мысли внутри речевого произведения.

Современный читатель, несмотря на развитие цифровых технологий, продолжает воспринимать текст как форму общения с другим человеком. Именно поэтому авторский текст обычно ценится не только за информативность, но и за наличие индивидуального интонационного стиля, неожиданного ассоциативного хода, субъективной оценки, эмоционального напряжения или даже речевых несовершенств, которые создают эффект живого мышления. В человеческом тексте

мысль развивается неравномерно: автор может отклоняться от первоначального тезиса, возвращаться к ранее сказанному, допускать интонационные скачки, менять ритм повествования, использовать неполные конструкции или намеренно нарушать композиционную симметрию ради выразительности. Текст искусственного интеллекта, напротив, чаще всего демонстрирует линейное движение мысли, подчиненное алгоритмической логике последовательного развертывания темы.

Е.А. Юрова и Н.Н. Оломская подчеркивают, что респонденты, участвовавшие в исследовании медиадискурса, отмечали среди признаков нейросетевых текстов «чрезмерное наполнение текста терминами, лексические повторы, а также все виды языковых ошибок, включая грамматические, орфографические, логические и фактические» [5, с. 312]. Особенно показательно здесь сочетание терминологической насыщенности с семантической бедностью: текст может выглядеть убедительно на формальном уровне, однако при внимательном чтении оказывается, что одна и та же мысль многократно воспроизводится в слегка измененных формулировках.

На наш взгляд, подобная особенность непосредственно связана с шаблонностью развития мысли.

Шаблонность в данном случае следует понимать не только как повторяемость языковых конструкций, но и как воспроизводимость самой логики рассуждения, когда текст строится по заранее предсказуемой модели: формулировка тезиса, перечисление аргументов, промежуточный вывод, затем переход к следующему тезису. Внутри такой структуры практически отсутствует интеллектуальная импровизация, свойственная человеческому мышлению. Искусственный интеллект стремится к композиционной завершенности и логической гладкости, тогда как человеческая мысль часто развивается ассоциативно, нелинейно и эмоционально. Именно эта чрезмерная гладкость нередко становится главным признаком машинного текста.

П.Д. Асманова, А.В. Поначугин и И.А. Галкин отмечают, что тексты ИИ «характеризуются предсказуемостью синтаксиса и отсутствием эмоциональной вариативности» [1, с. 118], в частности, авторы подчеркивают, что даже при высокой грамотности подобные тексты сохраняют внутреннюю однотипность, поскольку алгоритм стремится минимизировать речевые отклонения и вероятностные ошибки. В результате возникает парадоксальная ситуация: текст формально соответствует нормам научного или публицистического стиля, но воспринимается читателем как лишенный авторской индивидуальности.

Следует отметить, что шаблонность развития мысли проявляется на разных уровнях текста.

Так, на композиционном уровне она выражается в однотипном построении абзацев. Например, значительное число текстов ИИ строится по схеме: «во-первых», «во-вторых», «таким образом», причем подобная логическая сегментация сохраняется практически независимо от темы. На синтаксическом уровне наблюдается стремление к однотипным развернутым конструкциям с нейтральной модальностью: «следует отметить», «необходимо подчеркнуть», «важную роль играет». На семантическом уровне возникает эффект циклического повторения одной мысли в различных вариациях. Так, вместо развития аргумента текст многократно возвращается к исходному тезису: «искусственный интеллект активно используется в современном обществе», «технологии ИИ становятся все более востребованными», «в настоящее время роль искусственного интеллекта возрастает». Формально предложения различаются, однако их смысл практически идентичен.

Человеческий текст обычно устроен иначе. Даже научное рассуждение, ориентированное на логичность и доказательность, сохраняет элементы индивидуального интеллектуального движения. Автор может неожиданно изменить направление аргументации, включить личное наблюдение, использовать метафору, полемический вопрос или интонационный контраст. Именно подобные отклонения от речевого стандарта создают эффект присутствия живого субъекта речи. В текстах ИИ такие элементы либо отсутствуют, либо воспроизводятся механически, как имитация выразительности.

И.А. Вейс, исследуя критерии распознавания текстов искусственного интеллекта, указывает на существование устойчивых «паттернов применения искусственного интеллекта при создании текстов» [2, с. 1034]. Исследователь подчеркивает, что алгоритмы генерации ориентированы на статистически наиболее вероятные языковые модели, вследствие чего текст становится предсказуемым не только лексически, но и концептуально. Иначе говоря, нейросеть воспроизводит наиболее типичные способы развития темы, избегая неожиданных смысловых переходов и нестандартных логических решений.

Подобная предсказуемость напрямую влияет на читательское восприятие, ведь когда человек читает авторский текст, он вовлекается в процесс соразмышления, поскольку развитие мысли содержит элементы неопределенности и интеллектуального риска. В случае текста ИИ читатель достаточно быстро начинает прогнозировать дальнейшее движение рассуждения. Отсюда возникает ощущение монотонности и «скользящего чтения», о котором пишут Е.В. Горина и С.М. Уфимцева [3]. Глаз действительно «не цепляется» за текст, поскольку внутри него отсутствуют речевые шероховатости, неожиданные образные решения или индивидуальные интонационные акценты.

Интересно, что даже попытки нейросетей имитировать человеческую речь часто лишь усиливают ощущение искусственности. Например, алгоритм может вставлять риторические вопросы или эмоционально окрашенные конструкции, однако они нередко оказываются композиционно необязательными и воспринимаются как заранее запрограммированные элементы. В результате возникает своеобразный эффект псевдоэмоциональности: текст формально демонстрирует признаки субъективности, но не создает ощущения подлинного переживания или внутреннего интеллектуального поиска.

Анализируя внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду, необходимо обратить внимание на риск «сокращения возможностей личностного взаимодействия преподавателей со студентами» [4, с. 90]. Данное замечание можно интерпретировать значительно шире, поскольку проблема касается не только педагогики, но и самой природы коммуникации: если текст перестает быть пространством личностного присутствия автора, то коммуникация постепенно превращается в обмен стандартизированными информационными блоками.

Таким образом, шаблонность развития мысли следует рассматривать как одну из ключевых филологических характеристик текста, созданного искусственным интеллектом. Она проявляется в линейности аргументации, предсказуемости композиции, повторяемости синтаксических моделей, семантической цикличности и отсутствии индивидуализированной речевой динамики. Именно поэтому даже качественно сгенерированный текст нередко воспринимается читателем как «неживой». Его основная особенность заключается не в уровне грамотности, а в специфическом способе организации мышления внутри текста, при котором речевое

движение оказывается слишком ровным, логически выверенным и лишенным естественной человеческой непредсказуемости.

Для подтверждения данного наблюдения, нами был проведен филологический анализ текстов, сгенерированных ИИ. Материалом для анализа стали публикации сообщества «Жизненно» во «ВКонтакте»)[1], аудитория которого превышает 619 тысяч подписчиков. Сам паблик позиционируется как пространство «реальных историй», связанных со «странными совпадениями», «шокирующими происшествиями», «неожиданными поворотами судьбы» и «трогательными моментами», однако проведенный анализ показывает, что перед нами типичный пример массового контента, созданного при помощи генеративных моделей ИИ и рассчитанного на быстрое эмоциональное потребление. На искусственное происхождение текстов указывают как результаты ИИ-детекции, показавшие высокую вероятность машинной генерации, так и визуальный и филологический анализ публикаций.

Особенно показательным является тот факт, что искусственность канала проявляется комплексно. Сгенерированными выглядят не только тексты, но и изображения, сопровождающие публикации: они обладают характерной «глянцевой» фактурой, избыточной кинематографичностью, чрезмерной эмоциональной экспрессией лиц и типичной для нейросетей псевдофотореалистичностью. При этом сами истории строятся по однотипной модели: драматическая завязка, эмоциональное усиление, псевдофилософское обобщение и финальная «сильная» фраза, призванная вызвать у читателя ощущение глубины. Подобная структура делает тексты внешне выразительными, однако при внимательном чтении обнаруживается их содержательная поверхностность и композиционная предсказуемость.

В этом смысле канал представляет особый интерес для филологического исследования: с одной стороны, он демонстрирует высокую эффективность искусственного контента в условиях массовой интернет-коммуникации, поскольку публикации собирают большое количество просмотров и комментариев; с другой стороны, тексты паблика позволяют проследить устойчивые признаки шаблонного развития мысли, характерные именно для нейросетевой генерации. Значительная часть аудитории действительно не распознает искусственное происхождение подобных историй, поскольку тексты имитируют эмоциональность, жизненный опыт и психологическую достоверность. Однако эта имитация строится на использовании стереотипных моделей восприятия.

Для анализа нами был выбран текст о Марине Цветаевой, опубликованный в сообществе, назывался этот пост «Марина Цветаева не умела любить вполсилы»[2].

Данный текст представляется показательным, поскольку он демонстрирует сразу несколько характерных признаков нейросетевого письма: шаблонность композиции, псевдоэмоциональную глубину, эксплуатацию культурного мифа и отсутствие подлинного развития мысли. Внешне публикация производит впечатление психологически выверенного размышления о личности известной поэтессы, однако филологический анализ показывает, что текст построен преимущественно на повторении готовых эмоциональных конструкций и общеизвестных представлений о Цветаевой.

---

[1] Жизненно : сообщество ВКонтакте –URL: https://vk.com/orealno (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Марина Цветаева не умела любить вполсилы – URL: https://vk.com/orealno?w=wall-27901440_344251 (дата обращения: 14.04.2026).

В качестве критериев анализа были выделены следующие параметры: предсказуемость композиционного построения, повторяемость смысловых моделей, отсутствие интеллектуального углубления темы, использование универсальных эмоциональных формул, а также имитация философского вывода без реального развития аргументации. Особое внимание уделялось тому, каким образом в тексте организовано движение мысли и возникает ли у читателя ощущение живого авторского присутствия.

Уже начало публикации демонстрирует типичную для ИИ-стратегию искусственного эмоционального вовлечения читателя.

Фраза «Про Цветаеву часто хочется рассказывать через красивый символ: кольцо, пояс, записку, жест» создает эффект культурной осведомленности и психологизма, однако далее текст не развивает ни один из заявленных образов как полноценный смысловой мотив. Символы перечисляются лишь для создания атмосферы «глубины». Нейросеть использует узнаваемые культурные маркеры серебряного века, но не предлагает их интерпретации. Мысль не движется вперед, а постоянно воспроизводит одну и ту же эмоциональную формулу: Цветаева любила «сильно», «резко», «без скидок», «без половины сердца».

Подобное накопление эмоционально окрашенных характеристик является важным признаком шаблонности.

Текст не анализирует личность Цветаевой, ее поэтику или биографические противоречия, а многократно варьирует один и тот же тезис о «роковой любви». Например, конструкции «любовь почти роком», «разлука почти катастрофой», «верность не спокойствием, а внутренним напряжением» построены по одинаковой синтаксической модели. Перед читателем возникает не развитие мысли, а ритмическое повторение заранее заданной интонации. Нейросеть создает иллюзию психологической глубины за счет эмоционального параллелизма.

Особенно показательно использование псевдофилософских обобщений.

Фраза «такие люди не умеют любить “для жизни”» выглядит как вывод, однако фактически представляет собой универсальную сентенцию, которую можно применить практически к любому романтизированному персонажу массовой культуры. Аналогичным образом функционирует и финальная конструкция: «не вещь, которую можно снять, а чувство, которое даже время не умеет носить аккуратно». Подобные фразы создают эффект афористичности, но при этом лишены конкретного содержательного наполнения. Они существуют прежде всего как эмоциональные клише.

Следует обратить внимание и на характер аргументации. ИИ постоянно имитирует аналитическое движение при помощи конструкций «в этом, наверное, вся Цветаева», «поэтому история Цветаевой цепляет», «в этом есть что-то очень страшное и очень большое», однако сами переходы между тезисами не содержат нового смысла. Каждая новая часть текста лишь эмоционально переформулирует предыдущую. Возникает характерная для нейросетевого письма цикличность, при которой мысль движется не вперед, а по кругу.

Показательно и обращение к культурным источникам. В тексте используются реальные цитаты Цветаевой и упоминается Ариадна Эфрон, однако эти элементы выполняют исключительно декоративную функцию. Они нужны не для анализа личности поэта, а для создания эффекта интеллектуальной достоверности. Нейросеть комбинирует общеизвестные факты, эмоциональные характеристики и литературные

ассоциации, формируя текст, который выглядит «культурным», но не предлагает самостоятельного осмысления материала.

Важной особенностью публикации является и ее подчеркнутая гладкость. В тексте отсутствуют речевые шероховатости, неожиданности, индивидуальные интонационные сбои, которые обычно присутствуют в живом авторском размышлении. Все предложения выстроены одинаково плавно, эмоциональные акценты распределены равномерно, а сама композиция напоминает заранее рассчитанную траекторию читательского восприятия. Именно поэтому текст быстро утрачивает эмоциональное воздействие, несмотря на внешнюю драматичность.

Парадокс заключается в том, что публикация постоянно стремится говорить о сильных чувствах, но сама не производит впечатления подлинного авторского переживания. Это связано с тем, что нейросеть воспроизводит не реальный опыт мышления и чувства, а культурный шаблон разговора о «большой любви», «роковой судьбе» и «верности как характере». В результате читатель сталкивается не с живой личностью Цветаевой, а с ее алгоритмически упрощенным образом, собранным из устойчивых романтических клише.

Тем не менее массовая аудитория активно реагирует на подобный контент. Причина заключается в том, что тексты такого типа рассчитаны прежде всего на быстрое эмоциональное потребление. Они не требуют интеллектуального усилия, не создают сложных смысловых конфликтов и легко считываются благодаря опоре на знакомые культурные модели. Иллюзия «жизненности» возникает за счет сенсационности, эмоционального нажима и псевдопсихологической интонации. При этом сама жизнь в ее противоречивости, случайности и внутренней неоднозначности из подобных текстов практически исчезает.

Следовательно, анализ публикации о Марине Цветаевой позволяет рассматривать шаблонность развития мысли как одну из ключевых характеристик текста, созданного искусственным интеллектом. В данном случае шаблонность проявляется в повторяемости эмоциональных конструкций, циклическом движении аргументации, использовании универсальных сентенций, предсказуемости композиции и отсутствии настоящего интеллектуального риска. Текст постоянно имитирует глубину, однако не способен выйти за пределы заранее заданной эмоционально-смысловой схемы, вследствие чего читатель получает не опыт соприкосновения с живой мыслью, а лишь ее алгоритмически воспроизведенную модель.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что шаблонность развития мысли действительно является одной из наиболее устойчивых характеристик текста, сгенерированного ИИ. В отличие от авторского письма, внутри которого мысль развивается ассоциативно, нередко противоречиво и интонационно неравномерно, нейросетевой текст стремится к композиционной симметрии, логической предсказуемости и эмоциональной унификации.

Анализ показал, что искусственно сгенерированные тексты строятся преимущественно на повторении устойчивых смысловых конструкций, использовании универсальных эмоциональных формул и циклическом воспроизведении одних и тех же тезисов в различных вариациях. Подобная организация текста создает иллюзию глубины и психологической достоверности, однако при внимательном чтении обнаруживается отсутствие подлинного интеллектуального движения и индивидуального речевого опыта.

Показательным оказалось исследование публикаций соцсетей, ориентированных на массовую аудиторию и активно использующих ИИ для создания псевдожизненных историй. Было установлено, что подобные тексты эффективно эксплуатируют культурные стереотипы, эмоциональные клише и сенсационные модели повествования, однако практически не выходят за пределы заранее заданных алгоритмических схем.

Таким образом, различие между авторским и нейросетевым письмом заключается не только в степени оригинальности языка, но прежде всего в характере развития мысли. Именно отсутствие внутренней непредсказуемости, интеллектуального риска и живой речевой динамики делает шаблонность одним из важнейших признаков текста, созданного ИИ, что открывает перспективы дальнейших исследований в области цифровой филологии, медиалингвистики и теории современной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асманова, П. Д. Использование искусственного интеллекта для генерации текста и его распознавание / П. Д. Асманова, А. В. Поначугин, И. А. Галкин // Управление образованием: теория и практика : научный журнал. – 2025. – Т. 15, № 5-1. – С. 112-125. – DOI 10.25726/y2405-6382-9286-u.

2. Вейс, И. А. Распознавание паттернов применения искусственного интеллекта при создании текстов / И. А. Вейс // Современные инновации, системы и технологии : научный журнал. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 1033-1040. – DOI 10.47813/2782-2818-2025-5-1-1033-1040.

3. Горина, Е. В. Особенности использования текстов нейросетей в медиа и образовании / Е. В. Горина, С. М. Уфимцева // Русский лингвистический бюллетень : научный журнал. – 2024. – № 1(49). – DOI 10.18454/RULB.2024.49.27.

4. Грицай, Л. А. Возможности искусственного интеллекта для создания образовательных ресурсов в предметной области «Педагогика»: приоритеты и риски / Л. А. Грицай // Педагогическая перспектива : научный журнал. – 2024. – № 3(15). – С. 87-94. – DOI 10.55523/27822559_2024_3(15)_87.

5. Юрова, Е. А. Нейросети в медиадискурсе: лингвистический компонент / Е. А. Юрова, Н. Н. Оломская // Традиционное и новое: достижения, вызовы и перспективы современной лингвистики и лингводидактики : сборник статей V Всероссийской конференции для молодых ученых-лингвистов. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2025. – С. 312-318.

THE PATTERN OF THOUGHT DEVELOPMENTAS A CHARACTERISTIC FEATURE OF THE TEXT, GENERATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

L.A. Gritsai,

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia, usan82@gmail.com

The article is devoted to the study of the pattern of thought development as one of the key characteristics of the text generated by AI. The article examines the compositional, semantic and stylistic features of neural network texts related to the predictability of argumentation, the repeatability of semantic models and the absence of individualized speech dynamics. Special attention is paid to the comparison of author's and machine writing, as well as the analysis of social media publications that simulate emotional depth and vital authenticity using stable speech patterns and algorithmically reproducible cultural cliches.

Keywords: artificial intelligence, neural network text, pattern of thinking, thought development, media discourse, author's text, speech patterns, digital philology, mass communication.

УДК 81`322.4

РОЛЬ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Л.А. Изотова, У.Э. Новик
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь
lar-izotova@ya.ru, ustinanovik6@gmail.com

В данной статье рассматривается перспектива замены искусственным интеллектом переводчиков в контексте работы с шенноновской и геделевской типами информации. Приводятся конкретные случаи несостоятельности машинного перевода и делается вывод о практической значимости лингвокультурологической стороны искуственного интеллекта.

Ключевые слова: машинный перевод; лингвистика; искусственный интеллект; перевод; адаптивность.

Современное лингвистическое инфополе характеризуется все более возрастающей ролью машинного перевода. Такие языковые модели, как DeepSeek, ChatGPT, DeepL Translate набирают популярность среди переводчиков в силу своей многозадачности и высокого уровня языковой и контекстуальной адаптивности.

Актуальность данной научной работы обусловлена стремительно меняющейся лингвокультурной картиной, в которой все большее предпочтение отдается использованию моделей машинного перевода для канцелярского и иных типов переводов, а также распространенным мнением о том, что искусственный интеллект сможет справляться с узкоконтекстным и ситуативным переводом значительно эффективнее, чем переводчик-специалист.

Искусственный интеллект прочно интегрировался в повседневную жизнь, и ряд ученых освещает вопросы, связанных с его использованием в различных академических сферах. Так, в области этики и философии искусственного интеллекта можно выделить работы А.В. Разина, М.И. Щегловой, В.В. Деева и других авторов. Роль искусственного интеллекта в компьютерных и информационных науках рассматривается в работах Ф.М. Гиреева, Е.Г. Барщевского, А.Н. Аверкина, Д.А. Маношина и др. Субъектность искусственного интеллекта в области права является объектом изучения таких исследователей, как Л.О. Торлова, И.М. Богдановская, Е.В. Соломонова и т.д. И, конечно, внедрение искусственного интеллекта в лингвокультурную сторону жизни является актуальной темой для исследования на сегодняшний день (Н.К. Гарбовский, А.Р. Айдагулова, В.И. Озюменко и др.).

Использование машинного перевода предлагает большое количество преимуществ по сравнению с использованием человеческого когнитивного потенциала.

Самыми востребованными инструментами перевода, по мнению В.И. Озюменко, созданными на основе искусственного интеллекта, являются Google Translate, Yandex Translate, Reverso, Bing Microsoft Translator, DeepL Translate. Так, на сайте переводческой платформы DeepL, которая позиционирует себя как «самый точный переводчик в мире», отмечается, что новые нейронные сети способны более точно передать смысл на целевом языке, а также находить более профессиональные формулировки [4].

По словам Н.К. Гарбовского, при грамотном использовании модель «человек-машина» может быть крайне эффективной, ведь система, мгновенно оперирующая ошеломляющими массивами данных, может позволить переводчику просмотреть наибольшее число возможных альтернатив для конкретного случая, вызвавшего затруднения [2].

Более того, впечатляют перспективы ИИ и как подручного средства для переводческого самоанализа и самопроверки, ведь ИИ можно рассматривать как «эффективного помощника, который может корректировать учебный процесс» [5]. Тем не менее, бесконтрольное использование машинного перевода имеет свои риски.

К примеру, А.Р. Айдагулова обращает внимание на проблему исчезновения личного, оригинального вклада студентов при написании научных работ. При проверке сгенерированных текстов на наличие заимствований, как утверждает исследователь, процент оригинальности может достигать 98-100%, что не позволяет выявить долю текста документа, выполненного автором самостоятельно. В этой связи, соответствующего внимания педагогов требует проблема выявления сгенерированных текстов в документах, являющихся результатами учебной и научной деятельности» [1].

Заслуживает внимания и проблема отсутствия у ИИ «языкового чутья», которое является следствием тщательного учета контекста и культурных реалий реципиентов перевода.

Несмотря на то, что в базы данных искусственного интеллекта загружены языковые соответствия для переводческих лакун, фразеологизмов, междометий и крылатых выражений, существует обширный пласт узкоспециализированной лексики и речевых оборотов, который на данном этапе адекватным образом машиной переведен быть не может.

В своей работе В.И. Озюменко приводит такой пример: «Так, крылатое выражение «интересное кино», которое вошло в разговорный русский язык из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию», используется для передачи удивления, недоумения и разочарования. Переводчик находит в английском языке разговорную фразу «Oh, come on!», которое также содержит удивление и недоумение. Однако ИИ предлагает буквальный перевод – «That’s an interesting movie!», что меняет смысл высказывания» [4].

По нашему мнению, является целесообразным изучить перспективу замены человека машиной с учетом специфики шенноновской и геделевской информации.

Принципиальные различия между этими двумя видами информации и их сущность были описаны в книге «Истинный творец всего» М. Николелиса, где автор представляет свою инновационную теорию развития человеческого вида [3]. Американский математик К. Шеннон в своей знаменитой работе «Математическая теория коммуникации» впервые представил количественную теорию информации и предложил ее статистическое описание. В шенноновском подходе к восприятию информации не отводилось никакой роли контексту, смыслу или семантике. Его труды создали почву для дальнейшего появления одной из самых важных единиц измерения, созданных человечеством и относящихся к описанию информации, а именно «бит». Таким образом, шенноновская информация может быть полностью оцифрована и описана с использованием двух чисел – единицы и нуля, и прилежащей к ней логикой Буля.

Иную концепцию информации предложил К. Гедель, величайший логик 20 века. Он продемонстрировал ограничения формальных систем, описанных К. Шенноном. Геделевская информация – не бинарная и не цифровая. Ее описывают как непрерывную или аналоговую, и быть представлена в цифровой или дискретной форме (единственными формами информации, с которыми может работать искусственный интеллект), она не может. Более того, сложные организмы непрерывно превращают полученную извне шенноновскую информацию (вкус, цвет, смысловая единица, тактильные ощущения) в геделевскую (личное отношение к услышанному, субъективные переживания, воспоминания, чувственные ассоциации, которые не могут быть оцифрованы и переданы в полном объеме). Шенноновская информация подвергается преобразованиям внутри человеческого мозга, проходя через мощнейший фильтр из существующих в мозгу человека причинно-следственных связей и накопленного в течение жизни субъективного опыта.

Внешние коммуникативные барьеры, с которыми приходится иметь дело переводчику, могут быть устранены, в отличие от внутренних, существующих из-за непрерывного вмешательства неоцифровываемой геделевской информации в процессе работы с «сухой» шенноновской (возможность оцифровать слово и вывести его на экран, но невозможность вмешаться в субъективный процесс осознания слова тем или иным человеком).

Таким образом, искусственный интеллект вполне успешно зарекомендовал себя в сферах трафаретного, канцелярского и низкоконтекстного перевода благодаря своей быстроте, точности и возможности бесконечного обновления баз данных. Но в сферах, требующих взаимодействия с человеческими эмоциями, этикой, юмором и высококонтекстными обстоятельствами, замены человека машиной не предвидится из-за несостоятельности работы ИИ с неоцифровываемыми типами информации.

В заключение необходимо отметить, что перевод представляет собой работу интеллекта, предполагающую не только лингвистические знания, обширный кругозор, технологическое мастерство, но и креативность, даже хитрость, ловкость и сообразительность, а также способность к социальной и психологической адаптивности, которых у искусственного интеллекта нет [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Айдагулова, А.Р. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом / А.Р. Айдагулова. – Вестник Башкирского гос. педагог. ун-та им. М. Акмуллы, 2023. – №4 (72). – С.154-156. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tekstov-sgenerirovannyh-iskusstvennym-intellektom (дата обращения: 13.04.2026).

2. Гарбовский, Н.К. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. – Вестник Московского ун-та, 2019. –№4. – С. 3-25. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/intellekt-dlya-perevoda-iskusnyy-ili-iskusstvennyy/viewer (дата доступа: 13.04.2026).

3. Николелис, М. Истинный творец всего / М. Николелис. – М.: Изд-во АСТ, 2023. – URL: https://knizhnik.org/migel-nikolelis/istinnyj-tvorecz-vsego (дата доступа: 13.04.2026).

4. Озюменко, В.И. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны / В.И. Озюменко, Т.В. Ларина. – Вестник Волгоградского гос. ун-та, 2025. – Т.24. – №1. – С. 117-130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-perevode-silnye-i-slabye-storony (дата доступа: 13.04.2026).

5. Стаканова, Е.В. Влияние искусственного интеллекта на перевод иноязычного текста: заменит ли искусственный интеллект переводчика? / Е.В. Стаканова. – Мир

науки. Педагогика и психология, 2025. – Т.13. – №3. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/81PSMN325.pdf (дата доступа: 13.04.2026).

THE ROLE OF MACHINE TRANSLATION IN THE WORK OF A TRANSLATOR

L.A. Izotova, У.Э. Новик
Polessky State University
Pinsk, Republic of Belarus
lar-izotova@ya.ru, ustinanovik6@gmail.com

This article examines the prospect of replacing translators with artificial intelligence in the context of working with Shannon and Gödel types of information. It provides specific examples of the failure of machine translation and the conclusion about practical importance of the linguocultural aspects of artificial intelligence is made.

Keywords: machine translation; linguistics; artificial intelligence; translation; adaptation.

УДК 81, 004.8

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ЛИНГВИСТИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Г.Р. Камалова
Академия наук Республики Башкортостан
Уфа, Российская Федерация, guldar@mail.ru

В статье рассмотрен потенциал искусственного интеллекта (ИИ), который открывает новые горизонты для исследований и практических приложений в области языкознания. Рассмотрены вспомогательные инструменты для анализа и работы с текстами, их возможности и применение в междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова. Искусственный интеллект (ИИ), лингвистика, цифровые инструменты, ChatGPT, NER, TTR, FLEx, ГигаЧат.

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на различные научные дисциплины, включая лингвистику. В данном контексте особое внимание привлекает потенциал искусственного интеллекта (ИИ), который открывает новые возможности для исследований и практических приложений в области языкознания. Искусственный интеллект активно трансформирует лингвистические исследования и образование, предлагая новые инструменты для анализа, обработки и изучения языка. Его применение охватывает широкий спектр задач – от лингвистического анализа текстов до персонализированного обучения языкам.

В лингвистике ИИ находит применение в различных аспектах, начиная от автоматической обработки естественного языка (Natural Language Processing – NLP) и заканчивая анализом больших текстовых массивов.

Одним из ключевых направлений является разработка алгоритмов машинного обучения, способных анализировать и интерпретировать языковые данные. Эти алгоритмы позволяют не только классифицировать тексты по различным категориям, но и выявлять скрытые закономерности и тенденции в использовании языка. Таким образом, ИИ становится мощным инструментом для лингвистических исследований, способствуя более глубокому пониманию структуры и функционирования естественных языков.

Применение ИИ в лингвистике также открывает новые возможности для разработки интеллектуальных систем, таких как диалоговые агенты и виртуальные ассистенты. Эти системы способны взаимодействовать с пользователями на естественном языке, предоставляя им информацию и выполняя различные задачи. Благодаря развитию технологий обработки естественного языка, такие системы становятся все более совершенными и могут использоваться в различных сферах.

Несмотря на все преимущества, применение ИИ в лингвистике сопряжено с рядом вызовов и ограничений. Одним из них является проблема интерпретации результатов, полученных с помощью ИИ-алгоритмов. В некоторых случаях результаты могут быть неоднозначными или требовать дополнительной проверки и анализа со стороны специалистов. Кроме того, существует риск предвзятости в алгоритмах, что может привести к искажению данных и некорректным выводам.

На сегодняшний день имеется широкий выбор цифровых инструментов, которые применяются в языкознании, речь идет, прежде всего, о вспомогательных инструментах для анализа и работы с текстами, которые используют лингвисты [1]. Во-первых, Named Entity Recognition (NER), который может применяться в качестве вспомогательного инструмента для анализа медиадискурса и литературных текстов. NER позволяет выявлять закономерности в употреблении имен собственных, анализировать связи между персонажами, а также определять частотность упоминания различных объектов. Этот метод особенно ценен для исследования стратегий убеждения в медиа, так как он позволяет глубже понять структуру и содержание коммуникативных актов.

Второй инструмент – Type Token Ratio (TTR) – широко используется для оценки лексического разнообразия текстов. TTR работает по формуле, где выявляется отношение числа типов (V – количество уникальных слов в тексте) к общему количеству слов (N – токенов) в тексте, иногда необходимо получившийся количественный показатель умножить на 100 для получения результата в процентах (например, в тексте объемом 100 слов (N) использовано 50 разных уникальных слов (V), то в этом случае TTR составит 50% (TTR=V / N x 100%). При этом TTR зависит от длины текста [2]. TTR применяется в изучении языковой личности, анализе переводов и локализации текстов под целевую аудиторию. Данный показатель позволяет исследовать сложность и разнообразие речи различных авторов, что является значимым аспектом дискурсивного анализа текстов.

Следующий цифровой инструмент – FieldWorks Language Explorer™ (FLEx) представляет собой специализированное программное обеспечение, предназначенное для комплексного анализа, документирования и моделирования языковых структур. Разработан SIL International. Как отмечают эксперты, данный инструмент является передовым решением в области лингвистики, позволяющим осуществлять детальный анализ грамматических систем, создание и управление многоязычными лексическими базами данных, поддержку широкого спектра языков и систем письма, позволяет работать с исчезающими языками [3]. FLEx обеспечивает возможность компиляции текстовых материалов, их структурированного хранения и анализа, что делает его незаменимым для исследователей, занимающихся документированием исчезающих языков, а также для специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики.

Также можно отметить инструмент ResearchRabbit с Zotero, который значительно ускоряет процесс подбора и обработки источников для написания «Обзора литературы». Эта платформа предоставляет доступ к обширной базе оригинальных статей, что облегчает поиск релевантных данных и способствует повышению качества научных исследований.

Наконец, возможности ChatGPT позволяют проводить анализ мультимодальных текстов, исследовать стилистические приемы и тропы, а также осуществлять визуальный анализ, учитывая не только вербальный, но и визуальный контент. Этот инструмент открывает новые горизонты для междисциплинарных исследований и комплексного анализа коммуникативных практик.

Российский аналог ChatGPT – ГигаЧат=GigaChat (русскоязычная нейросеть от Сбера, https://giga.chat/) является одним из лидеров, который предложил широкие возможности – «от генерации текста и изображений до виртуальных ассистентов и аналитических платформ» [4]. Неросетью можно пользоваться через Сбер ID, редактировать массивы текстов, использовать ИИ-агентов, делать подкасты на заданную тему и т.д. (фото 1, 2).

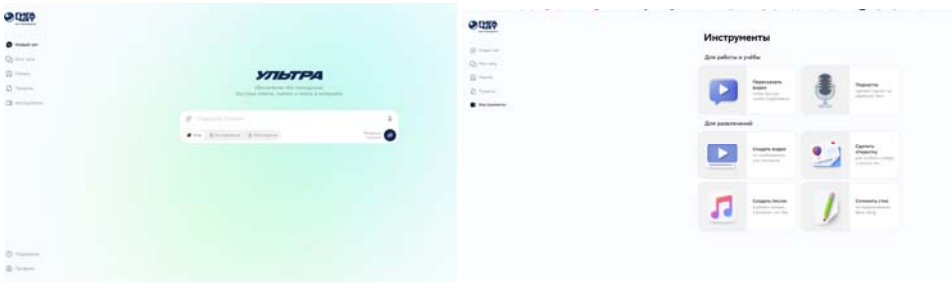


Фото 1, 2. – Русскоязычная нейросеть ГигаЧат от Сбера

Также выделяется своими возможностями сервис Kandinsky от «Сбера», который «разработан при поддержке Института искусственного интеллекта AIRI на объединенных датасетах SberAI и SberDevices» [5]. Нейросеть позволяет генерировать изображения с конкретными задачами, выбирает стиль изображений по текстовому запросу и т.д. [4].

Таким образом, потенциал ИИ в лингвистике остается значительным и продолжает привлекать внимание исследователей и разработчиков. Цифровые инструменты расширяются и видоизменяются, наполняются новыми функциональными возможностями. В будущем можно ожидать дальнейшего совершенствования технологий и расширения областей их применения, что будет способствовать развитию науки и практики в данной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цифровые инструменты в лингвистике: как превратить ИИ в полезный инструмент, а не в конкурента. НИУ ВШЭ [сайт]. – URL: https:// lang.hse.ru/news/1015919565.html (дата обращения: 09.05.2026).

2. Type-Token Ratio. Поле цифровой дидактики [сайт]. – URL: https://digida.mgpu.ru/index.php/Type-Token_Ratio (дата обращения: 09.05.2026).

3. FieldWorks Language Explorer™: программное обеспечение для создания словарей. SIL Global. Технологии языка SIL [сайт]. – URL: https://software.sil.org/ru/fieldworks/ (дата обращения: 10.05.2026).

4. Сбер научил своих виртуальных ассистентов общаться как люди. Благодаря продвинутой языковой модели. Проект Ferra.ru. Новости технологий и обзоры цифровой техники [сайт]. – URL: https://www.ferra.ru/news/techlife/sber-nauchil-svoikh-virtualnykh-assistentov-obshatsya-kak-lyudi-12-11-2021.htm (дата обращения: 10.05.2026).
5. Как пользоваться нейросетью Kandinsky в 2026 году. Hi-Tech [сайт]. – URL: https://hi-tech.mail.ru/review/109792-kak-polzovatsya-nejrosetyu-kandinsky/ (дата обращения: 10.05.2026).

DIGITAL TOOLS IN LINGUISTICS: POSSIBILITIES OF APPLYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

G.R. Kamalova
Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Fedration
guldar@mail.ru

The article discusses the potential of artificial intelligence (AI), which opens up new horizons for research and practical applications in the field of linguistics. It examines auxiliary tools for analyzing and working with texts, their capabilities, and their application in interdisciplinary research.

Keywords: Artificial intelligence (AI), linguistics, digital tools, ChatGPT, NER, TTR, FLEx, Gigachat.

УДК 372.882

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Р.В. Карапетова
ГБПОУ Краснодарского края «Краснодарский педагогический колледж»
Краснодар, Россия, rozeline@mail.ru

Нейросеть предоставляет новые возможности для повышения эффективности и доступности коммуникации на различный языках, открывает новые возможности для разработки инновационных образовательных инструментов и методов, включая интеллектуальных виртуальных ассистентов, адаптивные учебные платформы и симуляторы. Это позволяет значительно повысить эффективность коммуникации в ходе образовательного процесса. В данной статье представлены разнообразные формы применения искусственного интеллекта в области преподавания русского языка и навыков коммуникации.

Ключевые слова: цифровизация; искусственный интеллект; русский язык; коммуникация.

Сегодня технологии искусственного интеллекта активно внедряются практически во всех сферах нашей жизни, включая образование. Этот процесс открывает новые возможности для повышения качества обучения, персонализации образовательного процесса и оптимизации изучения иностранных языков. Обновлённые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) направлены на личностное развитие обучающихся. В частности, они обеспечивают: гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое, экологическое воспитание; раскрытие личности ребёнка, его талантов, способности к

самообучению и коллективной работе; формирование ответственности за свои поступки. Внедрение искусственного интеллекта позволяет создавать адаптивные учебные программы и обеспечивать индивидуальный подход к каждому ученику. Однако вместе с преимуществами возникают и вызовы, связанные с этическими аспектами, защитой персональных данных и необходимостью подготовки обучающихся к работе с новыми технологиями.

Согласно обновленным ФГОС, современный процесс обучения должен обеспечивать разумное и безопасное использование цифровых технологий, обеспечивающих повышение качества результатов образования и поддерживающих очное образование [1].

Рассмотрение ключевых направлений внедрения искусственного интеллекта в систему обучения русскому языку как иностранному с учетом сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, а также предоставление доступности и равных возможностей получения качественного основного общего образования в области отечественной лингвистики.

Сегодня огромное значение придается изучению и сохранению языков народов России. Начнем с изучения тем раздела Лексика и фразеология. В процессе обучения именно здесь формируется словарный запас, расширяются представления о русском языке, развивается образное мышление и коммуникативные навыки. В целях осуществления внедрения практикоориентированного подхода к изучению русского языка как иностранного можно на каждом уроке знакомить обучающихся с новым словом. С помощью онлайн переводчика на основе нейросети, они могут прослушать, как звучит в транскрипции данная лексема и что означает в переводе на русский язык. А благодаря использованию таких сервисов нейросети, как Шедеврум https://shedevrum.ai/ [2] и Кандиский https://www.sberbank.com/promo/kandinsky/ [3] можно предложить обучающимся самим попробовать визуализировать значения новых слов и известных пословиц и поговорок. Здесь также можно выбрать стиль изображения, а также прописать дополнительные детали. Это позволит обучающимся применить на практике знания, полученные в ходе изучения темы и рассмотрения конкретного слова или фразеологизма. А визуальный образ улучшит процесс запоминания благодаря созданию яркого эмоционального переживания от увиденного. Например, за столом сидят глаз и зуб. Зуб тянется к еде, но не может дотянуться. За этим наблюдает человек (Рис. 1).

Рисунок 1. – ***Пословица Видит око, да зуб неймет***

Также на данном уроке в ходе этапа закрепления можно предложить обучающимся обменяться изображениями и отгадать крылатое выражение или слово из него. В итоговой части урока можно попросить обучающихся сформулировать свое мнение о полученных знаниях, употребив при этом новое слово или фразеологизм. Пример также может показать нейросеть ChatGPT https://t.me/ChatGPT_General_Bot [4]. Этот сервис позволяет задать любой вопрос или поставить задачу, которая будет решена в текстовом формате. Например, семь нянек, каждая занята своим делом, спорят друг с другом, а ребёнок плачет и держится за глаз (Рис. 2).

Рисунок 2. – Пословица У семи нянек дитя без глазу

А также бот предоставляет несколько вариантов, выбрать из которых наиболее подходящий по смыслу и уместности ситуации – задача самого обучающегося. Например, пословица Ученье свет, а неученье – тьма (Рис. 3).

Рисунок 3. – Пословица Ученье свет, а неученье – тьма

В целом, работа на уроке русского языка как иностранного при изучении тем раздела Лексика и фразеология с использованием сервисов нейросети позволит улучшить коммуникативные навыки обучающихся, поможет сформировать четкость и логичность изложения мыслей при формулировке запроса, а также сделает процесс изучения данной темы более эффективным.

Следующим важным этапом в изучении русского языка как иностранного и развитии навыков коммуникации является написание сочинений, изложений, эссе и творческих работ различного формата. Предварительная работа педагога заключается в тщательном подборе и грамотном формулировании тем. С этим поможет справиться сервис на основе искусственного интеллекта https://giga.chat [5]. Достаточно сформулировать запрос, и вы получите широкий тематический спектр заданий. На начальном этапе таких уроков учитель проводит предварительную беседу. Текст и наглядность также можно сгенерировать с помощью нейросети. Затем попросить обучающихся самим обратиться к искусственному интеллекту. Например, с помощью нейросети Синонимайзер

https://sinonim.org/soch#res можно создать вводный текст, дополнить имеющийся материал, сделать вывод по тексту, проверить орфографию и пунктуацию, сгенерировать название, а также подобрать синонимы к различным словам и высказываниям [6].

В дальнейшем можно использовать такую функцию искусственного интеллекта, как пересказ текста с помощью нейросети https://cpa.live/instrumenty/text-to-speech/ [7]. Здесь можно прослушать написанное, чтобы убедиться в отсутствии повторов и логичности построения текста. Этот сервис поможет обучающимся, которым трудно воспринимать информацию визуально, например, из-за сложностей в изучении новых речевых единиц, а также дислексии или нарушений зрения. Функция чтения текста также является завершающим этапом перед непосредственным написанием работы. Искусственный интеллект позволяет записать отдельные фрагменты текста голосом, а потом воспроизвести работу целиком. Это поможет восстановить в памяти недостающие детали и собрать текст воедино для получения наилучшего результата на письме.

Еще один вид творческой работы на уроках русского языка как иностранного по развитию коммуникативных навыков – это сочинение по картине. Существует стандартная методика выполнения данного задания. Однако ее можно сделать более увлекательной и разнообразной с помощью ИИ-инструментов. После вводной беседы о художнике и времени написания произведения, можно попросить нейросеть оживить картину и сгенерировать трехсекундное видео, на котором участники полотна предстанут более выразительными и будут восприниматься с большим интересом. Далее в качестве примера можно прочитать сжатый вариант текста описания сюжета картины, созданный с помощью нейросети. Одним из этапов работы, направленных на развитие речи обучающихся, является исправление сгенерированного текста, поскольку в нем могут быть ошибки. Это поможет внимательнее изучить сюжет произведения искусства, обратить внимание на детали, погрузиться в атмосферу происходящего и расширить текст собственными высказываниями.

Благодаря своему развитию и совершенствованию, нейросети могут поддерживать полноценный диалог с обучающимися. Эти возможности позволяют не только получить ответы на имеющиеся вопросы, но и сформировать свой стиль речи на основе примеров. С помощью искусственного интеллекта можно получить ответ на вопрос в стиле известного персонажа или писателя. Например, с помощью нейросети https://character.ai/ можно создать своего персонажа для общения, который будет отвечать согласно речевой манере заданного героя. Далее обратиться к обучающимся с просьбой выделить основные речевые элементы, указывающие на уникальный стиль выбранной личности. Используя данное интернет-приложение с функциями чат-бота, можно попросить обучающихся написать ему письмо, соблюдая заданную стилистику. Также одним из видов работы по развитию коммуникативных навыков может быть дискуссия с персонажем в его же манере. Это поможет обучающимся научиться выражать свою точку зрения, освоить такое понятие как стиль речи и выработать собственный образец письменного и устного общения, обогатив словарный запас.

Таким образом, использование инструментов искусственного интеллекта открывает широкий спектр возможностей для изучения нового языка и развития речи обучающихся. Это и проведение уроков, и ответы на вопросы, и поиск

информации, и создание собственных речевых продуктов. С помощью сервисов нейросети можно помочь погрузиться в языковую среду и открыть новые смыслы известных высказываний, что позволит лучше понять культурные традиции, заложенные предками-носителями. Виртуальные ассистенты позволят справиться с ошибками, избежать трудностей в изучении языка и по-новому взглянуть на классические образцы творчества. ИИ может генерировать разнообразные коммуникативные задания, ролевые игры, дискуссии и проекты, которые делают процесс обучения более интересным и вовлекающим. Это способствует развитию не только языковых навыков, но и критического мышления, умения аргументировать свою позицию.

В целом, интеграция ИИ-инструментов в уроки русского языка как иностранного является перспективным направлением, которое позволяет повысить эффективность обучения коммуникативным навыкам, сделать процесс обучения более доступным и инклюзивным, подготовить обучающихся к успешному общению в современном мире, где владение языком является ключевым фактором.

Однако важно помнить, что искусственный интеллект является инструментом, и его эффективность напрямую зависит от грамотного педагогического подхода учителя, который должен уметь интегрировать эти технологии в учебный процесс, направляя их на достижение конкретных образовательных целей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Приложение. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Приложение. Утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. N 287. – Электронный ресурс. Режим доступа: https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/. (Дата обращения: 11.09.2025).

2. Шедеврум. – Электронный ресурс. – URL: https://shedevrum.ai/. (Дата обращения: 11.09.2025).

3. Кандиский. – Электронный ресурс. – URL: https://www.sberbank.com/promo/kandinsky/. (Дата обращения: 11.09.2025).

4. Чат-бот с генеративным искусственным интеллектом. – Электронный ресурс. – URL: https://t.me/ChatGPT_General_Bot. (Дата обращения: 12.09.2025).

5. Сервис на основе искусственного интеллекта. – Электронный ресурс. – URL: https://giga.chat. (Дата обращения: 12.09.2025).

6. Синонимайзер – перефразировать текст онлайн. – Электронный ресурс. – URL: https://sinonim.org/sin. (Дата обращения: 21.09.2025).

7. Озвучка текста онлайн бесплатно – сервис преобразования текста в речь. – Электронный ресурс. – URL: https://cpa.live/instrumenty/text-to-speech/. (Дата обращения: 21.09.2025).

8. Интернет-приложение с функциями чат-бота. – Электронный ресурс. – URL: https://character.ai/. (Дата обращения: 21.09.2025).

DEVELOPING COMMUNICATION SKILLS IN LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

R.V. Karapetova

Krasnodar Krai State Budgetary Professional Educational Institution
Krasnodar Pedagogical College, Krasnodar, Russia, rozeline@mail.ru

A neural network provides new opportunities for increasing the efficiency and accessibility of communication in various languages, opens up new possibilities for developing innovative

educational tools and methods, including intelligent virtual assistants, adaptive learning platforms, and simulators. This allows for a significant increase in the effectiveness of communication during the educational process. This article presents various forms of application of artificial intelligence in the field of teaching Russian and communication skills.
Keywords: digitalization; artificial intelligence; Russian language; communication.

УДК 372.881.111.1

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО ВУЗА

А.М. Клепацкая
Гродненский государственный аграрный университет
Республика Беларусь, klepatskaya.anna@mail.ru

Статья посвящена вопросу использования искусственного интеллекта при обучении иностранному языку студентов аграрных вузов. В статье перечислены основные преимущества, а также ограничения применения ИИ в образовательном процессе. Также проводится обзор исследований, в которых отражены результаты экспериментального обучения профессиональному иностранному языку с применением ИИ-инструментов.
Ключевые слова: искусственный интеллект; аграрный вуз; инструмент ИИ; нейросеть; веб-платформа; чат-бот.

Аграрный сектор экономики Беларуси сегодня остро нуждается в высококвалифицированных кадрах. В условиях цифровизации и расширения международного сотрудничества в аграрной сфере все более актуальным становится вопрос иноязычной подготовки специалистов для агропромышленного комплекса (АПК). Иностранный язык для кадров АПК, в частности английский, играет важную роль в освоении новых технологий, изучении зарубежного опыта и работе с современным оборудованием. Для повышения качества языковой подготовки кадров АПК особое значение имеет внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс.

Использование искусственного интеллекта (ИИ) в обучении иностранному языку в аграрном вузе позволяет персонализировать образовательный процесс, автоматизировать создание учебных материалов и формировать/совершенствовать как общие, так и профессионально-ориентированные языковые навыки. Применение ИИ в обучении иностранным языкам имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными методами. К таким преимуществам относятся индивидуализация, или персонализация обучения, доступность, интерактивность, обратная связь, экономия времени [5].

Персонализация обучения заключается в адаптации учебного процесса к индивидуальным потребностям, способностям, интересам и стилю обучения каждого учащегося. Например, ИИ-системы могут подбирать задания соответствующего уровня сложности и предлагать индивидуальные рекомендации по изучению материала. ИИ-инструменты могут быть доступны в любое время и в любом месте, что делает обучение более гибким и удобным. Чат-боты могут симулировать реальные диалоги, помогая студентам практиковать иностранный язык, а интерактивные игры с использованием ИИ могут помочь в

запоминании новой лексики. Искусственный интеллект может предоставлять мгновенную обратную связь, что помогает учащимся быстро исправлять свои фонетические, лексические и грамматические ошибки. Автоматизация рутинных задач, например, проверка заданий и подготовка материалов, позволяет преподавателям уделять больше времени индивидуальному взаимодействию с учащимися [6].

К основным направлениям применения ИИ для обучения иностранному языку в аграрном вузе можно отнести следующие: 1) генерация профильного контента (использование нейросетей (например, ChatGPT, Claude) для создания учебных материалов по аграрной тематике); 2) формирование профессионального тезауруса (применение ИИ для интерактивного изучения терминологии, формирование глоссариев по узким темам (агрохимия, ветеринария, механизация)); 3) разговорная практика (чат-боты и приложения на базе ИИ (например, ELSA Speak, ChatGPT Voice) позволяют студентам практиковать диалоги, связанные с их будущей профессией, улучшать произношение, преодолевать языковой барьер в ситуациях, имитирующих реальную профессиональную среду).

Неотъемлемым компонентов подготовки специалистов АПК является обучение профессиональному иностранному языку. Одной из основных целей обучения профессиональному иностранному языку выступает формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Способность студентов общаться на иностранном языке на профессиональные темы является составной частью профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Широкое распространение технологий ИИ позволяет модернизировать процесс обучения профессиональному иностранному языку за счет добавления к традиционным формам обучения внеаудиторной практики студентов с конкретными техническими решениями на базе ИИ. Проведем краткий обзор исследовательских работ, посвященных экспериментальному обучению профессиональному иностранному языку с помощью ИИ.

В научных публикациях Т.В. Байдиковой [2] описан опыт обучения студентов направления подготовки «Агрономия» профессиональному тезаурусу на основе их практики с веб-приложением на базе ИИ PolyBuzz. В своей статье Ю.В. Токмакова и Е.С. Саенко [9] представляют результаты работы Воронежского государственного аграрного университета по использованию корректирующей обратной связи от генеративной нейросети DeepSeek в формировании лексико-грамматических навыков речи и овладения студентами профессиональным содержанием высказывания в ходе интегрированного курса. Также Ю.В, Токмакова совместно с Е.Л. Макаровой разработали авторскую методику обучения разговорной практике на иностранном языке студентов направления подготовки «Ветеринария» с виртуальным агентом - веб-платформой Character AI [8, с. 819]. Предметом исследования в работе О.Г. Ефимовой и Н.Н. Шевцова выступает разработка содержания обучения и комплекс коммуникативных заданий профессиональной направленности студентов направления подготовки «Ветеринария и зоотехника» [4]. Определенный интерес представляет работа исследователей из Астраханского государственного университета О.Б. Багринцевой и И.А. Гроховской [1]. Авторы разрабатывают свою методику использования нейросетей в процессе создания и подбора учебных материалов для организации качественной подготовки к проведению занятий по

иностранному языку. В их научных статьях рассматриваются основные сервисы, позволяющие создавать текстовые документы и презентации, генерировать изображения, приводится пул заданий и описывается процесс применения сгенерированного контента на занятиях по иностранному языку со студентами агроинженерного направления подготовки [1, с.105].

Попытку создать комплекс технологических решений на базе ИИ, который можно использовать в обучении студентов аграрного вуза профессиональному ИЯ, предприняли исследователи из Воронежского государственного аграрного университета [3]. В данном вузе было проведено экспериментальное обучение, участниками которого стали студенты первого года обучения специальности «Агроинженерия». В контрольной группе студентов использовалась традиционная методика обучения профессиональному иностранному языку. В экспериментальной группе в качестве дополнения к традиционной методике обучения была добавлена внеаудиторная тренировка участников с технологическими решениями на базе ИИ. При изучении нового профессионального тезауруса и грамматики студенты выполняли различные упражнения и задания (обсуждения по теме с инструментом ИИ или составление монологических высказываний по теме с дальнейшей корректировкой языковой высказывания при помощи ИИ). Развитие умений диалогической речи происходило в процессе речевого взаимодействия с одним из инструментов ИИ (Google Assistant или чат-бот Replika). При выполнении монологических заданий, связанных, к примеру, с описанием технологических процессов переработки сырья, студенты выполняли письменные задания с использованием профессионального тезауруса, а затем на основе корректирующей обратной связи от веб-платформ Grammarly, PaperRater.com или генеративных нейросетей GigaChat, DeepSeek, ChatGPT дорабатывали свои ответы. Материалы практики с технологическими решениями на базе ИИ студенты приносили на последующие занятия для обсуждения [3, с. 654]. В ходе проведенного экспериментального обучения была доказана эффективность авторской методики обучения студентов аграрного вуза профессиональному ИЯ путем добавления к традиционному обучению технологических решений на базе ИИ [3, с. 656]. Перспективы данного исследования состоят в том, что его результаты могут использоваться в разработке моделей комплексного обучения иностранному языку студентов языковых и неязыковых направлений подготовки и специальностей.

В частности, описанная выше авторская методика обучению профессиональному ИЯ может быть заимствована в будущем преподавателями иностранных языков УО «Гродненский государственный аграрный университет» при наличии соответствующих технических возможностей. Немаловажным фактором является желание самих преподавателей отойти от традиционной методики преподавания иностранного языка студентам-аграриям, которая зачастую сводится к чтению и переводу текстов по специальности.

Следует также учитывать необходимость повышения цифровой грамотности преподавателей, обучения их работе с широким спектром инструментов ИИ. Одним из наиболее распространенных и популярных среди преподавателей иностранного языка и студентов инструментов ИИ выступают чат-боты. Под чат-ботами понимается «диалоговая обучающая программа, способная на основе технологий естественного языка и машинного обучения и заложенных в нее алгоритмов речевого поведения человека развивать иноязычные устные и

письменные речевые умения обучающегося посредством поддержания с ним диалога и имитации человеческой речи» [7, с. 68].

Иноязычная практика студентов с чат-ботом, проходящая во внеаудиторное время, должна быть четко спланирована. По предметно-тематическому содержанию она должна совпадать с учебным разделом курса. Уровень языковой сложности взаимодействия с ИИ должен соответствовать уровню владения иностранным языком учащихся. Подтверждением факта участия студентов в общении с ИИ могут выступать распечатки диалогов, которые рекомендуется изучать и обсуждать на аудиторных занятиях, выделять используемые грамматические конструкции или лексические единицы, показывать, как в процессе общения решались коммуникативные задачи [2, с.355].

Несмотря на многочисленные преимущества, применение ИИ в обучении иностранному языку имеет определенные ограничения. Например, не все ИИ-системы обладают достаточной точностью и надежностью. Распознавание речи и анализ произношения могут быть подвержены ошибкам. Другими недостатками искусственного интеллекта являются: ограниченный эмоциональный интеллект, зависимость от данных, этические вопросы**.** Искусственный интеллект не может воспроизвести эмоциональную вовлеченность и гибкость педагога, которые необходимы для создания благоприятной образовательной среды. Оптимальное использование ИИ заключается в его роли помощника, дополняющего работу преподавателя, а не замещающего её. ИИ-алгоритмы обучаются на основе больших объемов данных: недостаток или необъективность данных может привести к предвзятости и неэффективности обучения. Использование искусственного интеллекта в образовании поднимает этические вопросы, связанные с приватностью данных, например, сбор информации о прогрессе студента, истории поиска и предпочтениях в обучении. Кроме того, существует проблема цифрового неравенства и обеспечения доступа к ИИ-технологиям для всех учащихся [6].

Таким образом, искусственный интеллект в обучении иностранным языкам студентов аграрного вуза представляет собой мощное средство, способное повысить качество и эффективность образовательного процесса. Его использование позволяет преподавателям и студентам решать множество задач, от автоматизации рутинных процессов до создания персонализированных учебных траекторий. Однако для успешного внедрения ИИ необходимо учитывать его ограничения и использовать данные технологии как дополнение, а не замену традиционных методов обучения. В перспективе, комбинируя ИИ и традиционные подходы, можно создать образовательную среду, способствующую высокоэффективному обучению профессиональному иностранному языку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Багринцева, О.Б. Возможности применения искусственного интеллекта на занятиях по английскому языку со студентами инженерных специальностей (на примере направления подготовки «Агроинженерия») / О.Б. Багринцева, И.А. Гроховская // Педагогические исследования. – 2024. – Вып. 3. – С. 105–127.

2. Байдикова, Т.В. Формирование профессионального тезауруса студентов аграрного вуза в процессе речевой практики с инструментами искусственного интеллекта / Т.В. Байдикова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 352-363.

3. Байдикова, Т.В. Обучение студентов аграрного вуза профессиональному иностранному языку с использованием технологических решений на базе искусственного интеллекта / Т.В. Байдикова, А.Г. Соломатина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 30, №3 – С. 648-659.

4. Ефимова, О.Г. Применение цифровых технологий для формирования иноязычной аудиовизуальной компетенции в животноводстве / О.Г. Ефимова, Н.Н. Шевцов // Аграрный вестник Верхневолжья. – 2022. - № 3 (40). – С. 112-118.а

5. Лукомская, В.Г. Искусственный интеллект как средство обучения иностранному языку / В.Г. Лукомская, А.О. Золин // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2025. - №03 (104). – URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/iskusstvennyj-intellekt-kak-sredstvo-obucheniya-inostrannomu-yazyku.html (дата обращения: 05.05.2026)

6. Рябкова, Е.С. Использование ИИ в обучении английскому языку / Е.С. Рябкова, О.А. Балакина // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2025. - №2 (103). – URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/ispolzovanie-ii-v-obuchenii-anglijskomu-yazyku.html (дата обращения: 01.05.2026).

7. Сысоев, П.В. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы / П.В. Сысоев, Е.М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 66-72.

8. Токмакова, Ю.В. Обучение разговорной практике на иностранном языке студентов аграрного вуза на основе технических решений на базе искусственного интеллекта. / Ю.В. Токмакова, Е.Л. Макарова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т.30, №4 – С. 814-827.

9. Токмакова, Ю.В. Использование корректирующей обратной связи от генеративного искусственного интеллекта в обучении профессиональному иностранному языку студентов аграрного вуза / Ю.В. Токмакова, Е.С. Саенко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 30, № 1. – С.50-66.

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO AGRARIAN STUDENTS

A. M. Klepatskaya
Grodno State Agrarian University
Republic of Belarus, klepatskaya.anna@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the use of artificial intelligence in teaching a foreign language to the students of agrarian universities. The article lists both the main advantages and limitations of using AI in the educational process. There is also a review of research works reflecting the results of experimental teaching of a professional foreign language using AI tools.

Keywords: artificial intelligence; agrarian university; AI tool; neural network; web-platform; chatbot.

УДК 004.8:81'25

КАК НЕЙРОСЕТИ МЕНЯЮТ ЯЗЫКОВУЮ ПРАКТИКУ: ПЕРЕВОД, ОБУЧЕНИЕ И НЕЗАМЕТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Г.В. Литвинова, Д.В. Джигова
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация, dasha_dzhigova@mail.ru

Рассматриваются ключевые технологические и прикладные сдвиги, вызванные внедрением нейросетевых языковых моделей в переводческое дело и преподавание иностранных языков. Прослежена эволюция автоматической обработки текста – от

первых систем на жёстких правилах до больших генеративных архитектур. Основное внимание уделено неочевидным ограничениям, заложенным в вероятностной логике моделей, включая феномен ложных утверждений и когнитивных смещений.
Ключевые слова: генеративные нейросети; машинный перевод; языковые галлюцинации; лингводидактика; чат-боты; приватность данных; цифровая этика.

Когда я впервые показала своим друзьям студентам-переводчикам возможности тогда ещё нового чат-бота, старый корпус Крымского федерального наполнился смешанным гулом удивления и тревоги: машина перевела сложный публицистический отрывок быстрее, чем они успели дочитать оригинал. Уже через полгода те же студенты приносили на пары примеры, где нейросеть «изобретала» биографии учёных, перевирала даты и путала географию полуострова. Именно этот разрыв – между впечатляющей скоростью и фундаментальной ненадёжностью – стал для меня отправной точкой для систематического разбора того, как большие языковые модели трансформируют нашу профессиональную среду.

Чтобы понять нынешнее положение дел, стоит коротко восстановить логику развития автоматического перевода. Первые системы, появившиеся ещё во второй половине XX века, работали как старательные, но негибкие лаборанты: им давали грамматические схемы и двуязычные словари, и они собирали перевод поблочно [1, с. 51]. Результат был предсказуемым – корявый синтаксис и полная потеря контекста. Затем пришла эпоха статистических методов: программа уже не пыталась осмыслить фразу, а вычисляла наиболее вероятный перевод на основе параллельных корпусов. Это резко повысило гладкость текста, однако связность за пределами трёх-четырёх слов оставалась слабым местом. Настоящий прорыв обеспечила архитектура Transformer с механизмом внимания, которая дала алгоритмам возможность удерживать семантические связи внутри длинных предложений и даже между соседними абзацами [3, с. 205]. На этом фундаменте выросли и специализированные переводные движки типа DeepL, и генеративные гиганты вроде GPT.

Сегодня мы имеем две пересекающиеся, но не идентичные линейки языкового искусственного интеллекта. Узкопрофильные переводческие системы отлично работают с технической документацией – инструкциями, стандартами, отчётами, где важна терминологическая точность. Универсальные же модели берут шире: они способны не только переводить, но и суммаризировать, перефразировать, стилизовать. По данным недавнего сравнительного исследования на материале уйгурской авторской прозы, при тонкой настройке промптов генеративная модель заметно точнее передавала культурный колорит и эмоциональные оттенки, чем стандартный нейросетевой переводчик, который выдавал грамматически безукоризненный, но стерильный вариант [8, с. 5]. Платой за гибкость стала склонность придумывать отсутствующие в оригинале детали: в нескольких случаях модель вставляла в перевод названия несуществующих книг и имена вымышленных исторических персонажей.

В этом месте мы подходим к центральной уязвимости современных языковых моделей – так называемым галлюцинациям. Сам термин, на мой взгляд, неудачен, потому что предполагает искажение воспринимаемой реальности, тогда как нейросеть вообще никакой реальности не воспринимает. Она предсказывает очередной токен, опираясь на распределение вероятностей, выученное на этапе обучения. Математики, анализировавшие эту особенность в 2025 году,

сформулировали жёсткий вывод: генерация ложных утверждений – не ошибка программирования, а неустранимое следствие вероятностной природы предсказания текста [10, с. 15]. Представьте себе: модель тысячу раз видела в обучающем корпусе фразу «Симферополь – город в…» и почти безошибочно продолжит её правильно. Но стоит запросить малораспространённый факт, как накопление крошечных неопределённостей на каждом шаге порождения приводит к синтезу красивого, гладкого и абсолютно ложного ответа. Ситуация усугубляется тем, что в процессе обучения любой конкретный ответ подкрепляется, а осторожное «я не знаю» расценивается как провал. В итоге системе оказывается выгоднее солгать, чем признаться в нехватке данных.

Практические последствия этой особенности я наблюдаю постоянно. На семинарах по литературному переводу я регулярно даю задание: взять краткий пересказ научной статьи, сгенерированный чат-ботом, и сверить с первоисточником. Почти в каждой студенческой работе обнаруживаются вымышленные цифры, неверно приписанные авторства и даже целые фальсифицированные выводы. Хуже того, при попытке исправить ошибку путём уточняющего запроса модель демонстрирует так называемую «ложно-коррекционную петлю»: она многословно извиняется, заверяет, что теперь учла все замечания, и немедленно продуцирует новую, столь же далёкую от истины версию [9, с. 5]. Постредактирование машинного текста в таких условиях превращается в подобие археологической реконструкции: редактор вынужден не просто шлифовать стиль, а отсеивать фантомные пласты информации.

Было бы ошибкой, однако, говорить о языковом ИИ исключительно в критическом ключе. В сфере преподавания, которой я занимаюсь большую часть времени, открылись возможности, о которых ещё пять лет назад приходилось только мечтать. У нас в Крыму, в многоязычной аудитории, где соседствуют носители русского, крымскотатарского и украинского языков, чат-боты-репетиторы стали незаменимым подспорьем. Я не раз замечала, что студенты, которые на очных парах стесняются говорить из-за акцента или боязни ошибиться, с удовольствием общаются с безличным собеседником, делают по двадцать попыток, переспрашивают и в конечном счёте значительно быстрее преодолевают речевой барьер. Свежий метаанализ более сотни эмпирических исследований за 2024–2025 годы подтверждает: регулярная практика с ИИ-тьютором даёт статистически значимый прирост коммуникативной уверенности, причём главным фактором респонденты называют именно снижение тревожности [6, с. 251]. Машина не оценивает, не сравнивает и не устаёт – и это свойство в определённых учебных ситуациях оказывается важнее дидактической проработки.

Вместе с тем я всё чаще выступаю за осторожный оптимизм. Во-первых, подавляющая часть исследований проведена на глобальном англоязычном материале; для миноритарных языков, включая крымскотатарский, сопоставимых данных практически нет. Во-вторых, мы пока крайне мало знаем о том, как длительное общение с бесстрастным алгоритмом влияет на способность считывать живую интонацию, паузу, невербалику собеседника. Сужу по собственным наблюдениям: школьники и студенты, чрезмерно полагающиеся на чат-ботов, порой начинают терять навык спонтанной устной речи – они привыкают, что реплику можно обдумывать минуту и переписывать трижды, а в реальном диалоге такая роскошь отсутствует. Поэтому я убеждена: ключевой

метакомпетенцией сегодняшнего дня становится то, что «алгоритмической грамотностью» – умение не просто пользоваться нейросетевыми инструментами, но критически оценивать полученный результат, перепроверять факты и распознавать синтетический текст [5, с. 45].

Этическая сторона вопроса требует отдельного разговора. Весной 2025 года вскрылся факт несанкционированного использования персональных сообщений для дообучения одной крупной модели – согласия пользователей, естественно, никто не давал [11, с. 4]. Скандал поднял волну обсуждений, но, положа руку на сердце, проблема гораздо масштабнее громких кейсов. Мы не знаем точного состава обучающих корпусов популярных моделей – разработчики ссылаются на коммерческую тайну, – а значит, любой текст, загружаемый в облачный сервис для перевода или редактирования, потенциально может пополнить чей-то тренировочный датасет. В условиях, когда ИИ-инструменты плотно встроены в рабочий процесс и уйти от них практически невозможно, это создаёт серую зону коллективной уязвимости.

Не менее серьёзный вызов – постепенная инфлюация машинного контента в информационное поле. Группа Алессы провела показательный эксперимент: нейросети поручили суммаризировать новостные заметки и замерили эмоциональный сдвиг получившихся аннотаций [2, с. 7]. В 26% случаев тональность выходного текста заметно отклонялась от оригинала, причём чаще всего сложный конфликт упрощался до бинарного противостояния. Ещё любопытнее оказался второй замер: когда тем же испытуемым показывали сгенерированные моделью отзывы на товары, они принимали решение о покупке на треть чаще, чем после знакомства с подлинными покупательскими комментариями. Машинный текст, лишённый человеческих запинок, повторов и грамматических огрехов, парадоксально воспринимается как более убедительный. В мире, где контентные ленты переполнены, это свойство открывает широкие возможности для манипуляции – от потребительской до политической.

Положение усложняется тем, что мировое сообщество пока не выработало единых регуляторных подходов. Сравнительный обзор внутренних этических политик OpenAI, Meta, Google и Microsoft, проведённый Миллером и Сингхом, рисует картину поразительного разнобоя: от многоступенчатой фильтрации обучающей выборки до почти полного отказа от модерации под лозунгом «ответственность лежит на пользователе» [12, с. 6]. Отсутствие общих стандартов означает, что при любом инциденте – диффамация, утечка данных, разжигание розни сгенерированным текстом – виновного придётся искать в лабиринте технических и юридических прослоек, что практически гарантирует безнаказанность.

Подводя черту, выделю несколько позиций, которые видятся мне принципиально важными. Первое: граница между специализированными переводчиками и универсальными генераторами текста размывается, и мы движемся к гибридным схемам, в которых черновой перевод выполняет одна система, а финальную отделку – другая. Второе: борьба с галлюцинациями не может быть чисто инженерной задачей, потому что их корень – в математической природе вероятностного предсказания; нужны внешние контуры факт-чекинга и, возможно, изменение самих метрик, по которым оценивается качество модели (поощрение честного отказа от ответа). Третье: в языковом образовании правильная стратегия – не вытеснение преподавателя, а формирование у студента

привычки критического переосмысления машинного результата. Четвёртое: этические риски – приватность, предвзятость, незаметная манипуляция – перешли из теоретической в практическую плоскость, и без скоординированных международных регламентов мы рискуем оказаться в информационной среде, где правду от добротной имитации отличить будет уже почти невозможно.

Если позволить себе заглянуть чуть дальше сегодняшней повестки, главный вопрос, который меня занимает, звучит так: сможем ли мы выработать коллективный иммунитет к синтетическому тексту? И не станет ли это стимулом к тому, чтобы заново осмыслить ценность живого авторства – не как источника однозначной истины, а как носителя уникального человеческого опыта, который никакая нейросеть принципиально не воспроизведёт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеева, М. В. От формальных правил к самообучающимся системам: эволюция машинного перевода / М. В. Алексеева // Информационные технологии в гуманитарных науках. – 2024. – № 2. – С. 48–62.

2. Alessa, A. Quantifying cognitive distortion in neural language outputs / A. Alessa, J. T. Brown, W. Chen // Proceedings of the 2025 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – Singapore, 2025. – P. 1–15.

3. Барановский, П. Д. Архитектура «Трансформер» как лингвистическая революция / П. Д. Барановский, Ю. В. Гнездилова // Вопросы компьютерной лингвистики. – 2025. – № 4. – С. 200–217.

4. Петрова, И. В. Постредактирование нейросетевого перевода: трудозатраты и иллюзия точности / И. В. Петрова // Переводческая практика: наука и искусство. – 2024. – Вып. 18. – С. 81–95.

5. Королёва, Е. Е. Алгоритмическая грамотность как компонент языкового образования / Е. Е. Королёва, Т. А. Смирнов // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2025. – № 3. – С. 42–57.

6. A systematic review of AI-driven tools in second language acquisition / N. Lopez, P. Ramírez, S. Chen [et al.] // Computer Assisted Language Learning. – 2025. – Vol. 38, № 2. – P. 245–269.

7. Яковенко, А. С. ChatGPT и DeepL в зеркале литературного перевода: сравнительный анализ / А. С. Яковенко, Л. В. Данилова // Современные парадигмы перевода: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Ажур, 2025. – С. 708–715.

8. Wang, Q. Neural rendering of Uighur literature: a comparative output study / Q. Wang // PLoS ONE. – 2025. – Vol. 20, № 10. – e0335261.

9. Structural roots of hallucination in large language models: a model-internal analysis / R. Zimmermann, S. Patel, L. Müller // arXiv preprint arXiv:2511.04567. – 2025. – 23 p.

10. When models guess: mathematical inevitability of AI confabulation / S. Kent, E. Alvarez, T. Fontaine // Nature Computational Science. – 2025. – Vol. 5. – P. 10–19.

11. Проблемы приватности при обучении генеративных нейросетей: аналитический отчёт / Аналитический центр по правам человека. – Минск, 2025. – 28 с.

12. Ethical governance in four tech giants: a comparative study / J. T. Miller, R. A. Singh // AI & Society. – 2025. – Vol. 40. – P. 1–19.

HOW NEURAL NETWORKS ARE RESHAPING LANGUAGE PRACTICE: TRANSLATION, TEACHING AND INVISIBLE CONSEQUENCES

D. V. Dzhigova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russian Federation, dasha_dzhigova@mail.ru

The paper examines the key technological and applied shifts triggered by the introduction of neural language models in translation and foreign language teaching. The evolution of automatic text processing is traced, from early rule-based engines to large generative architectures. Special attention is given to the inherent limitations of probabilistic generation, including confabulation and cognitive biases. Drawing on classroom experience with philology students in Crimea, the benefits and risks of AI chatbot tutors are discussed. Proposals are formulated for fostering critical digital literacy and ethical standards in language AI environments.

Keywords: generative neural networks; machine translation; AI hallucinations; language teaching; chatbots; data privacy; digital ethics.

УДК 004.8:81'33:070

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЯЗЫКЕ СМИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

Ма Даньли
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, dma04861@gmail.com

В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта (ИИ) на язык современных средств массовой информации. Анализируются ключевые технологические направления, такие как автоматизированная журналистика, системы обработки естественного языка и машинный перевод. На примере реальных кейсов изучается практика внедрения ИИ в редакционные процессы, а также выявляются связанные с этим этические проблемы, включая вопросы предвзятости, ответственности и дегуманизации коммуникации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; СМИ; обработка естественного языка; автоматизированная журналистика; медиаэтика; алгоритмическая предвзятость; машинный перевод.

Интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сферу массовой коммуникации представляет собой один из наиболее значимых технологических и социальных сдвигов XXI века. Язык, будучи основным инструментом журналистики, находится в эпицентре этой трансформации. От автоматической генерации новостных заметок до сложных диалоговых систем, взаимодействующих с аудиторией, ИИ фундаментально меняет процессы создания, дистрибуции и потребления контента. Цель данной работы – проанализировать ключевые технологические механизмы, лежащие в основе языковых моделей, рассмотреть реальную практику их применения в СМИ и выявить наиболее острые этические дилеммы, возникающие на стыке искусственного интеллекта и медиаязыка.

Технологический фундамент современных языковых инструментов в медиа составляют системы обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) и, в особенности, большие языковые модели (Large Language Models, LLM). В отличие от ранних систем, основанных на жестких правилах, современные модели, такие как GPT (Generative Pre-trained Transformer) от OpenAI, обучаются на колоссальных массивах текстовых данных из интернета, книг и статей. Их работа основана на архитектуре «трансформер», ключевым элементом которой

является «механизм внимания», позволяющий модели анализировать контекст слова во всем предложении или абзаце, а не только в ближайшем окружении [1]. Это обеспечивает беспрецедентный уровень связности и осмысленности генерируемого текста. Другим важным направлением является машинный перевод, эволюционировавший от статистических методов к нейросетевым, что значительно повысило качество перевода, особенно для языков с богатой морфологией, таких как русский или белорусский. В распознавании и синтезе речи используются модели на основе рекуррентных нейронных сетей и их усовершенствованных вариантов, что позволяет переводить устную речь в текст (для создания субтитров или расшифровки интервью) и, наоборот, озвучивать письменные материалы.

На практике данные технологии находят разнообразное применение в медиаиндустрии. Наиболее яркий пример – автоматизированная журналистика, или роботизированный репортаж. Еще в 2014 году информационное агентство Associated Press (AP) начало использовать платформу Wordsmith компании Automated Insights для автоматической генерации новостей о корпоративных доходах. До внедрения ИИ редакторы AP вручную писали около 300 таких отчетов за квартал; после внедрения количество выросло до 4400 без увеличения штата, при этом количество ошибок сократилось [3, с. 22]. Подобные алгоритмы, работающие по шаблонам, способны быстро преобразовывать структурированные данные (биржевые сводки, спортивные результаты) в связные тексты. Редакция газеты *The Washington Post* разработала собственного робота-журналиста Heliograf, который дебютировал во время Олимпийских игр 2016 года и выборов в США, публикуя короткие заметки и обновления в реальном времени. Другой сферой применения является курирование контента: алгоритмы анализируют поведение пользователей и рекомендуют им персонализированную новостную ленту, как это делают агрегаторы Google News или «Яндекс.Новости». Кроме того, ИИ используется для модерации комментариев, поиска фактов (fact-checking) и мониторинга информационного поля, например, для выявления зарождающихся трендов или дезинформационных кампаний в социальных сетях, как показывает проект Factmata [5, с. 100].

Однако стремительное внедрение ИИ в медиасферу порождает ряд фундаментальных этических проблем. Первая и главная – это ответственность за контент. Если сгенерированный алгоритмом текст содержит ошибку или клевету, кто несет за это ответственность: разработчик модели, журналист, допустивший публикацию без проверки, или редакция? Существующая правовая база, как отмечает И.В. Понкин, пока не дает четкого ответа на этот вопрос, что создает зону правовой неопределенности [6, с. 59]. Вторая проблема – алгоритмическая предвзятость. Большие языковые модели обучаются на исторически сложившихся данных, содержащих культурные, социальные и политические стереотипы. ИИ неизбежно воспроизводит и даже усиливает их. Исследователи из проекта GPT-Researcher обнаружили, что нейросети могут генерировать тексты с гендерной или расовой предвзятостью, что в журналистике, стремящейся к объективности, абсолютно неприемлемо [7, с. 15]. Третья дилемма связана с дезинформацией. Высокое качество генерации текста делает ИИ инструментом двойного назначения. Он может не только помогать журналистам, но и использоваться для массового создания фальшивых, но убедительных новостей, комментариев и постов в социальных сетях с целью манипуляции общественным мнением.

Наконец, существует угроза дегуманизации коммуникации. Автоматизация и персонализация могут создать так называемый «пузырь фильтров», когда читатель видит только ту информацию, которая подтверждает его точку зрения, что ведет к фрагментации общества и утрате общей публичной сферы.

Таким образом, искусственный интеллект становится не просто вспомогательным инструментом, а активным участником языковой и коммуникационной среды в СМИ. Технологии NLP и большие языковые модели предоставляют впечатляющие возможности для повышения оперативности и масштабируемости журналистского труда, беря на себя рутинные задачи. Однако в сфере создания сложных, аналитических и, главное, этически ответственных материалов ведущая роль по-прежнему остается за человеком. Практика ведущих мировых СМИ доказывает, что наиболее эффективной и безопасной моделью является гибридная, где ИИ выступает в роли ассистента, а не замены журналиста. Решение же возникающих этических дилемм требует выработки новых профессиональных стандартов, принципов прозрачности (маркировка ИИ-контента) и, вероятно, государственного регулирования, чтобы использовать огромный потенциал технологий во благо, минимизировав риски для достоверности и объективности медиаязыка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Vaswani, A. Attention Is All You Need / A. Vaswani [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems 30 (NIPS 2017). – Long Beach, CA, USA, 2017. – P. 5998–6008.

2. Алексеева, М.И. Роботизированная журналистика: современное состояние и потенциал развития / М.И. Алексеева // Медиаскоп. – 2017. – Вып. 1. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2272. – Дата доступа: 15.05.2025.

3. The Associated Press. A Newsworthy Impact: Leveraging AI to Expand Coverage / AP Insights. – 2018. – 28 p. – Режим доступа: https://www.ap.org/insights/. – Дата доступа: 14.05.2025.

4. Иссерс, О.С. Медиафейки в эпоху искусственного интеллекта: технологии и стратегии распознавания / О.С. Иссерс // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2023. – № 3. – С. 22–42.

5. Ananny, M. Seeing without knowing: Limitations of the transparency ideal and its application to algorithmic accountability / M. Ananny, K. Crawford // New Media & Society. – 2018. – Vol. 20(3). – P. 973–989.

6. Понкин, И.В. Проблема ответственности и вины при использовании систем искусственного интеллекта / И.В. Понкин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 57–61.

7. Солдаткина, Я.В. Алгоритмическая предвзятость в системах искусственного интеллекта: риски для медиасферы / Я.В. Солдаткина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 5–19.

8. Diakopoulos, N. Automating the News: How Algorithms Are Rewriting the Media / N. Diakopoulos. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2019. – 322 p.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDIA LANGUAGE: TECHNOLOGICAL CAPABILITIES, PRACTICAL APPLICATION AND ETHICAL DILEMMAS

Ma Danli

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus, dma04861@gmail.com

The article examines the impact of artificial intelligence (AI) technologies on the language of modern mass media. Key technological areas such as automated journalism, natural language processing systems, and machine translation are analyzed. Based on real-world case studies, the practice of implementing AI in editorial processes is studied, and the associated ethical issues, including bias, responsibility, and dehumanization of communication, are identified.
Keywords: artificial intelligence; mass media; natural language processing; automated journalism; media ethics; algorithmic bias; machine translation.

УДК 81'25:811.111+811.161.1

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОТЕРИ В ТЕКСТЕ ФЭНТЕЗИ И ГРАНИЦЫ ИХ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕНСАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА А.А. ГРУЗБЕРГА "LORD OF THE RINGS")

С.О. Макеева, Е.В. Павлюкова
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия, vip.soutrider@mail.ru

Данная статья посвящена разграничению понятий переводческой потери и переводческой ошибки. На материале романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» и его перевода на русский язык, выполненного А.А. Грузбергом, проведен анализ различных типов переводческих потерь. Также в работе проведен эксперимент с использованием нейросети для оценки возможности автоматической компенсации выявленных потерь.
Ключевые слова: переводческая потеря; переводческая ошибка; «Властелин колец»; Дж. Р.Р. Толкин; литературоведческий подход; декодировка; искусственный интеллект.

В условиях стремительной цифровизации переводческого процесса, когда нейросетевые модели (LLM) претендуют на роль универсального медиатора смыслов, особую актуальность приобретает вопрос сохранения прагматического потенциала художественного текста. Произведения Дж. Р. Р. Толкина с их сверхплотным мифологическим фоном становятся «лакмусовой бумажкой» для проверки границ компетенции искусственного интеллекта. Цель настоящего исследования – выявить и классифицировать переводческие потери в переводе А.А. Грузберга романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» и оценить возможность их автоматической компенсации с помощью нейросетевой модели (ChatGPT) при сохранении форенизирующей переводческой стратегии. Однако перед тем, как перейти непосредственно к исследованию, необходимо уточнить категорийно-понятийный аппарат, в рамках которого создана данная работа.

Существует множество определений такого понятия, как «переводческие потери». Данный термин является смежным с другим понятием – «переводческая ошибка». Зачастую между данными терминами ошибочно ставится знак равенства, но данные понятия не являются тождественными. Е.М. Бузаджи в работе «Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок» указывает, что целесообразнее всего для обозначения всех недостатков перевода использовать единый термин – «переводческая ошибка». Все ошибки можно разделить на четыре вида, а именно:

1. нарушения при передаче смысла, связанные с денотативным содержанием текста;
2. нарушения, связанные с передачей стилистических черт оригинала;
3. нарушения, связанные с передачей авторской оценки;

4. нарушения нормы и узуса переводческого языка.

Однако есть специалисты, которые в своих работах оперируют исключительно понятием «переводческие потери». Так, например, Н.В. Базылев приводит в своей статье следующее определение: «Переводческие потери – это степень и характер непонимания фрагментов «чужого» вербального и невербального опыта в практике перевода» [1, с. 203]. По мнению автора, потери могут носить собственно лингвистический и экстралингвистический характер.

Также существуют такие типы потерь, как частичные и полные. Частичные потери при переводе могут быть вызваны утратой в тексте перевода ассоциаций, инспирируемых средствами исходного языка или вследствие различия языков в плане выраженности или невыраженности грамматических категорий. Полные же потери при переводе могут быть вызваны как исключительно языковыми причинами, так и экстралингвистическими, например, из-за наличия в оригинале непереводимой игры слов.

На основе представленных точек зрения можно сделать вывод, что переводческая потеря и переводческая ошибка – принципиально разные понятия. Переводческие потери рассматриваются как неизбежное и закономерное явление, возникающее в силу объективных различий между языковыми системами и культурами. В то же время переводческая ошибка – это непреднамеренный недостаток в работе переводчика, который происходит из-за его субъективных просчетов и недостатка компетенций.

Проблеме переводческих потерь непосредственно при переводе романа «Lord of the rings» посвящено множество работ. Так, Е.М. Божко, кандидат педагогических наук, посвятила данной проблеме более 10 работ [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Анализируя перевод А.А. Грузберга, Божко обнаруживает ошибку предметной логичности: *«white crest»* передано как *«белый крест»* вместо корректного *«гребень шлема»*. При переводе квазиэтнонимов у Грузберга также обнаруживаются ошибки: *«Elder Kindred»* передано как *«старшие королевства»* вместо *«род»*, а *«Exiles» – «беженцы»* вместо *«изгнанники»*.

Однако стоит отметить, что переводы других авторов тоже несовершенны. В переводе В.А. Муравьева и А.А. Кистяковского фиксируются аналогичные нарушения: *«Flame of the West»* становится *«Возрожденной Молнией»*, а *«banner» – «хоругвью»*, что вызывает неуместные религиозные ассоциации в мире Средиземья, где религия отсутствует. Наиболее серьезные проблемы, по наблюдениям Божко, допущены в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого. Например, высокий процент опущений: из текста исключены важные для батальных сцен единицы *(«baldric», «dwarf-mail», «buckler», «corslet»*, ряд имен мечей), что создает лакуны и лишает читателя детализации мира.

Подобной точки зрения придерживается и другой специалист, М.Т. Хукер. Например, М.Т. Хукер рассматривает переводы эпизода, в котором Галадриэль говорит Гимли о золоте. В оригинале (*«...let my words go with the gift. I hope that your hands shall be ever full of gold, but the gold shall not have you in its keeping»*) Дж. Р.Р. Толкин дважды использует слово «hope», что для него принципиально: христианская надежда противопоставляется языческой обреченности, однако в переводе этот отрывок стал искаженным [14, с. 129].

Анализ работ Е.М. Божко и М.Т. Хукера показал, что исследователи придерживаются литературоведческого подхода («от автора»). Ключевым критерием является «авторский интенционал», и его нарушение ведет к

искажению «интерпретационной картины видения» [4, с. 199]. Авторы не признают произвольной интерпретации переводчиком и критикуют привнесение чуждых оригиналу коннотаций.

Противоположная литературоведческая точка зрения – подход к переводу как к декодировке (Г.Е. Григорьева). В статье, посвященной сравнению данных подходов, автор указывает, что перевод В.А. Муравьева и А.А. Кистяковского реализует второй подход: для сходного воздействия на читателя используются кальки и русификация говорящих имен [10, с. 20]. Напротив, перевод А.А. Грузберга ориентирован на точное воспроизведение оригинала через транслитерацию и транскрибирование имен в ущерб семантической прозрачности.

Проведенный анализ теоретических источников позволяет констатировать наличие в современном переводоведении двух полярных подходов к оценке переводов «Властелина колец». В дальнейшем в данной работе мы будем опираться именно на литературоведческий подход, так как именно он был использован А.А. Грузбергом в ходе перевода романа на русский язык.

Практическое исследование переводческих потерь в тексте А.А. Грузберга строится на четко выстроенной последовательности действий. Первым ее звеном выступают принципы формирования корпуса примеров.

Из оригинального текста Дж. Р.Р. Толкина, перевода А.А. Грузберга методом целенаправленной выборки по 4 критериям отобрано 50 фрагментов: поэтические вставки, имена собственные, ключевые реалии вымышленного мира, прозаические эпизоды [12]. Подобный принцип обеспечивает тематическое разнообразие корпуса, позволяя охватить несколько видов потерь в рамках одного сопоставления. Применение выборочного метода в переводоведении обосновывается разнородностью отобранного материала, позволяющей выявить потери на разных уровнях текста.

Разбор каждого примера ведется по единому четырехшаговому алгоритму. На первом шаге приводится фрагмент оригинального текста. Второй шаг отводится соответствующему отрезку перевода А.А. Грузберга. Третий шаг посвящен квалификации расхождения. Четвертый шаг содержит вариант корректировки переводческого решения. Жесткое следование шаблону устраняет субъективность при описании расхождений, делая результаты воспроизводимыми. Четырехшаговая структура алгоритма опирается на принцип последовательного сопоставления: оценка перевода становится возможной лишь через строгое выравнивание исходного, переводного текстов по фрагментам.

Классификационная сетка строится на пересечении двух систем. Первая восходит к работе Д.М. Бузаджи, выделяющего 4 группы нарушений: нарушение денотативного содержания, нарушение при передаче стилистических черт оригинала, нарушение при передаче авторской оценки, нарушение норм языка перевода [8]. Вторая предложена Н.В. Базылевым, разграничивающим потери по двум параметрам [1, с. 203]. По характеру потери делятся на лингвистические, экстралингвистические. По степени охвата исходного содержания потеря квалифицируется как частичная или полная.

В корпусе зафиксирован 21 пример денотативных потерь. Одним из таких примеров является передача *«an Elven-maid Nimrodel»*: у Грузберга персонаж-женщина превращается в *«страну Нимродель»*, что М. Хукер считает устойчивой чертой его манеры [14, с. 56]. *«White radiance like lightning»* передано как *«белый*

огонь молний», где образ сияния подменяется огнем. По Базылеву, это лингвистические полные потери. Стилистических потерь – 14 единиц. Наиболее ярким примером является перевод поэмы об Эарендиле: оригинальные 8 строф четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой заменены прозаическим подстрочником, что полностью снимает метр, рифму и жанровую природу фрагмента. Потерь, связанных с авторской оценкой 15 примеров. Ключевой случай – перевод *«The Fellowship of the Ring»* как *«Товарищество Кольца»*: русская лексема «товарищество» тяготеет к формальному объединению, тогда как fellowship акцентирует духовную братскую связь, что квалифицируется как утрата авторской оценки [14, с. 57]. Другой пример – передача речи Назгула: в оригинале архаический торжественный регистр, у Грузберга *«смерти тебе не видать»* – просторечный оборот, придающий сцене комический оттенок.

Однако анализ одного перевода не позволяет судить о степени неизбежности выявленных потерь: возможно, они обусловлены не столько индивидуальной манерой Грузберга, сколько объективными трудностями передачи толкиновского текста на русский язык. Для проверки этого предположения необходимо сопоставить грузберговскую версию с альтернативными переводами.

В качестве материала для сравнения взят перевод В.А. Муравьева и А.А. Кистяковского, т.к. это наиболее известная альтернатива грузберговской версии. Согласно Г.Е. Григорьевой и А.С. Вдовиной, эти переводы реализуют разные стратегии: версия Муравьева и Кистяковского тяготеет к доместикации (адаптации под нормы принимающей культуры), тогда как Грузберг придерживается форенизирующей установки (сохранение образов и структур оригинала) [10, с. 19]. Сравнение показывает, как выбор стратегии порождает специфические типы потерь.

По денотативным потерям разница очевидна. У Грузберга «*Nimrodel»* становится *«страной Нимродель»,* а имя хоббита «*Maggot»* передано как *«Бирюк»* – нарицательное слово с иной семантикой. У Муравьева и Кистяковского антропонимический статус обоих персонажей сохранен. По стилистическим потерям контраст еще заметнее. Поэма об Эарендиле у Грузберга заменена прозаическим подстрочником, тогда как Муравьев и Кистяковский, по наблюдению Т.С. Давыдовой и Н.В. Южакова, сохраняли метрическую структуру, жертвуя лексической точностью [11, с. 47]. Батальная сцена в Мории у Грузберга описывается громоздкой конструкцией *(«движением большого кожаного щита отразил удар меча Боромира»*), тогда как у Муравьева и Кистяковского та же сцена решена короткими динамичными фразами с сохранением высокого регистра. Что касается потерь авторской оценки, здесь позиции расходятся по-иному. Перевод названия *«The Fellowship of the Ring»* у Грузберга – *«Товарищество Кольца»*, у Муравьева и Кистяковского – *«Братство Кольца»*. Как отмечают Е.В. Шелестюк и Э.Д. Гриценко, вторая версия семантически точнее в культурном отношении [13, с. 57]. Парадоксальным образом именно Грузберг, строго следующий букве оригинала, непреднамеренно привнес коннотации, которых в оригинале нет. К.Р. Глазкова, А.А. Звягинцева и А.В. Самарин приходят к выводу: подход Грузберга отличается наибольшей буквальностью, что порождает специфический вид потерь – избыточно точных [9, с. 101].

Таким образом, сопоставление подтверждает, что потери в переводе Грузберга носят не случайный, а системный характер и напрямую связаны с избранной им

форенизирующей стратегией. Однако из этого следует практический вопрос: можно ли минимизировать такие потери, не меняя стратегию, с помощью современных технологий? Для ответа на него был поставлен эксперимент с нейросетевой языковой моделью.

Фрагменты из всех трех групп, выявленные в ходе анализа, были предложены модели ChatGPT (GPT-4o) по единому шаблону: оригинал, вариант Грузберга, запрос восстановить утраченный элемент с сохранением форенизирующей установки. Промпт имел следующий вид: «Вот фрагмент оригинала: [текст]. Вот перевод Грузберга: [текст]. Сохраняя форенизирующую стратегию (максимальную близость к синтаксису и лексике оригинала), предложите вариант, компенсирующий смысловую и/или стилистическую потерю. Ответ дайте только исправленным фрагментом». Компенсация считалась успешной, если предложенный вариант устранял выявленное расхождение без нарушения норм русского литературного языка и с учетом стратегии форенизации.

Наиболее уверенно модель справилась с денотативными потерями. При запросе скорректировать *«an Elven-maid Nimrodel»* ChatGPT предложил *«эльфийская дева Нимродель»* вместо *«страны Нимродель»*, а при работе с *«creek» – «ручей»* вместо *«узкая полоса воды»* (табл. 1). Нейросеть также устранила тавтологию *«косоглазыми глазами»* и заменила грамматически верным вариантом *«косыми глазами»*.

Таблица 1. – Результаты компенсации денотативных потерь нейросетью ChatGPT

№	Оригинал	Перевод Грузберга	Перевод ИИ
1	an Elven-maid Nimrodel	«страна Нимродель»	«эльфийская дева Нимродель»
2	holding his staff aloft	«занес посох»	«держа посох свой выспрь»
3	the falls (ед. Раурос)	«водопадов»	«пады»
4	howl (волчий вой)	«рев»	«вой»
5	creek	«узкая полоса воды»	«ручей»
6	dragon-lair and hidden door	«двери острогов»	«драконье логово и сокрытая дверь»
7	silver tiara	«серебряное Кольцо»	«серебряная тиара»
8	Maggot (имя хоббита)	«Бирюк»	«Маггот»
9	Butterbur (имя трактирщика)	«Наркисс»	«Баттербур»
10	Noldor (мн.ч.)	«Нольдор» (ед.ч.)	«Нолдор» (мн.ч.)
11	cunning slanting eyes	«косоглазыми глазами»	«хитрые косые глаза»
12	some (некоторые)	«были те, что»	«некие»
13	A shining star by day	пропущено	«звезда, блистающая днем»
14	mantle white hemmed with gold	пропущено	«плащ белый, отороченный златом»

Со стилистическими потерями результаты менее однородны. При попытке восстановить поэму об Эарендиле модель создала стихотворный вариант с

приблизительным соблюдением метра, но рифмы оказались неточными, а ритмический рисунок нестабильным (табл. 2). Батальную сцену в Мории ChatGPT перефразировал в более динамичный вариант, однако «протокольный» синтаксис грузберговской версии частично воспроизводился.

Наибольшие затруднения вызвали потери авторской оценки. При запросе скорректировать *«The Fellowship of the Ring»* модель предложила *«Братство Кольца»*, обосновав решение утратой духовно-братского смысла. Однако с более сложными примерами – восстановление противопоставления христианской надежды и языческого фатализма в речи Галадриэль или передача архаической стилизации топонима *«Derndingle»* – модель не справилась, выдав формально грамотные, но лишенные богословского контекста и стилистической глубины варианты.

Также искусственный интеллект не смог справиться с переводом фразы *«lord of wisdom throned he sat»*. У Грузберга она передана как *«знаний полная голова»*, однако это слишком сниженный и разговорный вариант. В переводе ChatGPT *(«владыка мудрости, на престоле восседал он»*) возникает иная проблема: механическая инверсия, калькированная с английского порядка слов (табл. 3). Хукер отмечает, что Толкин использует архаичный синтаксис избирательно, преимущественно в прямой речи эльфийских владык или в заклинаниях, но не в нейтральном описании.

Таблица 2. – Оценка стилистических трансформаций в поэтических фрагментах

№	Оригинал	Перевод Грузберга	Перевод ИИ
1	Earendil was a mariner / that tarried in Arvernien; / he built a boat of timber felled / in Nimbrethil to journey un; / her sails he wove of silver fair, / of silver were her lanterns made, /her prow was fashioned like a swan, /and light upon her banners laid.	«Эарендиль был моряком, / Приплывшим из Арверниен. / Здесь он построил корабль из нарубленного леса / В Нимбретиле, чтобы плавать в нем. / Паруса корабля он соткал из тончайшей серебряной нити, / Из серебра были фонари, / Нос вырезан в виде лебедя, / И на знаменах лежал свет»	Эарендил был мореход, / что познал остановку в Арверниене; / он построил ладью из леса, сваленного / в Нимбретиле, чтобы плыть не до конца; / ее паруса он соткал из серебра прекрасного, / из серебра были сделаны ее фонари, / ее нос был изваян подобно лебедю, / и свет на ее стягах был положен»
2	An Elven-maid there was of old, / A shining star by day: / Her mantle white was hemmed with gold, / Her shoes of silver-grey.	«Жила-была давным-давно / Прекрасная девушка-эльф. / В длинных ее волосах серебро / Сверкало, как звездный свет…»	«Была эльфийская дева в старину, / Сияющая звезда при дневном свету: / Ее белая мантия была подшита золотом, / Ее туфли – из серебра-седины»
3	Coming to the northern	«Подойдя к крайней	«Подойдя к самой

	end of the lake they found…	северной точке озера, обнаружили...»	северной оконечности озера, они увидели...»
4	Boromir it was that drove his shield-arm aside	«движением большого кожаного щита отразил удар меча Боромира»	«большим кожаным щитом отразил удар меча Боромира»
5	As mew upon the wing	«Как чайка, на воду он упал»	«он упал в воду»
6	From helm to sea they saw him leap / He leapt into the water	«Но берег его не видел с тех пор»	«но его больше никто не видел на том берегу»
7	The foam about him shone	нет в оригинале	«пенистые гребни волн»

В данном случае более адекватным решением было бы сохранить прямой порядок слов.

В ходе перевода отрывка со сценой гибели Боромира у нейросети также возникли трудности. Искусственный интеллект перевел *«Boromir smiled»* как *«Боромир усмехнулся»*. В русском языке слово «усмехнуться» имеет оттенок насмешки, иронии или превосходства, однако ничего из этого не подразумевалось в оригинальном тексте, т.к. в самой сцене улыбка Боромира скорее мужественная и грустная. В данном случае перевод и Грузберга *(«Боромир улыбнулся»)*, и нейросети можно считать неудавшимися.

Таблица 3. – Анализ прагматических сбоев при передаче авторской оценки

№	Оригинал	Перевод Грузберга	Перевод ИИ
1	The Fellowship of the Ring	«Товарищество Кольца»	«Братство Кольца»
2	tree and glen (Амрот правил…)	«кустами, цветами, травой»	«древо и долина»
3	lord of wisdom throned he sat	«знаний полная голова»	«владыка мудрости, на престоле восседал он»
4	You will taste the knife, and know the cold	«смерти тебе не видать»	«Ты вкусишь клинка и познаешь холод»
5	поэтические вставки как исполняемые песни	прозаические подстрочники	стихотворный размер сохранен
6	Exiles	«беженцы»	«Изгнанники»
7	Elder Kindred	«старшие королевства»	«Старшее Родство»
8	white crest	«белый крест»	«белый гребень»
9	hope (Галадриэль – Гимли)	утрачено, заменено фатализмом	«Упование»
10	Derndingle	«Дерндингл»	«Тайная Лощина»
11	the Mouth of Sauron	«рот Саурона»	«Уста Саурона»
12	waybread (лембас)	«путевой хлеб»	«хлеб пути»
13	Boromir smiled (сцена гибели)	«Боромир улыбнулся»	«Боромир усмехнулся»

14	Do not bandy words in your insolence…	«Не перекидывайся словами в своем высокомерии…»	«Не перебрасывайся речами в твоем надмении...»
15	Surety you crave! Sauron gives none	«Ты говоришь глупости! Саурон ничего не дает»	«Поруки ты алчешь! Саурон не дает их»

Полученные результаты позволяют сделать общий вывод. ChatGPT успешно компенсирует те потери, которые имеют лексико-семантическую природу и не требуют погружения в философскую систему произведения. Однако потери, связанные с передачей авторской оценки (группа 3 по Бузаджи), остаются практически недоступны для автоматической корректировки: из 15 примеров этой группы удовлетворительный вариант получен только для четырех. Следовательно, искусственный интеллект может служить вспомогательным инструментом при работе с денотативными и отчасти стилистическими потерями, но не заменяет переводчика с глубоким знанием авторского мира и литературоведческой компетенцией – особенно там, где речь идет о сохранении авторской оценки и культурно-богословского контекста.

На основе исследования можно составить гистограмму, демонстрирующую результаты (рис.). На гистограмме представлены количество переводческих ошибок, допущенных Грузбергом, и количество удачных вариантов исправления данных ошибок от искусственного интеллекта. Наглядно представленные данные демонстрируют, что с ошибками, для корректировки которых необходимо понимание контекста и авторских интенций, нейросеть справляется гораздо хуже, чем с корректировкой денотативных потерь.

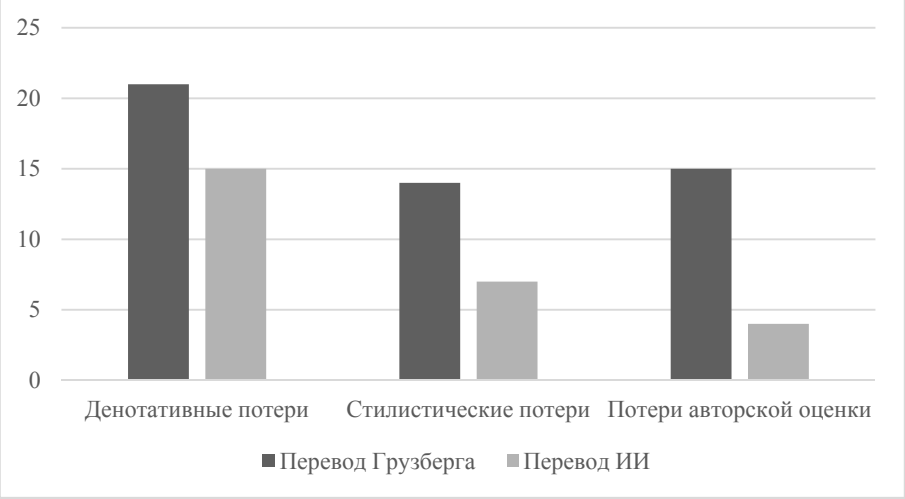


Рисунок – Сравнительная эффективность компенсации различных типов переводческих потерь моделью ChatGPT

Таким образом, в ходе исследования уточнено разграничение между переводческой потерей и переводческой ошибкой: потеря обусловлена объективными системными различиями языков, ошибка, в свою очередь, обусловлена недостаточной компетенцией переводчика. На материале 50 фрагментов из перевода А.А. Грузберга (поэтические вставки, имена собственные, реалии, проза) выявлены и классифицированы три группы потерь: денотативные (21 пример, включая подмену антропонимов топонимами), стилистические (14 примеров, прежде всего замена поэтических вставок прозой) и

связанные с авторской оценкой (15 примеров, в том числе перевод *«The Fellowship of the Ring»* как *«Товарищество Кольца»*). Сравнение с доместицирующим переводом Муравьева и Кистяковского показало, что строгая форенизирующая установка Грузберга порождает специфический вид потерь – избыточно точных, разрушающих образный строй там, где адаптивный подход таких расхождений не допускает.

Эксперимент с ChatGPT (GPT-4o) продемонстрировал, что модель успешно компенсирует лексико-семантические (денотативные) потери, но практически не справляется с потерями авторской оценки. Стилистические нарушения, особенно в поэтических фрагментах, восстанавливаются частично и нестабильно. Таким образом, искусственный интеллект может служить вспомогательным инструментом при работе с формальными расхождениями, но не заменяет переводчика там, где требуется погружение в философский и культурно-богословский контекст авторского мира. Перспективой исследования является разработка системы промпт-инжиниринга, ориентированной на сохранение «винтажных» стилистических характеристик в переводах классической литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Базылев, В. Н. Translation losses (потери при переводе) // Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. – 2011. – № 2011. – С. 203-204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/translation-losses-poteri-pri-perevode (дата обращения: 25.04.2025).

2. Божко, Е. М. Анализ приемов передачи квазиреалий в переводе на русский язык романа Джона Р.Р. Толкиена "властелин колец", выполненном А.А. Грузбергом / Е. М. Божко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 238-248.

3. Божко, Е. М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 3 (131). – С. 188–191.

4. Божко, Е. М. Квазиэтнонимы в различных переводах на русский язык романа Джона Р. Р. Толкина "Властелин колец" при обучении переводу / Е. М. Божко // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 199-202.

5. Божко, Е. М. Особенности передачи мер в переводах романа Дж. Р.Р. Толкина "Властелин Колец" / Е. М. Божко // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2011. – № 2. – С. 23-28.

6. Божко, Е. М. Передача квазиреалий-беллумотивов в четырех переводах на русский язык романа Дж.Р.Р. Толкина "Властелин колец" / Е. М. Божко // Linguistica Juvenis. – 2010. – № 12. – С. 26-30.

7. Божко, Е. М. Переводческие несоответствия в переводах романа Дж. Р. Р. Толкина "Властелин Колец" на русский язык / Е. М. Божко // Языковое образование сегодня – векторы развития : Материалы IV международной научно-практической конференции-форума, Екатеринбург, 26–27 апреля 2013 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. – С. 256.

8. Бузаджи, Д. М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всероссийский центр переводов, 2009. 119 с.

9. Глазкова, К. Р. Переводы «Властелина колец» на русский язык: обзор различных подходов и их влияние на восприятие текста / К. Р. Глазкова, А. А. Звягинцева, А. В. Самарин // Иностранный язык: традиции, опыт и инновации : Материалы II Международной научно-практической заочной конференции, Казань, 12 декабря 2024

года. – Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2024. – С. 100-103.

10. Григорьева, Г. Е. Два отражения "Властелина колец" Дж. Р. Р. Толкина: две стратегии перевода / Г. Е. Григорьева, А. С. Вдовина // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2016. – № 12. – С. 17-23.

11. Давыдова, Т. С. Проблема перевода поэтического текста (на материале романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец») / Т. С. Давыдова, Н. В. Южаков // Гуманитарный научный вестник. – 2024. – № 6. – С. 45-52.

12. Толкиен, Дж. Р. Р. Властелин Колец / Пер. с англ. А. А. Грузберга. – М.: Престиж Бук, 2002. – 864 с.

13. Шелестюк Е.В., Гриценко Э.Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможности их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филологические Науки. 2016. Том 4. Вып. 10. С. 57–60.

14. Hooker, Mark T. Tolkien Through Russian Eyes / Mark T. Hooker. Zollikofen: Walking Tree Publishers, 2003. 324 p.

15. Tolkien, J.R.R. The Lord of the Rings. – HarperCollins Publishers, 2004. – 1178 p.

TRANSLATION LOSSES IN FANTASY TEXT AND THE LIMITS OF THEIR AUTOMATIC COMPENSATION (BASED ON A.A. GRUZBERG'S TRANSLATION OF "THE LORD OF THE RINGS")

S.O. Makeeva, E.V. Pavliukova
Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia, vip.soutrider@mail.ru

This article is devoted to distinguishing between the concepts of translation loss and translation error. Based on J.R.R. Tolkien's novel "The Lord of the Rings" and its Russian translation made by A.A. Gruzberg, the authors analyze various types of translation losses. The study also conducts an experiment using a neural network to assess the possibility of automatic compensation of the identified losses.

Keywords: translation loss; translation error; "The Lord of the Rings"; J.R.R. Tolkien; literary approach; decoding; artificial intelligence.

УДК 004.8:378

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

И.Г. Маликова, О.Н. Шульга
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
Минск, Республика Беларусь, irmal@bsuir.by, o.shulga@bsuir.by

В статье рассматриваются возможности и ограничения применения искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам студентов технических специальностей. Особое внимание уделяется современным ИИ-инструментам, способствующим повышению эффективности занятий. Подчеркивается неизменная ключевая роль преподавателя в учебном процессе в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: ИИ-инструменты; иностранные языки; эффективность обучения; гибридная модель; роль преподавателя.

В настоящее время владение иностранным языком является одной из ключевых компетенций в подготовке высококвалифицированных специалистов, которое может обеспечить им конкурентное преимущество на рынке труда в эпоху высоких технологий.

Реализация этой цели предполагает внедрение инновационных методов обучения, включая технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые в последнее время получают все более широкое распространение в изучении иностранных языков благодаря их способности обеспечивать эффективность учебного процесса и поддерживать мотивацию обучающихся.

Необходимо также учесть тот факт, что современные студенты относятся к поколению, которое выросло в эпоху цифровых технологий, интернета и социальных сетей. Использование новейших технологий является для них привычной и неотъемлемой частью повседневной жизни, поэтому их применение в образовательной среде значительно повышает заинтересованность и вовлеченность обучающихся в учебный процесс.

В последнее время в научной и педагогической среде проводится все больше исследований, посвященных изучению потенциала искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам. Современные учёные (Е.Н. Полюдова, П.В. Сысоев, Е.М. Филатов и др.) акцентируют внимание на широких возможностях использования в процессе изучения иностранных языков таких инструментов, как чат-боты, нейросети и адаптивные интернет-платформы.

Среди основных преимуществ применения искусственного интеллекта в иноязычном образовании можно выделить следующие:

- индивидуальный подход в обучении, подразумевающий учёт уровня языковой подготовки, темпа усвоения и интересов обучающегося;
- мгновенное исправление ошибок с разъяснением грамматических правил и правильного употребления лексики;
- универсальная возможность учиться в любое время и в любом месте без привязки к учебной аудитории;
- адаптация сложных текстов с последующим генерированием заданий на основе используемых учебных ресурсов;
- развитие иноязычных речевых умений, способствующих как пониманию речи на слух, так и выражению мыслей в устной и письменной форме;
- снижение уровня тревожности из-за боязни совершить ошибку вследствие отсутствия непосредственного контроля со стороны преподавателя;
- отслеживание динамики освоения учебного материала с последующей аналитикой и визуализацией прогресса, что помогает эффективно самостоятельно корректировать учебный план и поддерживать индивидуальную мотивацию;
- предоставление доступа к обширной базе интерактивных материалов в рамках изучаемых тем [1, с. 317-319; 4, с. 68-69].

Применение современных ИИ-инструментов оказывает помощь не только обучающимся, но и преподавателям, оптимизируя процесс создания уникального контента для проведения практических занятий. Они существенно снижают время на разработку учебных материалов, позволяя преподавателям сосредоточиться на более творческих аспектах своей профессиональной деятельности. Например, платформа *Twee.com* генерирует диалоги по видео и текстам, составляет вопросы к видеороликам на *YouTube*, а также упражнения по грамматике для ролевых игр, что значительно экономит время на подготовку к занятиям. Дополнительную

поддержку преподавателям оказывают такие инструменты, как *MagicSchool.ai,* позволяющий создавать планы занятий, тесты разных уровней сложности и задания, адаптированные к конкретным учебным целям, а также *Eduaide.ai*, который составляет дифференцированные задания, создает системы оценивания и визуальные учебные материалы по изучаемым темам (электронные технологии, наноэлектроника и др.).

Студенты технических вузов в большинстве своем осознают значимость изучения английского языка для своей профессиональной деятельности, особенно в сфере информационных технологий, программной инженерии, кибербезопасности, что обеспечивает их достаточно высокую мотивацию к изучению иностранного языка. Будучи заинтересованными в новейших технологиях, обучающиеся активно применяют ИИ-инструменты для подготовки к занятиям:

- написание резюме, аннотаций, создание презентаций, подготовка докладов на иностранном языке;
- перевод текста с родного языка на иностранный и наоборот (*Google Translate, DeepL, Yandex Translate*);
- генерация текстов и графических изображений (*ChatGPT, DeepSeek, Gemini, Claude, Grok*).

Для совершенствования навыков устной речи при обучении будущих инженеров иностранным языкам наиболее эффективными, на наш взгляд, являются описанные ниже специализированные ИИ-инструменты. Среди них к числу самых распространённых относятся *ChatGPT* и *Grok,* которые могут быть использованы для генерации ролевых и деловых игр по изучаемым темам: к примеру, собеседование при устройстве на работу, разговор разработчика с заказчиком новой системы кибербезопасности и др. Для составления диалогов по указанной теме на практических занятиях могут применяться также *Robotext.io, Neiroset Dialogue Generator. Gliglish* и *TalkPal* помогут смоделировать диалоги с виртуальными персонажами для развития умений иноязычного общения в рамках профессиональных сценариев.

Для интерактивного изучения иностранных языков через геймифицированные уроки, охватывающие обучение как различным аспектам языка, так и всем видам речевой деятельности, на настоящий момент многими обучающимися используется приложение *Duolingo*. Его особенностью является система поощрений, которая призвана поддерживать высокую мотивацию пользователей через регулярную обратную связь и чувство прогресса. Награды включают очки опыта за каждое выполненное задание или урок для повышения позиции в лигах, еженедельные рейтинги, которые стимулирует конкуренцию; языковые челенджи (например, «30 дней на английском»), которые помогают сформировать привычку и поддержать интерес к обучению. Такая структура наград мгновенно подкрепляется визуальным или звуковым сигналом, что превращает изучение языка в захватывающую игру и делает процесс обучения более увлекательным.

Несмотря на очевидные преимущества ИИ-инструментов, исследователи отмечают ряд существенных ограничений, к которым можно отнести вероятность получения некорректной информации, что требует от обучающихся и педагогов обязательной регулярной проверки получаемых данных. Встречаются ситуации, когда ИИ «галлюцинирует» и выдумывает ответ, уверенно выдавая его за

правдоподобный, допускает логические ошибки, приводит ложные цитаты и ссылки, а иногда дает ответы, противоречащие общечеловеческим ценностям.

Кроме того, среди дискуссионных аспектов использования чат-ботов выделяют их преимущественную ориентированность на уровни владения иностранным языком А2 – В1. Учёные также описывают неспособность многих ИИ-ассистентов корректно распознавать акценты и диалектные особенности, поскольку их обучение преимущественно основывается на литературной, нормированной форме речи носителей языка [4, с. 70].

Недостатки использования искусственного интеллекта в неподготовленной диалогической речи и понимании контекста дополняются отсутствием эмоционального интеллекта. Такие нюансы общения, как юмор, этикет и ситуативная уместность, недоступны пониманию алгоритмов и могут развиваться только в процессе реальной человеческой коммуникации.

Использование ИИ-инструментов при обучении иностранному языку затрагивает и такой этический аспект, как «академическая честность». Недобросовестное применение студентами нейросетей для подготовки учебных заданий негативно сказывается, по мнению Н.Г. Кондрахиной и О.Н. Петровой, на способности обучающихся к самостоятельной работе и критическому осмыслению информации, снижая их творческий потенциал [2, с. 362].

Кроме того, у студентов нередко возникает вопрос о целесообразности изучения иностранного языка при наличии широкого спектра возможностей, предоставляемых ИИ технологиями. В качестве примера можно привести разработку компании *Apple* – наушники *AirPods* с функцией синхронного перевода «Живой перевод» (*Live Translation*). Данная технология позволяет в режиме реального времени переводить устную речь собеседника на нужный язык прямо в наушниках. В результате у обучающихся возникает иллюзия автоматического обладания языковой компетенцией без необходимости ее самостоятельного формирования.

С учетом вышеизложенного, возникает вопрос, как эффективно использовать потенциал ИИ-инструментов при обучении иностранному языку. Полагаем, что обучающимся надо предлагать задания, требующие самостоятельных усилий, критического и творческого мышления, рефлексии, а также устной коммуникации на основе личного опыта. Главное – смещение акцента с финального продукта (резюме, аннотация, доклад и др.) на процесс (говорение, рефлексия).

Эффективные типы заданий включают ролевые игры с подготовкой непосредственно на занятии; импровизационные дебаты, когда тема объявляется прямо перед началом обсуждения, и студенты аргументируют свою позицию в живом режиме; анализ текста, специально сгенерированного ИИ с ошибками, которые обучающиеся находят и исправляют; рассказ о недавнем мероприятии, проходившем в университете для связи с актуальными локальными событиями; выступление с презентациями по выбранной теме перед аудиторией; дебаты с ИИ по дискуссионным вопросам с краткой подготовкой аргументации и последующей полемикой; устная защита письменных заданий (аннотация или резюме), когда обучающиеся отвечают на вопросы преподавателя по содержанию работы; кейсы из профессиональной сферы (переговоры, презентации, деловая переписка) и создание творческих проектов в группах с взаимным оцениванием и др.

В условиях широкого использования ИИ-инструментов происходит качественное изменение профессиональной роли преподавателя иностранного языка. Сегодня современный педагог совмещает функции наставника, обеспечивающего профессиональное становление, куратора, отвечающего за эффективную организацию образовательного пути в цифровой среде и мотиватора, способствующего поддержанию внутренней когнитивной активности студентов и формированию устойчивого интереса к изучаемой дисциплине.

Преподаватель должен не только владеть инновационными технологиями, но и уметь вдохновлять обучающихся, развивать их критическое мышление и показывать практическую ценность коммуникативных навыков. Искусственный интеллект может стать мощным помощником в обучении в качестве инструмента для персонализации, автоматизации рутинных процессов, создания и реализации учебного контента, развития коммуникативных умений, мотивации к изучению иностранного языка. Чтобы преодолеть вызовы, связанные с развитием искусственного интеллекта, необходимо, как отмечает Е.Н. Полюдова, соблюдать «разумный баланс между технологическими инновациями и традиционными педагогическими ценностями» [3, с. 14].

Реализация данного подхода возможна посредством внедрения гибридной модели обучения, которая гармонично сочетает использование цифровых инструментов с педагогическим контролем, сохраняя при этом фундаментальное человеческое измерение образовательного процесса [3, с. 14].

Роль преподавателя остается ключевой в образовательном процессе, поскольку невозможно полностью делегировать ИИ-инструментам развитие эмпатии, критического анализа, адаптивности и межкультурной коммуникации. Преподаватель становится определяющей фигурой в формировании академической честности и осознании этических границ использования инновационных технологий. Он выступает носителем нравственных ориентиров, формирующих личность обучающихся через живое взаимодействие, что недоступно программным алгоритмам. Именно педагог реализует индивидуальный подход, учитывает психологические особенности обучающихся в динамичном учебном процессе, подчеркивая ценность языка для профессионального роста и личностного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Евстигнеев, М. Н. Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта / М. Н. Евстигнеев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 309-323.

2. Кондрахина, Н. Г. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность / Н. Г. Кондрахина, О. Н. Петрова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 360-363.

3. Полюдова, Е. Н. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков: опыт использования в высшем образовании / Е. Н. Полюдова // Открытое образование. – 2025.
– Т. 29, № 4. – С. 4-18.

4. Сысоев, П. В. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 66-72.

ON THE ISSUE OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO FUTURE TECHNICAL SPECIALISTS

I. G. Malikova, O. N. Shulga
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
Minsk, Republic of Belarus,irmal@bsuir.by, o.shulga@bsuir.by

The article examines the possibilities and limitations of applying artificial intelligence in teaching foreign languages to technical university students. Special attention is given to modern AI tools that contribute to increasing the effectiveness of classroom activities. The article emphasizes the enduring and essential role of the teacher in the educational process in the era of digital technologies.

Keywords: AI tools; foreign languages; learning effectiveness; hybrid model; teacher's role.

УДК 304.4

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В.В. Мальцев
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, malvict@mail.ru

В статье представлен тематический анализ с целью концептуализации и формирования этических принципов в результате обобщения соответствующих норм применения ИИ в учебном процессе. Данные аспекты и связанные с ними последствия могут представлять интерес для учащихся, преподавателей, разработчиков информационных технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; этические принципы; обучение; образование; преподавание.

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) открывает множество возможностей во всем мире: от улучшения качества диагностики в здравоохранении до налаживания связей между людьми через социальные сети и повышения эффективности труда за счет автоматизации задач. [1]

Применение технологий ИИ может помочь преподавателям в оптимизации своей работы. Автоматизация рутинных задач, анализ данных об успеваемости и предоставление рекомендаций по методике преподавания – всего этого можно достичь с помочью инструментов глубокого обучения, что впоследствии значительно облегчит работу преподавателей и позволит им больше времени уделять индивидуальному взаимодействию с обучающимися. Кроме того, нейронные сети могут использоваться для проверки сочинений, эссе и любой другой текстовой работы, так как они способны анализировать текст, оценивать его качество и давать рекомендации по улучшению. [2, с.150]

Несмотря на стремительное развитие ИИ в сфере образования и рост спроса на него в условиях пандемии COVID-19, недостаточно информации о том, какими этическими принципами следует руководствоваться при проектировании, разработке и внедрении этичного и надёжного ИИ в процессе обучения.

Актуальность исследования этических аспектов использования ИИ подчеркивает разработка ЮНЕСКО в ноябре 2021 года документа «Рекомендации по этике искусственного интеллекта», в котором особое внимание уделяется этическим последствиям применения технологий искусственного интеллекта в науке, культуре, образовании, коммуникации и информации. [1]

На основе данного документа можно выделить следующие этические принципы использования ИИ в сфере образования:

1. Принцип многостороннего и адаптивного управления и контроля.

Управление и контроль в сфере ИИ в образовании регулируют соответствующие механизмы, обеспечивающие соответствие роли внедряемой технологии её заявленным целям, для оптимизации потребностей и преимуществ заинтересованных сторон.

При управлении и контроле за ИИ в образовании необходимо применять междисциплинарный подход и учитывать мнение заинтересованных сторон, а также этические аспекты в соответствующих областях, включая этику работы с данными, права человека и инклюзивность.

2. Принцип прозрачности и подотчётности.

Этические нормы в работе с данными подчеркивают необходимость прозрачности их использования в сфере ИИ в образовании. Инструменты ИИ постепенно находят широкое применение в образовании для улучшения методов обучения и преподавания, но проблема прозрачности генерируемых данных остается нерешенной. Данный этический принцип важен как для преподавателей, так и для учащихся, поскольку визуализация данных отражает поведение учащихся и указывает на дополнительную поддержку, которую могут оказать преподаватели. Прозрачность заключается в том, что представляют собой сами данные, где они собираются, что они показывают, что с ними происходит и как они используются. На эти вопросы можно будет ответить, когда будут обеспечены право собственности на персональные данные, их доступность и объяснимость.

Понятие «право собственности на данные» по своей сути является вопросом прозрачности и справедливости, о том, кто владеет персональными данными учащихся и имеет право на доступ к ним. Хотя с технической точки зрения сборщики данных часто получают согласие на их использование, вопрос о том, нарушает ли использование данных конфиденциальность учащихся, долгое время оставался спорным. Можно привести веский аргумент, связанный с обоснованностью мотивов сбора данных, согласно которому право собственности должно принадлежать самим учащимся. Действительно, именно учащиеся предоставляют данные, а значит, имеют право владеть ими и контролировать их использование в целях собственного обучения. В то же время выдвигается обоснованное утверждение о том, что учебные заведения имеют право на доступ к данным учащихся и их использование, поскольку взаимодействие и успеваемость учащихся, по сути, фиксируются с помощью структурированной системы обучения, предоставляемой этими учебными заведениями.

Объяснимость ИИ подчеркивает важность понимания того, как функционируют системы ИИ и как принимаются решения. Информация должна быть достоверной и понятной для заинтересованных сторон.

Процесс сбора, анализа и представления данных должен быть прозрачным, предусматривать информированное согласие и чёткое определение владельца данных, их доступности и целей использования. Алгоритмы ИИ должны быть объяснимыми и обоснованными для конкретных образовательных целей.

Процесс разработки, внедрения, мониторинга и контроля нормативных актов в сфере ИИ должен быть прозрачным, отслеживаемым, объяснимым и доступным для понимания в открытой и ясной форме. При этом должны быть чётко

определены роли регулирующих органов, доступность, обязанности, цели разработки и использования ИИ, а также условия, при которых это будет происходить. Кроме того, регулирование в сфере ИИ должно быть прозрачным с точки зрения возможности аудита, что также связано со следующим этическим принципом – подотчётностью регулирующих органов.

Подотчётность связана с концепцией «ответственного ИИ», которая подразумевает этическую практику проектирования, разработки и внедрения ИИ с благими намерениями для расширения возможностей заинтересованных сторон и общества в целом. Речь идёт о добросовестном поведении и чётком определении атрибуции ответственности и юридической подотчётности. Возникают вопросы о том, следует ли привлекать ИИ к ответственности наравне с человеком или же люди всегда должны быть единственными субъектами, ответственными за ИИ как технологический артефакт. В сочетании с ориентированным на человека подходом к этике ИИ, который поощряет контроль человека над ИИ, рекомендуется второй вариант, при котором ответственность за этику ИИ всегда лежит на заинтересованных сторонах в сфере образования.

3. Принцип устойчивости и соразмерности.

Как и в случае с другими технологическими достижениями, при разработке и внедрении ИИ необходимо учитывать экологические проблемы. В частности, устойчивое развитие требует, чтобы при проектировании и использовании ИИ учитывалась оптимизация энергоэффективности и минимизация воздействия на окружающую среду. Соответственно, для разработки политики, обеспечивающей учёт этих факторов в процессе создания и внедрения ИИ, необходимы нормативные акты. Кроме того, регулирование ИИ должно учитывать другие аспекты устойчивого развития, в том числе экономические и социальные.

Принцип устойчивости и соразмерности: ИИ должны проектироваться, разрабатываться и использоваться таким образом, чтобы не наносить ущерб окружающей среде, мировой экономике и обществу, в том числе рынку труда, культуре и политике.

4. Принцип конфиденциальности.

Личная информация также стала важнейшим этическим вопросом при внедрении ИИ в образование. Конфиденциальность предусматривает право на защиту личной информации. Цифровая революция в сфере образования, в частности использование искусственного интеллекта и обучающей аналитики приводит к появлению огромного количества персональных данных, которые генерируются, собираются и анализируются для оптимизации процесса обучения. В случае персонализированного обучения накопленная в прошлом личная информация об успеваемости может быть использована для прогнозирования в будущем.

Разработчики и преподаватели должны обеспечить прозрачность и наглядность угроз, связанных с искусственным интеллектом в образовании, и объяснить учащимся, как эти угрозы могут повлиять на их обучение, карьеру и социальную жизнь. Цель состоит в том, чтобы укрепить доверие учащихся и дать им представление о том, как использовать свои навыки в различных контекстах, сохраняя при этом контроль над своими данными и цифровой идентификацией.

ИИ должен обеспечивать получение пользователем согласия и сохранять конфиденциальность информации пользователей как при предоставлении ими данных, так и при сборе системой информации о них.

В большинстве случаев, когда инструменты ИИ используются для вовлечения пользователей в определённую учебную деятельность, предполагается, что пользователи дают согласие на использование технологии и на то, как собираются, и обрабатываются их персональные данные. В соответствии с принципом прозрачности и подотчётности, согласие должно быть осознанным. Это прагматичный подход к укреплению доверия среди учащихся, поскольку согласие демонстрирует, что они не возражают против использования учителями данных для повышения эффективности обучения. После сбора данных возникают вопросы о том, как осуществляется управление данными, где и как долго должна храниться личная информация и кому должны быть предоставлены права доступа.

5. Принцип безопасности.

Одной из основных функций образовательных обучающих систем является сбор данных о пользователях, на основе которых можно делать прогнозы об их поведении и успеваемости. Система ИИ должна быть спроектирована и внедрена таким образом, чтобы обеспечить надёжную защиту данных от киберпреступлений, утечек, а также конфиденциальность и безопасность информации.

Системы искусственного интеллекта должны быть устойчивы к атакам злоумышленников, намеренно ищущих уязвимости в алгоритме. Таким образом, можно утверждать, что целостность данных неразрывно связана с их безопасностью. Крайне важно защищать персональные данные заинтересованных сторон, включая учащихся, преподавателей и школы, чтобы предотвратить любое неправомерное использование или нарушение. Защита конфиденциальности и безопасности данных становится ещё более важной в условиях повсеместного перехода на виртуальное обучение. Она требует согласованных усилий и осознанности всех заинтересованных сторон.

Принцип безопасности: системы автоматической идентификации и оповещения должны проектироваться, разрабатываться и внедряться с учётом рисков, чтобы пользователи были защищены от непреднамеренного и неожиданного причинения вреда.

Таким образом, крайне важно, чтобы разработчики ИИ уделяли особое внимание проектированию, обучению, пилотному тестированию и проверке безопасности систем ИИ. Группы с участием заинтересованных сторон, в том числе разработчиков, преподавателей и государственных органов, должны создать соответствующие механизмы контроля, оценки и комплексной проверки для обеспечения подотчётности и надёжности на протяжении всего жизненного цикла ИИ. Эта группа должна разработать подробные инструкции и обеспечить надлежащее обучение пользователей ИИ (преподавателей и учащихся) для безопасной работы с системой в образовательной среде.

6. Принцип инклюзивности.

Системы искусственного интеллекта должны способствовать глобальной справедливости и быть одинаково доступными для всех. Доступность крайне важна для того, чтобы общество могло получать выгоду от этих систем. Следовательно, крайне важно, чтобы доступность подразумевала ценовую приемлемость, удобство использования для людей из разных демографических групп, культур и особенно для людей с ограниченными возможностями.

Принцип инклюзивности в обеспечении доступности: при проектировании, разработке и внедрении ИИ в сфере образования необходимо учитывать инфраструктуру, оборудование, навыки и отношение общества, чтобы обеспечить широкий охват людей в целевом регионе и равный доступ к ИИ.

Другим аспектом инклюзивности является отсутствие дискриминации или предвзятости в алгоритмах ИИ. Качественное образование играет ключевую роль в формировании прогрессивного общества, в котором ко всем учащимся относятся одинаково, независимо от их пола, расы, убеждений и любых других условий или обстоятельств. Разработка ИИ, принимающего решения, требует тщательного подхода, чтобы избежать дискриминации в отношении определенных групп. Следовательно, разработчикам ИИ крайне важно принимать меры предосторожности и обучать ИИ на полных и разнообразных данных, чтобы уменьшить вероятность проявления ИИ определенной предвзятости и нарушения принципа непричинения вреда.

7. Принцип подконтрольности и подчинённости человеку.

В знак признания автономии как современной моральной и политической ценности при разработке и регулировании ИИ в сфере образования необходимо использовать подход, ориентированный на человека, который защищает и расширяет возможности автономии человека. Этот принцип подчеркивает важность поддержки учащихся в развитии их собственного потенциала.

Цель ИИ должна заключаться в том, чтобы дополнять и расширять когнитивные, социальные и культурные возможности человека, сохраняя при этом свободу выбора и обеспечивая контроль человека над рабочими процессами, основанными на ИИ.

Сегодня ИИ-помощники выполняют множество функций, в основном предоставляя людям рекомендации и помогая им. В некотором смысле их можно считать внешними факторами, которые влияют на эмоции человека, подрывая его внутреннюю мотивацию или манипулируя ею. Таким образом, разработка и функционирование искусственного интеллекта должны избегать вводящей в заблуждение информации, ставящей под угрозу автономию пользователей или негативно влияющей на эмоции и социальное благополучие.

При исследованиях и разработках в области искусственного интеллекта в образовании следует избегать алгоритмов и формулировок, которые служат вычислительной пропагандой в виде автоматизированной обратной связи, оценки обучения и рекомендаций. Это особенно актуально в образовательном контексте, где многие пользователи – дети и подростки, то есть уязвимая группа, которая заслуживает особой заботы и защиты. Должны существовать обучающие программы, помогающие преподавателям приобрести необходимые навыки для внедрения ИИ в образовательный процесс. Они должны уметь адаптировать, фильтровать или сокращать автоматизацию, которая может манипулировать их мышлением, препятствуя развитию их мотивации и идентичности.

ИИ обладает потенциалом сделать высококачественное обучение на протяжении всей жизни доступным для всех пользователей, а также возможностью для борьбы со многими глубоко укоренившимися проблемами, с которыми сталкиваются системы образования и сами учащиеся: от узкой и поверхностной учебной программы до устаревшей и неадекватной системы оценивания. [3, с. 7] При использовании технологии ИИ в обучении следует ставить четкие образовательные цели, основываясь на убедительных социальных

и научных доказательствах пользы от их применения учащимися. Каждое учебное заведение перед принятием решения о внедрении ИИ в образовательный процесс должно проводить оценку рисков на предмет того, как использование ИИ повлияет на авторитет преподавателей, а также учебный процесс. При использовании технологий ИИ в обучении образовательные организации могут проводить мониторинг и оценку степени улучшения процессов на постоянной основе, и в случае выявления отклонений разрабатывать план действий по их устранению. Системы искусственного интеллекта необходимо использовать таким образом, чтобы способствовать равенству между различными группами учащихся. На законодательном уровне должны быть установлены требования для разработчиков ИИ с целью принятия мер по уменьшению предвзятости (как в рамках дизайна ресурса, так и в наборах данных, используемых для обучения ИИ), чтобы их технологии были доступными и соответствовали потребностям учащихся, например, с когнитивными или физическими отклонениями от нормы. Студенты, преподаватели и другие специалисты, работающие в организации, где используется технология ИИ должны быть обучены и хорошо осведомлены о социальных и этических последствиях его применения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Unesco.org : офиц. сайт ЮНЕСКО. – URL: https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics (date of access: 03.02.2026).

2. Староверова, Н. А. Этические проблемы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе / Н. А. Староверова // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 9. – С. 145-150. – URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=40163 (дата обращения: 03.02.2026).

3. Филимонова, И. В. Этическая сторона использования искусственного интеллекта в образовании / И. В. Филимонова // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 1-10. – URL: https://esj.today/PDF/64FAVN124.pdf (дата обращения: 03.02.2026).

ETHICAL PRINCIPLES FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN EDUCATION

V.V. Maltsev

Belarusian State University

Minsk, Belarus, malvict@mail.ru

This article presents a thematic analysis to conceptualize and formulate ethical principles by synthesizing relevant norms for the use of AI in the educational process. These aspects and their associated implications may be of interest to students, teachers, and information technology developers.

Keywords: artificial intelligence; ethical principles; learning; education; teaching.

УДК 372.881.1

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ю.Р. Остянко
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, ostianko.u@polessu.by

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с изменениями в английском языке которые происходят под влиянием искусственного интеллекта, а также положительное и отрицательное влияние искусственного интеллекта на процесс обучения английскому языку.

Ключевые слова: информационные технологии; искусственный интеллект; английский язык; обучение; нейросети.

В последнее время информационные технологии, в том числе искусственный интеллект, приобретают всё большее значение в различных сферах человеческой деятельности, включая лингвистику и языкознание. Его влияние на развитие языка стало предметом активных научных исследований. Особенно заметно воздействие искусственного интеллекта на такие аспекты языка, как структура, словарный состав, нормы употребления, стилистика и языковое поведение носителей. Современные языки развиваются под воздействием цифровой среды, в которой ключевую роль начинают играть алгоритмы машинного обучения, включая генеративные и языковые модели. Являясь основным языком глобальных технологий, английский язык испытывает на себе наибольшее влияние нейросетей. Интеграция больших языковых моделей трансформирует лингвистические нормы, ускоряет эволюцию словаря и меняет глобальный статус английского языка. Рассмотрим изменения, которые происходят в языке в последнее время под воздействием технологий искусственного интеллекта [4].

Лексическое обогащение

Английский язык является одним из самых богатых языков мира на неологизмы в сфере технологий искусственного интеллекта. Появилось множество новых и изменивших свое значение слов, таких как *prompt engineering* ‘создание запросов для искусственного интеллекта’*, hallucination* ‘ошибочная генерация фактов нейросетью’*, deepfake* ‘поддельный медиаконтент’*, generative AI* ‘генеративный искусственный интеллект’.

Стандартные английские словари в онлайн-версиях стали включать различные слова и фразы сетевого сленга. Исследуя Оксфордский словарь английского языка за последние годы, можно заметить появление большого количества новых слов. Также, Оксфордский словарь является доказательством того, что новые слова в английском появляются с невероятной скоростью, поскольку информация обновляется каждый месяц. [1, с.136]

Следует отметить, что под влиянием искусственного интеллекта меняется стиль общения многих людей. В разговорную речь активно переходят формальные слова и конструкции, которые традиционно были свойственны официальным или академическим текстам (так называемый AI-associated language). В переписке и устной речи люди стали чаще использовать такие слова, как *delve* (вместо look into), *testament* (вместо proof), *incorporate* (вместо add).

Одной из особенностей взаимодействия в нейронных сетях является то, что пользователи ведут беседы сразу с несколькими собеседниками. Это способствует возникновению сокращений различных слов для максимально быстрого ответа собеседнику и упрощению набора текста с устройств связи. Например, *OMG – oh my God* ‘о, Господи’*, LOL - laughing out loudly* ‘громко смеяться’*, BFF – best friend forever* ‘лучший друг/подруга’*, IMHO – In My Humble Opinion* ‘по моему скромному мнению’. Сокращения также могут принимать буквенно-цифровую форму. Например, *4GET – forget* ‘забыть’*, B4 – before* ‘перед’*, U2 – you too* ‘ты тоже’ [1, с.138].

Демократизация и стандартизация письменной речи

Использование искусственного интеллекта стандартизирует письменную речь, нивелируя диалекты и индивидуальный стиль в пользу универсального, грамматически «правильного» академического регистра. Одновременно происходит демократизация: технологии устраняют барьеры для создания текстов любого уровня сложности, позволяя людям без навыков копирайтинга профессионально выражать свои мысли. Ключевыми аспектами влияния искусственного интеллекта на письменную речь является стандартизация языка и демократизация создания текстов.

Массовое использование искусственного интеллекта для написания писем, отчетов и постов в социальных сетях формирует единый цифровой диалект. Тексты становятся более гладкими, но менее эмоциональными и индивидуальными. В текстах, созданных нейросетями, лингвисты всё чаще замечают типичные штампы, шаблонные вводные слова и избыточно длинные, формализованные конструкции.

Нейросети выступают в роли персональных редакторов и соавторов. Они помогают людям, испытывающим трудности с текстом, четко структурировать и выражать свои идеи. Создание контента стало массовым. Блоги, экспертные статьи и книги стали доступны людям, не имеющим специального филологического или журналистского образования. Искусственный интеллект высокого уровня упрощает межкультурное общение, мгновенно адаптируя сложный профессиональный сленг для широкой аудитории.

Трансформация процесса обучения (EdTech)

Современные технологии в виде искусственного интеллекта позволяют нам разнообразить образовательный процесс, упростить его, а также смоделировать те ситуации, которые необходимы для развития и закрепления навыков у обучающегося. Отметим, что даже самостоятельное использование технологий на базе искусственного интеллекта позволяет нам развивать важнейшие навыки, к которым относятся самообразование, умение находить ответы на возникающие вопросы, выстраивать причинно-следственные связи и искать закономерности. Достоинством искусственного интеллекта является и его умение генерировать как практические ситуации для тренировки своих языковых навыков как в диалоговом и в монологовом общении, так и при теоретическом объяснении тех или иных правил [2].

Основные направления, в которых может быть использован искусственный интеллект при обучении иностранному языку, следующие:

- речевой анализ: искусственный интеллект используется для анализа речи обучающихся, выявления ошибок и помощи в их исправлении. Он может индивидуально адаптироваться к уровню каждого студента и предлагать

упражнения, направленные на отработку допущенных ошибок в произношении и грамматике;

- виртуальные ассистенты: использование искусственного интеллекта позволяет создавать виртуальных ассистентов, которые могут отвечать на вопросы студентов, давать советы по изучению языка и обеспечивать постоянную поддержку и мотивацию;
- автоматический перевод: обучаемые могут использовать искусственный интеллект для создания автоматических систем перевода, которые помогают им понять иностранную литературу и тексты на английском языке;
- формирование навыков самообучения: при использовании искусственного интеллекта на занятиях по изучению английского языка учащиеся могут развивать навыки самообучения, так как часто им приходится работать с образовательными ресурсами и выполнять задания самостоятельно, используя системы искусственного интеллекта [3, с.357].

Однако здесь следует обратить внимание на психологический аспект. В обществе бытует мнение, что во многих случаях человек осознает ценность знаний, когда они получены в результате систематических занятий и большого количества усилий, которые прикладываются, а также в процессе восприятия материала и формирования дисциплины обучения. Значимость таких знаний для нашей психики значительно выше, чем тех, что были получены быстро и легко. Нейросети на основе искусственного интеллекта обеспечивают кратчайший путь к получению информации, к сожалению, не всегда достоверной и правильной. Более того, искусственный интеллект в таких случаях рискует стать не помощником в поиске ответов на вопросы и решении каких-либо проблемных аспектов изучения английского языка, а лишь инструментом для быстрого выполнения поставленных заданий. Это неизбежно будет влиять на качество получаемых знаний и на формирование лексических, фонетических и грамматических навыков. В связи с этим можно подумать, что внедрение искусственного интеллекта может оказать негативное влияние на образовательный процесс. Однако стоит сделать оговорку, что искусственный интеллект оказывает в большей степени положительное влияние, нежели отрицательное, и вышеописанная ситуация возможна в том случае, когда изучение иностранного языка не носит системный характер, ученик не заинтересован в качественном образовании и обучение строится на применении технологий искусственного интеллекта без четко намеченной методики обучения [2].

Таким образом, искусственный интеллект не заменяет английский язык, но выступает мощным катализатором его изменений. Язык становится более доступным и стандартизированным, но одновременно теряет часть своей уникальности и своеобразия. В эпоху искусственного интеллекта владение английским трансформируется из навыка простого воспроизведения слов в навык эффективного сотворчества со сложными алгоритмами. Также следует отметить, что в образовательном процессе искусственный интеллект открывает новые горизонты для преодоления трудностей в изучении английского языка, обеспечивая более эффективное и приятное обучение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ким, В.Н. Влияние развития информационных технологий на английский язык [Электронный ресурс] / В.Н. Ким, Л.В. Капранова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №1-2 (53). – С.136-140. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru. – Дата доступа: 30.04.2026.

2. Кравцова, А.Г. Влияние искусственного интеллекта на изучение английского языка [Электронный ресурс] / А.Г. Кравцова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 238-241. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru. – Дата доступа: 30.04.2026.

3. Соловей, А.Н. Использование искусственного интеллекта в обучении английскому языку в вузе [Электронный ресурс] / А.Н. Соловей // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам = Міжкультурная камунікацыя і прафесійна арыентаванае навучанне замежным мовам: материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 102-й годовщине образования Белорусского государственного университета, Минск, 2023 / редкол. : Е.В. Воевода [и др.] – Минск: Белорусский Государственный университет. – С. 356-360. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru. – Дата доступа: 20.04.2026.

4. Убоженко, А.С. Влияние нейросетей на развитие русского языка: новые тенденции и вызовы [Электронный ресурс] / А.С. Убоженко // The Multidisciplinary Journal of Science and Technology. – 2024. – № 5 (4). – С. 1264–1267. – Режим доступа: https://zenodo.org. – Дата доступа: 20.04.2026.

THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE DEVELOPMENT O F THE ENGLISH LANGUAGE

Yu.R. Ostianko

Polessky State University

Pinsk, The Republic of Belarus, ostianko.u@polessu.by

This article examines issues related to changes in the English language that occur under the influence of artificial intelligence, as well as the positive and negative impact of artificial intelligence on the process of teaching the English language.

Keywords: information technologies; artificial intelligence; English language; teaching; neural networks.

УДК 811.161.1-027.63

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Н.Е. Петрова, Е.С. Сычёва

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Минск, Республика Беларусь, petrova@bsuir.by; e.sycheva@bsuir.by

В статье анализируются особенности использования искусственного интеллекта в практике преподавания языков. Описаны современные интеллектуальные технологии, способствующие развитию коммуникативных навыков у студентов технических вузов, представлены специализированные цифровые продукты, предназначенные для интеграции искусственного интеллекта в образовательный процесс. Рассматриваются методики, направленные на эффективность обучения с использованием различных интеллектуальных платформ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; интеллектуальные технологии; технический университет; белорусский язык; русский язык как иностранный; коммуникативная компетенция.

В последние годы в системе высшего образования Республики Беларусь произошли заметные преобразования, обусловленные необходимостью соответствовать требованиям современного общества. Ключевым направлением модернизации стало развитие цифровой образовательной инфраструктуры: существенно возросло значение электронных технологий, что особенно проявилось после пандемии COVID-19, когда потребовалось массово внедрять дистанционные формы обучения. Это, в свою очередь, поставило перед преподавательским составом задачу поиска новых эффективных методик, дополняющих традиционные подходы. На сегодняшний день, по нашему мнению, наиболее перспективными для обучения языкам являются технологии искусственного интеллекта, которые позволяют не только повысить эффективность привычных образовательных практик, но и расширить арсенал дидактических средств, доступных на занятиях в вузе.

Искусственный интеллект (ИИ) – это направление в информатике, посвящённое созданию компьютерных систем, способных выполнять задачи, которые обычно ассоциируются с человеческим мышлением: понимание речи, обучение, рассуждение, решение проблем. Проще говоря, ИИ представляет собой совокупность технологий, позволяющих моделировать когнитивные процессы человека [1, с. 43].

В настоящее время технологии искусственного интеллекта активно внедряются в самые разные сферы – от промышленности и экономики до медицины. Однако их применение не ограничивается только техническими или естественнонаучными областями: ИИ находит место и в гуманитарной сфере, где он уже проявил себя как инструмент для творчества. По данным периодических изданий, нейросети уже создавали сборники рассказов, музыкальные произведения, картины и другие творческие объекты. Не стала исключением и образовательная сфера. Опыт внедрения ИИ в образование показал его эффективность в таких задачах, как организация учебной коммуникации, автоматизация оценки знаний, анализ поведения обучающихся и многое другое. Далее подробнее рассмотрим, как технологии искусственного интеллекта используются при обучении языков в технических университетах Беларуси.

В Республике Беларусь обязательными компонентами в системе высшего образования являются такие дисциплины, как «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» и «Русский язык как иностранный». Основное содержание их преподавания состоит не просто в формировании языковых компетенций, а в подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности. Это значит, что обучение языку в вузе имеет профессионально ориентированную направленность.

К основным видам интеллектуальных технологий, применяемых в обучении языкам, обычно относятся: цифровые голосовые помощники (*Siri, Bing, Алиса* и др.); высокоинтеллектуальные базы знаний (*Wolfram Alpha, fxSolver* и др.); игровые образовательные платформы и приложения (*Duolingo, Lingualeo* и др.); системы машинного перевода (*Google Переводчик, Яндекс Переводчик* и др.); образовательные онлайн-курсы (платформы *Coursera, Udacity* и др.); инструменты для синтеза речи (*Text-to-Speech, Oddcast* и др.); мультимедийные образовательные платформы (*Moodle, Open edX, TeachPro* и др.). Все эти продукты позволяют сделать процесс обучения более интерактивным, индивидуализированным и эффективным.

Профессионально ориентированный подход в обучении языков в вузе предполагает в первую очередь работу с текстами по специальности. В этой связи можно использовать машинные переводчики как на занятиях по белорусскому языку, так и на занятиях по русскому языку как иностранному. Такие продукты можно использовать как для перевода отдельных слов и выражений, так и для быстрого поиска значений слов, что позволяет экономить время и облегчает работу с лексикой по сравнению с традиционными бумажными словарями. Однако не стоит злоупотреблять такими сервисами: их мы рекомендуем применять исключительно как электронный словарь, избегая перевода целых предложений.

На занятиях по языкам технологии искусственного интеллекта способствуют развитию аудитивной компетенции у студентов. Для формирования навыков восприятия речи на слух мы рекомендуем активно использовать синтезаторы речи, позволяющие создавать аудиозаписи учебных текстов и тем самым разнообразить учебный процесс, заменяя голос преподавателя. Современные инструменты, такие как Voicemaker, Apihost, Zvukogram, Robivox, Speechpad и другие, дают возможность выбирать различные языки, голоса, регулировать скорость чтения, длину пауз и даже задавать эмоциональную окраску речи. Это делает обучение более гибким и индивидуализированным.

В обучении языкам высокоэффективны интеллектуальные виртуальные корпоративные платформы, которые способны в определённых ситуациях частично заменить преподавателя и обеспечить комплексную, тщательно спланированную подготовку студентов с учётом их будущей профессии. К числу таких решений относятся Coursera, Moodle, Microsoft Teams, Google Classroom, Open EdX, Ilias, eFront и другие. Эти платформы предоставляют как информационные, так и контрольные инструменты для организации учебного процесса, однако не все из них одинаково подходят для преподавания языков в вузе. Например, в продукте Ilias отсутствует функция видеоконференций, что исключает интерактивное взаимодействие и затрудняет формирование коммуникативной компетенции. В Google Classroom нет встроенного инструмента для проведения тестов, что ограничивает возможности контроля знаний, особенно в условиях современного тест-ориентированного образования. Microsoft Teams не поддерживает установку на собственный сервер, а также не содержит глоссария и инструментов для создания интерактивных заданий.

По нашему мнению, на сегодняшний день наиболее оптимальной платформой для преподавания языков в вузе является платформа Moodle. Эта система обладает всеми необходимыми инструментами для организации полноценного учебного процесса и способна частично заменить преподавателя. Опыт внедрения Moodle в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники подтвердил её высокую адаптивность к специфике профессионально ориентированного обучения языкам [2; 3; 4].

При обучении иностранным языкам особое значение приобретает использование наглядных материалов занятиях. Использование наглядности помогает не только развивать фонематический слух и усваивать новые слова, но и совершенствовать речевые умения. В связи с этим внедрение инструментов на основе искусственного интеллекта приобретает особую значимость. К примеру, нейросетевой сервис «Шедеврум» от Яндекса умеет генерировать иллюстрации по словесному запросу. Такие картинки могут стать хорошей опорой для

запоминания иностранной лексики, грамматики и речевых оборотов. Подобный метод пригодится и на занятиях по белорусскому языку, ведь многие студенты владеют им ещё не в полной мере. Зрительные образы задействуют разные зоны мозга, отчего обучение идёт глубже и даёт более ощутимые результаты.

В процессе формирования речевых навыков целесообразно акцентировать применение чат-ботов, предоставляющих существенные возможности для отработки устной коммуникации и повышения уровня языковой компетенции. В качестве иллюстрации можно привести TalkPal – обучающую платформу для освоения иностранных языков, функционирующую на базе интеллектуальных алгоритмов и выступающую в роли альтернативы интеракции с реальным собеседником. Подобные цифровые решения позволяют обучающимся осуществлять коммуникацию с носителями языка в синхронном режиме, что благоприятно сказывается на развитии умений устной речи и восприятия на слух. Кроме того, указанные сервисы дают возможность не только практиковать диалогическую речь с реальными партнёрами, но и корректировать произносительные навыки. В ходе беседы система анализирует речевую продукцию учащегося, фиксирует допущенные погрешности и позволяет оперативно вносить необходимые исправления, тем самым улучшая общее качество устной речи.

Внедрение чат-ботов представляет собой значимый инструмент также в контексте обучения белорусскому языку. Платформы, подобные Aimylogic и Botobot, дают возможность разрабатывать многоязычные бот-системы, функционирующие на русском, белорусском и английском языках. К числу нейросетевых решений, поддерживающих указанные языки, относятся ChatGPT, Claude и DeepL. Перечисленные ресурсы выступают в качестве результативных средств языковой подготовки, особенно в аспекте совершенствования устных и аудитивных навыков. Вместе с тем для обеспечения максимальной эффективности учебного процесса необходимо разумное сочетание интеллектуальных технологий с классическими педагогическими подходами. Именно педагог сохраняет за собой центральную роль в трансляции знаний, становлении речевых компетенций и воспитании ценностных ориентаций. Принципиально важным представляется, чтобы технологические решения на основе искусственного интеллекта использовались как вспомогательный элемент образовательной деятельности, но не как её полноценный заменитель.

Помимо указанного, посредством чат-ботов представляется возможным как генерировать, так и адаптировать учебные тексты. Посредством соответствующего запроса в диалоговой системе может быть подготовлен языковой материал, рассчитанный на любой уровень владения языком, с акцентом на определённые грамматические конструкции либо лексические единицы. Преподаватель формулирует для нейросети точные параметры будущего текста: его объём, жанровую принадлежность, тематику и прочие характеристики, что гарантирует соответствие дидактического контента образовательным задачам, степени подготовленности учащихся и их познавательным запросам. Подобный подход способствует большей персонализации обучения и повышению его результативности. Автоматизация процесса создания учебных текстов высвобождает временные ресурсы педагога, позволяя ему сосредоточиться на живом взаимодействии с обучающимися и дальнейшем формировании их коммуникативных компетенций. Таким образом, технологии искусственного

интеллекта превращаются в действенный инструментарий современной лингводидактики.

В современной лингводидактике всё более востребованными становятся интеллектуальные игровые приложения, предоставляющие обучающимся возможность практиковаться в произвольное время и в любой пространственной среде. Подобные инструменты содействуют росту познавательной активности, усилению мотивации и формированию у учащихся навыков саморегуляции учебной деятельности. Результаты применения таких технологий в образовательном процессе демонстрируют, что интеллектуальные игровые решения способствуют устойчивому интересу студентов к занятиям. В настоящее время доступен обширный спектр как готовых языковых приложений (например, Duolingo, Talk2Russia, Russian Verbs Pro), так и платформ, дающих педагогу возможность самостоятельно разрабатывать наборы игровых заданий (в частности, Kahoot). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что указанные ресурсы не ориентированы специализированно на носителей конкретных языков и не в состоянии в полной мере заместить очные формы обучения под руководством преподавателя.

Особую ценность интеллектуальные игровые приложения приобретают при организации самостоятельной работы студентов, поскольку они позволяют выстраивать индивидуальную траекторию освоения лексики и грамматики с учётом личного темпа и уровня подготовки. Геймифицированные элементы, такие как баллы, уровни, рейтинги и мгновенная обратная связь, превращают рутинное запоминание в динамичный и эмоционально окрашенный процесс, что способствует непроизвольному запоминанию языкового материала. В этом контексте игровые форматы выступают не просто как развлечение, а как дидактически выверенный инструмент формирования устойчивых речевых навыков.

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества, применение интеллектуальных игровых приложений требует методически обоснованного подхода со стороны преподавателя. Именно педагог призван интегрировать цифровые инструменты в общую канву учебного процесса, определяя оптимальное соотношение игровых и традиционных форм работы, а также корректируя типичные ошибки, которые не всегда фиксируются автоматизированными системами. Только разумное сочетание инновационных игровых решений и живого педагогического взаимодействия способно обеспечить полноценное формирование коммуникативной компетенции, учитывая как языковые, так и культурологические аспекты изучаемого языка.

Таким образом, искусственный интеллект кардинально меняет подход к обучению языкам в университете, делая этот процесс увлекательнее, доступнее и эффективнее. Однако необходимо учитывать грамотный баланс между интеллектуальными технологиями и традиционными педагогическими методами и средствами. Искусственный интеллект является лишь вспомогательным инструментом и не может полностью заменить преподавателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Самарцева, М.В. Определение понятия искусственного интеллекта на современном этапе развития технологии / М.В. Самарцева // Проблемы права. – 2025. – №2 (98). – С. 43-57.

2. Арцыменя, Д.Ф. Электронный образовательный ресурс по дисциплине «Русский язык как иностранный»: особенности разработки и использования / Д.Ф. Арцыменя, Н.Е. Петрова // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин: сборник научных статей научно-практических конференций, Смоленск, 20 мая 2021 года. – Смоленск: Издательство "Маджента", 2021. – С. 25-29.
3. Пятрова, Н.Я. Дыстанцыйныя тэхналогіі навучання / Н.Я. Пятрова // Роднае слова. – 2022. – № 6. – С. 72-74.
4. Петрова, Н.Е. Моделирование профессионально ориентированной электронной образовательной среды обучения русскому языку как иностранному в вузе / Н.Е. Петрова // Профессиональное образование. – 2023. – № 1 (51). – С. 31-35.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PRACTICE OF TEACHING BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

N.E. Petrova, E.S. Sycheva
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Belarus, petrova@bsuir.by; e.sycheva@bsuir.by

The article analyzes the features of the use of artificial intelligence in the practice of language teaching. Modern intellectual technologies that promote the development of communication skills among students of technical universities are described, and specialized digital products designed to integrate artificial intelligence into the educational process are presented. The methods aimed at the effectiveness of learning using various intellectual platforms are considered.

Keywords: artificial intelligence; intelligent technologies; technical university; Belarusian language; Russian as a foreign language; communicative competence.

УДК 81'33:004.912

ЛЕММАТИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Натаван Джамаладдин кызы Рахманова
Институт языкознания им. И. Насими
Национальной Академии Наук Азербайджана
Баку, Азербайджан, natis-sdunina@mail.ru

В статье рассматривается лемматизация как один из ключевых инструментов обработки естественного языка и морфологического анализа текста. Анализируются теоретические основы понятия леммы, особенности процесса лемматизации и её отличия от стемминга. Особое внимание уделяется применению лемматизации в агглютинативных языках, в частности в азербайджанский язык, а также её роли в автоматическом анализе текста, информационном поиске и электронной лексикографии. Делается вывод о том, что лемматизация является важной технологией, обеспечивающей более точную интерпретацию семантической структуры текста в современных системах обработки естественного языка.

Ключевые слова: лемматизация; обработка естественного языка; анализ текста; лемма; стемминг.

Термин «лемма» восходит к древнегреческому ‘λῆμμα’, первоначально означавшему ‘предположение’ или ‘полученное’, что в контексте современной компьютерной лингвистики трансформировалось в понятие канонической

словарной формы слова [1, с. 35]. В лингвистике, если выразится более точно, «лемма – это каноническая форма лексемы, где лексема обозначает совокупность всех форм слова, имеющих одно и то же значение, а лемма – это конкретная форма, выбранная в качестве базовой для представления этой лексемы» [2]. Леммы имеют особое значение в языках с высокой степенью агглютинации, таких как азербайджанский язык.

«Лемматизация – это процесс определения леммы для данного слова, благодаря которому различные словоизменительные формы одного слова могут анализироваться как единый элемент. Этот процесс формирует набор лемм для лексической базы данных. Лемматизация рассматривается как переход от словоформ, найденных в корпусе текстов, к леммам, которые становятся заголовками словарных статей» [3]. Этот процесс с помощью морфологического анализа определяет контекст слова и его роль в предложении, приводя его к стандартной словарной форме. «Лемматизация используется в инструментах обработки естественного языка для различных языков на этапе предварительной обработки текстов, где различные формы слов приводятся к их нормальной форме. Кроме того, с точки зрения лингвистики она значительно облегчает автоматическое формирование семейств слов и особенно подготовку словарей» [4, с. 476].

Б.Т.Тахироглы в своем исследовании, отмечая преимущества лемматизации при обработке языкового корпуса турецкого языка, указывает, что «лемматизация экономит время и труд. Данный процесс позволяет исследователю- лингвисту автоматизированным образом обрабатывать огромное количество разных форм слов, в результате которого система автоматически приводит их к словарной форме». [4, с. 478].

Применяя лемматизацию тексты можно анализировать точнее. Потому, что при анализе частоты слов разные грамматические формы не считаются отдельно, в результате чего языковой материал анализируется очень легко, и можно выявить какие понятия и темы действительно важны в тексте или корпусе.

В отличие от метода стемминга (stemming), лемматизация не ограничивается простым удалением окончаний, а учитывает грамматические правила языка и позволяет получить морфологически корректную форму, существующую в словаре. Этот подход обеспечивает высокую точность анализа, особенно в языках со сложной структурой и грамматическими формами, изменяющимися в зависимости от контекста [5]. Например, в азербайджанском языке слово *kitablarımızdan* ‘из наших книг’ при стемминге может быть сокращено лишь до основы *kitab* ‘книга’, тогда как лемматизация анализирует морфологическую структуру слова, выделяя корень и грамматические аффиксы множественного числа, принадлежности и исходного падежа, и приводит его к словарной форме *kitab* ‘книга’. Аналогично, словоформа *gəlirdilər* ‘они приходили’ в результате лемматизации преобразуется в начальную форму глагола *gəlmək* ‘приходить’. Такой подход позволяет более точно анализировать тексты, объединяя различные грамматические формы одного слова в единую лексическую единицу.

С. Лукас и др. дают лемматизацию такое определение: «Стемминг является приближением к более общей задаче, называемой лемматизацией – определению базовой формы слова и объединению таких слов в одну группу. Однако, в отличие от простого отсечения окончания слова, лемматизация представляет собой более сложный алгоритм, который определяет происхождение слова и

возвращает только его лемму, то есть общую (словарную) форму слова. Лемматизация также способна определять контекст слова; например, существительное *saw* “пила” она оставит без изменений, а глагол *saw* “видел” преобразует в форму *see* “видеть”» [6, с. 258].

Благодаря такому подходу слова, представленные в различных грамматических формах, анализируются как единая единица, а системы поиска информации и автоматического анализа текста очищаются от лишних элементов. Т.Коркмаз и другие отмечают, что «процесс лемматизации, называемый в турецком языке анализом корневой формы, представляет собой приведение слова к его базовой единице. Он имеет сходные черты с процессом стемминга. В обоих случаях целью является получение корня слова. Однако лемматизация стремится выделить морфологический или семантический корень слова. Благодаря этому можно получить более точные результаты, устраняя лишние элементы, которые рассматриваются как ‘шум’» [7, с. 34]. В то же время данный методологический подход, за счёт приведения слов к их исходной форме в языках со сложной морфологической структурой, значительно повышает эффективность поиска информации и точность информационных баз. Этот подход, требующий более глубокого морфологического анализа по сравнению со стеммингом, определяет надёжную базовую форму слова, соответствующую грамматическим нормам языка, с учётом контекста и части речи слова.

Однако возможности лемматизации не ограничиваются исключительно задачами автоматической обработки текста. Как справедливо отмечает И. В. Балканов, «современные цифровые технологии уже сегодня демонстрируют эффективность интеллектуальных механизмов языковой коррекции и распознавания словоформ. Исследователь обращает внимание на то, что программные продукты, подобные Microsoft Word, способны автоматически обнаруживать орфографические ошибки, исправлять их или предлагать пользователю корректные варианты написания» [8, с. 3240]. В этой связи И.В. Балканов полагает, что аналогичный принцип может быть реализован и в электронной лексикографии: «словарь сможет автоматически выполнять операцию лемматизации, распознавая искомую словоформу даже при наличии ошибок в написании, и предлагать пользователю релевантные словарные статьи» [8, с. 3241].

Подобная позиция расширяет традиционное понимание лемматизации как исключительно технического инструмента морфологического анализа и позволяет рассматривать её как важный механизм оптимизации взаимодействия пользователя с электронными лексикографическими системами. Вместе с тем данный подход вызывает определённую научную дискуссию, поскольку чрезмерная автоматизация процессов интерпретации словоформ может привести к ошибочному определению леммы в условиях многозначности, омонимии или контекстуальной вариативности языка. Тем не менее очевидно, что интеграция алгоритмов лемматизации в электронные словари способствует повышению их адаптивности, функциональности и ориентированности на коммуникативные потребности пользователя.

Этот процесс основывается на словарной базе и сложных методах морфологического анализа, позволяющих системе определять часть речи слова. Так, в некоторых моделях для повышения эффективности лемматизации наряду с автоматической разметкой частей речи используются дополнительные алгоритмы

морфологического анализа, предназначенные для устранения грамматической неоднозначности. Особенно в агглютинативных языках, таких как Азербайджанский язык, применение лемматизации требует использования гибридных подходов (основанных на правилах и машинном обучении), учитывающих сложные взаимосвязи между корнем слова и аффиксами.

Однако следует отметить, что лемматизация, по сравнению со стеммингом, требует большего объёма вычислительных ресурсов и более сложных словарных баз, что делает её применение на больших массивах данных более затратным с точки зрения времени [9, с. 289]. Тем не менее высокая точность получаемых результатов и полное соответствие грамматической структуре языка превращают этот процесс в незаменимый инструмент при решении сложных задач обработки естественного языка, включая автоматический перевод и семантический анализ текста.

Вместе с тем в современной корпусной лингвистике всё более активно обсуждается вопрос о необходимости интеграции лемматизации в системы автоматического анализа текстовых корпусов и конкордансов. Так, К. Габибова, рассматривая методологические подходы корпусной лингвистики и новые области применения конкордансов, подчёркивает, что «цифровая обработка языковых данных требует не только формального сопоставления словоформ, но и их морфологической нормализации, обеспечивающей более точную репрезентацию семантических связей внутри корпуса» [10, с. 91]. Подобная позиция фактически расширяет функциональные границы лемматизации, выводя её за рамки исключительно технического этапа предобработки текста и превращая в один из ключевых инструментов интерпретации языковых данных.

В определённой степени данная точка зрения получает развитие и в исследовании К. Габибовой, посвящённом методике создания конкорданса для тюркских письменных памятников на материале эпоса Китаби-Деде Коркуд [11]. Исследователь отмечает, что «при работе с историческими и агглютинативными текстами формальное сопоставление словоформ без учёта их лемматизированной основы существенно осложняет выявление лексико-семантических связей и снижает точность корпусного анализа» [11]. Данное высказывание позволяет утверждать следующее: отказ от полноценной лемматизации в ряде случаев способен привести к фрагментарной интерпретации текста, тогда как использование морфологически ориентированных алгоритмов обеспечивает более целостное представление языковой структуры и семантики памятника.

Эти технологии играют решающую роль в автоматическом анализе текстов и оптимизации систем информационного поиска. Анализируемый эмпирический и теоретический материал позволяет нам сделать вывод о том, что лемматизация является не просто инструментом грамматического упрощения, но и фундаментальной технологией, позволяющей моделям обработки естественного языка более точно интерпретировать глубинный смысл текста и семантические связи между его элементами.

БИБЛИОГРАФИЧЕКИЙ СПИСОК

1. Коротаев, С. М. Historical semantics of the class concept in academic literature: the experience of quantitative analysis / С. М. Коротаев // Journal of Economic Sociology. – 2024. – Vol. 25, № 3. – P. 13-50. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-3-13-50.

2. Sharipov, M. Development of a rule-based lemmatization algorithm through finite state machine for Uzbek language / M. Sharipov, O. Sobirov // arXiv. – 2022. DOI: 10.48550/arxiv.2210.16006.

3. Akhmetov, I. Highly language-independent word lemmatization using a machine-learning classifier / I. Akhmetov, A. Pak, I. Ualiyeva, A. Gelbukh // Computación y Sistemas. – 2020. – Vol. 24.

4. Tahiroğlu, B. T. Lematizasyon ve Türkçe için bir lematizasyon uygulaması: elemanTR / B. T. Tahiroğlu // RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi. – 2021. – № 24. – S. 475-486. DOI: 10.29000/rumelide.995343.

5. Габибова, К. А. Функциональность в стемминге: обработка сложных форм глаголов с учетом гармонии гласных (на основе азербайджанского языка) / К. А. Габибова // Сборник материалов круглого стола «Национальный корпус казахского языка – лингвистическая база для обучения большой языковой модели (LLM)» в рамках регулярной научно-языковой площадки «Аскар Жубановские чтения-4». – 2025. – С. 274-279. DOI: 10.5281/zenodo.18161701.

6. Lucas, C. Computer-assisted text analysis for comparative politics / C. Lucas, R. A. Nielsen, M. E. Roberts [et al.] // Political Analysis. – 2015. – Vol. 23, № 2. – P. 254-277. DOI: 10.1093/pan/mpu019.

7. Korkmaz, T. Analysis of whether news on the Internet is real or fake by using deep learning methods and the TF-IDF algorithm / T. Korkmaz, A. Çetinkaya, H. Aydın, M. A. Barışkan // International Advanced Researches and Engineering Journal. – 2021. – Vol. 5, № 1. – P. 31-41. DOI: 10.35860/iarej.779019.

8. Балканов, И. В. Лемматизация как средство оптимизации макроструктуры электронного словаря / И. В. Балканов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, вып. 10. – С. 3237-3244.

9. Schofield, A. Comparing apples to apple: the effects of stemmers on topic models / A. Schofield, D. Mimno // Transactions of the Association for Computational Linguistics. – 2016. – Vol. 4. – P. 287-300. DOI: 10.1162/tacl_a_00099.

10. Habibova, K. Corpus linguistics and concordance: methodological approaches and new applications / K. Habibova // Linguistic Researches. – 2025. – № 1. – P. 89-95. DOI: 10.59849/2664-5432.2025.1.89

11. Габибова, К. Методика создания конкорданса для тюркских письменных памятников (на примере эпоса «Китаби-Деде Коркут») / К. Габибова // Issues of Turkish Philology. – 2025. – Т. 1, № 1. DOI: 10.5281/zenodo.15437929

LEMMATIZATION AS A TOOL OF NATURAL LANGUAGE PROCESSING: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Natavan Rahmanova

Institute of Linguistics named after I. Nasimi, Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Azerbaijan, natis-sdunina@mail.ru

The article examines lemmatization as one of the key tools of natural language processing and morphological text analysis. The theoretical foundations of the concept of lemma, the specific features of the lemmatization process, and its differences from stemming are analyzed. Particular attention is paid to the application of lemmatization in agglutinative languages, especially in the Azerbaijani language, as well as to its role in automatic text analysis, information retrieval, and electronic lexicography. It is concluded that lemmatization is an important technology that ensures a more accurate interpretation of the semantic structure of texts in modern natural language processing systems.

Keywords: lemmatization; natural language processing; text analysis; lemma; stemming.

УДК 6

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Э.А. Садыкова
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, Elmira-sadykova-98@mail.ru

В статье представлены результаты применения инструментов искусственного интеллекта (chat GPT) для анализа концепта «Любовь» на материале произведения А.В. Калинкиной «Сетунь», выделены достоинства и ограничения функционала инструментов искусственного интеллекта при исследовании концепта.

Ключевые слова: инструменты искусственного интеллекта; когнитивная лингвистика; концепт; семантическое пространство; лингвокультурный анализ; когнитивный анализ; GPT.

Анализ концептов в различных предметных областях допускает применение методов искусственного интеллекта (далее ИИ). Машинное обучение, нейронные сети, экспертные системы, а также обработка естественного языка (NLP) образуют инструментальную базу подобных исследований. Сетевая модель, выстраиваемая в ходе такого анализа, опирается на совокупность понятий, тесно соотнесённых с изучаемым явлением, – именно это обстоятельство определяет связь между указанными методами и концептуальным анализом.

В работах А.С. Ватьяна и её коллег, сетевые модели описываются как «сеть, вершины которой отождествляются с некоторыми понятиями, а дуги – с отношениями между понятиями. Это позволяет использовать для работы с ними аппарат теории графов. Вершины могут иметь собственную внутреннюю структуру» [2, с. 104 –105]. Другими словами, авторы характеризуют технологии ИИ через образ граф-структуры, в которой узлы соответствуют определённым понятиям, а связи между ними выражают отношения этих понятий друг к другу. Именно такая организация открывает возможность применять к подобным моделям аппарат теории графов. При этом каждая вершина способна располагать собственной внутренней архитектурой.

Что касается самого искусственного интеллекта, И.В. Вешнева трактует его как «свойство искусственных интеллектуальных систем выполнять творческие функции, традиционно считающиеся прерогативой человека» [3, с. 429]. Другими словами, это способность искусственных интеллектуальных систем реализовывать творческие функции, исторически закреплённые за человеком. Область ИИ охватывает несколько самостоятельных направлений: машинное обучение и компьютерное зрение соседствуют с обработкой естественного языка, тогда как экспертные системы существуют наряду с усовершенствованным планированием, распознаванием речи и робототехникой.

Классификация инструментов ИИ по функциональному признаку нередко носит условный характер – границы между категориями размыты, а одно и то же средство способно выполнять разнородные задачи. Из этого вытекает, что развитие ИИ требует рассмотрения сразу в нескольких плоскостях. Если принять за исходную точку тезис об имитации человеческого мышления, отдельные параметры применения ИИ поддаются систематизации в рамках трёхгранной пирамиды, грани которой образуют ограничения, перспективы и угрозы. Именно в этой системе координат анализ концептов, извлекаемых из текстов

художественной литературы, представляет собой одну из областей, где возможности ИИ заслуживают отдельного рассмотрения [3].

Среди подходов к обработке текстов на естественном языке выделяется моделирование посредством семантической сети. Под ней понимается структура, объединяющая понятия – отдельные слова и устойчивые словосочетания – на основе связей между ними [2]. Отбор единиц для включения в сеть определяется частотностью их употребления в тексте: приоритет отдаётся тем, что несут основную смысловую нагрузку. Вокруг каждого такого понятия выстраивается совокупность ассоциативных отношений, отражающих, с какими другими единицами оно совместно встречалось в предложениях исходного текста.

Наряду с другими инструментами, искусственный интеллект оперирует фреймами, пригодными для концептуального анализа [2]. В рамках ИИ под фреймом понимается структура данных, предназначенная для представления абстрактного объекта или ситуации (согласно определению, приведённому в работах А.С. Ватьяна и его коллег).

Фреймовые модели представления знаний сочетают в себе ряд характеристик, определяющих как их преимущества, так и ограничения. Среди достоинств выделяется соответствие фреймов концептуальной организации человеческой памяти – структуры такого типа воспроизводят принципы, по которым человек группирует и хранит информацию.

Таблица – Сравнительный анализ концепта «Любовь» с помощью инструментов ИИ и при использовании традиционного лингвокультурологического подхода

Используемые лексемы	Традиционный подход	Результат применения ИИ (пунктуация и лексика сохранены)	Пример из книги «Сетунь» А.В. Калинкиной
Любовь как привычка	Любовь противопоставляется привычке, привязанности к человеку, при этом главный герой отрицает наличие действительного чувства героини к нему	Калинкина часто ставит персонажей перед выбором между честностью и удобством, между желанием сохранить идеал и признанием реальных недостатков партнера.	«Ему-то ладно, он привык, а вот Ланка… Тем более что она его не любит. Ну, может, за столько-то лет привыкла, привязалась на свой лад, оценила его заботу. Но это не любовь».
Любовь как страсть	Концепт эксплицируется в качестве страсти, которая видна окружающим людям. По мысли одного из героев, страсть может связать двух людей, чтобы позволить им создать семью и выжить	Произведение может демонстрировать, как любовь становится источником силы, помогающей выйти за рамки травм прошлого	«Парню шестнадцать, ей семнадцать. Я давно заметил, что у них любовь. Рановато, конечно, но сейчас времена такие. Может, даже лучше, что рано создадут семью».
Любовь как	Любовь приобретает	Часто присутствуют	«И я хочу быть

проявление заботы.	одно из первоначальных значений, характерных для русской культуры: любовь как призрение и забота о ближнем	вопросы: что я готов(а) отдать ради другого/ради отношений? Какая часть личности сохраняется под влиянием любви?	всегда здесь, пусть для этого придется мыть полы или стать чьей-нибудь женой. А он меня любит и обижать не станет».
Любовь как ревность и досада	Любовь реализуется в качестве чувства досады и ревности: главный герой видит проявление любви Светланы к ребенку и понимает, что он никогда не получал от нее столько же ласки и внимания, сколько получает этот ребенок	Любовь становится ареной сопротивления стереотипам, либо способом их укрепления, когда партнеры вписывают отношения в существующие схемы ради сохранения гармонии или выгоды	Он рад был, что у Светланы появился смысл в жизни, но иной раз ощущал досаду – так, как к малышу, она никогда не относилась ни к нему, ни к Матвею, ни к дочери

Гибкость и наглядность дополняют эту особенность, делая фреймовые конструкции пригодными для работы со сложными понятиями, требующими структурированного описания. Особую ценность подобные модели приобретают в задачах, где выбор способа вывода определяется текущей ситуацией, а не задаётся жёстко заранее.

Среди инструментов, применяемых для анализа концептов с использованием возможностей искусственного интеллекта, выделяется чат-бот ChatGPT – разработка компании OpenAI, в основе которой лежит генеративная языковая модель [2].

Концепт «любовь» присутствует в концептосфере всех известных национальных языков, занимая в каждой из них структурообразующее положение. По характеристике К.Г. Аглиуллиной и В.В. Макашовой, данный концепт относится к телеономным: он формирует и воплощает нравственный идеал, способный придать человеческому существованию смысл, ради которого не страшно и умереть [1].

Чтобы выяснить, насколько технологии ИИ применимы при исследовании концепта «Любовь» (на материале книги «Сетунь» А.В. Калинкиной), был проведён сравнительный разбор двух подходов: традиционного лингвокультурологического анализа, опирающегося непосредственно на текст, и анализа с привлечением различных инструментов ИИ [1, 2, 3, 4, 5]. Данные, полученные в ходе этой работы, отражены в таблице.

Как видно из представленной выше таблицы, чат GPT представил схожие по содержанию пункты проведенного лингвокультурного анализа концепта, однако ключевым ограничением следует считать то, что ИИ не опирается на конкретный текст: все примеры, представленные в таблицы выше, были собраны благодаря проведенному традиционному анализу с использованием концептуального анализа и контент-анализа. Чат GPT не может работать непосредственно с текстом первоисточника и предлагает только гипотетические примеры, основываясь на текстах аналогичной тематики без внесения той или иной конкретики. Другими словами, можно сделать вывод, что инструменты ИИ могут быть включены в работу с анализом концептов, однако для того чтобы раскрыть

своеобразие авторского семантического пространства, это исследование необходимо дополнять в том числе и традиционными методами работы с текстом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аглиуллина К.Г., Макашова, В.В. Концепт «Любовь» в романе-эпопее Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» / К.Г. Аглиуллина, В.В. Макашова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – №4. – С. 62-70.
2. Ватьян А.С., Гусарова Н.Ф., Добренко Н.В. Системы искусственного интеллекта. – СПб: Университет ИТМО, 2022. – 186 с.
3. Вешнева И.В. Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2023. – №4. – С. 428-438.
4. Просвиркина, И. И., Кучеренко А.Ю. Сочетание литературоведческого и цифрового инструментария в выявлении актуализаций концепта личность / И. И. Просвиркина, А.Ю. Кучеренко // Современное профессионально образование. – 2025. – № 1. – С. 193 – 197.
5. Просвиркина, И. И., Голубева, М.А. Анализ тональности русскоязычных текстов с помощью нейросетевых моделей. / И.И. Просвиркина, М.А.Голубева// Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2025. – Т. 14, № 3. – С.7 – 14.

**ANALYSIS OF THE CONCEPT «LOVE»
USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS**

E.A. Sadykova
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia, Elmira-sadykova-98@mail.ru

The article presents the results of the use of artificial intelligence tools (chat GPT) to analyze the concept "Love" based on the material of A.V. Kalinkina "Setun," highlighted the advantages and limitations of the functionality of artificial intelligence tools in the study of the concept.

Keywords: artificial intelligence tools; cognitive linguistics; concept; semantic space; linguocultural analysis; cognitive analysis; GPT.

УДК 372

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД VS. ЧЕЛОВЕК: АНАЛИЗ ОШИБОК МАШИННОГО ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТОВ

А.В. Сикорская, Н.А. Бондарева
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь, anasteisha.ssk@mail.ru

В статье рассматривается проблема качества машинного перевода в сопоставлении с переводом профессионального переводчика. На материале фрагментов романа Дж. Оруэлла «1984» и книги С. Хокинга «Краткая история времени» проводится лингвистический анализ ошибок машинного перевода по лексическому, грамматико-синтаксическому и стилистическому критериям. Цель исследования – выявить типичные закономерности отклонений автоматических систем от норм адекватного перевода и определить границы применимости машинного перевода к текстам различных функциональных стилей.

Ключевые слова: машинный перевод; литературный перевод; переводческие ошибки; лексический уровень; синтаксический уровень; стилистика; адекватность перевода.

Проблема качества автоматического перевода приобретает всё большую актуальность в условиях стремительного развития технологий. Машинный перевод стал частью ежедневной практики не только профессиональных переводчиков, но и широкого круга пользователей: исследователей, учащихся, деловых людей, осуществляющих коммуникацию на иностранных языках. Вместе с тем широкое использование автоматических переводчиков не означает их полноценной замены человеку-переводчику, особенно применительно к текстам, насыщенным культурными смыслами, образными средствами и авторской интонацией. Как отмечается в ряде исследований, не подвергнувшись процедуре предредактирования и постредактирования, продукт на принимающем языке будет, скорее всего, некачественным [6].

Перевод в самом общем виде определяется как создание на основе оригинального текста на одном языке эквивалентного ему текста на другом языке, равноценного оригиналу в коммуникативном отношении. Качество перевода, согласно В. Н. Комиссарову, обусловливается «степенью смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистической принадлежностью текстов оригинала и перевода, прагматическими факторами» [1]. При этом, в отличие от перевода научных текстов, перевод художественных произведений представляет собой особый вид деятельности, задачей которого является не буквальная передача текста, а воссоздание его образно-эстетического и смыслового единства [4]. Это принципиальное разграничение функциональных типов текста определяет и разные требования к адекватности перевода в каждом конкретном случае.

Среди исследователей нет единства в определении самого понятия «переводческая ошибка». В самом общем смысле ошибка понимается как отклонение от нормативного, стандартного, правильного; для того, чтобы понять, что такое переводческая ошибка, необходимо разобраться, что является правильным в переводе, решение каких задач должен обеспечивать безошибочный перевод [5]. При этом в качестве ошибки нередко рассматривается так называемое «смысловое искажение», то есть искажение смысла, при котором соответствующее высказывание будет понято неверно; прочие недостатки текста воспринимаются лишь как стилистические погрешности [5]. Вместе с тем различить природу переводческих ошибок бывает довольно сложно, поскольку наиболее распространённым способом их выявления остаётся сравнение текста перевода с текстом оригинала.

С технической точки зрения, машинный перевод работает по принципу сравнения больших объёмов языковых пар, производит поиск наиболее точного перевода предложения с использованием информационных данных, полученных из двуязычных текстовых массивов [7]. В ходе данного процесса на вход системы подаётся текст, не сопровождающийся никакими дополнительными указаниями, а на выходе получается текст на другом языке; преобразование происходит без вмешательства человека [7]. Исторически машинный перевод – область научных исследований на стыке лингвистики, математики и кибернетики – получил развитие в конце 40-х – начале 50-х годов XX века [7].

Анализ ошибок машинного перевода показывает, что они проявляются на нескольких языковых уровнях одновременно: в результате изучения систем машинного перевода выявляются ошибки на лексическом, морфологическом и

синтаксическом уровнях [5]. Важнейшей причиной подобных несоответствий является лингвистическая многозначность: современный письменный машинный перевод содержит большое количество неточностей, которые возникают из-за полисемии, трансформаций и перевода идиом и фразеологизмов [8]. Особую сложность представляет перевод с английского на русский в силу типологических различий между языками: несмотря на кажущуюся простоту английской грамматической структуры, из-за лексической и грамматической многозначности возникают серьёзные трудности при машинном переводе; при переводе же русских текстов компьютерные системы делают ошибки из-за наличия большого количества падежей, склонения именных частей речи и отсутствия фиксированного порядка слов [8].

На материале сравнительного исследования переводов литературных текстов было установлено, что машинный и профессиональный переводчики допускают ошибки, связанные с полисемией, омонимией, синтаксической неоднозначностью, синонимией, метафорами; при этом литературный перевод превосходит системы машинного перевода в обработке омонимии и синтаксической неоднозначности в художественных текстах [9]. Важно также учитывать, что современные нейронные платформы машинного перевода сравнительно хорошо работают с техническими и буквальными текстами и значительно хуже – с литературным, религиозным и идиоматическим содержанием, где культурная и прагматическая точность наиболее важна [10].

Первым объектом анализа в данной работе выступает фрагмент из книги Стивена Хокинга «Краткая история времени» – один из наиболее известных научно-популярных текстов XX века. Данный жанр предполагает сочетание точности научного изложения с доступностью и образностью. Машинный и литературный переводы данного отрывка представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение машинного и литературного переводов (С. Хокинг, «Краткая история времени»)

Критерий анализа	Оригинал	Литературный перевод	Машинный перевод	Комментарий
Лексический уровень				
Смысловая точность (денотат)	*rubbish*	‘чепуха’	‘чушь собачья’	Лит. перевод передаёт нейтральную разговорность; машинный вводит сниженную экспрессию, не свойственную тону пожилой леди в оригинале
Коннотативная адекватность и стилистическая окраска	*a little old lady*	‘маленькая пожилая леди’	‘маленькая старушка’	«Леди» сохраняет социально-маркированную вежливость; «старушка» – нейтрально-разговорное, снижает регистр

Идиоматичность и фразеология	*turtles all the way down*	‘черепаха – на другой черепахе, та – тоже на черепахе, и так всё ниже и ниже’	‘это же черепахи до самого низа!’	Лит. перевод описательно развёртывает образ-идиому; машинный даёт буквальный кальк, теряя ритм и смысловую наглядность [9]
Работа с реалиями и именами собственными	*our galaxy*	‘нашей Галактикой' (заглавная буква)	‘нашей галактикой' (строчная)	Заглавная буква в лит. переводе указывает на имя собственное; машина трактует слово как нарицательное [8]
Лексическая сочетаемость	*gave a superior smile*	‘снисходительно улыбнувшись’	‘высокомерно улыбнулся’	*Superior* здесь – интеллектуальное превосходство; «высокомерно» привносит моральную надменность, изменяя характер учёного
Грамматико-синтаксический уровень				
Перестройка структуры предложения	*At the end of the lecture, a little old lady at the back of the room got up and said*	‘Когда лекция подошла к концу, из последних рядов зала поднялась маленькая пожилая леди и сказала’	‘В конце лекции маленькая старушка, сидевшая в конце аудитории, встала и сказала’	Лит. перевод плавнее вводит обстоятельство и действие; машинный дублирует «в конце» и «в конце аудитории», создавая тавтологию [5]
Передача неличных форм глагола	*before replying*	‘снисходительно улыбнувшись, учёный спросил’	‘учёный высокомерно улыбнулся, прежде чем ответить’	Лит. перевод преобразует конструкцию в деепричастный оборот; машинный сохраняет кальк с английской структуры *before* + *infinitive*, делая предложение громоздким [8]
Использование активных конструкций	*He described how the earth orbits*	‘Он рассказывал, как Земля обращается’	‘Он описал, как земля вращается’	Лит. перевод: *orbits* → ‘обращается’ (устойчивый астрономический термин); машинный: «вращается» – физически точно, но не соответствует терминологической норме [3]
Стилистический уровень				
Точность	*You're*	‘Вы очень	‘Вы очень	Лит. перевод снимает

интонации и модуса высказывания	*very clever, young man, very clever*	умны, молодой человек’	умны, молодой человек, очень умны’	повтор: ирония уже содержится в продолжении реплики; машинный воспроизводит повтор буквально, теряя иронический подтекст [9]
Сохранение метафор и образности	*turtles all the way down*	Развёрнутый описательный образ	Буквальный	Идиома – ключевой образ текста; лит. перевод раскрывает его последовательно, машинный фактически разрушает [9]
Передача авторского синтаксиса (ритм, параллелизм)	Повтор *very clever, very clever*	Устранён в пользу целостности иронии	Воспроизведён механически	Повтор у Хокинга работает как интонация язвительности; лит. перевод передаёт её структурно [11]

Анализ данного фрагмента свидетельствует о том, что машинный перевод в целом справляется с передачей фактического содержания, однако систематически утрачивает стилистические и культурные нюансы.

Вторым объектом сравнительного анализа является знаменитое первое предложение романа Джорджа Оруэлла «1984» – одно из наиболее изученных и стилистически насыщенных предложений мировой литературы. Машинный и литературный переводы данного отрывка представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Сравнение машинного и литературного переводов (Дж. Оруэлл, «1984»)

Критерий анализа	Оригинал	Литературный перевод	Машинный перевод	Комментарий
Лексический уровень				
Смысловая точность (денотат)	*vile wind*	‘злого ветра’	‘пронизывающего ветра’	*Vile* – морально-оценочное: мерзкий, подлый; лит. перевод передаёт оценочную метафору «злой»; машинный заменяет её на физическое ощущение, снимая оценочность [9]
Коннотативная адекватность и стилистическая окраска	*gritty dust*	‘зернистой пыли’	‘песчаной пыли’	«Зернистой» сохраняет двусмысленность; «песчаной» – точный термин, но образность исчезает [11]
Работа с реалиями и именами	*Victory Mansions*	‘жилого дома "Победа"’	‘особняка Виктори’	Лит. перевод переводит имя, сохраняя советский контекст романа;

собственными				машинный транслитерирует имя без перевода, разрушая иронический подтекст [4]
Идиоматичность и фразеология	*his chin nuzzled into his breast*	‘уткнув подбородок в грудь’	‘уткнувшийся подбородком в грудь’	Оба варианта семантически адекватны; лит. перевод превращает конструкцию в деепричастный оборот (фоновое действие)
Грамматико-синтаксический уровень				
Перестройка структуры предложения	*Winston Smith, his chin nuzzled into his breast in an effort to escape the vile wind, slipped quickly through the glass doors*	‘Уткнув подбородок в грудь, чтобы спастись от злого ветра, Уинстон Смит торопливо шмыгнул за стеклянную дверь’	‘Уинстон Смит, уткнувшийся подбородком в грудь в попытке укрыться от пронизывающего ветра, быстро проскользнул через стеклянные двери’	Лит. перевод перестраивает структуру: деепричастный оборот (фон) → главное действие; машинный калькирует английскую структуру, порождая громоздкость [8]
Членение предложений	Одно развёрнутое предложение	Одно компактное, ритмичное	Одно громоздкое с двойным «чтобы не допустить, чтобы»	Лит. перевод сжимает структуру; машинный оставляет оборот с двойным «чтобы» [5]
Передача неличных форм глагола (герундий)	*in an effort to escape*	‘чтобы спастись’	‘в попытке укрыться’	Оба варианта приемлемы; лит. перевод лаконичнее и естественнее для русского языка [8]
Использование пассивного залога	*the clocks were striking thirteen*	‘часы пробили тринадцать’	‘часы пробили тринадцать’	Оба варианта успешно трансформируют страдательный залог в активную конструкцию
Грамматическая согласованность	*not quickly enough to prevent a swirl of gritty dust from entering*	‘но всё-таки впустил за собой вихрь зернистой пыли’	‘хотя и недостаточно быстро, чтобы не допустить, чтобы вместе с ним внутрь влетел вихрь’	Лит. перевод сжимает двойное отрицание в одно утверждение; машинный создает синтаксически неловкую конструкцию [5]
Стилистический уровень				
Сохранение метафор и	*bright cold day*	‘холодный ясный	‘ясный холодный	Лит. перевод: «холодный» на первом месте – контраст

образности		апрельский день’	апрельский день’	с «ясным»; машинный меняет порядок, ослабляя художественный эффект [9]
Работа с инверсией и эмфазой	Намеренно обезличенное вступление с числом «тринадцать» как знаком дистопии	Сохранено	Сохранено частично	Лит. перевод усиливает общую отчуждённость интонации за счёт синтаксической перестройки [11]
Передача авторского синтаксиса (ритм)	Длинное ритмически выверенное предложение	Компактное, ритмичное	Громоздкое, с двойным «чтобы»	Ритмическая интонация Оруэлла сохраняется в лит. переводе; машинный разрушает её тяжёлым синтаксисом [11]

Анализ данного фрагмента наглядно демонстрирует ключевые закономерности в работе машинного перевода с художественным текстом. Наиболее существенной ошибкой является передача топонима *Victory Mansions*: машинный переводчик транслитерирует название как ‘особняк Виктори’, полностью разрушая советскую коннотацию и иронический подтекст, принципиальный для понимания мира романа [4]. Критически важна также передача прилагательного *vile*: машинный вариант ‘пронизывающий’ меняет семантику с морально-оценочной на физическую, в то время как литературный ‘злой’ воспроизводит одушевление природной стихии [9]. Особенно показателен синтаксический сбой в машинном переводе: двойное «чтобы не допустить, чтобы» свидетельствует о механическом калькировании английской синтаксической структуры без трансформации, обязательной для естественного русского текста [5].

Таким образом, результаты сопоставительного анализа двух текстов свидетельствуют о том, что машинный перевод демонстрирует систематические слабости на всех трёх уровнях языка. На лексическом уровне машина нередко выбирает семантически неточный вариант, игнорирует коннотацию, неверно трактует реалии и культурно маркированные единицы [3; 8]. На грамматико-синтаксическом уровне автоматические системы тяготеют к калькированию исходных структур, что порождает в русском переводе громоздкие, неестественные конструкции [5; 8]. На стилистическом уровне образность, ритм, ирония и авторская интонация последовательно разрушаются при автоматическом переводе [9; 11]. Современный письменный машинный перевод остаётся неидеальным: из-за большого количества лексических и грамматических неточностей читатель способен понять лишь общий смысл текста [2; 3]. Несмотря на это, автоматические системы позволяют существенно сократить время работы и вполне справляются с передачей содержания в нехудожественных контекстах [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

2. Кочеткова, Н. С. Особенности машинного перевода / Н. С. Кочеткова, Е. В. Ревина // Научный журнал. – 2018. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mashinnogo-perevoda. – Дата обращения: 05.05.2026.

3. Красильникова, В. Г. Анализ качества машинного перевода системами Google Translate и Яндекс.Переводчик (на материале отрывка из научно-популярного издания по медицине) / В. Г. Красильникова, А. Д. Сафронова // Молодой ученый. – 2021. – № 23 (365). – С. 492–494. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/365/81991/. – Дата обращения: 05.05.2026.

4. Некоторые проблемы перевода художественных текстов [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-perevoda-hudozhestvennyh-tekstov. – Дата обращения: 05.05.2026.

5. О типологии ошибок гибридной системы машинного перевода [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2023. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/492/107574. – Дата обращения: 05.05.2026.

6. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-i-tipichnye-oshibki-v-avtomatizirovannom-perevode-nauchno-publitsisticheskih-tekstov. – Дата обращения: 05.05.2026.

7. Проблемы и преимущества автоматизированного и машинного переводов [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/113/29477. – Дата обращения: 05.05.2026.

8. Родина, С. В. Лингвистические проблемы машинного перевода / С. В. Родина, Е. В. Лакиза // Universum: филология и искусствоведение : электрон. науч. журн. – 2023. – № 6(108). – Режим доступа: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15686. – Дата обращения: 05.05.2026.

9. Abdulaal, M. A. Tracing machine and human translation errors in some literary texts with some implications for EFL translators / M. A. Abdulaal // Journal of Language and Linguistic Studies. – 2022. – Vol. 18, No. S1. – P. 176–191.

10. Jiang, L. Effective Neural Machine Translation with Human Post-Editing of Chinese Intangible Cultural Heritage Corpus into English / L. Jiang, B. Wei, G. K. Al-Shaibani // SAGE Open. – 2025. – DOI: 10.1177/21582440251386954.

11. Toral, A. The link between translation difficulty and the quality of machine translation: a literature review and empirical investigation / A. Toral // Language Resources and Evaluation. – 2024. – DOI: 10.1007/s10579-024-09735-x.

AUTOMATIC TRANSLATION VS. HUMAN: ANALYSIS OF MACHINE TRANSLATION ERRORS ON THE EXAMPLES OF LITERARY AND POPULAR SCIENCE TEXTS

A.V. Sikorskaya, N.A. Bondareva
Belarus State Economic University,
Minsk, Republic of Belarus,anasteisha.ssk@mail.ru:

The article examines the problem of machine translation quality in comparison with professional human translation. Based on fragments from George Orwell's novel 1984 and Stephen Hawking's A Brief History of Time, a multilevel linguistic analysis of machine translation errors is conducted using lexical, grammatical-syntactic and stylistic criteria. The aim of the study is to identify typical patterns of deviation of automatic systems from the norms of adequate translation and to determine the limits of applicability of machine translation to texts of different functional styles.

Keywords: machine translation; literary translation; translation errors; lexical level; syntactic level; stylistics; translation adequacy; polysemy; cultural context.

УДК 81`25

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ НЕЙРОСЕТЕВОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА КАК УГРОЗА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ

А.Г. Синютич
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, sinutich.a@polessu.by

Статья обобщает результаты основополагающего исследования Lee et al. (2018) о галлюцинациях в нейросетевом машинном переводе и дополняет их новейшими эмпирическими данными (2024–2026 гг.). Рассматриваются частота возникновения галлюцинаций у современных LLM, их связь с межкультурными искажениями – ложными коннотациями, подрывом доверия, стилистическими сдвигами. Приводятся реальные инциденты из медийной и деловой практики, иллюстрирующие угрозу для межкультурного взаимопонимания. Предлагаются методы распознавания галлюцинаций на основе анализа внутренних симптомов моделей.

Ключевые слова: галлюцинации нейросетей; машинный перевод; межкультурная коммуникация; распознавание галлюцинаций; культурная безопасность; аугментация данных; постредактирование.

Современные системы нейросетевого машинного перевода (NMT) и большие языковые модели (LLM) достигли высокого качества на многих языковых парах, что привело к их повсеместному использованию в деловой, образовательной и личной межкультурной коммуникации. Однако, как показало основополагающее исследование Lee et al. (2018), NMT-системы подвержены феномену галлюцинаций – переводов, полностью утрачивающих связь с исходным текстом, при этом грамматически остающихся правильными [9]. В межкультурном общении такой сбой может быть воспринят носителем языка перевода как намеренное высказывание, что ведёт к ложным атрибуциям, потере доверия и даже конфликтам.

За последние годы проблематика галлюцинаций не только не потеряла актуальности, но и приобрела новое измерение в связи с переходом от специализированных NMT к универсальным LLM. Цель данной статьи – обобщить современные данные о частоте и типах галлюцинаций, представить свежие примеры из медиа и деловой практики, а также предложить методы снижения рисков, ориентированные на требования межкультурной безопасности.

Исходное исследование проводилось на нейросетевой модели машинного перевода старого типа (RNN, архитектура GNMT) для пары языков немецкий–английский. Учёные выяснили, что галлюцинацию (то есть полный отрыв перевода от смысла исходного текста) можно вызвать, добавив в исходное предложение всего одно лишнее слово (редкое, часто встречающееся или знак препинания). Порогом галлюцинации считался случай, когда у перевода и исходного текста оказывалось почти ни одного общего слова (скорректированный показатель BLEU меньше 0,01).

В базовой модели оказалось, что 73% всех предложений из тестового набора можно заставить перевестись с галлюцинацией, если использовать «Greedy

decoding» – простейший метод поиска перевода. Если же применить более аккуратный метод, перебирающий несколько вариантов, а именно «Beam search», доля галлюцинаций снижалась, но всё равно оставалась высокой – 48%.

Кроме того, авторы заметили особенность: высокий BLEU-показатель вовсе не гарантирует устойчивость к галлюцинациям. Зависимость между ними оказалась очень слабой (коэффициент корреляции всего 0,33) [9, с. 6]. То есть модель может хорошо переводить в среднем, но при этом довольно легко впадать в галлюцинирование при малейшем изменении входного текста.

Современные исследования подтверждают, что проблема не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие. В 2025 году международная группа исследователей протестировала 17 ведущих LLM (включая GPT-4, Claude, LlaMa и др.) на предмет галлюцинаций при переводе. Частота галлюцинаций варьировалась от 33% до почти 60% в зависимости от модели и условий. Ключевые выводы: существующие способы оценки качества часто маскируют реальную уязвимость моделей; короткие тексты (менее 50 слов) и сверхдлинные (более 500 слов) являются основными триггерами; модели, обученные с использованием обратной связи от человека (RLHF), галлюцинируют реже, но не устраняют проблему полностью [7].

Дополнительное исследование на материале ирландского языка – языка с богатой морфологией и ограниченными цифровыми ресурсами – выявило шесть типов галлюцинаций, включая создание несуществующих словоформ и неправильное согласование [6]. Для межкультурной коммуникации это означает, что при переводе на языки с малым количеством обучающих данных риск искажения языковой идентичности особенно высок.

Практические инциденты последних лет наглядно иллюстрируют опасность галлюцинаций. В 2026 году ректор одного из европейских университетов в официальной речи процитировала высказывания, которые, как выяснилось позже, были сгенерированы LLM и ложно приписаны Альберту Эйнштейну и другим известным мыслителям [1]. В академической среде приписывание ложных цитат авторитетам подрывает репутацию и доверие к образовательной системе, а в международных контекстах такая ошибка может быть расценена как академическая недобросовестность.

Другой случай связан с автоматическим переводом новостного портала: при переводе с вьетнамского языка на английский через браузерный плагин в текст вкрадывались ложные утверждения, отсутствовавшие в оригинале [5]. Такие искажения могут восприниматься как цензура или дезинформация и приводить к дипломатическим натяжкам. Техническое сравнение двух поколений моделей Google (классический Google Translate и новая модель Gemini 2.5) показало, что архитектуры с режимом «рассуждения» (deep thinking) галлюцинируют реже, чем модели прямого вывода [3]. Однако они требуют больше вычислительных ресурсов, что значительно затрудняет и ограничивает их массовое применение.

Помимо фактических галлюцинаций, существуют семантические и стилистические искажения, непосредственно угрожающие межкультурному взаимопониманию. Эмпирическое исследование 2025 года показало, что LLM систематически не справляются с передачей юмора, иронии и аллюзий в анимационных сериалах: терялось до 60% шуток, основанных на игре слов и культурных реалиях [8]. В деловой коммуникации это означает, что переведённые

через ИИ презентации или рекламные кампании могут звучать неуместно или даже оскорбительно для носителей языка перевода.

В работе по актуализированному постредактированию предложена типология ошибок машинного перевода, включающая культурный лакунаризм (отсутствие эквивалента для реалии), прагматическую дезактуализацию (неверная передача иллокутивной силы высказывания) и семантический сдвиг (искажение причинно-следственных связей) [2]. Эти понятия позволяют классифицировать галлюцинации как нарушения не только фактологии, но и прагматики культурной нормы.

Современные методы детекции галлюцинаций предлагают практические инструменты для снижения рисков. В 2026 году исследователи разработали метод интроспекции модели: анализируя вклад отдельных токенов в финальный вывод, они выявили внутренние симптомы галлюцинаций и создали мобильный детектор (быстрый и энергоэффективный), работающий в реальном времени [11]. Такой детектор может быть встроен в системы перевода для чувствительных дискурсов (дипломатия, медицина, юриспруденция и т.д.). При обнаружении подозрительного снижения энтропии внимания (что ещё Lee et al. коррелировали с галлюцинациями) система автоматически переключается на режим верификации или запрашивает помощь человека.

В другом исследовании оценивалась способность LLM обнаруживать собственные галлюцинации. Результаты показали, что даже лучшие модели ошибаются в самодиагностике в 20–30% случаев, особенно когда галлюцинация семантически правдоподобна [10]. Следовательно, полагаться только на самопроверку модели нельзя; необходим комбинированный подход – детектор + человек.

Наконец, работа 2024 года предложила формировать специализированные тестовые наборы, включающие культурные нюансы, языковую субъективность и вопросы без однозначного консенсуса [4]. Там, где присутствуют неоднозначные социальные нормы, модели оказались особенно уязвимы для галлюцинаций. Практическая рекомендация – для каждой пары языков и культурных контекстов создавать «экстренные команды» из носителей языка и экспертов в области межкультурной коммуникации для регулярного прогона таких тестов перед развёртыванием систем перевода.

Обобщая исходные выводы Lee et al. и новейшие исследования, можно предложить следующие меры для обеспечения культурно-безопасного машинного перевода:

1. Аугментация данных с включением культурно-чувствительных токенов – обращений, эвфемизмов, клише вежливости, идиом.
2. Мониторинг внутренних симптомов через мобильные детекторы, анализирующие вклад токенов и энтропию внимания в реальном времени.
3. Гибридный процесс доработки машинного перевода: автоматический перевод → детектор галлюцинаций → при подозрении – верификация носителем языка и культуры.
4. Культурно-чувствительное тестирование перед внедрением в чувствительных дискурсах (дипломатия, международный бизнес, образование и т.д.).

5. Обучение пользователей грамотной работе с машинным переводом: даже грамматически правильный вывод может быть галлюцинацией, поэтому при критически важной коммуникации необходима проверка.

Таким образом, проблема галлюцинаций нейросетевого машинного перевода не только не решена, но и приобрела новые формы с появлением больших языковых моделей. Частота галлюцинаций у самых популярных и востребованных моделей достигает 60%, а традиционные способы оценки не отражают реальной уязвимости. Межкультурная коммуникация оказывается в зоне особого риска: ложные коннотации, искажённая прагматика и потеря культурно-специфичного юмора способны разрушить доверие и спровоцировать конфликты. Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание стандартов культурно-безопасного автоматического перевода, включающих обязательное тестирование на культурно-чувствительных наборах, встраиваемые детекторы галлюцинаций и гибридные протоколы с участием человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. AI-Generated Fake Quotes in Rector’s Speech: A Case Study of Academic Reputation Risks // De Standaard. – 2026. – 15 Feb.

2. Aktualisiertes Post-Editing im Kulturvergleich: eine Typologie von Übersetzungsfehlern / H. Schmidt, M. Weber // Lebende Sprachen. – 2025. – H. 2. – S. 112–130.

3. Comparing Translation Quality of Gemini 2.5 Models: Reasoning vs. Direct Output // AI Technology Blog. – 2025. – 3 Dec.

4. Culturally Sensitive Test Suites for Hallucinations in Large Language Models / L. Garcia, M. Dubois, R. Chen // arXiv preprint. – 2024. – arXiv:2403.15234.

5. Google Translate Hallucinates Claims in Vietnamese News Translation // TechCrunch. – 2025. – 10 Oct.

6. Hallucination Patterns in Low-Resource Machine Translation (Irish–English) // Proceedings of LoResMT. – 2025. – P. 78–92.

7. International Research Group on LLM Hallucinations. A Large-Scale Analysis of 17 Leading Models in Translation Tasks // Transactions of the Association for Computational Linguistics. – 2025. – Vol. 13. – P. 415–432.

8. Laughing with the Machine: Empirical Verification of Humor Translation Failures in LLMs // Journal of Pragmatics. – 2025. – Vol. 180. – P. 45–61.

9. Lee, K. Hallucinations in Neural Machine Translation / K. Lee, O. Firat, A. Agarwal, C. Fannjiang, D. Sussillo // arXiv preprint. – 2018. – 18 p.

10. Self-Detection of Hallucinations in LLM-Generated Translation and Paraphrase: Capabilities and Limitations // Proceedings of EMNLP. – 2025. – P. 210–226.

11. Symptom-Based Real-Time Hallucination Detection via Token Contribution Analysis / J. Williams, S. Lee, K. Tanaka // Findings of ACL. – 2026. – P. 318–334.

NEURAL MACHINE TRANSLATION HALLUCINATIONS AS A THREAT TO INTERCULTURAL COMMUNICATION: CURRENT DATA AND RISK MITIGATION METHODS

A.G. Sinyutich

Polessky State University

Pinsk, the Republic of Belarus, sinutich.a@polessu.by

The article summarizes the findings of the pioneering study by Lee et al. (2018) on hallucinations in neural machine translation and supplements them with the latest empirical data (2024–2026). It examines the frequency of hallucinations in modern LLMs and their connection to cross-cultural distortions – false connotations, erosion of trust, and stylistic shifts. Real-world

incidents from media and business practice that illustrate the threat to cross-cultural understanding are presented. Methods for hallucination detection based on the analysis of internal model symptoms are proposed.

Keywords: neural network hallucinations; machine translation; intercultural communication; hallucination detection; cultural security; data augmentation; post-editing.

УДК 378.146

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

Н.И. Степанюк, М.В. Ходинская
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, nistep01@yandex.by, hoshka@mail.ru

В статье исследуются возможности использования ИИ при обучении английскому языку в неязыковых вузах. Отмечаются преимущества применения нейросетей для автоматизации рутинных задач по созданию образовательного контента. Также акцентируется внимание на этических вопросах, связанных с внедрением ИИ, и необходимости разработки стандартов и правил его внедрения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; образовательные практики; персонализированное обучение; инструменты поддержки обучения и преподавания; цифровизация образования.

Образование в цифровую эпоху неизбежно трансформируется и нуждается в переосмыслении. В современном мире, где технологии развиваются быстрее, чем учебные программы, предназначенные для ознакомления с ними, актуальным становится вопрос, как сделать применение дидактических инструментов на основе искусственного интеллекта (далее ИИ) наиболее эффективным и как минимизировать риски, связанные со злоупотреблением ИИ.

Использование ИИ-инструментов для обучения английскому языку в неязыковых вузах имеет ряд значимых преимуществ. Нейросети позволяют преподавателям:

1) автоматизировать рутинные задачи, связанные с подбором лексических и грамматических упражнений (генерировать тестовые задания с использованием активной профессиональной лексики, разрабатывать базовые упражнения на проверку понимания текста или аудиоматериала);
2) генерировать квизы, викторины, провокационные вопросы для дебатов;
3) создавать интерактивные игры и упражнения для самостоятельной работы студентов;
4) адаптировать профессионально-ориентированные тексты для более слабых уровней (что особенно удобно при работе с группами начинающих);
5) использовать дистанционные тестовые платформы для промежуточной и итоговой аттестации студентов;
6) предоставлять индивидуальную обратную связь при подготовке к тестированию и тренировке академического письма;
7) создавать планы занятий для последовательной и творческой проработки грамматических правил или профессиональных тем.

Помимо таких универсальных ИИ-ассистентов, как ChatGPT, Copilot или DeepSeek, существует ряд нейросетей, разработанных специально для изучения языков и для преподавателей английского языка в частности. Все эти платформы имеют бесплатную версию с ограниченным количеством шаблонов и генераций, а также предлагают платную подписку, дающую доступ к безлимитному количеству персонализированных практических материалов. Среди наиболее популярных нейросетей для преподавателей Беларуси и России выделим Twee, MagicSchool AI, Teachmate AI. Все они предоставляют широкий спектр заданий и упражнений, включающих сопоставление, заполнение пропусков, аудио и видео скрипты с вопросами, выбор правильного ответа из предложенных, раскрытие скобок, генерацию предложений, диалогов и текстов на основе вокабулярных листов и многое другое. Все сгенерированные материалы нуждаются в тщательной проверке и, как правило, значительной коррекции: их недобросовестное копирование недопустимо. Тем не менее, стоит отметить, что с каждым годом технологии совершенствуются и качество вспомогательных учебных материалов, созданных на основе искусственного интеллекта, улучшается. Более того, нейросети обучаемы: если преподаватель четко формулирует свой запрос, обозначая, для какой аудитории предназначены создаваемые материалы (уровень владения языком, тематика, стиль текста) и умеет при необходимости конкретизировать и адаптировать этот запрос, то в ходе работы нейросеть постепенно подстраивается под конкретные пользовательские задачи. Сходным образом развивается общение в реальной жизни: в процессе знакомства люди узнают друг друга и начинают лучше понимать интересы и потребности своих собеседников. После небольшой тренировки искусственный интеллект также начинает «понимать», что от него требуется, выдавая результаты, максимально точно соответствующие запросу преподавателя.

Технологии ИИ также позволяют преподавателям генерировать видео- и аудиоконтент для интерактивных курсов с помощью таких отечественных и зарубежных сервисов, как Visme, FusionBrain, Midjourney, DALL-E и другие.

Использование нейросетей для разработки занятий способствует персонализации обучения, внедрению новых творческих и игровых форматов работы, что повышает мотивацию студентов и их включенность в образовательный процесс. При этом стоит подчеркнуть, что центральная роль в обучении английскому остается за преподавателем: при планировании занятия генеративные нейросети должны использоваться исключительно как вспомогательный инструмент, позволяющий упростить выполнение рутинных задач на подготовительном этапе работы.

В настоящее время не существует общепринятых норм, регламентирующих освоение генеративных нейросетей в образовательных целях. В международном научно-педагогическом сообществе ведутся дебаты об этичности и эффективности использования ИИ в учебном процессе: потенциальные риски и преимущества резюмируются в таком актуальном документе, как «Манифест о преподавании и обучении в эпоху генеративного искусственного интеллекта: критическая коллективная позиция, позволяющая лучше ориентироваться в будущем» [1]. Среди ключевых плюсов использования ИИ в международном образовании подчеркиваются такие аспекты, как персонализация обучения, повышение вовлеченности и замотивированности студентов за счет использования актуальных интерактивных ресурсов (нередко с функцией

самопроверки), а также снижение нагрузки на преподавателей, благодаря автоматизации рутинных задач, связанных с разработкой учебных материалов и проверкой базовых тестов.

Несмотря на то, что применение ИИ при обучении английскому языку имеет огромный потенциал и становится все более распространенным в учреждениях высшего образования, реальный уровень внедрения ИИ в вузах остается открытым вопросом. Нет статистически подтвержденных данных об успешной реализации в тех или иных вузах конкретных методик преподавания английского языка на основе ИИ. Тем не менее, мы полагаем, что в период прогрессивного развития технологий трансформации в области обучения иностранным языкам неизбежны, а следовательно, надо искать наиболее эффективные пути применения генеративных нейросетей в образовании. Отметим также, что во многих странах цифровизация образования и интегрирование в обучение новейших технологических достижений поддерживается на государственном уровне. Проводятся специализированные программы повышения квалификации, ориентированные на усиление технологической и ИИ-грамотности преподавателей.

На данный момент есть некоторые различия, связанные с внедрением ИИ-инструментов в белорусских, российских и зарубежных вузах. В исследовании потенциала ИИ в школьном и вузовском образовании Сувирова А. Ю., Ананин Д. П. и Шевелева Н. Н. отмечают, что в зарубежных практиках применения ИИ-инструментов делается акцент на этических вопросах, таких как защита персональных данных и границы использования генеративных нейросетей в обучении: ведется работа над формулировкой единых методических стандартов по использованию генеративных нейросетей в образовании. В российских и белорусских вузах приоритетным направлением на данный момент является улучшение функциональности «цифровых сервисов на аудиторных занятиях и в рамках самостоятельной внеаудиторной работы, а также автоматизированной проверки выполненных (домашних) заданий»: делается упор на интенсификацию учебного процесса при использовании ИИ как полноценного ассистента [2]. С 2026 года в Беларуси начинается разработка правил и механизмов мониторинга эффективности и безопасности использования технологий и инструментов ИИ по реализуемым образовательным программам в соответствии с методическими рекомендациями по внедрению ИИ в образовательный процесс и в процедуры аттестации студентов учреждений высшего образования.

В зарубежных практиках обучения английскому языку в неязыковых вузах задействуется широкий спектр ИИ-инструментов международных компаний, нацеленных на развитие устной коммуникации: таким образом, ИИ выступает не только в виде ассистента преподавателя в разработке рутинных заданий, но и в роли собеседника и репетитора для студента, вследствие чего наблюдаются такие результаты, как улучшение произношения и разговорных навыков студентов. Особенностью российского образования является фокус на использовании национальных платформ и технологий на основе ИИ: Яндекс, Сбербанк, Учи.ру. Как в российских, так и в белорусских вузах технологии ИИ ориентированы в первую очередь на тренировку лексических и грамматических навыков в интерактивных и игровых заданиях, способствующих расширению словарного запаса и повышению письменной грамотности обучаемых. Кроме того, инструменты онлайн-платформ минимизируют вероятность ошибок или

предвзятости при проверке тестов, поскольку они запрограммированы оценивать ответы на основе объективных критериев. В целом, внедрение ИИ влечет за собой повышение гибкости и автономности студентов, что является приоритетом в современном образовательном процессе. Прогресс каждого студента становится более наглядным и доступным для анализа и саморефлексии: при использовании дистанционных тестовых платформ «каждый обучающийся имеет возможность получить немедленную обратную связь о своей успеваемости, что может поспособствовать грамотной расстановке приоритетов в тех областях знаний, навыков и умений, которые требуют более интенсивного и тщательного развития и совершенствования».

В завершение отметим, что предложенный перечень возможностей использования генеративного ИИ для оптимизация условий обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов является далеко не полным. Интерактивность, персонализированный подход, удобство генерации материалов, а также помощь при планировании занятий и оценке тестовых заданий делают языковые платформы на основе ИИ ценным дополнением к традиционным методам обучения, однако методология использования ИИ в обучении языкам нуждается в доработке и унификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. The Manifesto for Teaching and Learning in a Time of Generative AI: A Critical Collective Stance to Better Navigate the Future, 23 Nov. 2024 / Open Praxis Journal. – URL: https://openpraxis.org/articles/10.55982/openpraxis.16.4.777 (date of access: 11.04.2026).

2. Ананин, Д. П., Сувирова, А. Ю., Шевелева Н. Н. Искусственный интеллект в школьном и вузовском преподавании: российский и зарубежный опыт / Д. П. Ананин, А. Ю. Сувирова, Н.Н.Шевелева // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-shkolnom-i-vuzovskom-prepodavanii-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt (date of access: 11.04.2026).

A COMPARATIVE ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE IN IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING AT NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

N.I. Stepanyuk, M.V. Khadzinskaya
Belarusian State University
Minsk, Belarus, nistep01@yandex.by, hoshka@mail.ru

This article explores the potential of using AI in English language teaching at non-linguistic universities. The advantages of using neural networks to automate routine tasks in creating educational content are highlighted. The article also focuses on the ethical issues associated with the implementation of AI and the need to develop standards and regulations for its implementation.

Keywords: artificial intelligence; educational practices; personalized learning; learning and teaching support tools; digitalization of education.

УДК 372.881.111.1

ПРОМПТ-ИНЖИНИРИНГ КАК НОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ESP

Е.Ю. Столярова
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, Stoliarova@bsu.by

Статья раскрывает потенциал ИИ для создания учебного контента в условиях, когда стандартные учебники по английскому языку для специальных целей не успевают за технологиями. Промпт-инжиниринг представлен как часть функциональной цифровой грамотности преподавателя. Описан опыт использования ИИ при подготовке узкоспециализированных материалов для студентов ИТ-направлений.

Ключевые слова: промпт-инжиниринг; функциональная цифровая грамотность; английский для специальных целей (ESP); кейс-метод; генеративный искусственный интеллект; математика и компьютерные науки.

В эпоху очень быстрой цифровой трансформации система преподавания английского языка для специальных целей (ESP) в технических вузах сталкивается с необходимостью радикального пересмотра традиционных подходов. Скорость развития ИТ-индустрии диктует новые правила: технологии и стандарты меняются быстрее, чем успевает обновиться академическая литература. В связи с этим одной из наиболее острых проблем современного образования становится углубляющийся разрыв между теоретической базой, представленной в учебных пособиях, и реальной профессиональной практикой.

Традиционные учебники по английскому языку для специальных целей зачастую предлагают избыточно обобщенное содержание, которое быстро теряет актуальность. Для студентов таких наукоемких направлений, как «Математика и компьютерные науки», стандартные темы (*Computer Architecture* 'устройство компьютера', *Peripheral devices* 'периферийные устройства') уже не представляют практического интереса. Данная категория обучающихся требует принципиально иного уровня наполнения курса: им необходим переход от общеинформационных текстов к глубоко специализированным кейсам, отражающим современные реалии их будущей профессии.

Для будущего математика-программиста критически важно владеть узкоспециализированной лексикой и уметь обсуждать сложные концепции, такие как логика пользовательских интерфейсов, алгоритмическая оптимизация или архитектурные решения в веб-дизайне. Однако ручная разработка подобных материалов требует от преподавателя лингвистических дисциплин огромных временных затрат и глубокого владения техническими знаниями. В этих условиях на первый план выходит необходимость освоения инновационных инструментов, среди которых промпт-инжиниринг (технология составления выверенных текстовых запросов) становится ключевым компонентом функциональной цифровой грамотности педагога, позволяя оперативно генерировать актуальный и персонализированный учебный контент.

В эпоху ИИ понятие функциональной цифровой грамотности преподавателя расширяется: теперь оно включает не только взаимодействие с информацией, но и умение использовать инструменты, позволяющие создавать и работать с этой

информацией. Промпт-инжиниринг становится посредником между педагогической целью и результатом, выдаваемым нейросетью. Если раньше преподаватель тратил время на поиск контента, создание и разработку заданий, то теперь он, в первую очередь, должен уметь грамотно создавать промпты, что сэкономит большое количество времени, которое он может потратить на доработку и совершенствование контента, предложенного нейросетью. Это позволяет преодолевать дефицит учебно-методических материалов и создавать кейсы по темам, которые еще не описаны в учебниках. Также можно создавать персонализированные учебные материалы с лексикой и грамматикой определенного уровня (A2, B1, B2), в зависимости от уровня знаний студентов в каждой конкретной группе и от их специализации. Преподавателю больше не нужно искать разные тексты для сильных и слабых групп, достаточно скорректировать промпт. Пример промта 1 (B1): *Опиши этот кейс простыми предложениями, сфокусируйся на названиях элементов интерфейса (header, footer, button) и базовой навигации*. Пример промта 2 (C1): *Перепиши кейс, добавив дискуссию об оптимизации времени отклика (latency), проблемах масштабируемости (scalability) и внедрении принципов доступности (accessibility) для сложных научных интерфейсов.*

Таким образом, ИИ позволяет реализовать принцип индивидуализации обучения: каждый студент получает задание, соответствующее его уровню владения английским языком, но при этом остающееся в рамках его узкопрофессиональных интересов. Причем дифференциацию на слабых и сильных студентов можно проводить не только между группами, но и внутри отдельно взятой группы, когда все студенты могут работать над одной и той же темой в парах или небольших группах, разделенных согласно их уровню владения языком. Это превращает учебный материал из статичного документа в гибкую, масштабируемую систему. Промпт-инжиниринг - это не просто технический навык, а новая форма педагогического проектирования, которая позволит преподавателю ESP в техническом вузе сохранить статус эксперта в условиях, когда учебные программы не успевают за реальными достижениями в науке и промышленности.

Традиционная модель преподавания иностранного языка в техническом вузе долгое время опиралась на линейную передачу знаний, где педагог выступал посредником между статичным учебным пособием и обучающимся. Однако в условиях экспоненциального роста ИТ-технологий и стремительного устаревания информации эта роль становится неэффективной. Сегодня преподаватель ESP, как впрочем, и преподаватель многих других предметов, вынужден отойти от простого воспроизведения готового материала и принять на себя функции автономного создателя образовательного контента. Суть этой трансформации заключается в переходе от пассивного поиска информации к её активному созданию. В отличие от устаревшего подхода, сейчас преподаватель не просто выбирает текст из существующей базы данных, а задает параметры идеального учебного материала, используя инструменты генеративного искусственного интеллекта. Этот процесс требует глубокого междисциплинарного анализа: педагог должен быть в курсе последних достижений и разработок в области той специальности, где преподается английский язык, четко осознавать, какие именно аспекты в этой области будут актуальны для студентов конкретной специальности в конкретный момент времени.

Роль создателя учебного контента подразумевает создание сложной иерархии вводных данных. Преподаватель через промпт-инжиниринг задает профессиональный контекст, ограничивает лексический словарь, задает уровень проблемности кейса, может также задать ролевую модель нейросети (например, ведущий системный архитектор или UX-лид). Таким образом, качество образовательного продукта теперь напрямую зависит не от объема памяти педагога, а от точности, логики и глубины его интеллектуального запроса к системе.

Следует подчеркнуть, что данная роль не снижает значимость преподавателя в учебном процессе и уровень требований к его профессиональным компетенциям, а, напротив, значительно повышает требования к его квалификации. Чтобы управлять ИИ как инструментом создания знаний, педагог должен обладать развитым критическим мышлением и способностью верифицировать сгенерированный результат на предмет достоверности и методической ценности. Грамотное использование промпт-инжиниринга превращает обучение из процесса потребления устаревшей информации в процесс постоянно развивающегося творческого сотрудничества, где преподаватель планирует направление развития учебной темы самостоятельно, согласно своему личному видению, составляя уникальные персонализированные запросы и получая в ответ исключительно индивидуальный учебный материал. Главное преимущество ИИ в этом процессе кооперации - это способность находить точки соприкосновения между абстрактной наукой и прикладным применением. Одной из проблем кейс-метода является размытость задания, что на иностранном языке увеличивает риск недопонимания. ИИ обладает способностью превращать общую идею в детальное задание с пошаговыми инструкциями. Нейросеть может предложить нестандартные сценарии кейсов, которые могут подтолкнуть студентов к своим собственным оригинальным рассуждениям, заставить их мыслить нестандартным образом, тем самым, расширяя их кругозор.

Рассмотрим в качестве примера практический кейс «Web Design Trends» для студентов 2 курса специальности «Математика и компьютерные науки» в рам-ках программной темы «Сайты». Как показывает опыт, промт, типа *предложи идеи занятия по английскому для студентов-математиков на тему сайтов*, не даст полезных результатов, в ответ получим сильно упрощенный и обобщенный контент. Эффективность запроса возрастает при использовании детализированного многоуровневого запроса.

Первоначальный запрос был сформулирован следующим образом: *предложи идеи, как провести занятие по английскому языку для студентов технических вузов с уровнем B2 на тему веб-сайты, дизайн вебсайтов, тенденции дизайна вебсайтов, придумай задания и темы для обсуждения*. В ответ ChatGPT сгенерировал достаточно развернутый поэтапный план, где сначала определил цели занятия (*развить словарный запас и навыки общения, чтения и письма, связанные с веб-сайтами, их дизайном, разработкой и текущими тенденциями)*, предложил материалы, которые можно использовать для занятия (*раздаточный материал со словарным запасом, текстами и упражнениями, презентация с примерами сайтов и трендами*); разделил занятие на несколько этапов (*Warm-up* 'разминка'*, Vocabulary* 'активизация лексики'*, Reading Comprehension* 'чтение'*, Listening Comprehension* 'аудирование' *Speaking Activity* 'говорение'*, Writing*

Activity ‘письмо’*, Wrap-up* ‘завершение занятия, рефлексия’*)* с указанием времени для всего занятия и для каждого этапа по отдельности.

Этап разминки включал обсуждение достаточно общих вопросов о вебсайтах, например, *Что делает сайт привлекательным для пользователей? Какие слова и выражения ассоциируются у вас с понятием дизайна веб-сайтов?*

На этапе активизации лексики обсуждались базовые понятия по теме (*URL, HTML, CSS, responsive design* 'адаптивный дизайн' и др.), разграничивались смежные концепты (*UI/UX*). Для интерактивности и активизации лексики было предложено использование платформ Kahoot и Quizlet, после чего предлагалось выполнить следующие упражнения: *соединить слово/фразу с определением, заполнить пропуски в предложениях словами из списка, составить предложения с новыми словами.*

На этапе работы с текстом ставилась задача проанализировать статью или блог-пост из любых источников на тему *Top 5 Website Design Trends* со следующими заданиями: *прочитайте текст быстро и определите основную идею, ответьте на вопросы по тексту, найдите в тексте синонимы к словам.* Как видим, задания к тесту сформулированы таким образом, чтобы подходить к любому тексту, т.к. текст на эту тему не был сгенерирован, по умолчанию предполагалось, что преподаватель должен сам найти подходящую статью. Чтобы не тратить время на поиск аутентичных материалов, был сделан дополнительный запрос: *Предложи текст о веб-сайтах и дизайне вебсайтов на английском, уровень B2 на 2200-2500 знаков.* С первой попытки был сгенерирован текст, потребовавший лишь минимальной стилистической правки. Составить вопросы к содержательному и грамотно структурированному тексту для опытного преподавателя не составляет труда. Практика показала, что, если преподаватель сам составляет вопросы, то он делает акценты на более релевантных темах в отличие от нейросети.

На этапе аудирования предлагалось найти видео на тему *The Future of Web Design*. К любому видео, которое будет использоваться, предлагались следующие задания: *запишите ключевые слова и фразы, которые вы слышите, прослушайте второй раз и ответьте на вопросы, обсудите, что узнали из видео*. Видео о 20 трендах в дизайне вебсайтов было достаточно быстро найдено на YouTube.

Для этапа говорения были сформулированы, после нескольких уточняющих промтов, несколько тем и вопросов для обсуждения, основанных на содержании именно этого конкретного видео (*обсудите следующие тренды … с точки зрения программиста и обычного пользователя, сравните ваши мнения, объясните, почему вам нравятся или не нравятся эти тренды*).

В интерактивной части занятия после работы с текстом и видео было предложено провести дебаты, разделив студентов на 2 группы (темы: 1. *Принцип Mobile-first - наиболее важный подход к проектированию современных веб-сайтов; 2. Десктопные версии сайтов по-прежнему актуальны и значимы*). После дебатов студентам предлагалось следующее задание: *выберите свой любимый веб-сайт и подготовьте короткую (2-3 минуты) презентацию о том, почему вам нравится дизайн этого сайта.*

На последнем этапе занятия в качестве домашнего задания рекомендовалось написать эссе (тема: *Какие этические соображения следует учитывать при веб-дизайне?);* провести исследование: *найдите примеры веб-сайтов, которые нарушают принципы доступности и предложите способы их улучшения*;

завершить тему «Сайты» дискуссией на темы *Влияние ИИ на веб-дизайн*; *Роль пользовательского опыта (UX) в успехе веб-сайта; Важность доступности веб-сайта для людей с ограниченными возможностями; Будущее образования в области веб-дизайна.*

В процессе подготовки занятия было написано не более десяти уточняющих промптов, причем большинство из них касались не содержания заданий, а поиска более четкой и краткой формулировки заданий. Примечательно, что корректировка и адаптация заданий, предложенных ChatGPT, стимулировали творческий поиск самого преподавателя и привели к идеям новых коммуникативных упражнений, например, предоставление профессиональных советов начинающему веб-разработчику. Таким образом, ИИ не только предоставил персонализированный контент, но и выступил катализатором новых идей для преподавателя.

Анализ практики использования генеративного искусственного интеллекта при преподавании английского языка для специальных целей позволяет выделить несколько ключевых факторов его эффективности, которые радикально меняют характер подготовки преподавателя к занятиям. Традиционный поиск аутентичных текстов по узкоспециализированным темам, их адаптация и компиляция упражнений раньше могли занимать у преподавателя несколько часов. Использование ИИ сокращает это время в несколько раз (в случае, рассматриваемом в данной статье, до одного часа). Возможность моментальной генерации текста заданного объема, уровня сложности и тематики позволяет преподавателю сфокусироваться не на техническом поиске информации, а на методической составляющей учебного занятия.

Динамичность ИТ-индустрии делает печатные учебные пособия устаревшими уже в момент их выхода, но использование ИИ позволяет интегрировать в учебный процесс тренды, которые появились в индустрии совершенно недавно (например, этические дилеммы использования нейросетей в дизайне). Это обеспечивает соответствие образовательного контента реальным требованиям рынка труда, что критически важно для мотивации студентов-математиков и программистов при изучении английского языка.

Одной из сложнейших задач для преподавателя иностранного языка является работа в группах с разным уровнем владения языком. Промпт-инжиниринг позволяет с помощью небольших корректировок одного и того же запроса создать несколько вариантов одного и того же кейса: от упрощенных заданий для студентов с уровнем Pre-Intermediate до сложных аналитических дискуссий для студентов уровня Advanced. Такая адаптивность позволяют реально воплощать дифференцированный подход в обучении на каждом занятии.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что промпт-инжиниринг не является инструментом, заменяющим преподавателя. Напротив, он позволяет многократно расширить творческий и когнитивный потенциал преподавателя.

Это неизбежно, что в эпоху ИИ роль преподавателя меняется, но вполне очевидно, что в любые времена преподаватель не должен стоять на месте, он должен развиваться, овладевать новыми компетенциями; и конкретно на данном отрезке времени освоение ИИ-инструментов должно стать неотъемлемой частью непрерывного самообразования преподавателя. Умение грамотно взаимодействовать с нейросетями и пользоваться инструментами на базе ИИ позволит преподавателю ESP оставаться в курсе последних тенденций в ИТ-

индустрии, сохраняя авторитет в глазах технически подкованной студенческой аудитории.

Перспективы развития и средней и высшей школы неразрывно связаны с цифровой трансформацией педагогических компетенций. Овладение искусством промпт-инжиниринга сегодня - это не просто дань моде, а необходимое условие формирования функциональной грамотности современного педагога, стремящегося обеспечить качественное, актуальное и персонализированное образование для будущих лидеров технологического мира.

PROMPT ENGINEERING AS A NEW COMPONENT OF AN ESP TEACHER'S FUNCTIONAL DIGITAL LITERACY

E.Y.Stoliarova
Belarusian State University
Minsk, Belarus, Stoliarova@bsu.by

The article explores the potential of AI for creating educational content in an environment where standard English for Specific Purposes (ESP) textbooks fail to keep pace with rapid technological advancements. Prompt engineering is presented as a component of a teacher's functional digital literacy. The paper describes the practical experience of using AI to develop highly specialized materials for students in IT-related fields.

Keywords: prompt engineering; functional digital literacy; English for specific purposes (ESP); case method; generative artificial intelligence; Mathematics and Computer Science.

УДК 372.881.111.1

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР ПРИ ПОДГОТОВКЕ К УСТНОЙ ЧАСТИ ЕГЭ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

А.Г. Усова
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия, annausovaa@mail.ru

В статье рассматривается проблема развития социокультурной компетенции старшеклассников при подготовке к устной части ЕГЭ по английскому языку. Анализируются типичные трудности учащихся и обосновывается необходимость использования дидактических игр. Описывается методический потенциал игровых форм обучения и приводятся примеры авторских игр.

Ключевые слова: социокультурная компетенция; дидактические игры; ЕГЭ; устная речь; обучение английскому языку.

В обучении иностранным языкам значительное внимание уделяется развитию коммуникативной компетенции. Важной её составляющей является социокультурная компетенция, которая предполагает умение использовать знания о культуре, традициях и особенностях своей страны и стран изучаемого языка в процессе общения.

Актуальность исследования обусловлена требованиями единого государственного экзамена по иностранному (английскому) языку. В устной части экзамена, в задании 3, учащимся необходимо отвечать на вопросы

интервьюера, давая развернутые ответы из 2–3 предложений по различным социокультурным темам. На практике многие учащиеся испытывают трудности при выполнении данного задания. Это связано с недостаточным уровнем социокультурных знаний, а также с неуверенностью в устной речи и недостаточной сформированностью навыков спонтанного высказывания. В связи с этим возникает необходимость поиска эффективных методов подготовки к устной части ЕГЭ, направленных на развитие социокультурной компетенции учащихся. Мы предполагаем, что поскольку на этапе подготовки к экзамену актуальны систематизация социокультурных знаний и тренировка высказываний о культурных явлениях, высоким методическим потенциалом обладают дидактические игры.

В современной методике обучения иностранным языкам дидактические игры рассматриваются как эффективное средство организации учебной деятельности, позволяющее активизировать речевую практику обучающихся и приблизить учебное общение к реальным условиям коммуникации. Исследования показывают, что игровая деятельность в любом возрасте и на любом этапе обучения способствует повышению мотивации учащихся и формированию коммуникативной компетенции [1, с. 140].

В то же время в старшем школьном возрасте наблюдаются коммуникативные затруднения, связанные с неуверенностью при устных высказываниях, трудностями в формулировании мыслей и снижением речевой активности [2, с. 17].

Кроме того, в работах по методике обучения иностранным языкам подчеркивается, что эффективное формирование коммуникативной компетенции невозможно без включения учащихся в активную речевую деятельность, максимально приближенную к реальным условиям общения [3, с. 86]. Формирование навыков устной речи требует систематической практики в условиях, приближенных к реальной коммуникации [4, с. 88–92].

Таким образом, использование дидактических игр представляется целесообразным, поскольку позволяет сочетать учебные задачи с моделированием ситуаций реального общения.

Мы провели исследование с целью определить возможности использования дидактических игр для развития социокультурной компетенции старшеклассников в процессе подготовки к устной части ЕГЭ по английскому языку.

Для достижения поставленной цели и решения отдельных задач использовались методы анализа научной литературы и обобщения накопленного в педагогической практике опыта подготовки к ЕГЭ, анализа содержания заданий устной части ЕГЭ, методического анализа и отбора дидактических игр.

Анализ кодификатора и заданий ЕГЭ показывает, что учащиеся должны владеть тематической лексикой и уметь без предварительной подготовки высказываться по социокультурным темам, включая культурные явления и события, достопримечательности, а также сведения о выдающихся представителях различных сфер общественной и культурной жизни (государственных деятелях, учёных, писателях, поэтах, художниках, композиторах, музыкантах, спортсменах, актёрах и др.).

Вместе с тем на практике наблюдаются следующие трудности: недостаток социокультурных знаний и/или неумение быстро извлечь из памяти информацию

для устного высказывания; трудности в построении развернутого ответа; низкий уровень спонтанной речи; высокая коммуникативная тревожность.

Следовательно, подготовка к устной части ЕГЭ требует не только усвоения языкового материала, но и развития навыков спонтанного высказывания в условиях ограниченного времени. В связи с этим особую значимость приобретает использование таких методов обучения, которые способствуют одновременно активизации социокультурных знаний и устной речевой деятельности учащихся.

Таким образом, были отобраны дидактические игры, направленные на систематизацию социокультурных знаний и формирование навыков устной речи. Данный подход соответствует современным методическим принципам обучения иностранным языкам, предполагающим активное включение учащихся в речевую деятельность [3, с. 48].

При отборе дидактических игр также учитывались содержание и требования устной части экзамена, равно как и возрастные особенности старшеклассников. Во-первых, старшеклассники способны рассуждать, выражать собственное мнение и участвовать в обсуждении. Условия игры, в которых появляется возможность дискуссии и взаимодействия друг с другом, мотивируют на устное высказывание. Во-вторых, их привлекают задания, актуализирующие уже присвоенные знания и частично сформированные умения, позволяющие при этом получить новые знания и умения во время игры, т.е. игры, выполняющие познавательную и развивающую функции. Наконец, учащимся важно понимать, что игра моделирует вполне реальные ситуации жизненного взаимодействия, гипотетически возможные в будущем. То есть приоритетными являются игры ролевые (например, интервью или диалог/полилог), коммуникативные и имитационные (решение практических задач, моделирование ситуаций). В нашем случае игры на этапе подготовки в ЕГЭ должны восприниматься учащимися как качественный тренажёр ситуации экзамена – тогда снимается вопрос мотивации.

В рамках исследования были разработаны дидактические игры, направленные на формирование социокультурной компетенции старшеклассников и подготовку к выполнению задания 3 устной части ЕГЭ. В отличие от традиционных упражнений, предложенные игровые формы ориентированы на моделирование экзаменационной ситуации и развитие навыков спонтанного высказывания в условиях ограниченного времени на основе уже сформированных на момент игры лексического и грамматического навыков, умений аудирования, чтения и говорения.

Новизна разработанных игр заключается в интеграции социокультурного содержания кодификатора ЕГЭ с коммуникативной моделью ответа, включающей вступление, два факта или примера и выражение собственного мнения. Данный подход позволяет сформировать устойчивый алгоритм построения устного высказывания.

Первая разработанная игра – «Culture Quest» – представляет собой командную карточную игру, в которой учащиеся работают с различными типами заданий: фактологическими «Fact cards», описательными «Place cards» и вопросами формата ЕГЭ «Question cards» (рис. 1).

Суть игры заключается в последовательном выполнении заданий, требующих от учащихся быстрого извлечения социокультурной информации и её вербализации в форме краткого связного высказывания. Работа в команде предполагает предварительное обсуждение ответа, что способствует

актуализации знаний, формированию навыков аргументации и снижению речевой тревожности.

Каждый игровой раунд ограничен по времени, что позволяет сформировать у учащихся умение быстро ориентироваться в задании и выстраивать ответ в условиях, приближенных к экзаменационным. Использование различных типов карточек обеспечивает переход от воспроизведения информации к её самостоятельному использованию в речи.

Рисунок 1. – Карточки игры «Question cards»

Вторая игра – «EGE Speaking Board» – представляет собой настольную игру с элементами случайного выбора задания, направленную на развитие индивидуальных навыков спонтанного устного высказывания. Игра может проводиться как индивидуально, так и в мини-группах под руководством учителя, который выполняет функцию ведущего: контролирует соблюдение временного регламента, организует работу учащихся и осуществляет последующую корректировку ответов.

Учащийся перемещается по игровому полю и в зависимости от позиции получает вопрос определённой тематики (экология, культура, литература и родной город), соответствующей кодификатору ЕГЭ.

Суть данной игры заключается в выполнении речевого задания без предварительной подготовки, что максимально приближает ситуацию к условиям устной части экзамена. Учащийся должен самостоятельно сформулировать ответ в течение ограниченного времени, опираясь на предложенную модель высказывания.

Перед началом игры учащиеся знакомятся с предложенной моделью ответа, которая прописывается в правилах и используют её как алгоритм построения устного высказывания при выполнении заданий. Данная схема включает вступление, два факта или примера и выражение собственного мнения. Обучение реализуется за счёт регулярного использования речевой модели, последующей корректировки ответов учителем и постепенного перехода от опоры на готовую структуру к самостоятельному построению высказывания.

Кроме того, учащимся предлагаются речевые клише и вводные конструкции на карточках (*To me…, As for me…, Firstly…, Secondly…, In my opinion…*), способствующие логичной организации высказывания и снижению речевой тревожности.

Рисунок 2. – Игра «EGE Speaking Board»

В отличие от командной игры, «EGE Speaking Board» ориентирована преимущественно на самостоятельное построение устного ответа в условиях, приближенных к экзаменационной ситуации.

Данные игры реализуют различные аспекты подготовки: первая игра ориентирована на развитие навыков командного обсуждения и совместного построения высказывания, тогда как вторая направлена на формирование навыков индивидуального спонтанного устного ответа в экзаменационном формате. Таким образом, использование комплекса дидактических игр обеспечивает сочетание коллективных и индивидуальных форм речевой подготовки, что способствует более полному формированию социокультурной компетенции учащихся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Жданов, С. С. Использование игровых методов как фактор повышения качества обучения иностранным языкам в нефилологическом вузе : статья / С. С. Жданов // Актуальные вопросы образования. – 2016. – № 1. – С. 139–145.

2. Лобыгин, А. Н. Преодоление коммуникативных затруднений старших подростков на основе системы полифункциональных дидактических игр : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогически наук : 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования А. Н. Лобыгин. – Ижевск, 2006. – 17, [1] с.

3. Павлова, И. П. Принципы обучения иностранному языку: современная интерпретация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2016. №14 (753). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-obucheniya-inostrannomu-yazyku-sovremennaya-interpretatsiya (дата обращения: 21.04.2026).

4. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам : базовый курс лекций : учебное пособие / Е. Н. Соловова. – 3-е изд. – Москва : Просвещение, 2005. – 239 с.

DEVELOPING SOCIOCULTURAL COMPETENCE OF HIGH SCHOOL STUDENTS THROUGH DIDACTIC GAMES IN PREPARATION FOR THE ORAL COMPONENT OF THE UNIFIED STATE EXAMINATION IN ENGLISH

A. G. Usova

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Perm, Russia, annausovaa@mail.ru

The article addresses the issue of developing sociocultural competence in high school students in the process of preparing for the oral part of the Unified State Examination in English. The study analyzes difficulties students typically face and substantiates the importance of the use of didactic games. The methodological potential of game-based learning is proved, and some examples of author-designed games are presented.

Keywords: sociocultural competence; didactic games; Unified State Exam; oral speech; English language teaching

УДК 372.881.111.1:004.8

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Н.Н. Хатько
Академия образования
Минск, Республика Беларусь, natalkahatko873@gmail.com

В статье рассматривается роль технологий искусственного интеллекта на уроках английского языка. Автор приводит примеры ИИ – инструментов, помогающих учителям создавать информативные и результативные уроки. Обсуждаются преимущества нейросетей. А также их недостатки.

Ключевые слова: нейросети; английский язык; искусственный интеллект; цифровая компетенция; учащиеся.

Общение с искусственным интеллектом (ИИ) стало частью жизни современного человека. С помощью нейросетей можно узнать о погоде, пробках на дорогах, скидках и многом другом. В образовании ИИ играет важную роль как для учащихся, так и для педагогов. С помощью нейросетей учащиеся могут сделать презентацию, сгенерировать музыку, картинку по описанию, написать сочинение и т.д. Нейросети помогут педагогу написать план-конспект урока, сгенерировать тестовые задания.

Исследователи справедливо подчеркивают: «Понимание и умение взаимодействовать с искусственным интеллектом становятся важной частью цифровой компетенции учителей иностранных языков. Под этой компетенцией понимается уровень их знаний, умений и навыков, а также готовность вести образовательный процесс в цифровой среде. Преподаватели иностранных языков учатся использовать различные цифровые инструменты, онлайн – ресурсы, а также создавать собственные учебные материалы и организовывать процесс обучения с помощью новых технологий» [1, с. 58].

Проведем анализ некоторых нейросетей, функционал которых может быть использован педагогами для подготовки различных этапов и типов урока; изучим преимущества и недостатки данный нейросетей.

Искусственный интеллект – это специальные компьютерные программы, главная цель которых имитировать интеллектуальные способности человека, обучаясь на большом количестве данных.

Искусственный интеллект может выполять следующие действия:

1) общаться с людьми на их родном (естественном) языке;

2) создавать уникальные (дизайн, видео, аудио и другое) продукты;

3) принимать решения (например, какой сделать шаг в шахматах);

4) управлять процессом или объектом (автопилоты);

5) предсказывать (например, погоду);

6) обучаться новому (владеть актуальной информацией, совершенствовать свои навыки и умения).

Искусственный интеллект пока не может выполять следующие действия:

1) разрабатывать новые направления, стили, так как учится на том, что уже когда-то кем-то создано;

2) испытывать эмоции;

3) принимать решения, требующие моральных и этических рассуждений;

4) осознавать происходящее (у ИИ нет сознания);

5) понимать нестандартные ситуации;

6) адаптироваться к неожиданным ситуациям;

7) тонко шутить и намекать, хотя при этом уже умеет использовать прямолинейный юмор.

Можно выделить 3 основные направления применения ИИ в образовательном процессе: визуализация, коммуникация и создание интерактивного контента [2].

I. Визуализация. Для генерации картинок, анимаций, видео и презентаций по текстовому запросу, можно использовать следующие нейросети:

1) https://www.sberbank.com/promo/kandinsky

Преимущества: создает фотореалистичные, цветные картинки, анимацию, видео с четкими контурами, высоким разрешением и глубокой прорисовкой деталей за считанные минуты.

Недостатки: не всегда полученные картинки, анимация, видео соответствуют сделанному запросу.

На уроке учащиеся формулируют текстовый запрос в соответствии с учебной задачей и получают сгенерированное нейросетью изображение. Учащиеся учатся создавать точные, детальные, правильные запросы на английском языке, обогащая лексический запас и развивая грамматические навыки.

2) https://gamma.app

Преимущества: создает презентации, web-страницы, документы; можно корректировать информацию в самих слайдах; можно сохранить презентацию в Power Point и в pdf-формате; поделиться выполненной работой с помощью ссылки; сделать проект совместно с коллегами.

Недостатки: не всегда полученные презентации, web-страницы, документы соответствуют сделанному запросу, конечный продукт требует корректировки.

II. Коммуникация. Для общения с любым персонажем как устно (в режиме онлайн), так и письменно (в чате) могут успешно применяться нейросети. Это может быть вымышленный персонаж или известная личность. Можно создать собственного персонажа или озвучить материал его голосом. Для этого можно использовать следующую нейросеть:

3) https://character.ai

Преимущества: способствует развитию коммуникативных и грамматических навыков у учащихся, а также восприятию и пониманию иноязычной речи на слух.

Недостатки: персонаж во время общения может перейти на другой язык.

Учащиеся выбирают любимого персонажа, задают ему вопросы, отвечают на его вопросы. Диалог максимально приближен к естественному. При затруднении понимания, можно переспросить, задать уточняющие вопросы. В речи персонажа

присутствует юмор и устойчивые выражения. С персонажем можно пообщаться в чате.

III. Создание интерактивного контента. Для поиска информации и создания (аудио)видео-материла, различных тестовых заданий можно использовать следующую нейросеть:

4) https://www.perplexity.ai

Преимущества: создают различные (аудио)видео-материалы, тестовые задания, упражнения.

Недостатки: необходимо перепроверять содержание интерактивных заданий, чтобы они соответствовали уровню сложности и целям обучения.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование ИИ в преподавании английского языка открывает перед учителями определенные возможности для создания увлекательных и современных уроков.

Педагоги могут применять проанализированные нейросети для создания изображений, анимаций, текстовых материалов и видеороликов, что разнообразит форму подачи учебного материала и сделает урок более увлекательным, информативным и результативным. Учащимся нейросети помогают при подготовке домашних заданий: сделать презентацию по заданной теме, сгенерировать музыку/картинку по описанию.

Взаимодействие с искусственным интеллектам развивает у учащихся такие навыки как умение формулировать запрос, умение работать с полученной информацией, умение безопасно и эффективно работать с современными технологиями, а также способствует повышению мотивации к обучению и успеваемости учащихся.

Отметим, что искусственный интеллект в образовательной практике должен использоваться как инструмент в помощь учителю, а не замена педагога. Только грамотное сочетание инновационных технологий и классических педагогических методик способно обеспечить высокое качество образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Казимерчик, Т. А. Применение технологий искусственного интеллекта при подготовке к урокам английского языка / Т. А. Казимерчик // Символ науки. – 2024. – № 12-1-3. – С. 57-59.

2. Технологии искусственного интеллекта в образовательном процессе // ГУО «Академия образования». – URL: https://www.akademy.by/index.php/ru/obuchenie/meropriyatiya-onlajn-2 (дата обращения: 07.05.2026).

THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN TEACHING ENGLISH IN A SECONDARY SCHOOL

N.N. Khatko

State Educational Institution «Academy of Education»
Minsk, Republic of Belarus, natalkahatko873@gmail.com

The article discusses the role of artificial intelligence technologies in English language lessons. The author provides examples of AI - tools that help teachers create informative and effective les-sons. The advantages of neural networks are discussed. Also their disadvantages.

Keywords: neural networks; English language; artificial intelligence; digital competence; students.

УДК 37.016:811.111

A STUDY ON TRANSLATION APP DEPENDENCY AMONG CHINESE STUDENTS IN BELARUS

Huang Jianmei
Belarusian State University
Minsk, Belarus, 1501330050@qq.com

Based on a survey of 30 Chinese master's students in Belarus, this study examines translation app dependency. Results show high usage and moderate-to-high dependency, alongside awareness of negative impacts. The findings reveal an ambivalence interpreted through the Technology Acceptance Model.

Keywords: translation apps; dependency; Chinese students; Belarus; English-medium instruction; Technology Acceptance Model.

1. Introduction. Over the past decade, free online translation tools–such as Google Translate, DeepL, and Baidu Translate–have become widely available and essential tools for foreign language learners. For international students learning a language other than their native tongue, these applications offer immediate assistance in reading, writing, and daily communication. Their convenience undoubtedly reduces anxiety associated with language barriers.

At the same time, language educators worry that over-reliance on machine translation may undermine the development of students' independent language skills. <<Some researchers have documented cases where students cannot even write simple sentences without translation apps>>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**,p.627]. The tension between short-term efficiency and long-term learning is particularly pronounced in one-year master's programs–students face heavy academic pressure while having limited time for language improvement.

The number of Chinese students in English-taught Master's programs in Belarus is steadily increasing. These students typically possess intermediate English proficiency and face the dual challenge of understanding subject matter and completing written assignments at a satisfactory academic level. In this context, translation software is readily available and often seen as a necessary tool. However, existing literature has paid relatively little attention to the dependence on translation software among Chinese students in Belarus. This study attempts to explore this issue preliminarily.

Specifically, this study answers the following four research questions:

1. How frequently and for what purposes do Chinese students in Belarus use translation apps?

2. To what extent do they consider themselves dependent on this software?

3. What positive benefits and negative impacts do they perceive from using translation software?

4. How do their perceptions align with technology acceptance models?

2.Literature Review and Theoretical Framework

2.1Existing Research on Translation apps in Language Learning

In recent years, an increasing number of studies have examined the use of machine translation in educational settings.<<Nino conducted an empirical study of EFL college students and found that students who used Google Translate to complete writing tasks produced longer texts but also made more errors>>[**Ошибка! Неизвестный**

аргумент ключа., p. 627].<<Importantly, even when explicitly instructed not to use translation software, many students still relied on it, indicating the formation of habitual dependence>>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p. 627].

<<Jolley and Maimone provide a comprehensive review of machine translation research in language teaching over the past three decades>>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p.240]. They point out that<< while translation tools can support vocabulary learning and reading comprehension, unguided use often leads to over-reliance and reduces students' attention to language forms>> [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, P. 240]. They also note that<< learners rarely receive explicit guidance on how to use these tools appropriately >>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, P. 255].

Research on Chinese learners also provides a reference for this study. Li and Zhang surveyed domestic university students and<< reported that over 80% of students use translation apps weekly, and a significant number admitted that they "cannot complete English assignments without help" >>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p. 74]. Zhang and Zou surveyed Chinese students in the UK and<< found that machine translation was strategically used to generate drafts, but participants also worried about plagiarism and losing their academic voice >>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p.12]. However, none of these studies specifically targeted Chinese students in English-taught environments in Belarus. This study attempts to conduct preliminary empirical research in this specific context.

2.2 Theoretical Framework: Technology Acceptance Model

<<This study adopts the Technology Acceptance Model (TAM) proposed by Davis>> [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p. 320]. <<TAM posits that two core beliefs determine technology adoption behavior: perceived usefulness (the degree to which an individual believes using a technology will improve their performance) and perceived ease of use (the degree to which an individual believes using a technology is effortless). These beliefs shape users' attitudes toward technology, thereby influencing behavioral intentions and actual use>> [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p. 325].

In the context of translation apps, Chinese students in Belarus are likely to perceive these tools as highly useful for overcoming language barriers, completing academic assignments, and reducing anxiety in reading and writing. The apps are also typically easy to access – free, mobile‑friendly, and requiring no training. According to TAM, such positive perceptions would lead to frequent and continued use. However, when usage becomes habitual and the user feels unable to perform academic tasks without the tool, this can be conceptualized as dependency. Dependency is not a construct originally in TAM, but it can be seen as an extreme outcome of high perceived usefulness combined with low perceived alternative efficacy. This study operationalizes dependency as a combination of high frequency of use, self‑reported reliance in academic contexts, and perceived difficulty in completing tasks without the apps.

Notably, TAM also allows us to examine the relationship between positive perceptions and awareness of negative consequences. It is possible for users to hold both high perceived usefulness and clear recognition of long‑term drawbacks – a state of ambivalence that TAM alone does not fully explain but which can be empirically described.

3. Methodology

3.1 Participants and sampling

The target population was Chinese students enrolled in English‑medium master's programs at Belarusian universities. Because the total size of this population is relatively small and access is limited, convenience sampling was used. A total of 30 valid responses were obtained. All participants were native speakers of Chinese. The sample mainly came from Belarusian State University.

3.2 Instrument

A self-administered questionnaire was designed in Chinese to ensure accurate understanding. The questionnaire consisted of six sections:

Section 1: Demographic information (gender, university, length of stay in Belarus, self-rated English proficiency).

Section 2: Frequency and scenarios of translation app use.

Section 3: Perceived usefulness, ease of use, and overall satisfaction (four-point Likert scales).

Section 4: Dependency measures (four statements on a five‑point Likert scale, 1 = strongly disagree, 5 = strongly agree).

Section 5: Perceived negative effects (three statements on the same five-point scale).

Section 6: One open-ended question: "What is the biggest help or drawback of using translation apps for your English learning or daily life in Belarus?"

The questionnaire was piloted with four students, and minor wording adjustments were made.

3.3 Data collection and analysis

The questionnaire was distributed via WeChat and disseminated through WeChat group chats. Data were collected in April 2026 over a period of ten days. Quantitative data were analyzed using descriptive statistics (frequencies, percentages, means, standard deviations). Open‑ended responses were coded thematically: all answers were read repeatedly, recurring themes were identified, and their frequencies were counted. No inferential statistics were performed due to the exploratory nature of the study and the small sample size.

4. Research Findings

4.1 Basic Characteristics of Participants

Of the 30 respondents, 22 were female (73.33%) and 8 were male (26.67%).

Table 1. – Participant characteristics(N=30)

Variable	Category	n	%
Gender	Male	8	26.67
	Female	22	73.33
Length of stay	Less than 6 months	2	6.67
	6-12months	27	90.00
	1-2 years	1	3.33
Self-rated English	Beginner	4	13.33
	Lower-intermediate	4	13.33
	Intermediate	16	53.33
	Upper-intermediate	5	16.67
	Advanced	1	3.33

Duration of study in Belarus: less than 6 months for 2 (6.67%), 6-12 months for 27 (90%), 1-2 years for 1 (3.33%), and more than 2 years for 0. Self-assessed English

proficiency: beginner level for 4 (13.33%), lower-intermediate level for 4 (13.33%), intermediate level for 16 (53.33%), upper-intermediate level for 5 (16.67%), and advanced level for 1 (3.33%).

4.2 Frequency and scenarios of use

As shown in Table 2, the majority of students used translation apps frequently: 43.33% "often (3-5 times per class)" and 23.33% "frequently in every class", totaling 66.66%. Only 6.67% reported "almost never".

Table 2. – Frequency of using translation apps in English classes (N=30)

Frequency	n	%
Almost never	2	6.67
Occasionally(1-2 times/class)	8	26.67
Often(3-5times/class)	13	43.33
Frequently in every class	7	23.33

Regarding scenarios (multiple choices allowed): reading course materials (24, 80%), preparing presentations (17, 56.67%), taking notes (16, 53.33%), completing assignments (16, 53.33%), and others (3, 10%) such as " translating exam questions" or "reading extracurricular materials".

Table 3. – Scenarios of using translation apps (multiple choices, N=30)

Scenario	n	%(of 30)
Reading course materials	24	80.00
Preparing presentations	17	56.67
Taking notes	16	53.33
Completing assignments	16	53.33
Other	3	10.00

4.3 Perceived usefulness, ease of use, and satisfaction

Table 4 shows the results of the three TAM‑related questions. The vast majority of students found the apps "comparatively" or "very" useful (93.34%), easy to use (93.33%), and were "comparatively" or "very" satisfied (80%). These data indicate that students generally hold highly positive evaluations of translation apps.

Table 4. – TAM perceptions(N=30,four-point scale)

Item	Not at all(%)	Not really(%)	Comparatively(%)	Very(%)
Useful for English learning	3.33	3.33	56.67	36.67
Easy to use	0	6.67	43.33	50.00
Overall satisfaction	3.33	16.67	56.67	23.33

4.4 Dependency and perceived negative effects

Table 5 presents the mean, standard deviation, and the proportion of agreement (4 or

5 on a 5-point scale) for the four dependency statements and three negative-effect statements. The statement "Without translation apps, my learning efficiency would drop significantly" had the highest mean (3.67), with 56.66% agreeing or strongly agreeing. "Translation apps have become a necessity" was endorsed by 46.66%. Among the negative items, "Translation apps make me lazy in thinking or organizing language myself" had the highest mean (3.33), with 43.34% agreement.

Table 5. – Dependency and perceived negative effects (1=strongly disagree, 5=strongly agree, N=30*)*

Statement	Mean	SD	%(4+5)
Dependency			
Without translation apps,I would struggle to complete English classroom tasks	3.53	1.04	33.33
Without translation apps,my learning efficiency would drop significantly.	3.67	1.06	56.66
I habitually rely on translation apps and rarely try to read English directly	3.27	1.08	43.33
Translation apps have become a necessity in my academic life	3.43	1.01	46.66
Perceived negative effects			
Overusing translation apps hinders my English progress	3.10	1.12	33.34
Translation apps make me lazy in thinking or organizing language myself	3.33	1.18	43.34
Translations are sometimes inaccurate and mislead my understanding	3.03	1.07	33.33

4.5 Open-ended responses: help and drawbacks

Twenty‑six participants answered the open‑ended question (four answered "none"). Thematic analysis identified the following core themes.

Help themes (frequency in parentheses): completing academic tasks (8), daily/local communication (7), improving classroom comprehension (5), making life more convenient (3), vocabulary learning (2). Typical answers: "The biggest help is successfully completing learning tasks"; "Helps me communicate better with local people, shopping, and buying things"; "I can understand what the teacher says".

Drawback themes: causing dependency / loss of independent thinking (7), inaccurate/misleading translations (7), hindering English progress (5), technical problems (3), cross‑linguistic issues (Chinese‑Russian, 2). Typical answers: "Over‑reliance means my English does not improve much"; "It makes me habitually dependent on translation apps and I lose the ability to think for myself"; "The translation from Chinese to Russian or Russian to Chinese often contains big errors, causing occasional misunderstandings".

Many students expressed ambivalence in a single answer. For example: "It helps me fully understand the teacher's assignment requirements, but it also makes my English improve very little." Another wrote: "It helps me communicate better with local people, complete assignments, and understand class content, but to some extent it hinders my English progress." These responses directly confirm the ambivalence revealed in the

quantitative data: high dependency coexisting with high awareness of negative effects.

5. Discussion

5.1 Contextual differences in dependency level

Compared with the study by Zhang and Zou on Chinese students in the UK, the dependency level observed in this study is somewhat higher (56.66% agreed that efficiency would drop without translation apps). This difference may be explained by the weaker language support services in English-medium programs in Belarus. In English-speaking countries, international students usually have access to writing centers, language-buddy schemes, and extensive English for Academic Purposes courses. In Belarus, such resources are either scarce or not easily available. Under academic pressure, students turn to translation apps as the most accessible tool. In other words, dependency is not merely a matter of individual choice but also reflects structural inadequacies in support.

5.2 Theoretical interpretation of ambivalence

This study found a clear ambivalence: students heavily depend on translation apps (56.66% agree on efficiency drop) while being clearly aware of negative consequences (43.34% admit mental laziness, 33.34% believe it hinders progress). This is consistent with the observation by Jolley and Maimone that<<learners often continue using machine translation despite knowing its drawbacks>>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p.248]. From the perspective of the Technology Acceptance Model, <<this ambivalence can be understood as the immediacy of perceived usefulness overriding long-term concerns>>[**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, p.322]. The deadlines for assignments and the immediate need to understand class content are concrete and urgent, whereas "improving English" is abstract and delayed. In a one-year master's program with limited time, turning to translation apps is a rational coping strategy in a resource-poor environment, rather than pure laziness or ignorance.

5.3 The specificity of the Belarusian context: Chinese-Russian translation

Two participants explicitly mentioned that Chinese-Russian translation errors caused communication misunderstandings. This finding has received little attention in the existing literature, which mostly focuses on translation between English and the learner's first language. In Belarus, Chinese students must not only handle English academic tasks but also manage daily communication in Russian. Chinese-Russian translation tools (e.g., Google Translate for this language pair) are currently less mature than Chinese-English tools, with higher error rates. This may create a vicious cycle: inaccurate translations force students to spend more time verifying, which paradoxically increases their reliance on translation apps to "save time", or after communication failures they become even more dependent on technological mediation. This mechanism deserves further investigation.

5.4 Pedagogical implications. The findings suggest several practical recommendations. First, instructors should acknowledge the ubiquity of translation apps instead of simply banning or morally condemning them. A short 20-30 minute "critical use" workshop could teach students how to use machine output as a draft and then manually revise grammar and style. Second, for the specific problem of Chinese-Russian inaccuracy, students could be advised to use Chinese-English translation as an intermediate step, or to acquire a basic phrasebook in Russian to reduce real-time reliance on translation. Third, universities could provide simple English academic writing support (e.g., one hour per week of peer feedback) to lower overall

dependence on translation software. Fourth, students could be encouraged to conduct "translation‑free periods" – for example, 30 minutes a day of reading original English materials without any translation aid – to gradually rebuild language confidence.

6. Conclusion. Based on survey data from 30 Chinese students (quantitative and qualitative), this study provides a preliminary empirical investigation of translation app dependency among Chinese students in English‑medium master's programs in Belarus. The results show that the vast majority of students heavily rely on translation apps, with dependency levels higher than those found in comparable studies in English‑speaking countries. At the same time, students are clearly aware of the potential negative effects, such as mental laziness, inaccurate translations, and hindered language progress. This ambivalence is not irrational but rather a strategic adaptation to an environment with limited language support.

The main limitations include the small sample size (N=30) and the fact that the sample came mainly from one university, so the results may not be generalizable to all Chinese students in Belarus. All data are self‑reported, which may be subject to social desirability bias. The cross‑sectional design cannot establish causality. Future research should recruit larger and more diverse samples and employ mixed methods (e.g., diary studies or screen recording) to obtain more objective behavioral data. The impact of Chinese‑Russian translation quality on Chinese students' daily communication in Belarus also deserves dedicated study.

REFERENCES

1. Davis, F.D. Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // MIS Quarterly. – 1989. – Vol. 13, no 3. – p. 319–340.

2. Jolley, J.R., Maimone, L. Thirty years of machine translation in language teaching: A review of the literature // Foreign Language Annals. – 2022. – Vol. 55, no 1. – p. 236–260.

3. 李艳春, 张军. 大学生英语学习中使用翻译软件的现状调查与对策分析 // 外语电化教学. – 2020. – no 3. – p. 72–78.

4. Nino, A. Exploring the use of Google Translate in EFL writing classrooms // Computer Assisted Language Learning. – 2020. – Vol. 33, no 5–6. – p. 621–643.

5. Zhang, X., Zou, D. Chinese international students' use of machine translation in academic writing: A case study // Journal of China Computer‑Assisted Language Learning. – 2022. – Vol. 2, no 1. – p. 1–22.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В БЕЛАРУСИ ОТ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ПЕРЕВОДА

Хуан Цзяньмэй

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь, 1501330050@qq.com

В этом исследовании, основанном на опросе 30 китайских магистрантов в Беларуси, рассматривается зависимость от приложений для перевода. Результаты показывают высокий уровень использования и зависимость от среднего до высокого уровня, а также осведомленность о негативных последствиях. Результаты показывают неоднозначность, интерпретируемую через модель принятия технологий.

Ключевые слова: приложения для перевода; зависимость; китайские студенты; Беларусь; Обучение на английском языке; Модель принятия технологий.

УДК 81

ВОПРОС И ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА «БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»: АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ИИ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ

К.А. Черник, О.Н. Горина, Е.А. Селиванова
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь
kseniyachernik667@gmail.com, olya.gorina.28@mail.ru, Elena-seliwanowa@mail.ru

В данной статье исследуются возможности и проблемы искусственного интеллекта в переводе экспрессивных средств в художественной литературе на примере материалов романов Германа Гессе; приводится статистика количества случаев отвечающего требованиям и нуждающегося в доработке перевода ИИ; предлагаются практические рекомендации по использованию ИИ при переводе художественных текстовых материалов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; экспрессивные средства; человеческий перевод; адекватность; эквивалентность.

Художественная литература является одним из фундаментальных столпов мировой культуры, представляя собой сложную систему, насыщенную многообразными стилистическими приемами, что представляет особый интерес для лингвистического анализа и переводоведения. В данной статье объектом исследования являются экспрессивные средства (далее – ЭС) в художественной литературе. В современной лингвистике и переводоведении антропоцентрический подход выводит на первый план личность автора и его эмоциональное воздействие на аудиторию; адекватная передача экспрессивности – ключ к сохранению авторского «Я» в иноязычной среде, что необходимо для понимания читателем значений, образов, символов. Однако в условиях стремительной цифровизации процесс перевода даже требующих человеческой философичности материалов всё чаще становится гибридным либо же, что губительно для художественной литературы, полностью автоматизированным. Доля коммерческих изданий, выпущенных на основе полностью автономного машинного перевода художественных текстов, хотя и остаётся ограниченной – менее 2% в 2021 году, 3% в 2023 году и 5-7% в 2024-2025 гг. [9], что отражает сохраняющуюся потребность в экспертной художественной валидации, однако показывает тенденцию значительного роста использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в переводе художественных текстов и, соответственно, расположенность человека доверять ИИ оперирование выражением человеческих чувств и восприятий, на основе чего строятся художественные тексты; по чему можно судить: если сейчас представленная выше статистика не кажется внушительной, то, учитывая описанную прогрессию, её значения к 2030 году могут означать постепенное вытеснение «человеческого духа» из самого «душевного» стиля речи. Технологии перевода прогрессируют, переходя от простой подстановки эквивалентов к анализу контекста и попыткам имитировать авторский стиль. Тем не менее, именно экспрессивные средства остаются «камнем преткновения» для ИИ.

При переводе ЭС существует конфликт между необходимостью точной передачи содержания и сохранением экспрессивно-эмоциональной функции. Теоретическая база исследования опирается на труды Ш. Балли, который первым

выделил «экспрессивную стилистику» и описал эмоциональный аспект языка [1]. Как указывал учёный лингвист, жизнь и язык неразрывно связаны через «аффективность», и переводчик обязан транслировать эту «живую энергию», для которой нет единых словарных соответствий, в то время как машинный перевод превращает «живую аффективность» в стилистически нейтральный текст. В отечественной науке понимание экспрессивности как средства воздействия развивали В.Н. Телия [7] и И.В. Колбукова. Социально-оценочный аспект явления наиболее полно представлен в работах В.И. Шаховского [8]. Несмотря на глубокое изучение инструментов (лексики, синтаксиса), вопрос их комплексной передачи при переводе художественной прозы остается открытым, поскольку сам процесс сопряжен с рядом специфических барьеров. Прежде всего, возникают системные расхождения: различия в грамматическом строе (например, порядок слов в немецком языке как средство логического ударения) часто делают невозможным буквальный перенос экспрессивной конструкции в русский язык. Это неизбежно ведет к проблеме прагматической адекватности. Как отмечала В.Н. Телия, экспрессивность – это воздействие [7]. Сложность заключается в том, чтобы подобрать в языке перевода средства, вызывающие у читателя аналогичный эмоциональный отклик, избегая при этом «перевода слов» в ущерб «переводу смыслов». Также художественный текст требует предельной стилистической нюансировки, так как сохранение тончайших оттенков авторской иронии или пафоса критически важно: потеря даже одного компонента, например, инверсии, может полностью изменить восприятие образа [7].

Кроме того, следует учитывать: аутентичный стиль автора также может представлять особую сложность для перевода его материалов за счёт авторских, неологистичных ЭС. Например, идиостиль Германа Гессе: для автора экспрессивность не внешний декор, а, в первую очередь, фундаментальный способ существования текста. В его произведениях можно выделить три уровня реализации этого явления. Во-первых, ритмико-синтаксическая организация: по Ш. Балли, синтаксис – это динамическая структура [1]. У Германа Гессе она проявляется в «музыкальности» прозы: автор использует длинные, многосоюзные предложения, периоды и повторы, которые создают медитативный ритм, воздействующий на подсознание читателя. Во-вторых, лексическая многослойность: Герман Гессе мастерски сочетает абстрактную философскую лексику с чувственными, почти натуралистичными описаниями природы. Это создает экспрессивный контраст между «миром духа» и «миром материи». В-третьих, символизм и метафоричность: экспрессия достигается за счет использования сквозных символов (например: путь, река, игра, зеркало), которые в контексте произведений приобретают глубокую эмоциональную и оценочную нагрузку. Вышеописанные особенности стиля одного из авторов художественной литературы показывают возможный уровень сложности восприятия ЭС и, более того, их перевода, для которого фундаментальным процессом явится «прочувствовать», «пропустить через себя» и разобраться в исконном значении выражения, на основе чего будет строиться достижение эквивалентности и, что является особенно важным, адекватности перевода.

В качестве материалов исследования выбраны 12 экспрессивных средств из романов Германа Гессе «Демиан» [2], «Степной волк» [5], «Сиддхартха» [4], «Нарцисс и златоуст» [3]. Метод исследования – сопоставительно-сравнительный анализ переводов: нейронного машинного, от генеративного предобученного

трансформера, профессионального человеческого, а также варианта, предлагаемого нами по итогам анализа экспрессивного средства. Качество перевода оценивается по общим критериям, выявленным В. Н. Комиссаровым: соответствие эквивалентности, жанрово-стилистической и прагматической (получение одинаковой реакции читателей оригинала и перевода) норме [6, с. 45].

Для нейронного машинного перевода выбран сервис Yandex Translate, пользующийся спросом для перевода массивов текста. В качестве примера генеративного предобученного трансформера выбран сервис DeepSeek как один из самых популярных и доверенных GPT. Для оценки максимальных возможностей GPT введён дополнительный вариант «DeepSeek+»: для DeepSeek создан предзапрос, состоящий из информации о сложности и способах перевода экспрессивных средств, а также об особенностях стиля письма Германа Гессе. Это повлияет на исход выбора DeepSeek варианта предлагаемого им перевода, который также будет оценён.

Каждый вариант перевода экспрессивного средства по завершении его анализа и оценки будет отмечен символами + (успешный перевод), +- (эквивалентный, но не вполне адекватный перевод), – (некорректный перевод) для составления статистики по окончании исследования.

1. «*Der Vogel **kämpft sich aus dem Ei***» [10, с. 60]

Возвратный глагол sich kämpfen означает активное усилие, прорыв с боем. Русский вариант «вылупляется» слишком пассивен, биологичен. Требуется глагол, передающий волевое преодоление. Экспрессия заключается в совмещении возвратной формы с глаголом борьбы. Глагольная система русского языка не позволяет передать ту же возвратную конструкцию без семантических потерь, и любой из доступных вариантов снижает степень описываемого действия либо требует развёрнутого описания с риском утраты афористичности, где последний вариант более приемлем, так как если вызовет такой же отклик у читателя переводного материала, как у читателя оригинала – это компенсирует потерю афористичности (необходимость в адекватности перевода превосходит потребность в эквивалентности). Подобранные нами варианты перевода: «*пробивается с боем*», «*силой вырывается*».

Прослеживается недостаток эмоциональности в версии перевода русскоязычного издательства (далее – **ИЗД**): *Птица выбирается из яйца* [2, с. 102] (-); **GPT**, **DeepSeek** без контекста сферы перевода (далее – **DS**) предоставляет аналогичный перевод (-). При этом **NMT**, **Yandex Translate** (далее **Yandex**) добавляет красок: *Птица вырывается из яйца* (+-); а **DS** с заданным промптом, описывающим особенности экспрессивного языка литературы и предложением анализа и использования представленной ему информации об особенностях перевода ЭС и литературного языка Германа Гессе (далее – **DS+**), предлагает экспрессивный вариант: *Птица рвется из яйца, пробивая скорлупу*; однако же нарушает образность добавлением «пробивая скорлупу» – в данном примере оно является излишеством (-).

2. «*Wer geboren werden will, muß **eine Welt zerstören***» [10, с. 67]

Благодаря артиклю eine при Welt можно понять: «мир» здесь означает не земной шар, но внутреннюю вселенную, фундамент личности; имеет подтекст экзистенциальности. Сложность перевода прагматическая: за неимением артиклей в русском языке дословный перевод «разрушить мир» будет некорректным, так как будет понят в первую очередь «физически разрушительно». Именно такой

вариант предлагают используемые источники перевода: **ИЗД** [2, с. 108], **Yandex**, **DS**: *Кто хочет родиться, должен разрушить мир* (-). **DS+**: *Тот, кто желает родиться, должен разрушить целый мир* (-). **DS+** понимает: необходимо добавление, распространение понятия «мир», но выбирает неудачный вариант: добавление «целый» перед «мир» не способствует пониманию последнего в таком образе, как задумано в оригинальном тексте. Приемлемым переводом будет перевод с добавлением и заменой: «*разрушить свою вселенную*»; или же, жертвуя философичностью, «*разрушить свой внутренний мир*».

3. «*Flucht **in warme Herdennähe***» [10, с. 88]

Сложность понимания и перевода ЭС вызвана окказионализмом Herdennähe, который фиксирует авторский концепт, не имеющее эквивалента в русском языке, а именно – «масса (толпа)» с преднамеренным акцентом на конформную тесноту и близость, которую также подчёркивает эпитет warm.

Перевод **ИЗД**: *Бегство в теплую стадность* [2, с. 155] (+-), – не вполне корректно по причине употребления «стадность» как общего понятия: теряется метафоричность образа. **Yandex** и **DS** пробуют развить мысль, но придают ей слишком приземлённое значение: *Побег в теплое место рядом со стадом* (-); *Бегство в теплое соседство стада* (-). (соответственно). Более близок к задуманному перевод **DS+**: *Бегство в согревающую тесноту стада* (+-), однако здесь акцент делается на стаде, также не создавая исходную картину. Выходом служит смысловое развитие и замена при переводе с акцентом на понятие «тесноты» и её «уюта»: «*в тёплую стадную тесноту*»; возможно также «*в тёплый, тесный уют*», имеющее лексическую несопоставимость в последнем словосочетании, но вызывающее подходящий когнитивный образ и эмоциональный отклик.

4. «*Wie ein verkleideter Prinz, der unter Bauernbuben ist und **sich jede Mühe gibt, ihresgleichen zu scheinen***» [10, с. 17]

Трудность для перевода заключается в прилагательном ihresgleichen, описывающем состояние подобия, а также во фразеологизме sich jede Mühe geben, означающем полную самоотдачу в чём-либо; пока последний можем перевести как «*прилагал все усилия*», для ihresgleichen недостаточно перевода «подобным», так как оттенок синонимичного (для «прилагать все усилия») «чрезвычайно стараться» не коррелирует с семантикой «всего лишь подобного», и для баланса навязывается распространение перевода: добавление/стилистическая замена могут служить методом: «*как можно более похожим*», «*своим*», причём последнее – утрата стиля во благо семантического баланса выражения.

Перевод **ИЗД**: *Как переодетый принц, находящийся среди крестьянских детей и всячески старающийся казаться таким же, как они* [2, с. 29] (+), – стилистически нейтрален и является вариантом эквивалентного и адекватного перевода без излишеств, однако не передаёт экспрессивного значения «ihresgleichen», как и **Yandex**: *...изо всех сил старается казаться похожим на них* (+-); пока **DS** предлагает оригинальный перевод: *...изо всех сил старается казаться им ровней* (-), – но всё же неподходящий, так как «казаться ровней» автоматически воспринимается как «равняться на кого-либо выше по статусу», но не наоборот. **DS+** предлагает развитый вариант: *...который из кожи вон лезет, чтобы не отличаться от них* (-), – но «лезть из кожи вон» несёт куда большее экспрессивное значение, чем оригинальное «прилагать все усилия» (дословно); также применено недопустимое опущение элемента «казаться»: «чтобы не

отличаться от них» (=на самом деле хотеть быть таким же, как они) невозможно употребить как синоним «казаться таким же» (= вести себя так же, как они, чтобы они не увидели чужака), требуется уловить тонкую грань различия значений, чего не смог **DS+** даже с предварительными оговорками.

5. «***Das alles blickte**, klang und roch so rauschend voll, so neu und **schöpfungstrunken***» [11, с. 173]

1) Герман Гессе часто противопоставляет «взрослый» прагматичный мир и чистое, почти религиозное созерцание жизни, свойственное детям и художникам, что объясняет употребление глагола blicken – «смотреть» – на месте подразумеваемого «выглядеть»: это та авторская стилистика, кажущаяся детским словотворчеством (в данном случае, семантически некорректная формулировка), которую стоит «разгадывать» воображением: выражение «всё смотрит ново» имеет иной образ и эмоциональный отклик, нежели «всё выглядит ново», передавая кажущуюся «живость» неживых объектов. Это средство употреблено для передачи ощущения «духовного подъема», описываемого в этот момент в книге. Таким образом, стоит отразить ЭС при переводе без потери авторского замысла – либо калькированием, либо развитием: «*всё это смотрело*», «*от всего как будто чувствовались взгляды*».

2) Также сложность представляет неологизм schöpfungstrunken (букв. «опьянённый творением») – авторское сложное слово, соединяющее идеи творения и экстатического опьянения. В русском необходимо создать распространённый аналог, а также применима замена части речи со смысловым развитием «*пьянящее мироздание*», «*опьяняющее течение мироздания*», «*опьяняющий процесс/ход созидания*».

В переводе **ИЗД**: *И во всем этом зрелище* (+, объяснение представлено далее), *во всех этих звуках и запахах была та бурная полнота, новизна и первозданность* [5, с. 243] (-), – представлена подходящая стилистика за счёт изменения агента действия, и поэтому возможно развить перевод, что частично компенсирует пренебрежение «живостью окружения»; однако применено опущение «-trunken», когда его значение фундаментально для данного неологизма. **Yandex** также стирает одухотворённость, а также заменяет значение «сотворение» на более простое «творчество»: *Все это выглядело* (-), *звучало и пахло таким волнующим, таким новым и пьянящим творчеством* (+-). К данному примеру **DS** уловил особенности языка Германа Гессе: *Всё смотрело* (+), *звучало и пахло так упоительно полно, так ново и опьянённо творением* (+-); – не изменяет глагол «смотреть», но искажает образ «schöpfungstrunken», понимая его характеристикой начального «alles», а не его действием на созерцателя. Точно так поступает и осведомлённый **DS+**, изменивший только уровень красноречия: *Всё вокруг смотрело* (+), *звучало и пахло – упоительно полнозвучно, до новизны пьяно актом творенья* (+-).

6. «***Meine Persönlichkeit** war aufgelöst im Festrausch **wie Salz im Wasser***» [11, с. 147]

1) Понятие Persönlichkeit употреблено в значении принципа индивидуации, того, что отделяет субъект от остального мира, а простому «личность» не достаёт философичности. В русском языке есть подходящие понятия «*моё существо*», «*моё я*», приближенные по оттенку значения к смыслу оригинала.

2) Сравнение с растворением соли в воде представляет собой точную химическую метафору утраты формы и границ «я». Сложность перевода

заключается в проблеме стилистического оттенка, так как прямой перевод сравнения «как соль в воде» в русском языке обладает слабой выразительностью, образ приходится усиливать конкретизаторами, однако это ставит вопрос о пределах допустимой трансформации исходного материала. Допустимый пример: «*...как растворяется крупица соли, касаясь воды*».

Переводы **ИЗД** [5, с. 207], **Yandex** и **DS** однотипны: *Моя личность* (+-) *растворилась в праздничном хмелю, как соль в воде* (+-); – нейтральны, но обладают недостаточной выразительностью. **DS+** же употребил необходимый аналог для Persönlichkeit и конкретизировал образ второго ЭС: *Моё «я»* (+) *растворилось в хмелю празднества, словно крупица соли в стакане воды* (+-); – тем не менее, конкретизация «стакан» значительно упрощает образ, лишая его возможной афористичности значения «вода».

7. «*...diesen **zuckenden Zwiespalt** von Begehren und Angst*» [11, с. 85]

Сложность понимания и перевода данного ЭС вызвана тем, что причастие zuckend образовано от глагола конвульсивного движения и перенесено на абстрактное понятие Zwiespalt. Требуется поиск стилистически адекватной лексемы: варианты перевода zuckenden – «дёргающийся», «судорожный» и «конвульсивный» – различаются регистром и частотностью, поэтому для однозначности выбора необходимо расширение контекста: в моменте, откуда взята идиома, в книге описывается сон персонажа, где последний хочет взять в руку сувенир, который кажется ему живым скорпионом; по чему можем судить: «судорожный» – более подходящий вариант для ощущения того типа страха, когда в любой момент можно отстраниться от воображаемого неприятным объекта, нежели «конвульсивный», что может подходить для масштабной и неизбежной угрозы. А Zwiespalt требует выбора между «разладом», «расколом», но есть возможность также применить и замену дальним синонимом «несогласие» и развить добавлением дальнейший перевод: «*судорожное несогласие чувств: желание против страха*», – сохраняя лиричность и приземлённость экспрессии.

Перевод **ИЗД** в этом случае интересен выбором понятия «борьба»: *Этой судорожной борьбы между желанием и страхом* [5, с. 119] (+), – качественно и однозначно передающим чувства героя, определяя его негласным агентом действия. **Yandex** употребляет невозможный вариант перевода Zwiespalt: *Это дергающееся раздвоение желания и страха* (-), – желание и страх не являются нераздельными, потому «раздвоение» – семантически неверный перевод. **DS** предлагает базовую, приемлемую версию: *Этот судорожный разлад между желанием и страхом* (+); однако дополнительное информирование **DS+** использует во вред, придавая излишнюю драматичность: *Этот конвульсивный раздрай между алчбой и ужасом* (-), – что может звучать неуместно в контексте.

8. «*Nichts war, nichts wird sein; alles ist, alles hat **Wesen und Gegenwart***» [13, с. 83]

Понятия Wesen и Gegenwart нагружены онтологическим смыслом: Wesen обозначает бытийную сущность, Gegenwart – активное присутствие в настоящем, но время отрицается как категория. Сложность перевода системная и прагматическая, поскольку русские философские термины «сущность», «бытие», «присутствие» покрывают семантику лишь частично; каждый вариант тянет за собой определённую философскую традицию, что делает перевод актом интерпретации (осмысление, понимание и перевыражение смысла). Возможные для передачи корректного экспрессивного значения варианты: для Wesen –

«существо» (как абстрактное существительное); для Gegenwart – устаревшее «бытность» (но не «бытие»: стоит уловить тонкую грань между значениями, где «бытность» – факт безвременного постоянного присутствия, насущности, не предполагающих каких-либо характеристик, а «бытие» несёт более широкое значение: «бытность, но облагаемая базовыми жизненными потребностями»). Адекватным переводом является «*...всё имеет существо и бытность*», однако при возвращении в контекст понятие бытности теряет вес важности своего отдельного значения по причине однокоренности с «быть» («...было, ...будет») в начале выражения, для которого невозможно применить опущение или изменение формулировки, имеющей однозначные эквивалентны во всех языках. Таким образом, необходимо пренебречь важностью понятия «бытность» и употребить более легкозначное «*вечное настоящее*».

В представленных вариантах перевода выявляется общая черта: подобраны аналоги, но не выстроена адекватность перевода за счёт недостаточной широты употребляемых понятий: **ИЗД**: *Ничего не было, ничего не будет: все есть, все имеет реальность и настоящее* [4, с. 163] (+-); **Yandex**: *Ничего не было, ничего не будет; все есть, все имеет сущность и присутствие* (+-); **DS**: *Ничего не было, ничего не будет; всё есть, всё имеет сущность и настоящее* (+-). Однако **DS+** улавливает стиль «откровения» текста и компенсирует узость значений изменением ритма и настроения начала выражения, тем самым создавая тот образ в повествовании, в котором «бытие» и «присутствие» могут быть восприняты в манере, приближённой к переводимым лексическим единицам: *Не было ничего, и не будет; поистине есть лишь сущее здесь и сейчас, имеющее бытие и присутствие* (+).

9. «***Stummen Kampf der Freundlichkeit, den lautlosen Krieg der Geduld***» [13, с. 93]

Использован параллелизм с оксюморонами. При переводе требуется сохранить противоречие. Однако основная сложность для перевода состоит в использовании в оригинале родительного падежа с инструментальным значением: «дружелюбие» представлено оружием битвы, а «терпение» – войны, причём нарастание от Kampf к Krieg создаёт внутреннюю драматургию. Сложность перевода прагматическая, так как родительный падеж в русском языке в аналогичных сочетаниях передаёт прежде всего принадлежность, инструментальность же прочитывается плохо. Компенсировать это возможно через добавление и изменение конструкции предложений: «*Дружелюбие как средство немой борьбы, терпение как орудие беззвучной войны*» (порядок использования «средство» и «орудие» выстроен в соответствии со степенью экспрессии значений «борьба» и «война» соответственно); либо же через использование творительного падежа: «*немую борьбу дружелюбием, беззвучную войну терпением*», что звучит более лирично и подходяще по стилю.

Однако символичное использование падежа как одного из средств экспрессии осталось незамеченным всеми источниками перевода; например, перевод **DS**: *Немую борьбу дружелюбия, безмолвную войну терпения* (-). Помимо этого, выявлены и лексические ошибки: **ИЗД**: *Немую борьбу кротости, безмолвную войну терпения* [4, с. 185] (-), – понятие «кротость» несёт оттенок, кардинально отличающийся от значения исходного Freundlichkeit; **Yandex**: *Безмолвная битва доброты, безмолвная война терпения* (-), – тавтология. При этом **DS+**, подробно уведомлённый о необходимости поиска, анализа и интерпретации экспрессии,

делает излишний акцент на понятиях, так же обходя очевидную важность описанного употребленного падежа: *Немую битву радушия, беззвучную войну смиренного терпения* (-).

10. «***Ein Ring ums Herz***» [12, с. 149]

Интерес представляет метафоричность образа: значение моральной тяжести может быть передано при переводе многочисленными способами, среди которых идиоматические выражения: «*камень на сердце*», «*груз на душе*»; экспрессивные глаголы: «[что-либо] *гложит*»; экспрессивные существительные: «*бремя*», «*тоска*»; либо же описательный перевод: «*душевное беспокойство*». Учитывая подобную вариативность, стоит опираться на стилистическую и/или образную корректность перевода, что предложено в переводе **ИЗД**: *Камень на сердце* [3, с. 145] (+). Следующие варианты не являются применимыми по причинам неадекватности перевода: **Yandex** и **DS**: кольцо вокруг сердца (-); **DS+**: обруч вокруг сердца (-).

Таким образом, по окончании анализа 12-ти (в примерах 5, 6 было выделено по два экспрессивных выражения) ЭС, получена следующая статистика: человеческий перевод (**ИЗД**) успешен в 33,3% случаев, нейронный машинный перевод (**Yandex**) – 0%, генеративный предобученный трансформер (**DS**) – 17%, GPT с заданным промптом, описывающим особенности экспрессивного языка литературы Германа Гессе и предложением анализа и использования информации из представленных ранее источников с целью выявления наиболее качественного варианта перевода (**DS+**) – 25%. Перевод эквивалентен, но не вполне адекватен (в вариантах нечеловеческого перевода требует постредактирования) в 33,3%, 50%, 33%, 25% соответственно. Перевод не выполняет задачу передачи значения ЭС оригинала эквивалентно и адекватно (в вариантах нечеловеческого перевода необходима полная переформулировка перевода) в 33,3%, 50%, 50%, 50% случаев соответственно.

Из вышеописанного нами сделан следующий вывод: человеческий перевод более успешен, чем какой-либо нейронный в среднем на 18%, что, даже не являясь высоким значением, показывает неготовность нейронных сетей анализировать эмоции и чувства в тексте. Единичными ошибками в человеческом переводе явились смена стиля и ритма оригинального выражения (однако данные изменения не являются ошибкой в случае их применения для достижения адекватности перевода), недостаток выражения экспрессии, утрата метафоричности. Проблемы нейронного машинного перевода заключены в дословном переводе (где это недопустимо), а также (что разделяет и генеративный предобученный трансформер) недостатке экспрессии, семантической и лексической некорректности. Особого внимания заслуживает преинформированный GPT, его сложности отражают лакуну человечности в нейронных сетях, а именно: распознавание экспрессивности, но акцент не на те точки выражения, которые являются ключевыми; чрезмерное стилистическое развитие и придача эмоциональности, неуместная по смыслу оригинала; нераспознавание общей картины (образа) экспрессивного средства. Единственный случай, в котором **DS+** отличается особенно положительно, – подбор точного по смыслу аналога в примере 6. Кроме того, общий недостаток нейронного перевода – невнимательность к грамматическим конструкциям как средству выражения экспрессии (пример 9) и исключение подбора стилистически подходящих идиоматичных аналогов, даже если в оригинале есть распространённый

метафоричный (а значит, с большой долей вероятности, имеющий равную по значению адекватную идиому) образ (пример 10) – это то, что доступно уловить даже не переводчику-человеку, а простому читателю, и, тем не менее, чего ИИ не удаётся добиться.

По итогам исследования показана несамостоятельность искусственного интеллекта в переводе экспрессивных средств художественной литературы по причинам недостаточного уровня понимания ИИ способов выражения экспрессии и нехватки широты его видения экспрессивных образов. Искусственный интеллект в лице нейронного машинного перевода и генеративных предобученных трансформеров может быть использован для предварительной обработки текста и получения основы материала перевода, в дальнейшем подлежащей тщательному постредактированию путём изменения/добавления переводческих лексических и грамматических трансформаций и корректировки стилистики в целях достижения эквивалентности и адекватности перевода. Результаты исследования представляют информационную значимость для переводческой деятельности. Перспективами развития темы перевода ИИ экспрессивных средств в художественной литературе являются анализ и оценка масштабов художественного мышления ИИ и выяснения его развития; исследование возможности тренировки GPT для качественного перевода явлений художественной литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Балли, Ш. Трактат по французской стилистике / Ш. Балли. – М.: Прогресс, 2001. – 312 с.

2. Гессе, Г. Демиан / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2025. – 224 с.

3. Гессе, Г. Нарцисс и Златоуст / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2023. – 320 с.

4. Гессе, Г. Сиддхартха. Путешествие к востоку / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2026. – 224 с.

5. Гессе, Г. Степной волк / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2026. – 288 с.

6. Серебрякова, А.Ю. Параметры нормативной оценки адекватного перевода / А.Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Лингвистика : научно-практический журнал. – 2014. – № 1. – С. 45-47.

7. Телия, В.Н. Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – 214 с.

8. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

9. Artificial intelligence, automation and the language industry / J. Moorkens, D. Kenny, F. Wiggins [et al.] // ResearchGate : scientific repository. – 2024. – 18 p.

10. Hesse, H. Demian : die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1974. – 208 S.

11. Hesse, H. Der Steppenwolf : Roman / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. – 421 S.

12. Hesse, H. Narziß und Goldmund : Erzählung / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. – 465 S.

13. Hesse, H. Siddhartha : eine indische Dichtung / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. – 204 S.

QUESTION AND ASSESSMENT OF THE POSSIBILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO «BE HUMAN»: ANALYSIS OF AI TRANSLATION OF EXPRESSIVE MEANS

K.A. Chernik, O.N. Gorina, E.A. Selivanova

Polessky state university

Pinsk, Belarus
kseniyachernik667@gmail.com, olya.gorina.28@mail.ru, Elena-seliwanowa@mail.ru

This article examines the possibilities and problems of artificial intelligence in the translation of expressive means in fiction based on the novels of Hermann Hesse; provides statistics on the number of cases of AI translation meeting the requirements and demanding improvements; offers practical recommendations on the use of AI in the translation of literary text materials.

Keywords: artificial intelligence; expressive means; human translation; adequacy; equivalence.

УДК 004.8:811.112.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Шуша, А.А. Чернявский
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, natshusha@mail.ru, tscharniauski@bsu.by

Цель данного работы – проанализировать текущую практику применения нейросетевых технологий в преподавании немецкого языка в образовательных учреждениях и выявить ключевые преимущества, ограничения и перспективы их дальнейшей интеграции в учебный процесс.

Ключевые слова: нейросети; искусственный интеллект; цифровая дидактика; персонализация обучения; чат-боты; обратная связь; методика преподавания.

Благодаря цифровой революции и ее влиянию на преподавание языков технологии машинного обучения и искусственного интеллекта уже не воспринимаются как элемент научной фантастики. Менее чем за десятилетие они прочно вошли в повседневную практику образовательных учреждений различного уровня [1]. Особенно заметное влияние эти технологии оказали на сферу изучения иностранных языков – область, традиционно требующую значительных временных и когнитивных ресурсов для овладения грамматикой, лексикой, фонетикой и прагматическими особенностями речи.

Немецкий язык, с его системой падежей, сложным синтаксисом и нетривиальными правилами словообразования, долгое время считался одним из наиболее трудоемких для изучения. Преподаватели нередко сталкивались с необходимостью многократного повторения грамматических правил, индивидуальной работы с каждым студентом и поиска мотивирующих материалов для удержания интереса аудитории. В этой ситуации возможности нейросетевых технологий выглядят особенно привлекательно: они обещают персонализированную обратную связь, автоматизацию проверки заданий, генерацию учебного контента и даже имитацию живого диалога с носителем языка.

Впрочем, картина здесь неоднородная. Существует значительный разрыв между декларируемыми возможностями ИИ-инструментов и их реальной эффективностью в конкретных учебных контекстах. Некоторые преподаватели относятся к нейросетям с энтузиазмом, видя в них средство разгрузки от рутинных задач и возможность уделить больше внимания творческим аспектам обучения. Другие настороженно воспринимают любые попытки автоматизации,

опасаясь снижения качества образования и утраты критического мышления у студентов [2]. Третьи занимают промежуточную позицию, признавая полезность отдельных функций ИИ, но настаивая на необходимости строгого контроля их использования.

Нейросети различаются по архитектуре, обучающим данным и функциональным возможностям. Для преподавания иностранных языков наиболее значимыми являются генеративные языковые модели, способные создавать тексты, отвечать на вопросы и поддерживать диалог. К ним относятся ChatGPT, YandexGPT, GigaChat и ряд других платформ, работающих на основе трансформерных архитектур [3].

Одно из наиболее распространенных применений – генерация учебных материалов. Преподаватель может задать нейросети конкретный запрос: составить текст на заданную тему с учетом уровня сложности (A1, B2 и так далее), разработать набор грамматических упражнений на употребление модальных глаголов или создать диалог для отработки речевых ситуаций в ресторане. При правильно сформулированном промте нейросеть способна выдать вполне пригодный материал за считанные секунды. Это освобождает время преподавателя для более творческих задач – например, разработки проектных заданий или подготовки аутентичных кейсов на основе актуальных событий в немецкоязычных странах.

Другой популярный сценарий использования – обратная связь по письменным работам. Студент может загрузить свой текст в чат-бот и попросить указать на ошибки, предложить альтернативные варианты формулировок или объяснить, почему та или иная конструкция неверна. В отличие от традиционной проверки, где обучающемуся приходится ждать несколько дней до возврата работы с комментариями, нейросеть предоставляет мгновенную реакцию. Это может быть особенно полезно для студентов, которые нуждаются в немедленном подтверждении правильности своих действий или, наоборот, хотят быстро исправить ошибку и двигаться дальше.

Третий вариант применения – тренировка разговорных навыков. Чат-боты на базе ИИ имитируют диалог с собеседником, задают вопросы, реагируют на реплики и могут поддерживать беседу на различные темы. Для изучающих немецкий язык это дает возможность практиковать устную речь без страха осуждения или смущения, которые часто возникают при общении с живым человеком [4]. Впрочем, у этого подхода есть серьезные ограничения: нейросети пока не способны точно распознавать интонацию, эмоциональный подтекст или культурно-специфические речевые акты, – и диалог с ними может оставаться поверхностным.

Первое и наиболее очевидное преимущество использования нейросетей в обучении языку – персонализация. Традиционное обучение ориентируется на среднего ученика в группе. Сильные студенты скучают, слабые – не успевают. Нейросети позволяют адаптировать сложность и темп подачи материала под индивидуальные потребности. Если студент систематически допускает ошибки в употреблении артиклей, система может автоматически сгенерировать дополнительные упражнения именно на эту тему, игнорируя уже освоенные аспекты грамматики [5].

Второе преимущество – доступность 24/7. Студент может обратиться к нейросетевому помощнику в любое время суток, не дожидаясь консультационных

часов преподавателя. Это особенно актуально для работающих студентов, которые ограничены по времени и предпочитают дополнительно заниматься языком в вечерние часы или в выходные дни. Возможность получить мгновенный ответ на вопрос или проверку своего текста существенно повышает мотивацию и снижает порог входа в изучение языка.

Третье преимущество – разнообразие и актуальность контента. Нейросети обучены на огромных массивах текстов из самых разных источников. Это позволяет им генерировать тексты на актуальные темы, использовать современную лексику и отражать изменения в языке, которые происходят едва ли не каждый год. Учебники, напротив, устаревают быстрее, чем выходят их новые издания, и зачастую содержат искусственные диалоги, оторванные от реальной языковой практики. Нейросети могут предложить более живые и разнообразные примеры употребления языка.

Четвертое преимущество – снижение эмоционального барьера. Многие студенты испытывают страх перед ошибками и избегают устной практики из-за боязни показаться некомпетентными. Взаимодействие с нейросетью лишено этого психологического давления: бот не осуждает, не смеется над ошибками и бесконечно терпелив. Для некоторых учащихся это может стать первым шагом к преодолению языкового барьера и последующему переходу к общению с живыми собеседниками.

Однако технологии ИИ не являются панацеей. Первое и, пожалуй, наиболее критичное ограничение применения нейросетей – отсутствие понимания контекста и культурных нюансов. Нейросеть может перевести слово «Feierabend» как «конец рабочего дня», но она не объяснит, что это понятие глубоко укоренено в немецкой культуре труда и подразумевает строгое разделение профессиональной и личной жизни. Она не расскажет о культурных коннотациях употребления «du» и «Sie», не предупредит о потенциальных недопониманиях в межкультурной коммуникации. Язык не существует в вакууме, – и механистическое заучивание грамматических правил без погружения в культурный контекст грозит формированием «языковых роботов», которые говорят технически правильно, но неестественно [6].

Второе ограничение – вероятность ошибок и «галлюцинаций». Нейросети генерируют текст на основе статистических закономерностей, а не проверенного знания. Они могут с полной уверенностью выдать несуществующее правило немецкой грамматики или привести пример, который носители языка никогда не употребят. Студенты, особенно на начальных этапах обучения, не всегда способны распознать такие ошибки. В результате возникает риск усвоения некорректных конструкций, которые впоследствии придется переучивать. Проверка информации, полученной от нейросети, требует экспертизы преподавателя, – а значит, полная автоматизация обучения остается недостижимой.

Третье ограничение – риск интеллектуальной пассивности. Когда нейросеть предоставляет готовый перевод, готовую формулировку или готовое решение задачи, мозг студента лишается стимула для активной когнитивной работы. Исследования показывают, что глубокое запоминание и формирование навыков происходят именно в процессе преодоления трудностей, поиска слова, построения фразы [7]. Если этот процесс систематически заменяется получением готового ответа, возникает угроза атрофии навыка самостоятельного мышления. Это

похоже на использование калькулятора вместо устного счета: удобство сиюминутно, но в долгосрочной перспективе может привести к снижению базовых навыков.

Четвертое ограничение – вопросы академической честности. Студенты могут использовать нейросети не для обучения, а для выполнения домашних заданий вместо себя. Эссе, сочинения, даже курсовые работы могут быть полностью сгенерированы ИИ без вложения интеллектуальных усилий со стороны обучающегося. Это ставит перед преподавателями сложные вопросы контроля и оценки: как отличить самостоятельную работу от сгенерированной? Нужно ли бороться с этим явлением или, наоборот, встраивать ИИ в учебный процесс как легитимный инструмент? Пока единого ответа на эти вопросы нет, – и разные вузы выбирают разные стратегии.

Опыт применения нейросетей некоторыми учителями и преподавателями в школах и вузах пока носит экспериментальный характер, но уже сейчас можно выделить несколько типичных сценариев их использования.

Сценарий первый: генерация дополнительных материалов. Преподаватель задает нейросети запрос: «Составь текст на немецком языке уровня B1 на тему „Защита окружающей среды", включи 10 новых слов и 3 вопроса для обсуждения». Нейросеть генерирует текст за несколько секунд. Преподаватель проверяет его на корректность, вносит необходимые правки и использует на занятии. Это позволяет разнообразить учебный контент и адаптировать материалы под конкретные интересы группы.

Сценарий второй: отработка грамматики. Студенты получают задание: составить предложения с использованием Konjunktiv II. Вместо того чтобы ждать проверки преподавателя, они отправляют свои варианты в чат-бот, который указывает на ошибки и объясняет правила. Это ускоряет процесс обучения и позволяет студентам сразу же исправлять недочеты.

Сценарий третий: культурно-ориентированное обучение. Преподаватель просит нейросеть: «Создай несколько мнений жителей Германии о праздниках, включи представителей разных культурных и религиозных групп». Нейросеть генерирует тексты, которые отражают разнообразие взглядов и помогают студентам понять, что немецкоязычное пространство неоднородно. Это расширяет перспективы восприятия культуры и выходит за рамки стереотипных представлений, часто встречающихся в учебниках.

Сценарий четвертый: тренировка диалогической речи. Студенты ведут диалог с чат-ботом на заданную тему: бронирование гостиницы, покупка билетов, обсуждение фильма. Нейросеть задает уточняющие вопросы, поддерживает беседу и корректирует грубые ошибки. Это позволяет студентам практиковать язык в безопасной среде, прежде чем переходить к общению с живыми носителями.

Ключевой навык при работе с нейросетью – умение составлять правильные промты, то есть запросы. От четкости и конкретности формулировки зависит качество получаемого результата.

Преподавателям рекомендуется использовать нейросети не как замену собственной работы, а как вспомогательный инструмент.

В ближайшие годы роль нейросетей в образовании будет только расти. Алгоритмы становятся точнее, их способность понимать контекст и адаптироваться под пользователя улучшается. Однако полная замена

преподавателя нейросетью вряд ли возможна. Язык – это не только грамматика и лексика, но и культура, эмоции, межличностное взаимодействие. Нейросеть может стать отличным помощником, но она не способна вдохновить, поддержать, разделить радость первого успешного диалога на немецком языке.

Будущее языкового образования – в синергии человека и машины. Преподаватель создает программу, мотивирует, направляет, объясняет сложные моменты. Нейросеть берет на себя рутинные задачи: проверку упражнений, генерацию материалов, предоставление обратной связи. Студент получает возможность учиться в удобном темпе, с персонализированной поддержкой, но при этом не теряет связь с живым языком и культурой.

Для успешной интеграции нейросетей в преподавание немецкого языка необходимы методические разработки, обучение преподавателей работе с ИИ-инструментами и формирование этических норм использования технологий. Только в этом случае нейросети станут не угрозой для качества образования, а инструментом его улучшения.

Нейросети уже сегодня меняют ландшафт языкового образования. Они предлагают персонализацию, доступность, разнообразие контента и возможность мгновенной обратной связи. Однако они не лишены недостатков: отсутствие культурного понимания, риски ошибок, угроза интеллектуальной пассивности и вопросы академической честности. Оптимальное применение нейросетей – это их использование в качестве вспомогательного инструмента, а не замены преподавателя.

Преподаватели иностранного языка должны осваивать новые технологии, учиться составлять эффективные промты, критически оценивать результаты работы нейросетей и обучать студентов грамотному использованию ИИ. Только такой подход позволит извлечь максимальную пользу из возможностей искусственного интеллекта, не теряя при этом глубину, осмысленность и культурную насыщенность процесса изучения языка. Будущее – не в противопоставлении человека и машины, а в их разумном сотрудничестве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Евстигнеев М.Н. Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. – Т. 29. – № 2. – С. 309–323. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-obucheniya-inostrannomu-yazyku-na-osnove-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 21.04.2026).

2. Кувшинова Е.Е. Применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 2. С. 112–125. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 21.04.2026).

3. Пак Л.Е., Крюкова А.А. О возможностях использования программ с искусственным интеллектом в обучении иностранному языку // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16. № 2. С. 81–95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-programm-s-iskusstvennym-intellektom-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 21.04.2026).

4. Богатова С.М., Фрезе О.В. Дидактические возможности нейросетей в обучении иностранным языкам // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2024. № 3. С. 45–58. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-vozmozhnosti-neyrosetey-v-obuchenii-inostrannym-yazykam (дата обращения: 21.04.2026).

5. Евстигнеев М.Н. Модель лингвометодической подготовки будущих учителей иностранного языка на основе технологий искусственного интеллекта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 5. – С. 1222–1238. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/model-lingvometodicheskoy-podgotovki-buduschih-uchiteley-inostrannogo-yazyka-na-osnove-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 21.04.2026).

6. Откройте для себя магию ChatGPT в обучении немецкому языку! // Гете-Институт Россия. URL: https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/mag/26095379.html (дата обращения: 21.04.2026).

7. Котляренко Ю.Ю., Николаева Е.А. Интеграция генеративного искусственного интеллекта в обучение иностранным языкам: влияние цифровой грамотности и навыков критического мышления на формирование коммуникативных компетенций студентов неязыковых специальностей // Концепт. 2025. № 05. С. 284–302. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchenie-inostrannym-yazykam-vliyanie-tsifrovoy-gramotnosti-i-navykov (дата обращения: 21.04.2026).

USING NEURAL NETWORKS IN TEACHING GERMAN

N.V. Shusha, A.A. Tscharniauski
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
natshushat@mail.ru; tscharniauski@bsu.by

The purpose of this paper is to analyze the current application of neural network technologies in teaching German in educational institutions and identify the key advantages, limitations, and prospects for their further integration into the educational process.

Keywords: neural networks; artificial intelligence; digital didactics; personalization of learning; chatbots; feedback; teaching methodology.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

УДК 372.881.1 + 811.581

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ДОСКИ UNIDRAW ПРИ ОБУЧЕНИИ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ В 5-7 КЛАССАХ

М.М. Бакиева, А.А. Гаязова
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)
Казань, Россия, wheemikkoo@mail.ru

В статье рассматривается использование виртуальной доски Unidraw для формирования навыков иероглифического письма на китайском языке у обучающихся 5-7 классов. Как правило, традиционные методы не дают мгновенной обратной связи, что замедляет выработку автоматизма. Автор предлагает три упражнения с использованием Unidraw, включая «Комментарий в соцсети», и описывает результаты апробации в МБОУ «Гимназия № 183» г. Казани. Приводятся примеры лексики (好吃, 好看, 可爱) и отзывы учеников.

Ключевые слова: китайский язык; иероглифика; навыки письменной речи; виртуальная доска; Unidraw; средняя школа.

В современной школе при обучении китайскому языку большое внимание уделяется иероглифическому письму. Традиционными методами обучения являются многократное прописывание и копирование, и довольно часто они не дают нужного результата, потому что ученик не видит сразу свою ошибку и не может её быстро исправить [5, с. 300].

В ходе изучения китайского языка в университете, на первом курсе многие студенты сталкиваются с трудностями написания иероглифов. На собственном опыте было замечено, что многократное прописывание одного и того же иероглифа, например, 老师 (lǎo shī - «учитель»), приводило к путанице ключей и ошибкам в написании. Так был сделан вывод о нехватке визуального объяснения.

Во время педагогической практики в МБОУ «Гимназия № 183» г. Казани аналогичная проблема была выявлена у средних классов. Обучающимся было трудно сразу запоминать правописание некоторых пройденных на уроках иероглифов.

Тогда нами было принято решение использовать виртуальную доску Unidraw [6]. Это обычная электронная доска, на которой можно рисовать от руки, писать, стирать, и работать всем классом в общем пространстве. На ней можно написать иероглиф и сразу объяснить его структуру, а ученики тут же могут попробовать написать его рядом и увидеть исправления учителя.

Например, иероглиф «отдыхать» (休 xiū) состоит из двух частей: «человек» (亻) и «дерево» (木). Учитель рисует человека, стоящего под деревом, и дети запоминают, что отдыхать – это человек в тени дерева. Такие визуальные подсказки на доске работают намного лучше, чем просто копирование из прописи.

Цель исследования – разработать и апробировать комплекс упражнений с использованием виртуальной доски Unidraw для формирования иероглифических навыков у обучающихся 5-7 классов.

В методике различают «письмо» как технику (написание иероглифов) и «письменную речь» как творчество. Для китайского языка важно для начала автоматизировать порядок черт. Иероглифы состоят из ключей и графем, и их знание помогает догадываться о значении [1, с. 213].

Каждый иероглиф пишется в строгой последовательности: сверху вниз, слева направо. Нарушение порядка черт ведёт к искажению формы и замедляет автоматизм [1, с. 214].

Ученикам 5-7 классов (11–14 лет) трудно долго выполнять однообразную работу. Им нужны игровые и интерактивные формы. Виртуальная доска, где учитель может рисовать и объяснять в реальном времени, даёт возможность сделать письмо наглядным и увлекательным [2, с. 46].

Был проведён анализ прописей и учебника под редакцией А.А. Сизовой [3; 4]. Выявлены следующие недостатки и достоинства.

К плюсам можно отнести: богатый иероглифический материал (около 150–200 знаков к концу 6 класса), постепенное введение ключей, наличие прописей [3, с. 64].

К минусам: большинство заданий однотипные, нет возможности сразу исправить ошибку, нет визуального объяснения логики иероглифа. Ученики механически выводят иероглифы, не понимая их структуры. Поэтому традиционную методику нужно дополнять работой на интерактивной доске [4, с. 136].

Мы подготовили три упражнения, которые были проверены на практике. Unidraw позволяет рисовать от руки в режиме реального времени, поэтому все задания выполняются с помощью мыши, стилуса или касанием пальца.

Упражнение 1. «Рисуем иероглиф вместе» (кит. 一起画 - Yīqǐ huà)

Материалы: доска Unidraw, несколько новых иероглифов (например, 休 xiū «отдыхать», 林 lín «лес», 众 zhòng «толпа»).

Механика выполнения: учитель рисует на доске первый иероглиф крупно, проговаривая каждую черту. При этом он сразу объясняет смысл: «休 – это человек (亻) стоит рядом с деревом (木), значит, отдыхает». Потом включает режим, где каждый ученик рисует этот же иероглиф на своём устройстве. Учитель видит все экраны и может сразу подсказать, верно ли соблюдается порядок написания черт. Ошибка ученика мгновенно исправляется.

Упражнение 2. «Найди и исправь ошибку» (кит. 哪里不对？ - Nǎlǐ bù duì?)

Материалы: доска Unidraw, иероглифы с преднамеренной ошибкой, нарисованные учителем (например, пропущена черта или неверный порядок). Механика выполнения: учитель выводит на доску неправильный иероглиф, например, 林 (лес) с перепутанным порядком черт. Ученики ищут ошибку. Один выходит к доске (или подключается удалённо), обводит ошибку маркером и исправляет. Затем работа в парах: учитель даёт 2-3 иероглифа с ошибками, ученики исправляют на своих частях доски.

Упражнение 3. «Комментарий в соцсети» - домашнее задание

Материалы: виртуальная доска Unidraw, два «поста» на доске – нарисовать на ней два прямоугольника и прикрепить две картинки или фото. В первой рамке

фото учителя или картинка с персонажем, вторая рамка – фото или картинка блюда (например, завтрака).

Необходимо предварительно до домашнего задания пройти на уроке лексику, которую можно использовать для комментариев в соцсетях, например:

好看 (hǎokàn) - красиво

好吃 (hǎochī) - вкусно

可爱 (kě'ài) - мило

酷 (kù) - круто

太好笑了 (tài hǎoxiào le) - очень смешно

我也想吃 (wǒ yě xiǎng chī) - я тоже хочу есть

Ученики пишут комментарии от руки. Каждый ученик подходит к доске (или рисует на своём устройстве), все выбирают понравившуюся рамку и пишут внутри неё свой комментарий от руки, в режиме «карандаш» или «маркер». Например, под нашим фото написали 好看 или 可爱, под едой – 好吃, 我也想吃. Разрешалось написать и в обеих рамках.

После того, как все написали, можно вместе прочитать комментарии. Необходимо обратить внимание на правильность написания иероглифов. Например, если кто-то забыл черту в 好 или неправильно написал 吃, учитель тут же стирает и показывает правильное написание. Также можно похвалить самые креативные комментарии (например, если кто-то добавил 酷kù - «круто» или 太好笑了).

Данное упражнение является полезным по следующим причинам:

– ученики пишут иероглифы не механически, а с эмоцией, так как это напоминает реальное общение;

– лексика (好吃, 好看) запоминается через ситуацию (например, при написании слова под фото друга);

– обучающиеся видят, что китайский язык можно использовать так же, как русский, в социальных сетях;

– ошибки исправляются сразу, поскольку учитель видит написанное в рамке и может быстро подкорректировать.

В результате апробации данных упражнений в 5-7 классах в МБОУ «Гимназия № 183» были сделаны следующие выводы:

1. Мотивация обучающихся заметно выросла, так как рисовать на доске показалось им интересным занятием, а также их ошибки мгновенно исправлялись учителем.

2. Запоминание иероглифов ускорилось благодаря рисункам и ассоциациям. Разобраться в структуре стало гораздо проще.

3. Домашнее задание в соцсетях выполнялось с удовольствием, ученики писали комментарии под фото друзей.

4. У многих обучающихся снизился страх ошибки.

На основе опыта было сформулировано пять пунктов с рекомендациями для учителей, которые хотят использовать виртуальную доску Unidraw [2, с. 47–48].

1. Учителю необходимо самому нарисовать и объяснить смысл, чтобы наглядно показать детям ассоциации, благодаря которым запомнить правописание будет легче.

2. Не больше 3-5 новых иероглифов за урок, так как перегрузка может снизить качество.

3. Исправлять ошибки следует тактично, в индивидуальном режиме. Unidraw позволяет комментировать работу каждого ученика отдельно.

4. Всегда следует иметь запасной вариант (распечатанные прописи) на случай технических сбоев.

Заключение. Разработанный и апробированный комплекс из трёх упражнений на виртуальной доске Unidraw для обучения иероглифическому письму в 5-7 классах показал хорошие результаты. Анализ УМК «Время учить китайский!» показал, что традиционные прописи полезны, но не дают мгновенной обратной связи и визуального объяснения. Данные упражнения могут помочь заполнить этот пробел: учитель рисует иероглифы от руки, объясняя их структуру, ученики сразу пробуют писать и исправляют ошибки. Домашнее задание в виде комментариев в соцсетях поможет превратить письменную речь в реальное общение и принести больше пользы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Артемов Р.А. Приемы обучения иероглифическому письму в современных условиях // Молодой ученый. – 2021. – № 53 (395). – С. 213–215. – URL: https://moluch.ru/archive/395/87546 (дата обращения: 08.05.2026)

2. Масловец О.А. Методика обучения китайскому языку в средней школе : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : ВКН, 2021. – 256 с.

3. Сизова А.А. Китайский язык. Второй иностранный язык. 5 класс. Прописи / А.А. Сизова. – Москва : Просвещение, 2023. – 64 с.

4. Сизова А.А., Фу Чэнь, Чжу Чжипин и др. Китайский язык. Второй иностранный язык. 6 класс : учебник. – Москва : Просвещение, 2023. – 136 с.

5. Щукин А.Н., Фролова Г.М. Методика обучения иностранным языкам : учебник для вузов. – Москва : Юрайт, 2024. – 482 с. – URL: https://urait.ru/book/metodika-obucheniya-inostrannym-yazykam (дата обращения: 08.05.2026)

6. Unidraw : виртуальная доска для совместной работы. – URL: https://unidraw.io/ (дата обращения: 08.05.2026)

USING THE UNIDRAW VIRTUAL BOARD FOR TEACHING CHARACTER WRITING IN GRADES 5-7

M.M. Bakieva, A.A. Gayazova

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

Russia, Kazan

The article discusses the use of the Unidraw virtual board for developing character writing skills in Chinese among 5th–7th grade students. As a rule, traditional methods do not provide immediate feedback, which slows down the development of automatic writing skills. The author proposes three exercises using Unidraw, including "A comment on social media", and describes the results of their approbation at Municipal Budgetary Educational Institution “Gymnasium No. 183” of Kazan. Examples of vocabulary (hǎochī, hǎokàn, kě'ài) and student feedback are provided.

Keywords: Chinese language; character writing; writing skills; virtual board; Unidraw; secondary school.

УДК 808.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

С.А. Белохвостик
Барановичский государственный университет
Барановичи, Республика Беларусь, sofiabelohvostik@gmail.com

В статье рассматриваются особенности художественного времени в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья». Анализируется двойственная временная структура произведения, включающая застывшее настоящее «подполья» и событийное прошлое героя, представленное через воспоминания. Особое внимание уделяется субъективному восприятию времени, исповедальной форме повествования и кризисным моментам, в которых время психологически «сжимается» или останавливается. Делается вывод о том, что художественное время становится важнейшим способом раскрытия внутреннего мира «подпольного человека» и его мировоззрения.

Ключевые слова: художественное время, темпоральность, Ф. М. Достоевский, «Записки из подполья», подпольный человек, исповедальный монолог, субъективное восприятие времени.

Художественное время – одна из ключевых категорий литературного произведения. По определению Т. В. Матвеевой, это «категория, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или её преломлением» [2, с. 536]. Иными словами, в художественном тексте время может быть переосмыслено, замедлено, ускорено или вовсе остановлено – в зависимости от того, что переживает герой. Именно в этом ключе художественное время становится не просто хронологической рамкой, но одним из главных средств выражения авторской мысли.

Применительно к прозе Ф. М. Достоевского исследователи давно обратили внимание на особую роль времени. Ощущение времени у его персонажей «крайне субъективно. Мгновение может "остановиться ", а длительный период "промелькнуть"» [5, с. 138]. Художественному времени Достоевского присущи «густота событий, компактность, насыщенность, катастрофичность», а темп его повествования нередко описывается как «лихорадочный» [6, с. 112]. По концепции М. М. Бахтина, в произведениях Достоевского присутствует особое «неготовое настоящее» – незавершённая, открытая действительность, в которой всё ещё возможно [1, с. 29].

Повесть «Записки из подполья» занимает в этом отношении особое место: в ней Достоевский впервые в полной мере разрабатывает форму исповедального монолога, где субъективное время героя становится основным строительным материалом текста.

Цель настоящей статьи – определить, как организовано художественное время в этой повести и каким образом его устройство раскрывает образ «подпольного человека».

Повесть состоит из двух частей, принципиально различающихся по организации времени. Первая часть – «Подполье» – написана в форме философского монолога, который рассказчик, сорокалетний отставной чиновник, обращает к воображаемым «господам». Действие в этой части фактически

отсутствует: перед нами не рассказ о событиях, а непрерывный поток мыслей, доводов, опровержений и самопротиворечий.

Уже первые фразы задают особый темпоральный режим: «Я человек больной… Я злой человек. Непривлекательный я человек» [7, с. 111]. Все глаголы стоят в настоящем времени. Это не исторически конкретное настоящее, отмеченное на календаре, а вечное, безвыходное «сейчас» подполья. Рассказчик говорит: «Я уже давно так живу – лет двадцать» [7, с. 112], но эти двадцать лет не разворачиваются перед читателем как последовательность событий – они просто «есть».

Как отмечает З. Я. Тураева, художественное время – это «форма бытия идеального мира эстетической действительности, временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума» [4, с. 16]. В первой части «Записок» этот «континуум» намеренно лишён движения. Время подполья – это время замершее, застывшее, время инерции, которую рассказчик сам описывает как главный итог своего существования: «Прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сидение» [7, с. 121].

Вторая часть – «По поводу мокрого снега» – устроена принципиально иначе. Здесь появляются конкретные события, реальные персонажи, чёткие временные маркеры: «В то время мне было всего двадцать четыре года» [7, с. 138]. Сам рассказчик обозначает момент перехода к воспоминаниям: «Нынче идёт снег, почти мокрый, жёлтый, мутный. Вчера шёл тоже, на днях тоже шёл. Мне кажется, я по поводу мокрого снега и припомнил тот анекдот, который не хочет теперь от меня отвязаться. Итак, пусть это будет повесть по поводу мокрого снега» [7, с.138]. Настоящее (снег за окном) запускает механизм памяти – и время сдвигается назад, в молодость.

Двухчастная структура повести как бы воплощает двойственность художественного времени: неподвижное настоящее «подполья» и подвижное, событийное прошлое. Эти два пласта не просто чередуются – они взаимно освещают и объясняют друг друга.

Один из самых примечательных темпоральных приёмов первой части – последовательное уничтожение любых признаков движения. Рассказчик прямо формулирует: «… тут сорок лет подполья! позвольте пофантазировать» [7, с. 128]. Время подполья – это не история, а состояние главного героя

Подпольный человек сам осознаёт эту особенность своего существования. По его словам, главный враг действия – сознание: «Прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция» [7, с. 121]. Усиленное сознание, которым он наделён, парализует волю и тем самым останавливает время. Отсюда ощущение, что вся первая часть существует вне времени, в виде непрекращающейся мысли.

Это «остановленное» время выражается и грамматически. В. Я. Кирпотин заметил, что Достоевский «никогда не забывает посмотреть на календарь и на часы» [цит. по: 3, с. 372], однако в первой части «Записок» часы и календарь намеренно убраны. Точные временные указания почти отсутствуют – вместо них господствуют обобщения: «всегда», «каждый раз», «бывало», «поминутно». Эти слова-маркеры показывают: речь идёт не о конкретных моментах прошлого, а о застывших, повторяющихся состояниях, из которых складывается безвременная жизнь подполья.

Вторая часть повести строится на воспоминаниях. Рассказчик – сорокалетний человек – оглядывается на события, случившиеся, когда ему было двадцать четыре года. Это создаёт двойную временную перспективу: событие переживается дважды – в момент свершения и в момент воспоминания.

Воспоминание запускает случайный внешний стимул – мокрый снег. Этот «импульс памяти» перекликается с теоретическим замечанием о природе времени у Достоевского: «временной и пространственный язык» используется автором «как средство выражения собственной субъективной позиции» [2, с. 537]. Снег за окном в настоящем моменте и снег петербургских улиц в молодости сливаются, создавая два временных пласта.

Однако время воспоминаний не однородно. Одни события описаны чрезвычайно подробно, с точными деталями; другие умещаются в одно-два предложения. Так, история противостояния с офицером растягивается почти на два года биографического времени, но в тексте подаётся как непрерывная цепь размышлений: «Злоба моя даже укреплялась и разрасталась с годами» [7, с. 144]. Годы обиды сжаты, но сам факт злобы – растянут и разобран по деталям.

Это соответствует общему принципу художественного времени в прозе Достоевского: значим не объективный ход дней, а психологическое содержание периодов жизни.

Особого внимания заслуживают острые, переломные эпизоды второй части – встреча с Лизой, история с Зверковым, финальное объяснение. В этих сценах время резко сжимается: события несутся стремительно, реплики следуют одна за другой, внутреннее состояние героя меняется поминутно.

Исследователи давно обратили внимание на «катастрофичность» художественного времени Достоевского [6, с. 112]. В «Записках из подполья» эта «катастрофичность» реализуется в полной мере. Эпизод с офицером в бильярдной происходит мгновенно – «он взял меня за плечи и молча – не предуведомив и не объяснившись – переставил меня с того места, где я стоял, на другое» [7, с. 143] – но его последствия разворачиваются на несколько лет внутренней жизни. Один жест офицера порождает годы злобы, планов мести, унижений на Невском проспекте. Мгновение действия равно годам переживания – это один из самых выразительных темпоральных парадоксов повести.

Схожим образом устроена финальная сцена с Лизой. Весь предшествующий монолог рассказчика – его «спасительная речь», его внутреннее торжество, его ощущение власти – занимает у него значительное внутреннее время. Но когда Лиза приходит к нему на квартиру и видит его в истинном свете, весь выстроенный им образ рушится в одно мгновение. Время вновь переходит от медленного внутреннего монолога к стремительному действию.

Подобный приём – когда острый момент разрушает всё накопленное внутренним временем – один из характерных для Достоевского способов изображения того, что Бахтин называл «неготовым настоящим» [1, с. 29]: ситуации, в которой всё ещё возможно, но именно поэтому всё разрушаемо.

В «Записках из подполья» художественное время выполняет ещё одну особую функцию – исповедальную. Рассказчик намерен «испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным» [7, с. 137]. Это признание объясняет, почему время в повести так субъективно и непоследовательно: исповедь подчиняется не хронологии, а логике внутреннего переживания.

Субъективное время проявляется в самой сущности монолога: рассказчик постоянно возвращается к уже сказанному, опровергает себя, начинает с начала. «Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник» [7, с. 112] – так он сам фиксирует, что его повествование не движется вперёд, а вращается вокруг одной точки, уточняя и переосмысляя её.

Это соответствует теоретическому наблюдению о том, что художественное время – «это не столько календарный отсчёт событий, сколько соотнесённость событий, установление ассоциативных, причинно-следственных, психологических связей между ними» [4, с. 16]. В «Записках» хронологический порядок полностью растворяется в потоке рефлексии.

Именно поэтому, как замечает А. Ф. Папина, «автор текста создаёт в каждом конкретном случае новый образ мира, располагая его в различных определённых рамках времени и пространства, свойственных данной ситуации» [3, с. 166]. В случае «Записок из подполья» рамки эти – замкнутое сознание, из которого нет выхода ни в прошлое, ни в будущее.

Таким образом, художественное время в «Записках из подполья» является не только структурным приёмом, но и прямым выражением мировоззрения «подпольного человека» – человека, для которого настоящее остановилось, прошлое не отпускает, а будущее закрыто.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972. – 470 с.

2. Матвеева, Т. В. Текстовое время, или темпоральность / Т. В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – URL: https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/215- (дата обращения: 01.04.2025).

3. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учебник / А. Ф. Папина. – М. : УРСС, 2002. – 368 с.

4. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М. : Высшая школа, 1979. – 219 с.

5. Серопян, А. С. Концепт «время» в творчестве Ф. М. Достоевского. Культурологический аспект : автореф. дис. … канд. культурол. наук / А. С. Серопян. – Шуя : Шуйский гос. пед. ун-т, 2009. – 138 с.

6. Ковалев, О. А. Время и нарратив в творчестве Ф. М. Достоевского / О. А. Ковалев. – Барнаул : Алт. ун-т, 2011. – 316 с.

7. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч. : в 30 т. – Т. 5. – Л. : Наука, 1973. – С. 99–179.

8. Нестерик, Э. В. Свойства и функции исторического времени в художественном тексте / Э. В. Нестерик, В. О. Клунная // Молодой учёный. – 2016. – № 2 (106). – С. 919–922.

9. Щенников, Г. К. Достоевский и русский реализм / Г. К. Щенников. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 350 с.

ARTISTIC TIME IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVELLA NOTES FROM UNDERGROUND

S. A. Belokhvostik

Baranovichi State University

Republic of Belarus, sofiabelohvostik@gmail.com

The article examines the features of artistic time in Fyodor Dostoevsky's novella «Notes from Underground». The study analyzes the dual temporal structure of the work, which includes

the frozen present of the «underground» and the eventful past of the protagonist presented through memories. Particular attention is paid to the subjective perception of time, the confessional form of narration, and crisis moments in which time psychologically «contracts» or comes to a standstill. The article concludes that artistic time becomes one of the principal means of revealing the inner world and worldview of the «underground man».

Keywords: artistic time, temporality, Fyodor Dostoevsky, «Notes from Underground», underground man, confessional monologue, subjective perception of time.

УДК 81'33

ОБЗОР ВЕРОЯТНОСТНЫХ МОДЕЛЕЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СОВРЕМЕННОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

А.О. Варыгин
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия, andrejvarygin67@gmail.com

В компьютерной лингвистике используют вероятностные модели, например, для автоматической обработки естественного языка. Выбор модели определяется характером задачи (локальный контекст, последовательная разметка, классификация или анализ корпусов), а их комбинация даёт наилучший результат.

Ключевые слова: вероятностные модели; компьютерная лингвистика; n-граммы; скрытые марковские модели; теорема Байеса; LDA.

Современная компьютерная лингвистика пытается решить задачи автоматизации больших объёмов текстовой информации. Детерминированные подходы (правила, грамматика, конечные автоматы, регулярные выражения, логические выводы и т.д.) иногда не могут учесть сложность живого общения и для этого используют вероятностные модели, которые оценивают неопределенность и могут предсказывать наиболее вероятные варианты.

Рассмотрим четыре вероятностные модели, которые наиболее распространённые, благодаря сочетанию простоты и эффективности, а также в силу своей универсальности и вычислительной надежности. Сравнительная характеристика представлена на рисунке 1.

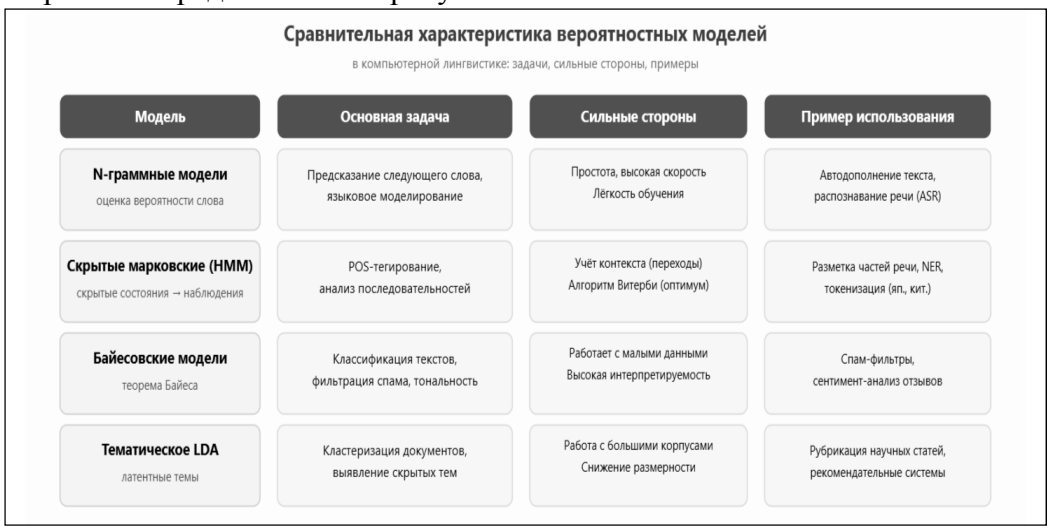


Рисунок 1. – Сравнительная характеристика

1) N-граммные модели оценивают вероятность появления слова на основе $N-1$ предыдущих слов. Простой случай – биграмма, где вероятность слова зависит только от одного предшествующего слова:

$$P(w_i|w_{i-1}) = \frac{count(w_{i-1}, w_i)}{count(w_{i-1})} .$$

Например, в интернет-магазине в поисковой строке можно предсказать следующее слово. По статистике, после слова *дешёвый* часто вводят *телефон*. Тогда:

$$P(\text{телефон}|\text{дешёвый}) = \frac{count(\text{дешёвый телефон})}{count(\text{дешёвый})} .$$

Пользователю предлагаются релевантные подсказки уже на втором слове. Плюс – мгновенный отклик. Минус – если пользователь написал *недорогой и качественный…*, модель будет ориентироваться только на последнее слово (*качественный*), игнорируя слово *недорогой*.

2) Скрытые марковские модели (или HMM – Hidden Markov Model) – используют для анализа последовательностей, где наблюдаемые данные (слова) являются скрытыми состояниями (например, частями речи). Она опирается на три вероятностных параметра: начальное состояние, переход между состояниями и эмиссия (наблюдение). Если разобрать предложение по частям речи (задача POS-tagging), то выражение *Я люблю программирование* модель определяет наиболее вероятную последовательность тегов: *местоимение (Я), глагол (люблю), существительное (программирование)*.

3) Байесовские модели основаны на теореме Байеса:

$$P(A|B) = \frac{P(B|A) \cdot P(A)}{P(B)} .$$

В лингвистике в основном используют для классификации текстов. Пример – фильтрация спама. Вычисляется вероятность того, что письмо является спамом, при наличии определённых слов. Обучение происходит на размеченных данных. Байесовские модели просты в реализации, требуют небольшого объёма данных и хорошо работают при независимости признаков (наивное предположение). Их также применяют для определения тональности текстов, категоризации новостей и авторства.

4) Тематическое моделирование (или LDA – Latent Dirichlet Allocation) – это вероятностная модель, которая позволяет находить скрытые темы в больших коллекциях документов. Каждый документ представляется как смесь тем, а каждая тема – как смесь слов. Параметры модели оцениваются с помощью методов сэмплирования (например, Гиббса). LDA используется для кластеризации научных статей, подбора похожих новостей, анализа социальных сетей и др. В отличие от предыдущих моделей, LDA работает на уровне целых корпусов, а не отдельных последовательностей.

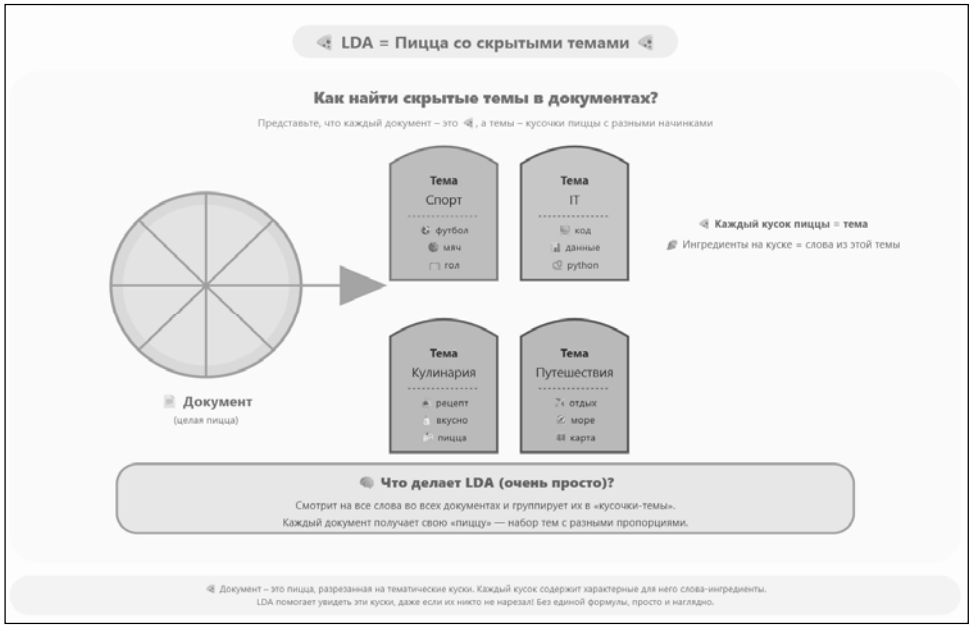


Рисунок 2. – Пример LDA

LDA в виде пиццы представлена на рисунке 2 (*документ как пицца, темы как куски*). Но нужно учесть, что такая *метафора* ломается в трёх местах.

1) Темы не лежат компактно. Слова разных тем перемешаны по всему тексту.
2) Короткие тексты получают лишние темы (из-за математических свойств LDA короткий текст часто получает несколько тем даже там, где логически одна).
3) Смысл слова зависит от всего корпуса. Слово *пицца* в IT‑юморе может уйти в тему программирования, а не в кулинарию.

Лучше всего представлять модель LDA как *коктейль* из слов, где темы постоянно перемешиваются.

Из рассмотренных вероятностных подходов можно составить общую схему применения вероятностных моделей в компьютерной лингвистике. Выбор метода не зависит от конкретной модели. Процесс включает стандартные этапы обработки: от полученных входных данных до наиболее вероятного результата.

Более подробно представлено на рисунке 3.

Рисунок 3. – Общая схема применения вероятностных моделей

Вероятностные модели решают большинство задач компьютерной лингвистики. Каждая модель по-своему уникальна: n-граммы – для локального контекста, HMM – для последовательной разметки, байесовские модели – для классификации, LDA – для тематического анализа. Иногда комбинируют несколько подходов, которые являются более сложными вероятностными моделями.

Например: для извлечения именованных сущностей (NER) применяют HMM, а потом байесовский классификатор. Это делается для того, чтобы одна модель исправляла ошибки другой. HMM *грубо* находит, где начинается именованная сущность, а байесовский классификатор уточняет, что именно – имя, компания или город. Вместе они работают точнее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шестаков О. В. Вероятностные модели [Электронный ресурс] : конспект лекций / подгот. студентами ВМК МГУ. – Электрон. текст. дан. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, [б. г.]. – 83 с. – Режим доступа: https://teach-in.ru/file/synopsis/pdf/probabilistic-model-M.pdf. – Дата доступа: 20.04.2026.

2. Щипицина Л.Ю. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 128 с. – ISBN 978-5-9765-1431-7.

REVIEW OF PROBABILISTIC MODELS USED IN MODERN COMPUTATIONAL LINGUISTICS

A.O. Varygin

Kuban State University

Krasnodar, Russia, andrejvarygin67@gmail.com

In computational linguistics, probabilistic models are used, for example, for automatic natural language processing. The choice of model is determined by the nature of the task (local context, sequential tagging, classification or corpus analysis), and their combination gives the best result.

Keywords: probabilistic models; computational linguistics; n-grams; hidden Markov models; Bayes' theorem; LDA.

УДК 7.05:316.7(669)

CROSS-CULTURAL FEATURES OF CONTEMPORARY GRAPHIC DESIGN IN NIGERIA

K.V. Kaisheva, E.M. Dyukareva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia, elizavetadukareva45090@gmail.com

The article examines how contemporary Nigerian graphic design is transformed under the influence of globalization. Particular attention is paid to the reinterpretation of traditional visual systems, vernacular typography and street visual culture in contemporary design practices. The article argues that local cultural codes are not displaced by global visual standards, but serve as a basis for shaping postcolonial visual identity. The findings may be relevant to studies of visual culture, graphic design and intercultural communication.

Keywords: Nigeria; graphic design; visual culture; national identity; typography; globalization.

Introduction. Contemporary Nigerian graphic design is developing at the intersection of local artistic traditions, postcolonial cultural experience and global media processes. The expansion of digital platforms, transnational music culture and online image circulation has changed the conditions in which graphic design is produced, distributed and perceived in Nigeria. Under this influence, traditional visual forms are increasingly reinterpreted in contemporary design practices.

Nigerian creative industries have become an important factor in the country's international cultural visibility. Analytical reports describe Nigeria as a regional creative hub, particularly due to the global influence of music, film, fashion and online media [10]. For graphic design, this means that promotional materials participate in a broader system of cultural representation and contribute to the formation of recognizable national imagery.

The relevance of this topic is determined by the fact that Nigerian graphic design reflects cultural processes associated with globalization and intercultural communication. Of particular importance is the way designers refer to local sources while working within global formats of branding, typography, illustration and digital media. This approach makes it possible to examine Nigerian graphic design not as a peripheral imitation of international standards, but as a field where local and global elements interact and produce new forms of expression.

The aim of the article is to identify the features of contemporary Nigerian graphic design under the conditions of globalization. To achieve this aim, the article examines the historical basis of Nigerian image culture, analyses the reinterpretation of traditional graphic systems, considers vernacular typography as a form of national expression and determines how local cultural codes contribute to the formation of postcolonial identity.

The study is based on an interdisciplinary methodology combining graphic analysis, case study and historical-cultural analysis. Graphic analysis is used to examine selected examples of Nigerian design, including typefaces, album covers, digital illustrations and design projects. The case study method makes it possible to consider representative practices of contemporary Nigerian designers, while historical-cultural analysis is used to contextualize Nigerian traditions such as Nok sculpture, Benin bronze art, Nsibidi and Uli.

The empirical basis consisted of 144 English-language publications indexed in Scopus. The dataset was retrieved using the search query "NIGERIA AND DESIGN" in titles and keywords. This corpus was used to identify the general structure of research on design in the Nigerian context. The study was supplemented by books on African art and Nigerian modernism, publications in professional design and cultural journals and materials presenting the works of contemporary Nigerian artists and designers.

Historical Basis of Nigerian Graphic Culture

Nigerian graphic culture has deep historical roots. The Nok culture, usually dated to the first millennium BCE and the first centuries CE, is known for expressive terracotta sculpture and is often considered one of the early examples of complex artistic production in West Africa [4]. An example of this tradition is presented in Fig. 1.

Fig. 1. – Nok sculpture

The Kingdom of Benin later developed a technically sophisticated tradition of bronze sculpture. Today, Benin bronzes are discussed both as works of art and as objects associated with colonial removal, museum collections and cultural restitution [5]. Yoruba and Igbo communities created rich symbolic traditions that formed an important basis for the region's image culture [6, 15].

Two graphic systems are particularly important for contemporary Nigerian design: Nsibidi and Uli. Nsibidi is an ancient ideographic system associated with the Cross River region and used for communication, ritual practice and the transmission of socially significant meanings. Uli is a linear tradition of the Igbo people, historically used in body and wall painting. It is characterized by asymmetry, improvisation, rhythmic line and a close connection with everyday and ritual culture [11, 15].

In traditional contexts, these forms did not function as autonomous art in the modern European sense. They performed communicative, social and ritual functions. For this reason, their contemporary use in graphic design should not be interpreted as simple decoration. It represents a complex process of cultural translation in which traditional signs acquire new meanings in digital and global contexts.

Postcolonial Identity and Natural Synthesis

The colonial period had a contradictory impact on Nigerian artistic culture. On the one hand, it was associated with the removal of cultural objects and their inclusion in European museum collections [5]. On the other hand, African sculpture influenced European modernism, including the development of Cubism and related artistic movements. After Nigerian independence in 1960, the search for a new cultural identity became especially significant.

The Zaria Art Society and Uche Okeke played an important role in this process. The idea of Natural Synthesis proposed a conscious combination of African traditions and modern artistic techniques [11-13]. This approach challenged the dominance of Eurocentric models and created a basis for a modern Nigerian design language rooted in local culture.

Materials connected with the Zaria Art Society and Uche Okeke's work are shown in Fig. 2. They illustrate how the synthesis of local tradition and modern artistic form was realized as both a theoretical concept and a design practice.

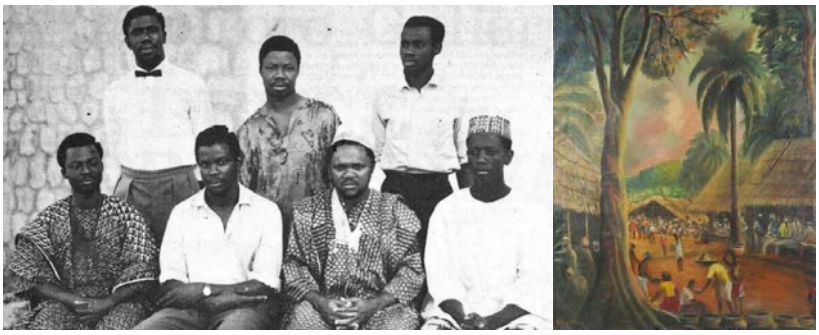


Fig. 2. – Group portrait of Zaria Art Society members and Uche Okeke's 'Village Scene'

From the 1970s onward, graphic design in Nigeria became an important instrument of cultural and political expression. A significant example is the work of Lemi Ghariokwu for Fela Kuti. His album covers combined illustration, collage, satire and social criticism, transforming record sleeves into a form of political commentary [16]. This line was later developed in Afrobeats-related graphics, where album covers, stage materials and promotional images became part of the global image of contemporary Nigeria.

Vernacular Typography and the Danfo Typeface

Since the 1990s, digital technologies and global platforms have accelerated the hybridization of Nigerian graphic design. Contemporary Nigerian design exists simultaneously in local and global dimensions. It combines international design principles with African ornamentality, Lagos street culture and professional branding practices. Vernacular typography, expressive colour, dynamic composition and the reinterpretation of traditional symbols are among its most visible features.

One of the most distinctive directions in contemporary Nigerian design is vernacular typography. This term refers to type and graphic systems that emerge directly from local environments. A representative example is the Danfo typeface, created by Nigerian designer Seyi Olusanya under the Afrotype brand [1-2]. The name refers to the yellow danfo minibuses of Lagos, whose surfaces are often covered with hand-painted inscriptions created by local street lettering artists. This spontaneous and expressive lettering tradition became the basis for a professional digital typeface.

From a formal point of view, Danfo preserves the features of street lettering: uneven stroke rhythm, expressive serifs, asymmetry and a sense of handmade energy. At the same time, it functions as a professional digital product suitable for contemporary typography. The typeface therefore exists in two registers: as a document of local memory and as an instrument of global communication. This transformation is illustrated in Fig. 3.

Fig. 3. – Danfo typeface by Seyi Olusanya, Afrotype

Semantically, Danfo carries several layers of meaning. On the surface, it refers to the urban environment of Lagos, with its transport graphics, hand-painted signs and dense public communication. At a deeper level, it legitimizes vernacular culture as a source of professional design and challenges the hierarchy in which Western typographic standards have traditionally been treated as dominant. In terms of Homi Bhabha's theory, Danfo may be interpreted as a product of the 'third space', since it is neither purely traditional nor simply Western. It produces new meaning at the intersection of different symbolic systems [3].

The international visibility of Danfo confirms that local graphic experience can enter global design discourse without losing cultural specificity. In this sense, the typeface is not only a typographic product, but also a cultural statement about the place of African graphic traditions in contemporary design.

Nsibidi, Contemporary Illustration and Postcolonial Expression

Another important direction is the reinterpretation of ancient graphic systems, especially Nsibidi, in contemporary artistic and commercial contexts. Victor Ekpuk works with Nsibidi as a starting point for his own abstract graphic system, which connects signs, writing and contemporary art [7-8]. Uzo Njoku and Karo Akpokiere use colour, ornament, digital tools and storytelling to create works situated between local cultural codes and global graphic practice [9, 14]. Examples of these approaches are presented in Fig. 4.

Fig. 4. – Works by Uzo Njoku, Karo Akpokiere and Victor Ekpuk

These practices indicate that traditional symbols may function not as museum fragments, but as active elements of postcolonial expression. Their inclusion in posters, illustrations, digital compositions and commercial graphics creates a dialogue between precolonial communication systems and contemporary design discourse. This approach turns traditional signs into aesthetic and political instruments of postcolonial expression.

Afrobeats and the Global Circulation of Nigerian Design

The global popularity of Afrobeats has become a powerful factor in the development of Nigerian image culture. Music-related design forms a coherent language in which expressive colour, dynamic composition and local patterns interact with international media production standards. This field is particularly significant for the global circulation of Nigerian aesthetics, because Afrobeats brings Nigerian graphic culture to audiences far beyond Africa [10, 16]. Examples of Afrobeats-related design are shown in Fig. 5.

Fig. 5. – Afrobeats album covers

The significance of this segment lies in the fact that music-related graphics do not merely accompany sound. They construct recognizable images of contemporary Nigeria, participate in the branding of artists and contribute to the international visibility of African creative industries. In this context, graphic design becomes a mediator between local cultural experience and global popular culture.

Lagos Street Culture and the Movement from Street to Screen

A special place in Nigerian design is occupied by the street culture of Lagos. The public environment of the city forms a saturated urban landscape in which hand-painted signs and informal graphics create a living vernacular system. Contemporary designers actively reinterpret this environment and translate it into digital formats.

The example of the Danfo typeface demonstrates that the movement from the street to the screen is not a simple act of copying. It involves selection, reinterpretation and the inclusion of local experience into a professional design language [1-2]. In this process, the raw energy of the city becomes a conscious design strategy.

Despite significant achievements, contemporary Nigerian graphic design faces a number of challenges. These include unequal access to infrastructure, differences in the quality of design education, dependence on global platforms and the risk of losing cultural specificity under market pressure. At the same time, growing interest in African creative industries, the development of local studios and the international visibility of Nigerian designers create favourable conditions for further growth.

Conclusion. The analysis shows that contemporary Nigerian graphic design represents a dynamic synthesis of tradition and global technologies. Its practices function as mediators between local identity and global cultural structures. In the age of networked hybridity, Nigerian designers demonstrate that globalization does not necessarily erase difference. On the contrary, it may create conditions for a more complex and visible expression of local identities.

Nigerian graphic design forms an independent language based on the reinterpretation of traditional codes in contemporary media environments. The analysed cases demonstrate different ways in which local traditions enter global design discourse. The Nigerian case also shows that cultural specificity and global communicability are not mutually exclusive, but may coexist within contemporary design practice.

Further research may compare Nigerian graphic design with other African practices, analyse the role of social platforms in the international visibility of African designers and examine local type systems as instruments of national identity.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Afrotype. Danfo [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.afrotype.com/danfo (date accessed: 11.05.2026).

2. Afrotype. Danfo: Creating the Base for Danfo Type Family [Electronic resource]. – GitHub. – Mode of access: https://github.com/Afrotype/danfo (date accessed: 11.05.2026).

3. Bhabha, H. K. The Location of Culture / H. K. Bhabha. – London; New York: Routledge, 1994. – 285 p.

4. Breunig, P. Nok: African Sculpture in Archaeological Context / ed. by P. Breunig. – Frankfurt am Main: Africa Magna Verlag, 2014. – 303 p.

5. British Museum. Benin Bronzes [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.britishmuseum.org/about-us/british-museum-story/contested-objects-collection/benin-bronzes (date accessed: 11.05.2026).

6. Falola, T. A History of Nigeria / T. Falola, M. M. Heaton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 370 p.

7. Aicon Gallery. Victor Ekpuk [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.aicon.art/artists/victor-ekpuk (date accessed: 11.05.2026).

8. James Madison University. Victor Ekpuk: Drawing Metaphors [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.jmu.edu/dukehallgallery/exhibitions/2011-2012/drawing-metaphors.shtml (date accessed: 11.05.2026).

9. Karo Akpokiere. Work [Electronic resource]. – Mode of access: https://karoakpokiere.com/ (date accessed: 11.05.2026).

10. Nigeria's Creative Economy Report 2024 [Electronic resource]. – Mode of access: https://tlfirst.com/wp-content/uploads/2024/06/NIGERIAS-CREATIVE-ECONOMY-MAY-2024-REPORT.pdf (date accessed: 11.05.2026).

11. Okeke-Agulu, C. Postcolonial Modernism: Art and Decolonization in Twentieth-Century Nigeria / C. Okeke-Agulu. – Durham; London: Duke University Press, 2015. – 376 p.

12. Smarthistory. Uche Okeke [Electronic resource]. – Mode of access: https://smarthistory.org/uche-okeke/ (date accessed: 11.05.2026).

13. Uche Okeke Legacy. Uche Okeke's Legacy: Unifying Art through Natural Synthesis [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: https://ucheokekelegacy.com/news/uche-okeke-s-legacy-unifying-art-through-natural-synthesis (date accessed: 11.05.2026).

14. UzoArt. Portfolio [Electronic resource]. – Mode of access: https://uzoart.com/ (date accessed: 11.05.2026).

15. Visona, M. B. A History of Art in Africa / M. B. Visona, R. Poynor, H. M. Cole, M. D. Harris. – 2nd ed. – Upper Saddle River: Pearson Prentice Hall, 2008. – 560 p.

16. The Vinyl Factory. Meet the Designer behind Fela Kuti's Riotous Record Sleeves [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: https://www.thevinylfactory.com/features/lemi-ghariokwu-fela-kuti-record-sleeves (date accessed: 11.05.2026).

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА НИГЕРИИ

К.В. Кайшева, Е.М. Дюкарева

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, elizavetadukareva45090@gmail.com

В статье рассматривается трансформация современного графического дизайна Нигерии в условиях глобализации. Особое внимание уделяется тому, как традиционные визуальные системы, вернакулярная типографика и уличная визуальная культура переосмысляются в современных дизайнерских практиках. Показано, что локальные культурные коды не исчезают под влиянием глобальных визуальных стандартов, а становятся основой формирования постколониальной визуальной идентичности. Результаты исследования могут быть использованы при изучении визуальной культуры, графического дизайна и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Нигерия; графический дизайн; визуальная культура; национальная идентичность; типографика; глобализация.

УДК 811.111

СЛОЖНЫЕ СЛОВА И СПЕЦИФИКА ИХ ПЕРЕВОДА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.В. Корженевич, В.А. Ананич
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, ananich.victoriya05@mail.ru

Статья посвящена исследованию сложных слов в англоязычном экономическом дискурсе и выявлению основных трудностей их перевода на русский язык. На основе анализа теоретического материала рассматриваются структурные, семантические и функциональные особенности. Особое внимание уделяется типологии сложных слов (существительные, прилагательные, глаголы) и их трансформациям.

Ключевые слова: сложные слова; словосложение; экономический дискурс; переводческие трансформации; компрессия; терминология; специфика.

Современный экономический дискурс, особенно в сфере газетной публицистики, характеризуется высокой плотностью информации, динамичностью и стремлением к языковой экономии. Одним из наиболее эффективных инструментов реализации этих свойств выступает словосложение – процесс создания нового слова путем объединения двух или более основ. Как отмечает Л.М. Лещёва, около трети всех производных слов в современном английском языке являются сложными, что делает данный способ словообразования не только древнейшим, но и исключительно продуктивным [4, с. 112].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью адекватного перевода экономических композитов, значение которых зачастую не сводится к сумме значений их компонентов.

Цель данной работы – выявить специфику структурно-семантической организации сложных слов в англоязычном экономическом дискурсе и определить основные стратегии их перевода на русский язык.

Материалом для нашего исследования послужили газетные статьи из таких изданий, как The Financial Times и The Economist, из которых были отобраны примеры сложных слов.

Прежде чем мы перейдем к анализу конкретных примеров, рассмотрим само понятие сложного слова и критерии его идентификации. В лингвистике сложное слово традиционно определяется как лексическая единица, образованная путем объединения минимум двух корневых морфем. Согласно А.А. Реформатскому, в отличие от аффиксации, при словосложении «в одной лексеме соединяются не корневая морфема с аффиксами, а корневая морфема с корневой же» [5, с. 289]. О. Есперсен подчеркивает функциональный аспект, рассматривая словосложение как «объединение двух или более слов, способных функционировать как одно слово» [1, с. 134].

При этом разграничение сложного слова и свободного словосочетания представляет собой непростую задачу, поскольку ни один из формальных критериев (графический, фонетический, морфологический) не является

абсолютным. Например, написание экономических терминов *hedge fund* или *cash flow* может варьироваться. Именно **семантический критерий** признается наиболее надежным: целостное значение лексической единицы, его идиоматичность отличают его от переменного сочетания. Так, *dutch disease* обозначает не ‘голландскую болезнь’, а экономический парадокс, при котором рост добычи ресурсов ослабляет другие секторы экономики; *golden parachute* – не ‘золотой парашют’, а пакет гарантированных выплат топ-менеджеру.

Таким образом, под **сложным словом** в данной работе понимается лексическая единица, образованная соположением двух или более самостоятельных основ, обладающая структурной и семантической целостностью и представляющая собой единую синтаксическую единицу.

Теперь рассмотрим структурно-семантическую типологию сложных слов, представленную в экономическом дискурсе. Анализ отобранных примеров из газетных статей (*The Financial Times, The Economist*), позволяет выделить несколько основных групп.

Первую и наиболее многочисленную группу составляют сложные существительные, которые доминируют, выполняя номинативную функцию. Наиболее продуктивна модель **N + N → N**, например:

рыночные явления: *credit crunch* (кредитное сжатие), *market failure* (провал рынка), *supply shock* (шок предложения);

субъекты: *stakeholder* (заинтересованная сторона), *policy maker* (лицо, принимающее решения);

инструменты: *junk bond* (мусорная облигация), *cryptocurrency* (криптовалюта).

Также интерес представляют фразовые композиты, включающие служебные части речи: *business-to-business (B2B)* – бизнес для ‘бизнеса’. Как замечает Е.А. Земская, здесь реализуется **компрессивная функция** словообразования: целое описание заменяется одной компактной единицей [3, с. 8].

Следующую группу составляют сложные прилагательные, занимающие около 30% всех отобранных композитов. Эти единицы в основном служат для оценки и классификации. Среди них преобладают модели:
Adj + N/Part II: *short-term* (краткосрочный), *risk-weighted* (взвешенный по риску), *top-tier* (высшего уровня).
N + Adj/Part II: *state owned* (государственный), *debt free* (необремененный долгам и), *state owned* (государственный). Эти единицы демонстрируют высокую степень стандартизации, что соответствует требованиям научно-публицистического стиля.

Наконец, отдельную, немногочисленную группу образуют сложные глаголы, что объясняется структурной громоздкостью такой модели. Преобладают асинтаксические модели **N/Adj + V**: *to benchmark* (проводить бенчмаркинг), *to downsize* (оптимизировать штат), *to underperform* (показывать низкую эффективность). Как отмечает И.В. Арнольд, такие глаголы часто возникают путем конверсии или обратного словообразования от сложных существительных [2, с. 161].

После того как мы рассмотрели газетные статьи и выявили основные структурные типы композитов, перейдем к анализу трудностей, возникающих при их переводе, и способов их преодоления. Первая группа трудностей связана с отсутствием прямого эквивалента и явлением ложных друзей переводчика.

Accelerated sharere purchase program при буквальном переводе (‘ускоренная программа выкупа акций’) теряет важный семантический компонент. Адекватный вариант: *‘программа ускоренного выкупа акций с участием инвестбанка’* (экспликация).

Battery commander. Ошибочный перевод ‘командир батареек’ (вместо *‘командир батареи’*) демонстрирует опасность игнорирования отраслевой специфики.

Вторая группа трудностей обусловлена полисемией и синонимией терминов. Одна и та же лексема в составе сложного слова может менять значение: так, слово *liquid* означает ‘жидкий’, но в композите *liquidity* приобретает значение ‘ликвидность’ (способность актива быть быстро проданным). Синонимические ряды (*price / value / cost*) требуют от переводчика выбора контекстуально верного варианта, что особенно важно в финансовых новостях, где *cost* – это затраты, а *price* – рыночная цена.

Третья группа трудностей связана со спецификой перевода идиоматичных композитов. Метафорические сложные единицы, такие как *blue-chip stock* (‘голубая фишка’ – акции надежных компаний) или *economic tsunami* (‘экономическое цунами’), переводятся с помощью калькирования с сохранением метафоры, если она понятна аудитории, либо с помощью описательного перевода. В противном случае перевод утрачивает адекватность и не передает исходного значения.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. В англоязычном экономическом газетном дискурсе словосложение служит основным механизмом терминообразования, обеспечивая лаконичность изложения и точность номинации. Доминирующую позицию занимают сложные существительные модели N+N, реже встречаются сложные прилагательные и глаголы.

Наиболее существенную трудность при переводе представляет идиоматичность многих композитов, значение которых не выводится из суммы значений компонентов. Буквальный перевод в таких случаях ведёт к искажению смысла. Адекватная передача сложных экономических терминов требует от переводчика не только лингвистической, но и профессиональной компетенции, а также применения таких стратегий, как калькирование, транскрипция, экспликация и функциональная замена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Espersen, O. A Modern English Grammar / O. Espersen. – 6-еизд. – London, 2013. – 153 с.

2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 376 с.

3. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 2009. – 227 с.

4. Лещева, Л. М. Английская лексикология / Л. М. Лещева. – Минск : МГЛУ, 2016. – 248 с.

5. Реформатский, А. А. Введение в языковедение: учеб. пособие / А. А. Реформатский. – 5-е изд. – Минск : Аспект Пресс, 2022. – 88 с.

COMPOUND WORDS AND SPECIFICS OF THEIR TRANSLATION IN ECONOMIC DISCOURSE

Y.V. Korzhenevich, V.A. Ananich
Polessky State University
Pinsk, Republic of Belarus, ananich.victoriya05@mail.ru

The article is devoted to the study of compound words in English economic discourse and the identification of the main difficulties of their translation into Russian. Based on the analysis of theoretical material, the structural, semantic and functional features are examined. Special attention is paid to the typology of compound words (nouns, adjectives, verbs) and their transformation.

Keywords: compound words; word composition; economic discourse; translation transformations; compression; terminology; specifics.

УДК 81

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Ю.В. Корженевич, Д.И. Лысенко
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, lysenkodarya09@gmail.com

Данная работа посвящена исследованию проблем художественного перевода, а именно трём ключевым аспектам: передача культурных реалий, трансформации образных средств, сохранение персонального стиля автора. Особое внимание уделяется основным трудностям, которые возникают при работе с художественным переводом и способам их преодоления через применение различных переводческих трансформаций.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческие трансформации, адаптация текста.

Художественный перевод- вид перевода, который кардинально отличается от всех остальных. Его задачей является не только передача информации, но и воссоздание тех эмоций, которые переданы в оригинальном тексте. А это требует от переводчика не только идеального знания лексики, владения грамматикой, но и навыков работы со стилями текста и культурным контекстом, что, как правило, представляет определенные сложности.

Цель нашей работы - выявление основных трудностей, возникающих при художественном переводе, и анализ наиболее эффективных переводческих трансформаций и приемов адаптации, позволяющих сохранить эстетическое и эмоциональное воздействие оригинала на читателя.

В отличие от технического перевода, который фокусируется исключительно на передаче информации, художественный перевод стремится воссоздать оригинальную эстетику и эмоциональное воздействие.

Перейдём к анализу ключевых трудностей, с которыми сталкиваются переводчики при работе с художественными текстами. Главной и наиболее значимой проблемой является **передача культурного колорита**, в частности, перевод реалий. Реалии, отражающие уникальные особенности определённой культуры, часто не имеют прямых аналогов в языке перевода. Как подчёркивает М.В. Зырянова, суть перевода реалий сводится к «реноминации» – изменению

значения языкового знака с помощью средств языка-получателя [1, с. 162]. В теории перевода выделяют несколько основных методов передачи реалий: транслитерация, калькирование, описательный перевод и функциональная замена. При этом в процессе реноминации возможно изменение сигнификата, поскольку культура-получатель воспринимает мир иначе.

Например, русское слово «изба» при переводе на английский часто передаётся как «izba» (транслитерация для сохранения национального колорита); «Дом культуры» переводится как «House of Culture» (калька, сохраняющая форму, но не отражающая социальный контекст); «щи» заменяются на «cabbage soup» (функциональная замена, при которой утрачивается национальная специфика). Следовательно, выбор способа перевода реалий зависит от необходимости сохранить колорит и уровня знаний целевой аудитории.

Проанализировав роман М. А. Булгакова, мы выявили, что в англоязычном переводе «Мастер и Маргарита», выполненном Ричардом Пивером и Ларисой Волохонской, слово «водка» передано посредством транслитерации. Примечательно, что в эпизоде, где Коровьев предлагает Маргарите «тот самый коньяк», термин «коньяк» сохраняется в оригинальном виде, несмотря на его французское происхождение и потенциальную диссоциацию с Россией для британской аудитории. Использование транслитерации для «водки» способствует воссозданию аутентичной атмосферы московского быта 1930-х годов, но предполагает наличие у читателя определённых культурологических знаний [9].

Вторая значительная проблема заключается в **сохранении уникального авторского стиля**. Каждый писатель обладает своей неповторимой манерой, которая проявляется в его лексике, синтаксисе и ритме. И.А. Кашкин, основоположник советской школы художественного перевода, чьи работы анализирует Е.Д. Черникова, утверждал, что точность перевода не следует понимать как простое пословное воспроизведение. Напротив, подлинная точность – это верное истолкование и передача основной идеи художественного произведения средствами языка перевода, включая все его эмоциональные составляющие: юмор, негодование, лиризм, сатиру. Таким образом, точность должна быть не формальной, а глубоко осмысленной [7, с. 108]. Особую сложность при сохранении идиостиля представляют **случаи автоперевода**, когда писатель сам переносит свое произведение на другой язык. Как показывает М.С. Чеснокова в диссертационном исследовании, посвященном автопереводам В.В. Набокова, теория «буквального перевода» в понимании Набокова значительно отличается от традиционной трактовки буквализма [8, с. 112–115].

В ходе анализа романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (в переводе Р. Райт-Ковалёвой) мы определили, что уникальный стиль главного героя, Холдена Колфилда, формируется за счет использования разговорной речи, частых повторов, сленга и намеренной грамматической небрежности (например, «really», «sort of», «it killed me»). Ключевое для оригинала слово «phony» (фальшивый, притворный) Райт-Ковалёва передает разнообразно: «фальшивый», «липовый», «притворный», «напускной». При этом переводчик успешно сохраняет характерные для Холдена повторы и простоту синтаксиса. Показательный пример – перевод фразы «It was really sort of funny, in a way» как «Было действительно как-то смешно, в общем», где сохранены разговорные элементы и нестрогая логика. Такой подход позволил сохранить аутентичный

голос Холдена на русском языке, избежав разрушения образа подростка при буквальном переводе [10].

Третья группа проблем связана с ***переводом образных средств***, среди которых центральное место занимает ***метафора.*** Традиционный аристотелевский подход к пониманию метафоры как стилистического приема был переосмыслен в XX веке американскими лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые предложили рассматривать метафору как базовый механизм мышления, позволяющий человеку понимать новые явления через переосмысление предыдущего опыта. В отечественной лингвистике когнитивная теория метафоры получила развитие в работах А.П. Чудинова и представителей Уральской школы политической лингвистики.

Практический анализ перевода метафор был проведен исследователями на материале романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» [4]. В ходе сопоставительного анализа переводов, выполненных М. Абкиной и Д. Целовальниковой, были выявлены основные метафорические модели, представленные в произведении: антропоморфная метафора «портрет – это душа», артефактная метафора «портрет – это зеркало», а также метафоры «портрет –это художник» и «портрет – это учитель» [4].

Мы занялись поисками произведения, чтобы найти хороший пример данного явления и остановились на романе Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». «ЖИЗНЬ – ЭТО БОРЬБА». Эта идея воплощается в образах противостояния старика с рыбой и акулами, а также напрямую выражена во фразе «Человека можно уничтожить, но нельзя победить». Согласно когнитивной лингвистике, носители английского языка воспринимают жизненные трудности как битву с противником, и русский язык разделяет эту метафорическую модель, что облегчает перевод. Однако, если бы в целевом языке отсутствовала подобная концептуализация (например, жизнь представлялась бы как путешествие или сновидение), переводчику пришлось бы искать альтернативные способы передачи авторского замысла [11].

В результате исследования было выявлено, что художественный перевод сталкивается с тремя основными сложностями, такими как передача реалий, сохранение своего собственного авторского стиля и перевод метафорических выражений. Так же исследование показало, что ни один из способов перевода не является идеальным (например, транслитерация может сохранить калорит, но требует фоновых знаний читателя). Грамотный и успешный перевод, например, как в произведении «Над пропастью во ржи» может быть достигнут только с применением творческого переосмысления, а не буквальностью. Эффективность перевода зависит от умения переводчика сочетать трансформации и сохранять эстетическое воздействие оригинала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Булгаков, М. В. Мастер и Маргарита / М. В. Булгаков. – М. :Худож. лит., 1967. – 432 с.

2. Зырянова, М. В. Переводческий метатекст как способ реноминации реалий / М. В. Зырянова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 162–166.

3. О потерях и компенсации в художественном переводе // Национальный агрегатор открытых репозиториев. – 2018.

4. Опарина, Е. О. Displaced compensation (букв. «перемещенная компенсация») / Е. О. Опарина. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/displaced-compensation-bukv-peremeschennaya-kompensatsiya/ (дата обращения: 02.05.2026).

5. Особенности авторской метафоры портрета в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» и ее передача при переводе на русский язык // Russian Linguistic Bulletin.

6. Трансформация как способ достижения адекватности перевода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kak-sposob-dostizheniya-adekvatnosti-perevoda (дата обращения: 05.05.2026).

7. Турышева, О. Н. Сюжет перевода в роман как форма металитературной рефлексии / О. Н. Турышева // Новый филологический вестник. – 2024. – № 1. – С.1–3.

8. Хемингуэй, Э. Старик и море = The Old Man and the Sea / Э. Хемингуэй ; пер. с англ. Б. Изакова. – М. : Иностр. лит., 1953. – 120 с.

9. Черникова, Е. Д. Понятие и осмысление теории перевода в системе метапоэтических текстов И. А. Кашкина / Е. Д. Черникова // Актуальные проблемы филологии : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь : Меркурий, 2012. – С. 107–109.

10. Чеснокова, М. С. Способы воссоздания метафорических тропов в автопереводе: на материале авторских переводов В. В. Набокова :дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. С. Чеснокова. – Санкт-Петербург, 2003. – 196 с.

11. Сэлинджер, Дж. Д. Над пропастью во ржи = The Catcherinthe Rye / Дж. Д. Сэлинджер ; пер. с англ. Р. Райт-Ковалёвой. – М. :Худож. лит., 1960. – 215 с.

PROBLEMS OF LITERARY TRANSLATION

Y.V. Korzhenevich, D.I. Lysenko
Polessky State University
Pinsk, Belarus, lysenkodarya09@gmail.com

This paper examines the challenges of literary translation, specifically three key aspects: conveying cultural realities, transforming figurative language, and preserving the author's personal style. Particular attention is paid to the main challenges encountered in literary translation and ways to overcome them through the use of various translation transformations.

Keywords: literary translation, translation transformations, text adaptation.

УДК 81’23

ВЛИЯНИЕ ПРОСМОТРА ИНОСТРАННОГО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА НА УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ЛЕКСИКОЙ ЯЗЫКА

Ю.В. Корженевич, И.А. Горун
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, gorun.94sasd@gmail.com

В данной статье рассматривается способ овладения лексикой иностранного языка через просмотр развлекательных материалов на данном языке. Приводятся аргументы, объясняющие психолингвистическую природу данного способа овладения языком. Анализируется степень эффективности данного метода и его недостатки.

Ключевые слова: развлекательный контент;усвоение языка;непреднамеренное обучение;обучение иностранному языку; иноязычные материалы.

С появлением интернета сфера развлекательного контента получила невообразимый толчок к развитию. В нынешних реалиях, среднестатистический

человек каждый день поглощает продукты развлекательного контента и данный феномен давно был принят как данность. Из-за широкого распространения и принятия по всему миру английский язык получил статус наиболее уместного для создания материалов в интернете, благодаря их доступности для гораздо большей аудитории. Вследствие этогоспектр контента на английском языке выделяется на фоне других большим количеством и качеством. Далеко не всегда ряд медиа-продуктов, пользующийся популярностью в интернете, может быть локализирован и переведен под русскую аудиторию, что может вынудить человека смотреть интересующее его медиа-изделиенаязыке оригинала, заставляя полагаться на его уровень владения языком.

Цель данной статьи – изучить эффективность влияния просмотра англоязычного контента на уровень владения лексикой данного языка.

Р.В. Гурскийпишет, что развлекательный контент – это обыгрывание новости через культурную память читателя (отсылки к искусству, истории или политике), игровой мультимедийный (видео, аудио) или интерактивный (викторины, опросы) контент [1, с. 40]. Другими словами, этоматериал, который имеет специальный вид подачи информации, затрагивающий наиболее знакомые и интересные для потребителя темы, а также материалы, имеющие интерактивный элемент, позволяющий потребителю непосредственно вовлекаться в этот материал.

Наиболее распространенными видами развлекательного контента сегодня являются размещенные в интернет-сети короткие вертикальные видеоролики разнообразной тематики (новостные, юмористические, образовательныевизуальные фрагменты со специальной подачей информации, завлекающей внимание индивида),более длинные по хронометражу видеоматериалы, онлайн-игры и телевизионные передачи.

Согласно результатам исследования «Большая маленькая Россия», проведенномуMediascope (технологичная исследовательская компания, лидер российского рынка медиаисследований, мониторинга рекламы и СМИ), в период февраля 2025 года всреднем человек тратил 4 часа 23 минуты в день на просмотрмедиа, размещенного в интернете [2, с. 2]. Таким образом, при условии просмотра именно иноязычных материалов, человек может проводить до 4 часов в день, находясь в среде иностранного языка, в фоновом режиме накапливая в голове определенный ряд лексических выражений, свойственных той сфере контента, которая является предпочтительной и интересной для индивида.

Данный эффект относится к понятию «incidentallearning» (непреднамеренное обучение). Д.С. Ричард сопределяет процесс непреднамеренного обучения как практику изучения чего-либо без намерения этому научиться, или же непреднамеренное изучение одного материала, происходящее в процессе изучения другого [3, с. 276].

Знаменитый американский лингвист Стивен Крашенв своих работах выделяет такие понятия, как усвоение языка и изучение языка в рамках деятельности субъекта по овладениюиностранныхлексических единиц. *Усвоение языка* – процесс, при котором индивид использует выбранный язык для коммуникации, не принимая во внимание факт непосредственного усваивания данного языка. *Изучение языка* Крашен характеризуеткак «осознанное владение вторым языком, знание правил, их пониманиеи умение говорить о них»[4,с. 10]. Из этого следует, что усвоение языка – есть процесс обучения языку, при котором индивид непосредственно не осознает факта осуществления данной деятельности, в то

время какизучение языка – это конкретнопреднамеренноеовладение индивидом лексикой и правилами данного языка для их правильного употребления, иначе выражаясь – полировка материала, который индивид уже усвоил непреднамеренно. Возвращаясь к основной теме данной статьи, можносопоставить акт деятельности по просмотру индивидом иностранного развлекательного контента, нахождение индивида в данной среде именно с процессом усвоения данного языка по Крашену, при котором субъект непредумышленно усваивает иностранную лексику.

Также следует выделить, что в рамках своей «гипотезы редактора» Крашенприсваивает основную роль в производстве речи именно усвоению языка, в то время как изучение языка выступает как второстепеннаяоперация, приводящая продукты речепроизводства в правильную форму [4, с. 15]. Исходя из данного утверждения, непредумышленное усвоение языка по своей функциональной значимости преобладает над намеренным изучением языка в рамках деятельности по овладению иностранным языком, в своей сути являясь фундаментом речевой составляющей индивида.

В свою очередь,Ч. Апарнавсвоей статье, посвящённой теме непреднамеренного изучения материалов, касающихся сферы лингвистики, утверждает, что, находясь в среде, в которой присутствует осмысленный языковой ввод и множество возможностей для использования языка, человек получает возможность овладеть этим языком даже без прямого намерения к его изучению [5, с. 2]. Иными словами, находясь в среде, в которой субъект на постоянной основе будет осмысленно получать ту или иную информацию на иностранном языке, а также имея беспрерывную необходимость в выражении собственных мыслей через общение на этом языке, индивид может совершенствовать свое владение данным языком, не принимая преднамеренных попыток к его непосредственному изучению.

Однако, в рамках модели Апарны, необходимо отметить недостаток среды иностранных развлекательных материалов – отсутствие необходимости у потребителя предоставлять обратную реакцию на полученную информацию, используя иностранный язык. Другими словами, просматривая иноязычный развлекательный материал, происходит односторонний процесс ее восприятия человеком, в то время как возможность использования изученной лексики индивиду в полной мере не предоставляется.

Глава языковой исследовательской группы ЭлкПетерсв 2018 году провел эксперимент, предметом исследования которого являлась эффективность метода непреднамеренного изучения иностранного языка при помощи просмотра телевизионных программ. Сбор данных для осуществляемого эксперимента проводился в течение трех сессий: в контексте первой сессии участники фиксировали свой уровень знаний до проведения непосредственного эксперимента в форме тестирования на объем словарного запаса, затем, во время второй сессии их распределяли на подгруппы, экпериментуемые просматривали выбранный фрагмент телевизионной программы, после чего им предоставляли анкету о приобретенных языковых знаниях после просмотра программы.Через неделю после второй сессии субъектов эксперимента без предупреждения тестировали на знание целевых предметов [6, с. 15].

В ходе проведения эксперимента было выявлено, что, по сравнению с результатами первого теста, после просмотра часовой телепрограммыв среднем

участники выучили примерно четыре слова, что соответствует относительному приросту знаний в 8% втесте на запоминание значений и почти на 14% в тесте на распознавание значений. Наряду с этим, Петерс выделил закономерность, при которой индивиды с высоким уровнем владения иностранным языком были более восприимчивы к изучению новой лексики используя данный метод, чем лица, чей уровень владения языком был ниже[6, с 26].

Основываясь на вышеуказанных утверждениях, можно резюмировать, что способ изучения иностранного языка через просмотр развлекательного контента непосредственно связан с практикой изучения материала через его непреднамеренное усвоение. Данный методможет принести определенные положительные результаты, однако в сути своей имеет такие недостатки, как:

1) потребность в наличии определенной лексической базы у индивида для использования данного метода и получения удовлетворительного результата;

2)отсутствие непосредственной необходимости у индивида в практике использования выученного материала для его закрепления.

Совокупность вышеуказанных аргументов и результатов исследований позволяет сделать вывод, что метод изучения иностранного языка через просмотр развлекательных материалов имеет реальную способность к увеличению словарного запаса человека, однако в виду множества недостатков не может быть выбран как основной метод изучения иностранного языка, выступая лишь в качестве вспомогательного средства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гурский, Р. В. Оценка уровня взаимодействия аудитории с развлекательным контентом /Р. В. Гурский // Экономические исследования, 2025 – № 1.– 84 с.

2. Честных А. Большая маленькая Россия / А. Честных//Mediascope. Москва, 2025.– URL:https://mediascope.net/upload/iblock/806/62bc19uf64iehj79jdeez36nu1brewrw/Mediascope_DBD_Честных.pdf – (дата обращения: 06.05.2026)

3. Richards J. C. Longman dictionary of language teaching and applied linguistics / J.C. Richards, R. Schmidt // Pearson Education Limited. – Harlow, 2010. – Vol. 4. – 644 p.

4.KrashenS.D. Principles and Practice in Second Language Acquisition/ S. D. Krashen // Pergamon. – Oxford, 1982. – 202 c.

5.Aparna C. The Role of Social Media in Enhancing Incidental Language Learning / C. Aparna// International Journal for Social Studies.– 2025, – Vol. 12,№11.–P. 1-7. – URL: https://zenodo.org/records/17565197 – (дата обращения: 06.05.2026)

6.Peters E. Incidental vocabulary acquisition through viewing L2 television and factors that affect learning / E. Peters, S. Webb // Studies in Second Language Acquisition. – 2018. –Vol. 40, № 3.– P. 1-27.– URL: https://www.researchgate.net/publication/322800603– (дата обращения: 06.05.2026)

THE IMPACT OF WATCHING FOREIGN ENTERTAINMENT CONTENT ON LANGUAGE PROFICIENCY

Y.V. Korzhenevich, I.A. Harun

Polessky State University,

*Pinsk, Republic of Belarus,:*gorun.94sasd@gmail.com

This article examines the method of mastering the vocabulary of foreign language by watching entertainment materialsin this language.The arguments explaining the psycholinguistic nature of this method are given. The efficiency and drawbacks of this methods are analyzed.

Keywords: entertainment content; language acquisition; incidental learning; language learning; foreign language materials.

УДК 81.373.43

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ю.В. Корженевич, К.Г. Мальцева
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, kseniyakf184@gmail.com

В данной статье рассматривается актуальность проблемы перевода англоязычных неологизмов на русский язык в условиях активного использования нейросетей. Анализируются основные приемы перевода и факторы, влияющие на выбор стратегии: тип текста, целевая аудитория.

Ключевые слова: неологизм; перевод; стратегии перевода; искусственный интеллект; переводоведение.

Перевод англоязычных неологизмов – сложная задача, которая остаетсяактуальной и по сегодняшний день. Неологизмы –это новые слова, которые появляются в языке. Основная проблема заключается в том, что в русском языке часто нет прямого соответствия таким словам, и переводчику приходится искать способы передачи их значения без потери культурного контекста. Сегодня эта проблема осложняется тем, чтомногие тексты сначала переводятся искусственным интеллектом, который не всегда понимает культурный контексти может предложить неудачный вариант. В данной статье мы рассмотрим основные стратегии перевода англоязычных неологизмов на русский язык.

По словам Н.В. Федоровой, проблема перевода неологизмов занимает важное место в современном переводоведении, что обусловлено постоянным обновлением словарного состава языка под влиянием социально-политических изменений, развития науки и техники, а также трансформации условий жизни общества [5].

Как отмечает Н.З. Котелова, неологизмы обладают рядом отличительных признаков, а именно: они обозначают новые реалии внеязыковой действительности, воспринимаются носителями языка как новые единицы, могут представлять собой не только новые слова, но и заимствования, а также единицы, не зафиксированные в словарях [2, с. 11].

В современном языкознании под неологизмами понимаютне только совершенно новые слова, но иуже существующие единицы, которыеприобрели новые значения, а такжезаимствования из других языков, которыепостепенно осваиваются в русской речи. Такое широкое понимание позволяет охватить все случаи, когда переводчик сталкивается с лексической единицей, не имеющей прямого соответствия в языке перевода, будь то технический термин, сленговое выражение или слово, обозначающее новое культурное явление.

Как отмечает Д.Г. Васьбиева, актуальность исследования англоязычных неологизмов в контексте их перевода продиктована возникновением новых понятий и лексем в публицистических текстах, многообразие которых обусловливается возросшим интересом СМИ к текущей ситуации в мире. Отражение в массмедийном пространстве новых явлений и необходимость их номинации являются, по сути, основными причинами появления неологизмов, а анализ этих единиц в контексте их перевода с английского на русский язык

позволяет раскрыть возможные способы преодоления трудностей перевода. Автор подчеркивает, что для осуществления адекватного перевода английских неологизмов переводчику важно не только применять соответствующие переводческие приемы, но и обладать фоновыми знаниями с учетом анализа текущей социально-экономической и политической обстановки [1].

В качестве основных приемов перевода неологизмов Д.Г. Васьбиева выделяет транскрипцию и транслитерацию (например, *bleisure* ‘блейжэр’), калькирование (*talentretention* ‘удержание талантов’), поиск эквивалента (*quiethiring* ‘тихий найм’), а также описательный перевод, который особенно эффективен в тех случаях, когда традиционный словарный вариант не отражает актуального значения термина. Так, словосочетание *socialcapital*, дословно переводимое как ‘социальный капитал’, в современном экономическом дискурсе СМИ приобрело новое значение – ‘способность людей работать вместе для достижения общей цели, обмениваться идеями, объединяться в сети и создавать личные контакты’, что требует от переводчика расширенной интерпретации [1].

Помимо перечисленных приемов, переводчики часто прибегают к комбинированным стратегиям, особенно когда речь идет о сложных неологизмах, образованных путем слияния. В таких случаях транскрипция может сочетаться с пояснением в тексте или сноске, что позволяет сохранить лаконичность исходного слова и одновременно донести до читателя его смысл. Например, неологизм *funflation* (от *fun* – ‘веселье’ и *inflation* – ‘инфляция’) может быть передан как ‘фанфляция’ с последующим уточнением: явление, когда люди продолжают активно тратить деньги на развлечения, несмотря на рост цен. В русском языке все более набирает популярность слово *ghosting* – резкое прекращение общения с человеком. К слиянию также можно отнести такие слова, как *frenemy* – ‘друг-враг’, *facepalm* – ‘рука-лицо’.

Важно отметить, что выбор стратегии перевода во многом зависит от типа текста и целевой аудитории. В официальных документах и деловой переписке предпочтение отдается калькированию и поиску устоявшихся эквивалентов, тогда как в публицистике, интернет-коммуникации и рекламе допустимо более свободное обращение с неологизмами, включая транскрипцию и авторское словообразование.

Как отмечают И.Н. Мартынова и А.Н. Соловьёва, перевод английских неологизмов на русский язык в текстах рекламного дискурса представляет собой сложную и ответственную задачу, требующую не только знания языка, но и понимания особенностей маркетинговой коммуникации. Авторы подчеркивают, что при переводе важно сохранять смысловую и стилистическую целостность исходного выражения, поскольку многие неологизмы имеют специфические оттенки значения, которые трудно передать без потери выразительности. Кроме того, они указывают на сложность, связанную с созданием неологизмов путем соединения уже существующих терминов, и приводят в пример термин freelancer – фрилансер (независимый специалист, который работает на себя), который в русском языке приобрел более широкое значение, а также clickbait – кликбейт (интригующий заголовок), не имеющий прямого эквивалента в русском языке [3].

Как отмечает А.А. Тюлькина, неологизмы представляют трудности для понимания и перевода, так как такие слова и значения сложно найти даже в новых словарях. Фактором, препятствующим регистрации неологизмов в словарях, является их временное существование в языке: неологизмы очень быстро

появляются в языке публицистики, науки и техники, поэтому, как подчеркивают авторы, «никакой словарь не может, да и не должен сразу фиксировать их появление» [4].

Таким образом, проведенное исследование показало, что перевод англоязычных неологизмов на русский язык требует от переводчика не только владения основными переводческими приемами, но и учета множества дополнительных факторов: целевой аудитории, культурного контекста и типа текста. Особую сложность представляют неологизмы, не имеющие прямых соответствий в русском языке, а также те, чье значение зафиксировано в словарях лишь частично. В условиях стремительного обновления лексического состава языка и активного использования систем машинного перевода роль переводчика-человека остается безусловно важной, поскольку именно он способен оценить культурные нюансы и выбрать оптимальную стратегию для адекватной передачи смысла.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васьбиева, Д. Г. Специфика перевода англоязычных неологизмов в экономическом дискурсе СМИ / URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perevoda-angloyazychnyh-neologizmov-v-ekonomicheskom-diskurse-smi/viewer (дата обращения: 20.03.2026)

2. Котелова, Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н. З. Котелова. Л.: Наука, 1978. С. 5 –26.

3. Мартынова, И. Н., Соловьёва А. Н. Особенности перевода на русский язык английских неологизмов в текстах рекламного дискурса / URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67795494 (дата обращения: 21.03.2026)

4. Тюлькина, А. А. Особенности перевода неологизмов англоязычных СМИ на русский язык / URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-neologizmov-angloyazychnyh-smi-na-russkiy-yazyk/viewer (дата обращения: 21.03.2026)

5. Федорова, Н. В. Неологизмы и тенденции их словообразования в современном английском языке (на материале текстов СМИ) / URL:https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-i-tendentsii-ih-slovoobrazovaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke-na-materiale-tekstov-smi/viewer (дата обращения: 20.03.2026)

STRATEGIES FOR TRANSLATING ENGLISH-LANGUAGE NEOLOGISMS INTO RUSSIAN

Y.V. Korzhenevich, K.H. Maltsava

Polessky State UniversityPinsk, Republic of Belarus, kseniyakf184@gmail.com

This article examines the relevance of the problem of translating English neologisms into Russian in the context of the active use of neural networks. The main translation techniques and factors influencing the choice of strategy such as text type and target audience are analyzed.

Keywords: neologism; translation; translation strategies; neural network; translation studies

УДК 81’25:004.8

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ СТАТУСА, КОМПЕТЕНЦИЙ И РЫНОЧНОЙ ЦЕННОСТИ ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА ПОД ВЛИЯНИЕМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДОСТУПНЫХ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ю.В. Корженевич, М.В. Петрова
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, Mariannadgek.2005@gmail.com

В статье особое внимание уделяется сохранению ценности человеческого перевода в условиях развития машинного. Исследуются такие аспекты, как постредактирование, преодоление ограничений машинного перевода в области идиоматики и художественного перевода, в юридической, медицинской и маркетинговой сферах.

Ключевые слова: роль переводчика, постредактирование, нейросеть, машинный перевод.

Современный этап развития технологий, связанный с появлением больших языковых моделей и систем генеративного искусственного интеллекта, создает абсолютно новый контекст для профессиональной деятельности переводчика. В связи с этим особую значимость приобретает исследование того, как под воздействием данных технологических факторов меняется восприятие статуса, компетенций и рыночной ценности профессии переводчика.

Как отмечают Е. Г. Фонова и О. А. Шицц в статье, опубликованной в «Вестнике Томского государственного педагогического университета» (2025), «в современных условиях усиления конкуренции на рынке высшего образования, когда слова об исчезновении переводчиков звучат всё настойчивее, а наиболее вероятным преемником называют постредактора машинного перевода, проблема переводоведения оказывается в центре внимания» [5, с. 148].

Однако, стоит отметить, что человеческий фактор остается критически важным при работе со сложными текстами, требующими глубокого понимания культурного контекста и творческого подхода [4, с. 1]. Такой образ мышления задает вектор для анализа трансформации профессии переводчика: речь идёт не о замещении человека машиной, а о перераспределении функций и формировании новых компетенций.

Согласно точке зрения Е. Г. Фоновой и О. А. Шицц, главным показателем эффективности работы постредактора выступает его умение оценить точность перевода, сделанного искусственным интеллектом [5, с. 148]. Это положение можно подтвердить новыми данными из исследования, опубликованного на портале Zenodo (2025), где указывается, что основныепоказатели оценки машинного перевода «не фиксируют культурно-семантические и прагматические расхождения, из-за которых переводчику приходится полностью переписывать сегмент» [1, с. 1].

В статье, опубликованной в JournalofUniversalScienceResearch (2025), Б. Б. Закирова и Ж. Ш. Джумабаева проанализировали процесс изменения личности переводчика в условиях автоматизации. Авторы приходят к выводу, что «несмотря на впечатляющий прогресс, машинный перевод все еще не может полностью заменить человека в сложных и чувствительных к контексту задачах.

Переводчик обладает способностью понимать нюансы языка, интерпретировать идиомы, учитывать культурные особенности и намерения автора» [2, с. 107].

Так, в частности, особые трудности ИИ переводчика возникают при переводе идиом.Рассмотримнесколькопримеров.

«To let the cat out of the bag». Машинный перевод в большинстве случаев будет звучать таким образом: «*Выпустить кота из мешка*». Машинный перевод часто калькирует образ, не передавая переносного значения, что приводит к смысловой неточности или даже комическому эффекту в неподходящем контексте, поэтому адекватный перевод этой фразы: «Выдать секрет» / «Проговориться» / «Сболтнуть лишнее».

При переводе с русского языка на английский, мы наблюдаем такую же проблему. Русская поговорка «Толочь воду в ступе» была переведена искусственным интеллектом слишком буквально: «Tocrushwaterinmortar». Обычно переводчик, работая с поговорками и идиомами, использует эквиваленты другого языка при переводе, в данном случае правильный перевод будет звучать как: *«Toteachapigtosing»* или *«Tobeatadeadhorse».*

На данный момент существует ряд областей, в которых искусственный интеллект не превосходит человеческий интеллект, и поэтому в ближайшем будущем не сможет заменить переводчика-человека. К таким областям исследователи относят художественный перевод (особенно поэзии), перевод с древних языков и средневековой литературы [5, с.149].

Б. Б. Закирова и Ж. Ш. Джумабаева в своем исследовании доказали, что машинный перевод часто сталкивается с трудностями в обработке неоднозначности, юмора, метафор и других фигур речи[2, с. 107]. В качестве подтверждения данного факта приведем сравнительный анализ машинного и человеческого перевода художественных текстов, на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Обратимся к конкретному примеру:*«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!»*(Оригинал М.А. Булгакова). Этот отрывок был переведен на английский язык с использованием нейросети «Deepseak» таким образом: *«Neveraskforanythingever! Never ask for anything, especially from those who are stronger than you. Theywillofferandgiveeverythingthemselves».*

В оригинале мы наблюдаем три ритмически обособленных сегмента, объединенных общей мыслью. В переводе ИИ они превращаются в три изолированных предложения, где теряется интонационная связь. Повтор«*Никогда и ничего*» переданкак*«Neveraskforanythingever»* и*«Neveraskforanything»,* чтоснижает стилистический эффект повтора. Также сама фраза передана дословно без учета философского подтекста (этот монолог Воланда содержит скрытый смысл о гордыне и самостоятельности). Правильный перевод отрывка будет звучать таким образом: *«Neveraskforanythingever! Neveraskforanything!Especiallyfromthosewhoarestrongerthanyou. Theywillofferandgiveeverythingthemselves».*

Помимо сферы художественного перевода, есть и другие сегменты рынка, которые пока слабо поддаются автоматизации. Например, в сферах бытовой техники, машиностроения и смежных направлениях переводы нейросетей почти не востребованы. Согласно данным из исследований 2025 года, ценность человеческого перевода сильно выросла в энергетике, медицине, маркетинге и

юриспруденции. В этих областях ИИ часто ошибается из-за излишнего буквализма или неверного выбора значения слов [3].

Однако, не смотря на существующие ошибки и неточности в переводе, выполненном ИИ, нельзя не отметить важный нюанс, связанный с природой работы нейросетей. При условии предоставления языковой модели развернутых инструкций, содержащих описание методов перевода, разъяснение смысла фразы, указание на стилистические особенности и контекстуальные нюансы, современные нейросети способны выдать результат, сопоставимый по качеству с человеческим. Но все же такая практика требует дополнительных временных затрат (уточнение запросов, проверка и постредактирование), что не соответствует условиям современного рынка, где важна высокая скорость и качество работы. Исходя из этого, важно отметить, что сегодня на рынке появляются новые профессии, такие как редактор машинного перевода и консультант по локализации [3].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что распространение систем искусственного интеллекта не заменяет профессию переводчика, но кардинально трансформирует ее. Под влиянием нейросетей все же меняется восприятие статуса, компетенций и рыночной ценности специалиста: на первый план выходит не владение иностранным языком как таковым, а умение оценивать качество машинного перевода, учитывая культурно-семантические и контекстуальные аспекты текста.

Таким образом, модель «нейросеть + человеческое сопровождение» постепенно становится стандартом отрасли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Актуализированное постредактирование с герменевтическими метриками для машинного вывода // Zenodo. – 2025. – 18 сентября. – URL: https://zenodo.org/records/17149635 (дата обращения: 23.03.2026 г.)

2. Закирова, Б. Б. Личность переводчика в эпоху искусственного интеллекта: трансформация роли и новые вызовы / Б.Б. Закирова, Ж.Ш. Джумабаева //JournalofUniverssalScienceResearch. 2025. – Т. 3, – № 4. – С. 106–112.

3. Рынок переводов находится в кризисе? // Myseldon.com. – 2025. – 10 декабря. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/339120905 (дата обращения: 23.03.2026 г.)

4. Спыну, Л. М. Роль переводчика в эпоху цифровизации: новые требования и компетенции / Л.М. Спыну // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – Выпуск 4. – С. 1.

5. Фонова, Е. Г. К вопросу о профессиональных компетенциях переводчиков в эпоху искусственного интеллекта / Е.Г. Фонова, О.А. Шицц // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2025. - № 1. - С. 148-156.

THE EVOLUTION OF THE PERCEPTION OF THE STATUS, COMPETENCES AND MARKET VALUE OF THE TRANSLATION PROFESSION UNDER THE INFLUENCE OF THE SPREAD OF AVAILABLE ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Y.V. Korzhenevich, M.V. Petrova
Polessky State University
Pinsk, Belarus, Mariannadgek.2005@gmail.com

The article pays special attention to preserving the value of human translation in the context of machine translation development. Such aspects as post-editing, overcoming the limitations of

machine translation in the field of idiomaticsand artistic translation, in the legal, medical and marketing fields are studied.

Keywords: translator's role, post-editing, Artificial Intelligence, machine translation, automation.

УДК 81'255.2:6

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР В ТЕКСТАХ ТЕХНИЧЕСКИХ ИНСТРУКЦИЙ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ю.В. Корженевич, Е.В. Тозик
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, khkhllix@gmail.com

Данная статья посвящена проблемам перевода английских аббревиатур в технических инструкциях на русский язык. Исследуются лексические и грамматические особенности, а также анализируютсяключевыепереводческиестратегиигарантирующие точность и применимость переведенного текста. На примере инструкций по эксплуатации бытовой и промышленной техники определены наиболее распространенные способы передачи аббревиатур: применение русских эквивалентов, создание новых сокращений, транслитерация и описательный перевод. Подчеркивается, что для успешного перевода необходим комплексный анализ и владение профессиональной терминологией.

Ключевые слова:технический перевод; аббревиатуры; инструкции по эксплуатации; английский язык; русский язык; способы перевода.

Качество перевода технической документации напрямую влияет на безопасность использования оборудования, правильность его монтажа и обслуживания. Ошибки в переводе могут повлечь за собой серьезные последствия от поломки оборудования до угрозы жизни и здоровью людей. При этом основной сложностью являются лексические и грамматические аспекты перевода, поскольку требуют от переводчика не только знания языков, но и понимания структурных особенностей между английским и русским языками.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью структурирования подходов к переводу технических инструкций, а также выявления наиболее эффективных переводческих стратегий, обеспечивающих точностьи функциональность итогового варианта текста с учетом лексических и грамматических особенностей обоих языков.

Цель данного исследования - выявить лексические и грамматические особенности технических инструкций по эксплуатации и определить основные способы их перевода с английского языка на русский.

Для достижения поставленной цели прежде всего необходимо уточнить само понятие технический перевод, поскольку именно его сущность определяет характер трудностей, с которыми сталкивается переводчик.

Как отмечает Н.Х. Ахунбабаева, в современном переводоведении под техническим переводом подразумеваютвид специализированного перевода, включающий перевод документов, созданных техническими авторами (руководства пользователя, руководства пользователя и т.д.), или, более конкретно, текстов, относящихся к технологическим предметам или текстов,

направленных на практическое применение научной и технической информации [7, с.64].

К числу основных требованийк переводу научно-технических текстовотносятся: лаконичность, логическая последовательность изложения, а также максимально точная передача содержания при полном отсутствии эмоционально окрашенной лексики, характерной для художественного стиля. Недопустимость произвольного или многозначного толкования выступает обязательным условием такого перевода.

Данные требования во многом обусловлены спецификой научно-технического стиля,к которому принадлежат тексты инструкций. В.Н. Комиссаров выделяет ключевые черты научно-технического стиля: насыщенность информацией, последовательность изложения, точность и беспристрастность. Эти характеристики делают тексты ясными и доступными для понимания. Исследователь подчеркивает, что хотя степень проявления этих особенностей может быть разной, все тексты данного стиля ориентированы на использование языковых инструментов, наиболее эффективных для передачи знаний и идей в научной и технической областях [4,с.109].

Рассматривая лексический состав технических инструкций, можно отметитьтерминологическую системность, использование безэквивалентной лексики и аббревиацию. В данной статье особое внимание будет уделено переводу именно аббревиатур.

В технических инструкциях по эксплуатации аббревиатуры и сокращения используются достаточно широко, что обусловлено стремлением к экономии языковых средств и унификации документации.Как подчеркивает В.В Борисов, «аббревиация - это «одноразовый (без промежуточных ступеней) процесс, в результате которого из знаменательного слова или номинативного словосочетания (являющегося эквивалентом слова) путем опущения некоторых элементов, несущих меньшую информационную нагрузку, образуется новая единица, структурно отличная от исходной, но сохраняющая с нею определенную семантическую связь»[2, с.84].

Прежде чем перейти к анализу инструкций, рассмотрим основные виды сокращений в англоязычном научно-техническом дискурсе. Наиболее распространенными являются буквенные аббревиатуры, которые образуются из начальных букв заменяемых слов (*HDD –HardDiskDrive*, *CPU–CentralProcessingUnit*).

Слоговые сокращения представляют собой начальные слоги слов, записываемые в виде одного слова. Примером такого типа является *intercom*, образованное от intercommunicationи переводимое как «интерком» или «переговорное устройство» Сокращение *pixel*, в свою очередь, является результатом слияния слов *picture*и *element*,и переводится как ‘пиксель’.

Частичные сокращенияобразуются путем отбрасывания части слова. Примером является*lab*, которая представляет собой сокращение от*laboratory*и переводится как ‘лаборатория’. Аналогично, *info*образовано от *information*и означает ‘информация’.

Смешанные сокращения включают в себя комбинацию букв, слогов, цифр и символов.Например, сокращение 3D расшифровывается как *three-dimensional* и переводится как ‘трехмерный’.Сокращение *VoIP*, означает *Voice over Internet Protocol*, и переводится как ‘передача голоса по интернет-протоколу’.

При этом перевод аббревиатурой предполагает наличие или создание соответствующего сокращения в языке перевода. В случаях, когда в языке перевода существует прямое сокращение-эквивалент, оно ииспользуется. Например,*WTO*расшифровывается как *WorldTradeOrganization* и переводится как ‘ВТО’. Аббревиатура *OPEC*, обозначающая *Organizationofthepetroleumexportingcountries*, соответствует русскому сокращению‘ОПЕК’.

В тех случаях, когда в языке перевода отсутствует сокращение-эквивалент, применяется полная, развернутая форма. Таким образом аббревиатура *TV*, обозначающая *television*, переводится ‘телевидение’. Аббревиатура *PhD*, которая расшифровывается как *DoctorofPhilosophy*, переводится как ‘доктор философии’.

Транскрипция либо же транслитерация сокращений характерны для обозначенных аббревиатурами имен собственных. Например, *BMW*произносится как‘Бэ-Эм-Вэ’, а *MIT*как ‘Эм-Ай-Ти’. Латинские сокращения, которые при произношении заменяются английскими словами, так же подвергаются адаптации. Например, латинское сокращение *ca.*,то есть*circa*, произносится как*approximately*. Сокращение *P.S*, расшифровывается как*postscriptum*, произносится как *postscript*[1, с.191].

Рассмотрев основные виды сокращений, перейдем к непосредственному их анализу.Материалом для нашего исследования послужили инструкции по эксплуатации бытовой и промышленной техники (Bosch, LG, Apple, VITEK), из которых было отобрано и проанализировано 52примера.

Анализ показал, что наиболее частым способом перевода английских аббревиатур является использование их общепринятых русских эквивалентов. Такой подход эффективен, когда для конкретной аббревиатуры уже сформировалось устойчивое терминологическое соответствие в русском языке.Например,аббревиатура*LED*, то есть *Light EmittingDiode*, переводится как *‘*светодиод*’*.Аббревиатура*LCD*,а именно *Liquid Crystal Display*, переводится как*‘*жидкокристаллический дисплей*’*.

На втором месте по частоте встречаемости находится метод формирования русскоязычных аббревиатур. Этот подход используется в случаях, когда для переведенного термина уже существует общепринятое сокращение в русском языке.Например, английская аббревиатура*UPS* расшифровывается как*Uninterruptible Power Supply* и переводится на русский языка как ‘*ИБП*’, то есть ‘источник бесперебойного питания’. Аббревиатура *AC*, обозначающая*Alternating Current*, соответствует русскому термину ‘переменный ток’.

При переводе часто сохранялись английские аббревиатуры, сопровождаемые пояснением при первом упоминании. Такой подход типичен для интернациональных аббревиатур, широко распространённых в русскоязычной технической литературе. Например, *Wi-Fi* сохраняется как ‘*Wi-Fi*’ со следующимпояснением ‘беспроводная сеть’. Аббревиатура *GPS* переводится как ‘*GPS’* с уточнением *‘*глобальная система позиционирования’.

Реже всего в материале встречался описательный перевод аббревиатур. Этот способ перевода применяется в тех случаях, когда ни один из вышеперечисленных приемов не позволяет достичь адекватной передачи смысла, а также при первом упоминании сложных специализированных сокращений, не имеющих устоявшихся соответствий в русском языке. Например, в инструкции к микроволновой печи VITEK аббревиатура *PWM*, то

есть *'PulseWidthModulation'* переводится как *'*широтно-импульсная модуляция*'* со следующим пояснением *'*метод управления мощностью нагрузки*'*.

Подводя итог, можно отметить, что эффективный перевод аббревиатур в технических инструкциях строится на комбинации различных приемов, среди которых выделяется приоритет частотности использования сокращения в профессиональной среде и наличием или отсутствием его закрепленного аналога в русском языке. Это предполагает многоаспектный анализ, сочетающий глубокое знание в профессиональной области, понимание структурно-семантических особенностей сокращений и умение применять разнообразные переводческие трансформации, выбор которых зависит от степени освоенности аббревиатуры в русском языке и ее сложности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Астрейко, А. В. Письменный перевод (первый иностранный язык) : учеб.-метод. Комплекс для студентов специальностей 1-23 01 02 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (по направлениям)», 6-05-0231-03 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (по направлениям)» / А. В. Астрейко ; УО «Полесский государственный университет». – Пинск :ПолесГУ, 2023. – 442 с.

2. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов ; под ред. Проф. А. Д. Швейцера. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.

3. Комарова, З. И. К вопросу о понятии «термин» в современной лингвистике / З. И. Комарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5 (83). – С. 1–4.

4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. Иностр. Яз. / В. Н. Комиссаров. – М. :Высш. Шк., 1990. – 253 с.

5. Познакомьтесь с вашим MacBook Pro [Электронный ресурс] // Руководство пользователя MacBook Pro / Apple Inc. – URL: https://www.fotosklad.ru/upload/iblock/7c9/d218facc5bec54763b3cdda3a1eb8789.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

6. Встраиваемая микроволновая печь [Электронный ресурс] / VITEK. – URL: https://www.fotosklad.ru/upload/iblock/7c9/d218facc5bec54763b3cdda3a1eb8789.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

7. Axunbabayeva, N. Translation as a Balance of Art and Science / N. Axunbabayeva, N. Yunusova // Научно-технический журнал Наманганского инженерно-технологического института. – Namangan, 2021. – № 64. – P. 64–67.

PECULIARITIES OF TRANSLATING ABBREVIATIONS IN TECHNICAL INSTRUCTION MANUALS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Y.V. Korzhenevich, E.V.Tozik
Polessky State University
Pinsk, Belarus, khkhllix@gmail.com

This article is devoted to the problems of translating English abbreviations in technical instructions into Russian. It examines lexical and grammatical peculiarities, as well as analyzes key translation strategies that guarantee the accuracy and applicability of the translated text. Based on examples from instruction manuals for household and industrial equipment, the most common methods of rendering abbreviations are identified: the use of Russian equivalents, the creation of new abbreviations, transliteration, and descriptive translation. It is emphasized that successful translation requires comprehensive analysis and mastery of professional terminology.

Keywords: technical translation; abbreviations; instruction manuals; English language; Russian language; translation methods.

УДК 659.1:339.138

VISUAL COMMUNICATION IN MERCHANDISING

A.A. Kulikova, K.V. Kaisheva
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
Saint Petersburg, Russian Federation
Firefox227@yandex.ru, Kajshevakv@suitd.ru

The article considers merchandising as a form of visual communication in retail space. It examines how product display, zoning, navigation, promotional messages and store design shape consumer perception and influence purchase decisions. The article shows that merchandising has both commercial and communicative functions, as it structures the interaction between the product, the brand and the consumer. The findings may be useful for studies in communication theory and marketing.

Keywords: visual communication; merchandising; communicative function; consumer behavior; advertising; marketing.

The contemporary retail sector operates in an environment characterized by intense competition, digitalization and changing consumer expectations. In these conditions, retail enterprises need tools that not only present products, but also organize communication with consumers at the point of purchase. Merchandising is one of such tools, since it uses product display, store layout, navigation and promotional messages to guide consumer attention and influence purchase decisions.

Within a company's marketing strategy, merchandising performs a communicative function. The retail space becomes a system of signs in which products, shelves, colours, price tags, advertising materials and spatial organization transmit information to the consumer. In this sense, merchandising should be considered not only as a method of sales stimulation, but also as a form of visual communication between the product, the brand and the customer.

The relevance of this study is determined by the transformation of merchandising from a simple tool of product presentation into a complex system of communication in retail space. Modern merchandising is based on consumer behavior analysis, visual perception, spatial organization and digital technologies. Its effectiveness depends on how clearly and convincingly the retail environment communicates with the consumer.

The purpose of this article is to examine merchandising as a form of visual communication in retail space. To achieve this purpose, the article considers the communicative role of merchandising, analyses its main visual tools and proposes indicators for assessing its effectiveness.

Merchandising as a Form of Retail Communication

Merchandising as a management practice emerged in the United States in the mid-twentieth century, when self-service retail formats became widespread. As the role of sales personnel in influencing consumer choice decreased, the organization of retail space and the visual presentation of goods became increasingly important [1, p. 733].

Contemporary research does not provide a single universal definition of merchandising. From a marketing perspective, it is viewed as a tool for product promotion at the point of sale. From a managerial perspective, it is understood as a system for organizing retail space and monitoring sales performance. From a psychological perspective, merchandising is associated with the influence of visual stimuli on consumer perception and behavior.

Philip Kotler defined merchandising as the art and science of presenting goods in a way that facilitates consumer choice and increases sales volume. According to E. Golubkov, merchandising serves as a linking element between the manufacturer, intermediary and consumer [1, p. 735-736]. In the context of communication theory, this linking function is especially important, because merchandising creates a channel through which the product and brand address the consumer without direct verbal contact.

Merchandising can therefore be defined as a system of organizational, visual and communicative measures aimed at structuring retail space, guiding consumer attention and supporting purchase decisions. It combines economic and communicative goals. On the one hand, it helps increase sales efficiency and on the other hand, it shapes the customer's interpretation of the product range and the store environment. The core functions of merchandising are presented in fig. 1.

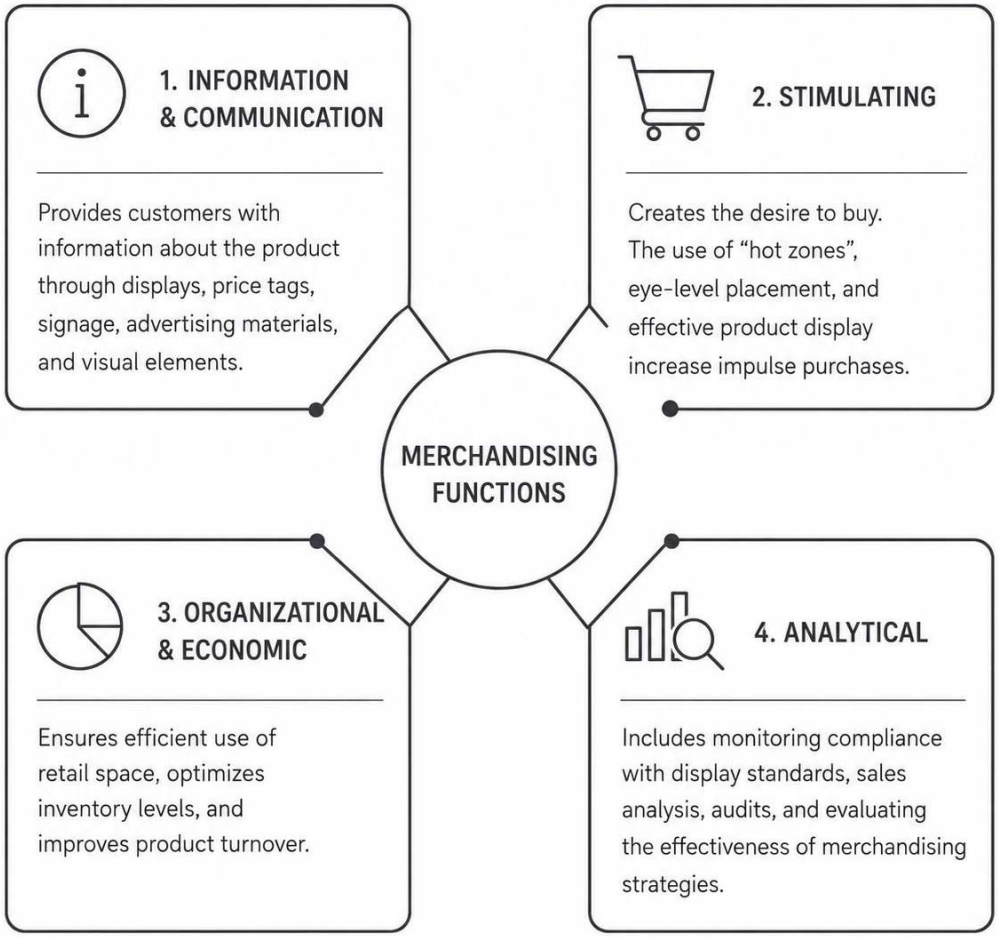


Fig. 1. – Core Functions of Merchandising

The diagram shows that merchandising informs, motivates, organizes and analyses. The informative function is connected with product presentation, price communication and navigation. The motivational function is related to visual stimuli that encourage purchase. The organizational function structures the movement of customers through the retail space. The analytical function makes it possible to evaluate how consumers respond to different visual and spatial solutions.

Thus, merchandising may be interpreted as an important element of retail communication. It helps the customer understand the product offer, navigate the store and make a purchase decision. At the same time, it allows the retailer to manage the meaning and attractiveness of the retail environment.

Visual Tools of Merchandising

The merchandising system includes a set of tools that make the retail space more functional, readable and attractive for consumers. These tools organize the customer's route, highlight product categories and create conditions for interaction with goods. From the communicative point of view, the store layout functions as a visual text that the consumer reads while moving through the sales floor.

One of the central elements of this system is the layout of the sales floor. The way the space is organized influences the movement of customers, their involvement in the selection process and their perception of the product range. Modern stores usually include main aisles, promotional zones, seasonal product areas and checkout zones. Placing high-demand products along the main customer pathways increases their visibility and supports more effective communication with the buyer.

Product display also plays a significant role. The arrangement of goods on shelves and racks creates the first impression of the assortment and influences which products receive the greatest attention. Studies of consumer behavior show that a properly organized display can increase sales of certain product categories without reducing prices [4].. The main methods of product display are shown in fig. 2.

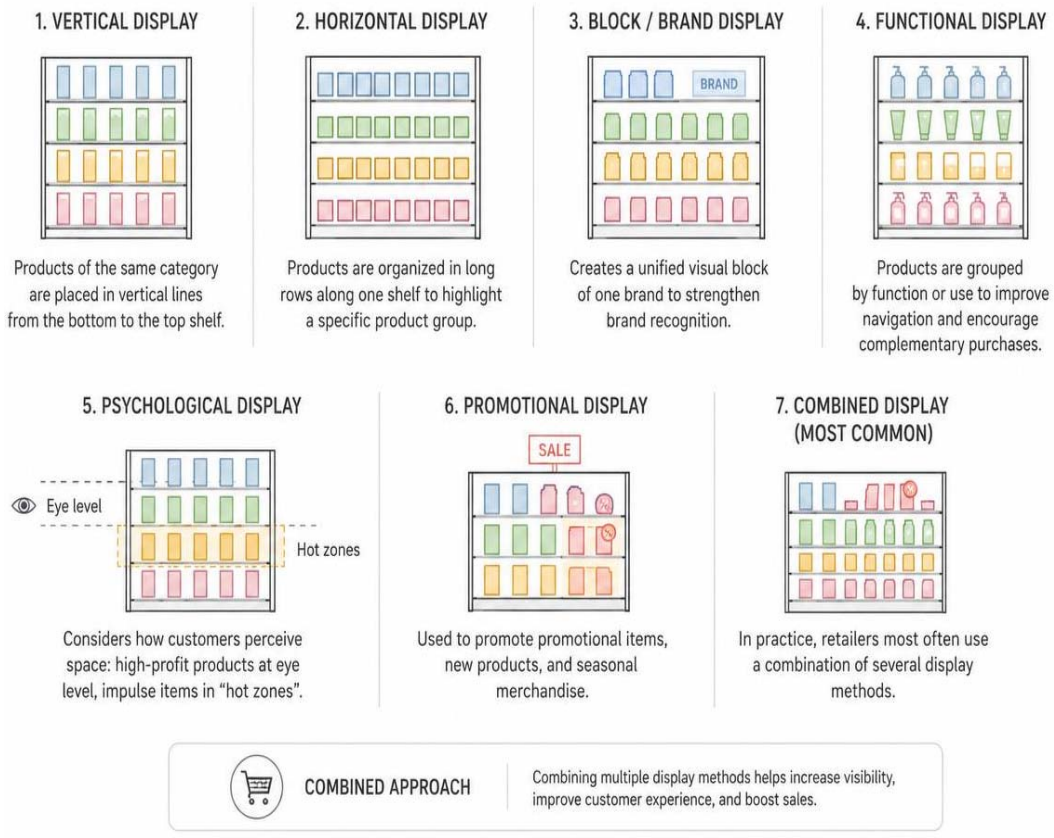


Fig. 2. – Basic Methods of Merchandising

The figure presents several display strategies used in retail communication [4]. Vertical display arranges products of the same category from the bottom to the top

shelf. This creates a clear structure and makes product search more intuitive. Horizontal display places products in long rows on one shelf and helps emphasize a particular product group. Block display forms a unified space for one brand and strengthens brand recognition. Functional display groups goods according to their use and supports bundled purchases. Psychological layout is based on the logic of visual perception: more profitable products are usually placed at eye level, while impulse purchases are stimulated in so-called hot zones. Accent display draws attention to promotional goods, new arrivals and seasonal offers.

In practice, retail enterprises often combine several display methods. Their communicative effect depends on how easily the customer understands the logic of the space and how clearly the store directs attention to priority products.

Planograms are another important tool of merchandising. A planogram is a detailed product placement scheme that standardizes display, optimizes shelf space and helps monitor product turnover [2, p. 281]. From the point of view of visual communication, planograms make the retail environment more structured and predictable. They allow the retailer to create a stable system of product presentation across different stores.

Modern merchandising increasingly uses digital technologies and analytics. Video surveillance systems, heat maps and traffic analysis help identify the most attractive zones of the store and adapt product placement to consumer behavior. These tools make it possible to study not only what customers buy, but also how they move, where they stop and which visual elements attract their attention.

Consequently, merchandising should be understood as a system that combines spatial organization, visual presentation and consumer behavior analysis. Its task is not limited to the attractive arrangement of goods. It also creates a communicative environment that helps the customer interpret the product offer and make a decision.

Communicative Effectiveness of Merchandising

The effectiveness of merchandising can be assessed not only through sales results, but also through the quality of communication between the retail environment and the consumer. A successful merchandising strategy should make the store space clear, visually coherent and easy to interpret. In this sense, merchandising effectiveness depends on whether the customer understands the product offer, can easily navigate the sales floor and receives a persuasive visual message at the point of purchase.

The assessment of merchandising may include economic, behavioral and spatial indicators. Economic indicators show whether visual and spatial decisions contribute to commercial results. These include product turnover rate, average transaction value and sales growth. Product turnover rate indicates how quickly products are sold and replenished. Average transaction value shows whether product placement, promotional zones and complementary displays encourage customers to buy additional items.

Behavioral indicators are particularly important for evaluating merchandising as a communicative system. They reflect how customers respond to the store environment. These indicators include the share of impulse purchases, average time spent in-store and customer satisfaction. If customers spend more time in the store, respond to promotional displays and evaluate the shopping experience positively, this may indicate that the retail space communicates effectively with them.

Spatial indicators reflect the clarity and logic of the sales floor organization. They help evaluate whether product categories are placed consistently, whether navigation is understandable and whether visual accents guide customer attention. In this respect, merchandising can be evaluated as a system of visual signs that structures the

customer's movement and supports purchase decision-making. The key indicators for assessing merchandising effectiveness are presented in table 1 [5].

Table – Indicators for Assessing Merchandising Effectiveness

Indicator	Description	Method	Purpose
Product turnover rate	The speed at which products are sold and replenished.	Analysis of sales records and inventory data.	To determine how quickly merchandise moves through the retail space and how efficiently inventory is managed.
Average transaction value	The average amount spent by a customer in one purchase.	Calculation of total sales revenue divided by the number of transactions.	To assess how effectively merchandising influences the size of each purchase.
Share of impulse purchases	The proportion of purchases made without prior intention and influenced by product display or promotional placement.	Analysis of purchase data, customer surveys or comparison with control groups.	To evaluate the effectiveness of visual stimuli, hot zones and promotional displays.
Average time spent in-store	The average amount of time a customer spends in the retail space.	Tracking customer movement through observation, sensors or digital analytics.	To assess the attractiveness of the retail environment and the convenience of navigation.
Customer satisfaction level	The customer's overall evaluation of the store visit and purchasing process.	Surveys, feedback forms and customer satisfaction scores.	To identify how merchandising affects customer experience, loyalty and repeat visits.

The indicators presented in table 1 make it possible to assess merchandising as both a commercial and communicative system. Each indicator reflects a particular aspect of customer interaction with the retail space and shows how visual and spatial decisions influence perception, orientation and purchase behavior.

Product turnover rate is connected with the visibility and accessibility of goods. If products are quickly sold and regularly replenished, this may indicate that their placement corresponds to customer needs and supports effective communication between the product and the buyer.

Average transaction value shows how merchandising influences the structure of the purchase. Clear product grouping, promotional zones and complementary displays may encourage customers to notice related goods and include them in the purchase.

Impulse purchases are especially important for evaluating the persuasive power of merchandising. An increase in unplanned purchases may indicate that visual accents, hot zones and promotional displays successfully attract attention and stimulate immediate response [3].

Average time spent in-store reflects the convenience of navigation and the attractiveness of the retail environment. If customers stay longer in the sales floor, this may suggest that the space is comfortable, readable and engaging.

Customer satisfaction reflects the overall communicative quality of the store environment. A high level of satisfaction shows that customers understand the store layout, perceive the product offer positively and experience fewer difficulties during the purchasing process.

The analysis of these indicators demonstrates that merchandising effectiveness cannot be reduced only to sales growth. It should also be evaluated through the clarity of visual messages, the convenience of navigation and the extent to which the retail space supports communication between the brand, the product and the consumer.

Conclusion. The study has shown that merchandising is an important form of visual communication in retail space. It organizes the interaction between the product, the brand and the consumer through store layout, product display, navigation, promotional materials and spatial design.

Merchandising performs several communicative functions. It informs the customer about the product offer, directs attention to priority goods, supports orientation in the store and influences purchase decisions. Therefore, it should be considered not only as a marketing tool, but also as a communicative system that structures consumer perception.

The main tools of merchandising include sales floor planning, display methods, zoning, planograms and digital analytics. Their combined use makes retail space more understandable, visually coherent and commercially effective. In modern retail, these tools help create a customer experience in which communication takes place not only through words, but also through visual and spatial signs.

The effectiveness of this system should be assessed through economic, behavioral and spatial indicators, since they show how successfully the retail environment communicates with consumers.

Further research may focus on the intercultural aspects of visual communication in merchandising, including the perception of colour, promotional messages, spatial organization and product display in different cultural contexts. This direction is especially relevant for international retail companies that need to adapt their communicative strategies to diverse consumer audiences.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гулиева, А. Ш. Сущность мерчандайзинга и роль мерчандайзинга в коммерческой деятельности / А. Ш. Гулиева, Н. В. Минаева, А. Ю. Фукс // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. – 2022. – № 38. – С. 732-737.

2. Гутникова, О. Н. Формы реализации мерчандайзинга в торговле / О. Н. Гутникова, Е. В. Гришина // Энигма. – 2019. – № 10-1. – С. 277-282.

3. Дьяконова, С. Н. Мерчандайзинг как инновационный способ продвижения товаров к потребителю / С. Н. Дьяконова, Е. А. Шарапова, А. В. Воротынцева // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 44-49.
4. Сизова, Д. А. Мерчандайзинг как элемент конкурентоспособности торговой компании современности / Д. А. Сизова, Т. В. Сизова, Н. А. Волобуев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 2, № 3(135). – С. 194-200.
5. Суворова, С. Д. Преимущества использования цифрового маркетинга при установлении коммуникаций с потребителями / С. Д. Суворова, О. М. Куликова // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2023. – № 4(40). – С. 31-36.

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МЕРЧАНДАЙЗИНГЕ

А.А. Куликова, К.В. Кайшева
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, Firefox227@yandex.ru, Kajshevakv@suitd.ru

В статье рассматривается мерчандайзинг как форма визуальной коммуникации в торговом пространстве. Анализируется влияние выкладки товаров, зонирования, навигации, рекламных сообщений и оформления торгового зала на восприятие покупателя и принятие решения о покупке. Показано, что мерчандайзинг выполняет не только коммерческую, но и коммуникативную функцию, поскольку организует взаимодействие между товаром, брендом и потребителем. Результаты исследования могут быть использованы при изучении теории коммуникации и маркетинга.
Ключевые слова: визуальная коммуникация; мерчандайзинг; коммуникативная функция; покупательское поведение; реклама; маркетинг.

УДК 37:004(536.2)

TRANSFORMATION OF MEDIA DESIGN AND DIGITAL LITERACY IN UAE EDUCATIONAL POLICY

K.V. Kaisheva, A. Yu. Lemesheva
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia, Lemesheva.AY.836@suitd.ru

The article analyses the transformation of media design and digital literacy in UAE educational policy in the context of the transition from traditional media to digital learning. The methodology is based on an analytical review of sources on digital educational environments, media literacy, adaptive learning and educational technologies. The results show that UAE educational policy is focused on the development of smart educational ecosystems, AI-based platforms, educational content visualization and digital competencies. The article concludes that international cooperation between Russia and the UAE is promising in the fields of educational technologies, digital media communications and academic mobility.
Keywords: digital literacy; media design; educational policy; UAE; educational technologies; international cooperation.

Introduction. In recent decades, the United Arab Emirates has moved from a resource-based economy towards an innovation-oriented development model. Technological transformation has become one of the key factors shaping this process. Within this framework, national policy increasingly places emphasis on technology-

mediated instruction, content design and competencies required for participation in a digital economy [15].

As of 2024, internet access reached 99 percent of the population, social media usage amounted to 112 percent of the total population, and mobile connectivity surpassed 219 percent [6]. In addition, the country scored 97.5 out of 100 on the ICT Development Index [9]. The UAE technology market continues to expand due to investment in infrastructure and education-oriented platforms [12]. The development of metaverse education reflects increasing interest in immersive formats [14], while the improvement of the Digital Quality of Life Index between 2021 and 2025 provides further evidence of the country's broader advancement [13].

Against this background, media design and digital literacy acquire particular significance in the transformation of academic communication. They support visual content creation, interaction with platform-based environments and the development of competencies required for technology-mediated education.

The aim of the article is to identify the main directions in the transformation of media design and digital literacy in the UAE. The article draws on academic, statistical and policy sources. Academic publications were selected from a corpus of 840 English-language open access publications indexed in Scopus. The search was limited to sources with "UAE" in the title and to the subject areas of arts and humanities, business, management and accounting, and social sciences. The statistical and analytical basis includes materials by Statista and the World Bank. Strategic documents like UAE Vision 2021 were used to analyse the educational agenda of the UAE.

Digital Educational Environment of the UAE

The digital educational environment of the UAE has developed as part of a national strategy aimed at strengthening innovation capacity. UAE Vision 2021 and Centennial 2071 define education, technological modernization and human capital development as important components of long-term national growth [16]. Digital education is understood as a smart learning ecosystem based on adaptive platforms, cloud services and personalized learning pathways.

Universities play a pivotal role in this transformation. Khalifa University and the United Arab Emirates University integrate data science, artificial intelligence and digital pedagogy into educational programs [11]. Virtual and augmented learning are increasingly discussed as tools for training and student engagement in engineering, medical and creative education [14].

One of the significant examples of adaptive digital education in the UAE is the Adaptive Learning Framework Alef, implemented in public schools. The platform uses learning analytics to support students' progress [4]. Existing studies indicate that such systems may contribute to learner autonomy, although their effectiveness also depends on interface quality and teacher support.

The COVID-19 pandemic accelerated the transition to large-scale distance learning [1]. However, the experience of remote education also showed that successful digital learning requires more than access to platforms. Studies of electronic learning in UAE universities confirm that academic achievement is associated with structured interaction between students, teachers and learning content [3]. Therefore, digital education should be understood as a communicative and pedagogical system in which visual interfaces and interactive content directly influence the educational experience.

Media Design and Digital Communication in Education

In the digital educational environment, media design functions as a means of organizing visual, interactive and multimodal communication. It includes educational interfaces, content visualization, multimedia materials and digital storytelling. In the UAE, the growing role of educational platforms increases the importance of media design.

Visual communication and user-oriented interface design are crucial for online and blended learning. Educational institutions increasingly use multimedia formats to make complex information more accessible [8]. Visual tools structure information, guide attention and support comprehension rather than merely decorate. Accordingly, media design becomes part of digital pedagogy.

Social media platforms and storytelling also influence educational practice. They allow students to create media products and develop communication skills through digital content production. Research on the Arab digital generation shows that UAE students confidently use digital technologies for communication and information search, but may experience difficulties with advanced academic content creation and critical evaluation of information [5].

University media laboratories and creative studios serve as spaces where educational technologies, design practice and professional communication intersect [7]. In such environments, students can work on digital campaigns, multimedia projects and interface prototypes. Artificial intelligence tools add another layer to this process, changing the way educational and professional content is produced [2]. Therefore, media design in education should be considered as a field shaped by artificial intelligence and digital communication ethics.

Digital and Media Literacy as Professional Competencies

Digital and media literacy in the UAE educational context are becoming professional competencies required for learning and communication. National educational reforms support the integration of digital citizenship into educational programs [17]. Digital literacy includes technical skills, critical thinking, ethical responsibility and the ability to work with complex information flows.

Media literacy is vital in the context of social media and generated materials. Educational initiatives in this area focus on source verification, responsible online behaviour, critical analysis of media texts and recognition of misinformation. This competency area is directly connected with media design, since digital content creation requires an understanding of audience, context, credibility and visual persuasion.

Empirical studies indicate that students often possess strong operational skills, such as accessing and sharing information, but may face difficulties in critical and creative work with sources [5]. This suggests that students need to develop the ability to design ethical and accessible content.

Artificial intelligence further complicates the structure of literacy. Automated verification systems are becoming part of journalism, education and professional communication [2]. As a result, students need to understand how generated content is produced, how it may distort information and how it should be critically evaluated. In this regard, competence may be viewed as technical, critical and ethical readiness [3].

International Cooperation between Russia and the UAE

The development of the UAE learning ecosystem creates potential opportunities for international cooperation between Russia and the UAE in education and academic exchange. Both countries demonstrate interest in technological transformation and

professional training, which provides a basis for joint research and teaching initiatives [10].

Promising areas of cooperation include joint platforms and research programs in media design and digital education. It may be especially relevant where education and creative industries intersect. Joint studios and university-based innovation centres could support student projects in media design and intercultural interaction [18].

Academic mobility and joint programs may also strengthen cooperation between Russian and UAE universities [1]. In addition, the UAE may be considered as a potential platform for testing Russian-language educational products for multilingual audiences in the Middle East and North Africa.

Cooperation between Russia and the UAE in this field should be understood as the development of shared academic practices. Media design and digital literacy may become applied areas where academic interaction contributes to new formats of professional training.

Conclusion. The transformation of media design and digital literacy in UAE educational policy reflects the transition from traditional academic communication to technology-mediated ecosystems. This shift is associated with intelligent platforms, immersive technologies and new approaches to instructional content.

The significance of media design lies in its role in creating clear visual communication and user-centred environments. Digital literacy contributes to this process by developing students' critical evaluation, ethical communication and AI-related skills.

The UAE learning ecosystem creates opportunities for international cooperation between Russia and the UAE in education, media communication and academic exchange. Further research may compare media design and digital literacy programs and assess opportunities for cooperation with UAE higher education institutions in joint courses, academic mobility and project-based learning.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Al-Blooshi, S., Al-Marzouqi, A. Russian-Emirati educational cooperation: Opportunities in the digital age // International Journal of Educational Development. – 2024. – Vol. 108. – Article 103045.

2. Al Adwan, M. N., El Hajji, M., Fayez, H. Future anxiety among media professionals and its relationship to utilizing artificial intelligence techniques: The case of Egypt, France, and UAE // Online Journal of Communication and Media Technologies. – 2024. – Vol. 14, № 2. – e202425.

3. Abulibdeh, E. S., Syed Hassan, S. S. E-learning interactions, information technology self efficacy and student achievement at the University of Sharjah, UAE // Australasian Journal of Educational Technology. – 2011. – Vol. 27, № 6. – P. 1014–1025.

4. Emara, N., Ali, N., Abu Khurma, O. Adaptive Learning Framework (Alef) in UAE public schools from the parents' perspective // Social Sciences. – 2023. – Vol. 12, № 5. – Article 297.

5. Alaleeli, S., Alnajjar, A. The Arab digital generation's engagement with technology: The case of high school students in the UAE // Journal of Technology and Science Education. – 2020. – Vol. 10, № 1. – P. 159–178.

6. DataReportal. Digital 2024: United Arab Emirates. – Global Digital Insights, 2024.

7. Dubai Knowledge Park. Annual Report 2023–2024. – Dubai: DKP Authority, 2024.

8. Hassan, S., Khan, M. Media literacy and digital competencies in Gulf education systems: A systematic review // International Journal of Educational Research. – 2024. – Vol. 123. – P. 102–118.

9. International Telecommunication Union. ICT Development Index 2024. – Geneva: ITU, 2024.
10. Ivanov, D., Dolgui, A. Digital transformation of education: Global trends and regional specifics // Educational Research Review. – 2024. – Vol. 42. – Article 100589.
11. Khalifa University. Digital Learning Strategy 2025. – Abu Dhabi: KU Press, 2023.
12. Statista. Digital market in the United Arab Emirates – Statistics & Facts. – Hamburg, Germany: Statista, 2025. – URL: https://www.statista.com/topics/7201/digital-market-in-the-united-arab-emirates/ (date accessed: 10.05.2026).
13. Statista. Digital Quality of Life Index for UAE from 2021 to 2025. – Hamburg, Germany: Statista, 2025. – URL: https://www.statista.com/statistics/1421848/uae-digital-quality-of-life-index/ (date accessed: 10.05.2026).
14. Statista Market Insights. Metaverse Education – United Arab Emirates. – Hamburg, Germany: Statista, 2025. – URL: https://www.statista.com/outlook/amo/metaverse/metaverse-education/united-arab-emirates (date accessed: 10.05.2026).
15. UAE Government. UAE Vision 2021: National Agenda. – URL: https://uaevision.ae (date accessed: 10.05.2026).
16. UAE Government. We the UAE 2031 and Centennial 2071. – Abu Dhabi: UAE Cabinet, 2023.
17. UNESCO. AI and Education: Guidance for Policy-makers. – Paris: UNESCO Publishing, 2024.
18. United Arab Emirates University. Strategic Research Plan: Digital Transformation and Innovation. – Al Ain: UAEU Publications, 2024.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИА-ДИЗАЙНА И ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ОАЭ

К.В. Кайшева, А.О. Лемешева
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Россия, Lemesheva.AY.836@suitd.ru

В статье анализируется трансформация медиа-дизайна и цифровой грамотности в образовательной политике ОАЭ в контексте перехода от традиционных медиа к цифровому обучению. Методологическую основу составил аналитический обзор источников по цифровой образовательной среде, медиаграмотности, адаптивному обучению и образовательным технологиям. В результате установлено, что образовательная политика ОАЭ ориентирована на развитие интеллектуальных образовательных экосистем, платформ на основе искусственного интеллекта, визуализации учебного контента и цифровых компетенций. Сделан вывод о перспективности международного сотрудничества России и ОАЭ в области образовательных технологий, цифровых медиакоммуникаций и академической мобильности.

Ключевые слова: цифровая грамотность; медиа-дизайн; образовательная политика; ОАЭ; образовательные технологии; международное сотрудничество.

УДК 81-119

ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С.Г. Липская
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия, ss.lipskaya@gmail.com

В статье представлен обзор современных научных исследований последних лет, рассматривающих языковую интерференцию. Цель работы – систематизировать актуальные подходы к изучению данного явления, обозначить ключевые проблемы и определить перспективные направления для дальнейшего исследования данной темы.

Ключевые слова: языковая интерференция, билингвизм, языковые контакты, межкультурная коммуникация, интерференционные ошибки.

Языковое взаимодействие, затрагивающее различные аспекты языковых систем, является предметом пристального внимания исследователей-лингвистов уже продолжительное время. Интерес к явлению языковой интерференции возник в конце XIX – начале XX столетий благодаря работам И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы [4, 14]. Они заложили фундамент контактной лингвистики, продемонстрировав на эмпирических данных, что постоянное взаимодействие языков закономерно ведет к изменению их устоявшихся норм. В середине XX века, благодаря трудам таких ученых, как У. Вайнрайх, Э. Хауген, В.Ю. Розенцвейг и других, интерференция оформилась как самостоятельная область научного исследования [5, 10, 12]. Согласно классическому определению У. Вайнрайха интерференция представляет собой «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают языков больше, чем один» [5, с. 25].

Несмотря на продолжительный период изучения, в последние годы вопросы языковой интерференции приобрели особую значимость. Современные процессы глобализации, активные миграционные потоки, повсеместное распространение цифровых технологий в общении и рост многоязычия превращают интерференцию из теоретического интереса в насущную практическую проблему. Понимание механизмов ее действия влияет на эффективность обучения иностранным языкам, качество перевода и успешность межкультурного взаимодействия.

Актуальность обзора источников последних лет обусловлена, прежде всего, необходимостью понимания аспектов изучения явления языковой интерференции, его комплексного исследования с учетом сформированной теоретической базы для последующего эмпирического анализа, в частности, грамматической интерференции в условиях межкультурной двуязычной среды. Представленная работа создает предпосылки для выработки подхода к анализу и коррекции грамматической интерференции в межкультурной среде, объединяющей теоретические типологии практические рекомендации для преподавания и перевода

Материалы и методы обзора

В рамках данного исследования проведен анализ научных трудов, опубликованных в российских рецензируемых журналах в период с 2022 по 2025 год. Поиск материалов осуществлялся по ключевым словам: «языковая

интерференция», "грамматическая интерференция", "интерференционные ошибки", "билингвизм" и "языковые контакты", с использованием ресурсов открытых электронных библиотек, включая elibrary.ru и CyberLeninka. Общий массив отобранных для изучения публикаций, соответствующих теме и временным рамкам исследования, составил 9 статей. Проанализированные статьи охватывают разнообразные исследовательские области от интерференции на разных языковых уровнях до вопросов ее роли в условиях многоязычия и в цифровой среде, наряду с вопросами терминологии и методологии.

Основные направления современных исследований (2022–2025)

Анализ публикаций за период с 2022 по 2025 позволяет выделить несколько основных проблем, вокруг которых концентрируются актуальные исследования языковой интерференции.

На первом плане находится проблема грамматической интерференции и типологических трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся. Ключевым вопросом является определение конкретных грамматических категорий, провоцирующих систематические ошибки у носителей различных языков, и установление связи между этими ошибками и типологическими расхождениями.

Е.А. Аввакумова и Н.В. Сергиенко на материале письменных работ американских студентов (уровень B1) выявили основные синтаксические ошибки, обусловленные переносом английских структур: отсутствие глагола-связки (*Я сильнее человек*), калькирование порядка слов в отрицаниях (*Есть нет лёда*), неправильное построение придаточных цели (*Пошли найти дом*), ошибки в косвенной речи и кратких ответах с «да» и «нет» [2]. В результате, представлен перечень наиболее распространенных случаев синтаксических интерференций. Исследователи подчеркивают, что для каждого этапа обучения требуется разработка и внедрение упражнений, основанных на сопоставительном анализе.

В ходе исследования, проведённого З.М. Аббасом и Т.В. Самосенковой в 2024 году, были опрошены 27 англоговорящих студентов подготовительного факультета (уровень владения русским – B1) [1]. Полученные данные показали, что система падежей русского языка признаётся наиболее трудным аспектом: 88,9% участников оценили грамматику как чрезвычайно сложную, причём все они указали именно падежи. Таким образом, количественно подтверждено, что падежная система является главным источником интерференции для носителей английского языка. В качестве рекомендации авторы предлагают увеличить объём времени, отводимого на изучение падежей на начальном этапе, а также активнее привлекать онлайн-ресурсы, позволяющие автоматически корректировать ошибки.

А.А. Щелокова на примере студентов из Китая продемонстрировала, что фундаментальное различие между русским и китайским языками заключается в приоритете морфологической формы в русском (обязательные флексии) в противовес синтаксической позиции в китайском (где морфология факультативна) [13]. Типичной ошибкой становится отказ от формообразования: например, *На нашей улице много киоски* вместо *много киосков*. Описанная интерференция, имеющая национально-специфический характер, обусловлена отсутствием в китайском языке категорий рода, числа и падежа. В качестве перспективы автор указывает необходимость разработки этноориентированных учебных пособий, в которых грамматические явления вводятся через контрастивный анализ с опорой на родной язык учащихся.

Следующим актуальным направлением исследований является фонетическая и лексико-семантическая интерференция. В своем исследовании, основанном на анализе французского языка, используемого в Республике Конго, А.Ш.П. Акони выявил, что воздействие языков банту, в которых отсутствуют центральные гласные [y], [ø], [œ] и [ə], вызывает путаницу между звуками [3]. К примеру, слово *débiter* может употребляться вместо *débuter*, а *peur* – вместо *père*. Кроме того, стирается разница между артиклями le [lə] и les [le]. В области лексики и значений зафиксированы смысловые трансформации: например, выражение *foula-foula*, происходящее из языка киконго и означающее ‘быстро сморкаться’, в конголезском французском обозначает ‘маршрутное такси’. Таким образом, доказано, что языковая интерференция больше не сводится лишь к акценту, а приводит к смысловым искажениям и формированию местных вариантов языка. В дальнейшем автор предлагает продолжать изучение звуковых и смысловых изменений в условиях многоязычия, рассматривая их как маркеры культурной идентичности.

Проблема асимметрии при межъязыковом переносе вызывает активные споры: степень влияния одного языка на другой варьируется в зависимости от того, какой из них является родным, а какой из них осваивается как второй.

Д.А. Федюнина провела сравнительный анализ речи двух публичных личностей – носителя английского языка, использующего испанский (Бекки Джи), и носителя испанского, говорящего по-английски (Кароль Джи) [11]. В ходе исследования была обнаружена заметная асимметрия: у носителя испанского языка регулярно возникали ошибки грамматического характера (например, фраза *That people is everything* – буквальный перенос из испанского, где слово *gente* стоит в единственном числе), лексические кальки (вместо *make music* он говорил *do music*), а также фонетические нарушения (в частности, смягчённое произнесение звука /l/). В то же время у носителя английского языка признаки интерференции почти не наблюдались. Из этого следует, что проявление языкового переноса напрямую связано с конкретной парой языков и тем, какой из них является исходно родным. В перспективе изучение асимметрии в разных языковых сочетаниях может существенно изменить подходы к прогнозированию типичных ошибок и разработке эффективных методик обучения.

Одной из центральных трудностей в данной тематике является терминологическая неопределенность, то есть отсутствие единого определения границ интерференции и ее разграничения со смежными явлениями (заимствования, перенос, трансференция).

Т.С. Мозоль отмечает: «несмотря на важность данного явления, среди ученых нет единого мнения относительно того, что можно считать интерференцией и чем интерференция отличается от других смежных понятий» [8, с. 35]. В своей публикации она предлагает социокогнитивную модель, понимая интерференцию как «трансфер, распространение и трансформацию структур знаний» при переходе из одного социума в другой [9]. В результате, акцент смещается с механического переноса в сторону когнитивных и социокультурных процессов. Автор рассматривает в перспективе будущих исследований создание динамических, коннекционистских моделей интерференции.

М.А. Колесниченко предлагает разделить интерференцию (негативное влияние родного языка) и трансференции (позитивное влияние, опирающееся на типологическое сходство) [7]. В условиях межъязыкового общения термин

«трансференция» выглядит более уместным, так как лишен негативной оценки. В результате исследования, автор вносит определенность в терминологический аппарат и в перспективе предлагает внедрить понятие трансференции в методику преподавания для акцента на положительном переносе.

Л.В. Гриченко приходит к заключению, что современные исследования переключаются с констатации ошибок на разработку упражнений, ориентированных на конкретный этноязыковой контекст [6]. Основными когнитивными механизмами выступают сопоставление, установление аналогий, сравнение и выявление несовпадений. Таким образом, сформулирован принцип учета различий в языковых и культурных картинах мира как обязательного условия предотвращения интерференции. Автор предлагает создать системы упражнений, сочетающих когнитивный и этноориентированный подходы.

Заключение

Проведенный анализ научных работ последних лет подтверждает, что тема языковой интерференции сохраняет свою значимость, а её исследование приобретает все более выраженный междисциплинарный характер, объединяя лингвистические, когнитивные, социокультурные и методические подходы. В центре внимания учёных остаются вопросы проявления интерференции на различных языковых уровнях, чёткое разграничение смежных понятий, а также асимметрия интерференции в разных языковых парах. Среди наиболее перспективных подходов исследователи отмечают применение когнитивных и нейролингвистических методов, разработку динамических моделей, описывающих механизмы интерференции, использование технологий машинного обучения для автоматического выявления и исправления ошибок, а также создание этноориентированных учебных материалов.

Представленный обзор позволил расширить теоретическую основу для анализа эмпирического материала, основанного на грамматической интерференции в межкультурной среде. В частности, методы анализа ошибок и количественной оценки типичных трудностей, характерных для англоговорящих обучающихся, представленные в работах Е.А. Аввакумовой и Н.В. Сергиенко, а также З.М. Аббас, Т.В. Самосенковой [1, 2] имеют важное значение для проведения практического анализа. Кроме того, исследования, посвящённые асимметрии интерференции Д.А Федюниной и этноориентированному подходу Л.В Гриченко и А.А. Щелоковой позволили обосновать необходимость учитывать не только стандартный английский, но и такие его варианты, как индийский английский, а также влияние многоязычной среды на процесс усвоения языка [6, 11, 13]. Наконец, обобщение перспективных направлений легло в основу формулирования практических рекомендаций и создания комплекса упражнений, нацеленных на предупреждение и исправление интерферентных ошибок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аббас, З.М. Влияние освоения граматических падежей русского языка на разговорные навыки и коммуникацию англоговорящих студентов / З.М. Аббас, Т.В. Самосенкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 11. – С. 64–68.

2. Аввакумова, Е.А. Грамматические трудности англоговорящих при изучении русского языка как иностранного / Е.А. Аввакумова, Н.В. Сергиенко // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 4 (95). – С. 50–54.

3. Акони, А.Ш.П. Интерференция как условие возникновения языковых изменений во французском языке Конго / А.Ш.П. Акони // Лингвистика и образование. – 2025. – Т. 5. – № 4. – С. 85–95.

4. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Опыт фонетики резьянских говоров / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 112–168.

5. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 25–60.

6. Гриченко, Л.В. Языковая интерференция и интерференционные ошибки при изучении иностранного языка / Л.В. Гриченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 95. – № 6. – С. 101–106.

7. Колесниченко, М.А. К вопросу об интерференции и трансференции в теории языковых контактов / М.А. Колесниченко // Язык и культура. – 2025. – № 4. – С. 183–188.

8. Мозоль, Т.С. К определению понятия «языковая интерференция» в современной лингвистике / Т.С. Мозоль // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 11. – С. 35.

9. Мозоль, Т.С. Лингвистическая интерференция как передача социокогнитивных структур / Т.С. Мозоль // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 4. – С. 56–63.

10. Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, 1972. – 80 с.

11. Федюнина, Д.А. Явление лингвистической интерференции (на материале речи Бекки Джи и Кароль Джи) / Д.А. Федюнина // Филология: научные исследования. – 2025. – № 12. – DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77076.

12. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61–80.

13. Щелокова, А.А. Интерференция как лингвистическая основа формирования ошибок (на примере речи китайцев) / А.А. Щелокова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 4. – С. 159–164.

14. Щерба, Л.В. О понятии смешения языков / Л.В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – Т. 1. – С. 40–53.

THE PHENOMENON OF LANGUAGE INTERFERENCE IN MODERN RESEARCH

S.G. Lipskaya

Yugra State University

Khanty-Mansiysk, Russia, ss.lipskaya@gmail.com

This study aims to trace how the understanding of language interference has evolved from foundational works to modern research, systematize existing concepts and typologies, identify key issues, and determine promising directions for further investigation of this topic.

Keywords: language interference, bilingualism, language contacts, intercultural communication, interference errors.

УДК 811.133

WORD-FORMATION CHARACTERISTICS OF ENGLISH ECONOMIC NETWORK NEOLOGISMS

Y.V. Malchenko, A.D. Savonchyk, O.F. Jilevich
Polessky State University
Pinsk, Belarus, jilevitch@gmail.com

This article investigates the word-formation characteristics of economic network neologisms, focusing on their structural and morphological patterns. The study examines a corpus of recent lexical units collected from specialized economic online media. The analysis identifies the most productive word-formation mechanisms, including blending, affixation, compounding, conversion, and abbreviation. Special attention is given to the role of analogy and metaphorical extension in coining new terms. The findings reveal a predominance of synthetic and analogical models, reflecting the dynamic and interdisciplinary nature of the economic network sphere.

Keywords: economic network neologisms, word-formation, blending, affixation, compounding, abbreviation, English economic discourse, digital economy terminology, neology, terminological innovation.

Economic discourse represents a special type of institutional discourse, characterized as an integral set of individual communicative acts on economic topics. This type of discourse has been analyzed in the works of K. Tomashevskaya, E. Ilchenko, E. Lut, Yu. Stepanova, T.A. Evtusheva, N.A. Kovalskaya, and other researchers. The purpose of economic discourse is to inform the population about the state of the economy, to shape a certain attitude towards various changes, as well as to prompt action.

Modern economic neologisms demonstrate a diverse range of word-formation models, serving as effective tools for naming increasingly complex concepts. Analyzing its structure allows us to understand how a language assembles new units and to identify patterns typical for specific languages [1, p. 340].

The word-formation system of any language, including modern English, is in a state of constant evolution. Changes occur in the system of word construction affixes, the productivity and activity of using word construction models change, the frequency of using words created according to these models changes, and new meanings appear in traditional methods of word formation.

Aim of the article is to identify, classify, and analyze the predominant word-formation mechanisms used in the creation of English economic network neologisms, and to determine the regularities and productivity patterns of these mechanisms within modern economic discourse.

In the course of this study, 44 neologisms were selected to analyze their formation methods.

Biohacking. Formed by attaching the prefix “bio-“ to the stem “hacking”. This neologism is a product of affixation. *Biohacking techniques can help individuals optimize their health and performance (The Guardian, 21.04.2026) [4]*.

VR – shortened form of *virtual reality*. The neologism is formed by abbreviation. *VR is being used in training programs to simulate real-world scenarios (The Economist, 09.04.2022) [5]*.

Networth. The word is formed by joining the particle ”net“ and the word ”worth“. *The billionaire's net worth is estimated to be over $100 billion (The Guardian, 20.09.25) [4]*.

Demonetisation. The neologism is formed by attaching the prefix ”de-“ to the stem ”monetization“. This neologism is formed by affixation. *Demonetisation revolution hits firms and workers as cash runs out, but now they are braced for the next stage – making all salary payments digital (The Times, 04.04.2026) [2]*.

Stagflation. The neologism is formed by joining the words ”stagnation“ and ”inflation“. *The country is facing stagflation, with high inflation rates and stagnant economic growth (The Financial Times, 12.11.2025) [3]*.

Nanotechnology. The neologism is formed by attaching the prefix ”nano-“ to the stem ”technology“. This neologism is formed by affixation. *Nanotechnology is revolutionizing the field of medicine by enabling targeted drug delivery (The Times, 22.07.2025) [2]*.

Regtech. The neologism is formed by joining shortened forms of the words ”regulation“ and ”technology“. *Many financial institutions are investing in Regtech to ensure compliance with the latest regulations (The Guardian, 01.04.2026) [4]*.

Econometrics. The neologism is formed by joining the words ”economics“ and ”statistics“. *Econometrics is a powerful tool for analyzing economic data and making predictions about future trends (The Times, 02.01.2026) [2]*.

Stockmarket. The term is formed by joining the words ”stock“ and ”market“. *The stockmarket experienced a surge in volatility following the recent economic downturn (The Financial Times, 13.02.2026) [6]*.

To leverage. Transition of the noun ”leverage“ into a verb. This neologism is formed by conversion. *Banks now leverage AI algorithms to detect fraudulent transactions in real-time (The Financial Times, 09.07.2025) [3]*.

Bondmarket. The neologism is formed by joining the words ”bond“ and ”market“. *The bondmarket is closely watched by investors as a gauge of interest rates and economic sentiment (The Times, 20.10.2025) [2]*.

Insurtech. The term is formed by joining shortened forms of the words ”insurance“ and ”technology“. *Insurtech startups are revolutionizing the insurance industry with innovative products and digital solutions (The Economist, 20.07.2025) [5]*.

Bitcoin. The word is formed by adding the particle ”bit“ to the word ”coin“. *More businesses are beginning to accept Bitcoin as a form of payment for their goods and services (The Economist, 19.09.2025) [5]*.

Data fracking. The term is formed by joining the words ”data“ and ”fracking“. *Data fracking involves extracting valuable information from large datasets (The Times, 26.01.2026) [2]*.

To crowdsource. Transition of the noun ”crowdsourcing“ into a verb. This neologism is formed by conversion. *Companies now crowdsource market research through social media platforms (The Financial Times, 19.11.2025) [3]*.

Hedgefund. The neologism is formed by joining the words ”hedge“ and ”fund“. *Hedgefunds often employ sophisticated investment strategies to generate high returns for their investors (The Times, 06.11.2025) [2]*.

Vacation bank. The neologism is formed by joining the words ”vacation“ and ”bank“. *The company's generous vacation bank policy allows employees to accumulate funds for future use, providing a financial cushion in case of unexpected expenses (The Financial Times, 04.05.2025) [3]*.

To benchmark. Transition of the noun ”benchmark“ into a verb. This neologism is formed by conversion. *Investment firms benchmark their performance against the FTSE 100 index (The Financial Times, 29.08.2025) [3]*.

AI – shortened form of *Artificial Intelligence*. The neologism is formed by abbreviation. *The company is investing heavily in AI to improve its customer service (The Times, 04.11.2025) [2]*.

Guanxi – a word from the Chinese language, meaning a system of connections and influence in business. The word is formed by borrowing. *Building strong guanxi is crucial for successfully doing business (The Times, 20.11.2025) [2]*.

NFT – stands for *Non-fungible Token*. The neologism is formed by abbreviation. *The company purchased an NFT of a digital artwork for a substantial amount (The Guardian, 27.09.2025) [4]*.

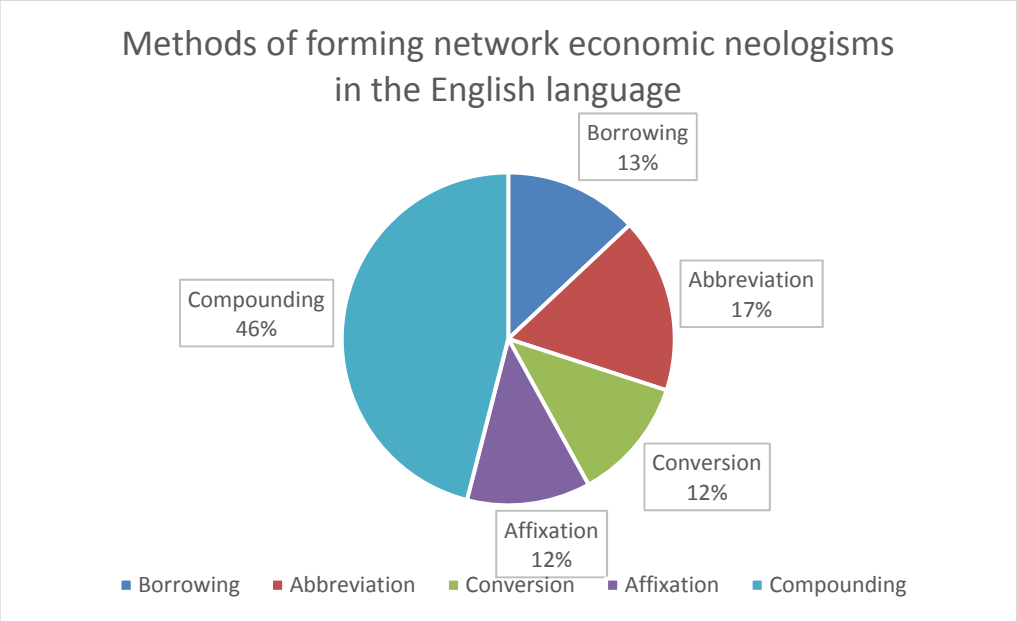
Bailout – a word from the Dutch language, denotes financial assistance to prevent bankruptcy. The word is formed by borrowing. *The government provided a significant bailout to the struggling airline industry to prevent massive layoffs (The Times, 25.11.2025) [2]*.

Zaibatsu – a word from the Japanese language. It is used to describe powerful business conglomerates. The word is formed by borrowing. *The government's decision to break up the zaibatsu led to significant economic restructuring (The Financial Times, 07.07.2025) [3]*.

WFH – shortened form of *work from home*. The neologism is formed by abbreviation. *Since the pandemic, many employees have been given the option to WFH (The Economist, 10.07.2025) [5]*.

To summarize, compounding is the most common and productive method of neologism formation in the economic sphere (11 out of 24). Within the array of the neologisms studied, new economic realities, as well as new forms of financial relations, were reflected.

The results of the analysis of word-formation characteristics of neologisms are given in Appendix.



App. – Predominant word-formation mechanisms in English economic network neologisms

Source: own development

The analysis shows that compounding is the most productive mechanism for forming English economic network neologisms, accounting for 11 out of 44 cases (e.g., networth, stagflation, stockmarket, data fracking, vacation bank). This reflects the need to combine two independent concepts into a single, semantically rich term.

Affixation (prefixation and suffixation) is the second most frequent method, exemplified by biohacking, demonetisation, nanotechnology. Prefixes like bio-, de-, nano- actively contribute to terminological expansion in economic discourse.

Abbreviations (VR, AI, NFT, WFH) and borrowings (guanxi, bailout, zaibatsu) serve to introduce concise or culturally loaded terms. Their presence indicates the globalized and tech-driven nature of modern economic communication.

Conversion (e.g., to leverage, to crowdsource, to benchmark) allows nouns to function as verbs, enriching the language with dynamic expressions of economic actions without adding new morphemes.

The studied neologisms capture emerging phenomena such as digital finance (bitcoin, insurtech, regtech), remote work (WFH), data exploitation (data fracking), and economic crises (stagflation, demonetisation). This confirms that word-formation patterns are closely tied to socio-economic changes.

While compounding is quantitatively dominant, other models (affixation, abbreviation, conversion, borrowing) each contribute unique structural and semantic features, demonstrating the multi-faceted nature of English economic terminology.

Understanding these word-formation regularities aids lexicographers, translators, and ESP instructors in predicting and interpreting new economic terms, as well as in teaching English for finance and business.

These conclusions align with the stated aim of identifying and classifying predominant word-formation mechanisms in English economic network neologisms.

REFERENCES

1. Жилевич, О. Ф. Неологизмы в английском экономическом дискурсе: функционирование и особенности перевода / О. Ф. Жилевич // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы [Электронное издание] : сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Ярославль, 17-18 мая 2024 г. / Ярославский государственный технический университет, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого ; ред. кол.: И. Н. Пузенко, Н. Н. Гавриленко, Н. А. Шумакова [и др.]. - Ярославль : ЯГТУ, 2024. - С. 339-345. - 1 CD-ROM.

2. The Times. – 2025-2026. – URL: https://www.thetimes.com (дата обращения: 17.04.2025).

3. The Financial Times. – 2025-2026. – URL: https://www.ft.com (дата обращения: 20.04.2025).

4. The Guardian. – 2025-2026. – URL: https://www.theguardian.com (дата обращения: 22.04.2025).

5. The Economist. – 2025-2026. – URL: https://www.economist.com (дата обращения: 19.04.2025).

УДК 81

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И СИСТЕМОЙ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СМИ

Ю.А. Марчик, К.А. Черник, О.Ф. Жилевич
Полесский государственный университет
Пинск, республика Беларусь
marchiikjulya@gmail.com, kseniyachernik667@gmail.com, jilevitch@gmail.com

В данной статье исследованы возможности и проблемы искусственного интеллекта как средства для перевода идиом в текстах экономического дискурса в СМИ. В качестве практического материала были исследованы 20 идиоматических выражений из заголовков и текстов англоязычных экономических изданий, по результатам анализа которых подведены выводы о степени достоверности ИИ-перевода и предложен оптимальный вариант сотрудничества человека и ИИ в переводческом процессе. Полученные данные имеют практическую значимость для переводческой деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинный перевод, идиоматические выражения, экономический дискурс, постредактирование, компьютерная лингвистика, адекватность перевода.

С появлением искусственного интеллекта в профессиональной деятельности человека, возросла потребность во внедрении нейронного машинного перевода в переводческую сферу для упрощения процесса интерпретации текстов разной направленности с исходного языка (далее — ИЯ) на язык перевода (далее — ПЯ). Особенно это касается институтов СМИ экономической сферы для ускоренной адаптации новостной статьи под широкую целевую аудиторию. Однако идиоматические выражения остаются одной из основных трудностей для перевода даже с учётом использования алгоритмов языковой модели нейросети за счёт следующих проблем: некорректная интерпретация значения идиомы, возможное искажение стилистики текста, отсутствие анализа контекста для более правильной передачи семантики выражения в рамках статьи.

Актуальность исследования данной темы обуславливается насыщенностью употребления идиоматических выражений в экономическом дискурсе в рамках СМИ (рассматриваются онлайн-журналы «The Economist», «Bloomberg», «CNBC»). В статьях они выполняют функцию выражения эмоциональной оценки, привлечение внимания целевой аудитории через адаптацию сложных для восприятия экономических процессов к более бытовому уровню. Также идиомы служат в статье как средство упрощения строгой стилистики текста, присущей экономическому дискурсу. Соответственно, внедрение машинного перевода обуславливает рост спроса на его использование при интерпретации текстов и идиоматических выражений в контексте, для чего переводчику необходимо понимать возможности и тонкости работы искусственного интеллекта.

Цель исследования — определить специфику перевода идиоматических выражений искусственным интеллектом в рамках экономического дискурса, выявить возможные проблемы данного процесса и найти оптимальное решения для упрощения работы переводчика. Задачи исследования — проанализировать функционирование идиом в текстах экономической направленности, сопоставить

машинный и профессиональный перевод, классифицировать возможные ошибки при переводе с помощью искусственного интеллекта, выявить оптимальные способы для минимизации проблем.

Степень изученности данной темы является недостаточной, поэтому на текущий момент она активно исследуется в рамках компьютерной лингвистики, но фрагментарно. Например, в статье «Automatic Evaluation and Analysis of Idioms in Neutral Machine Translation» под авторством C. Baziotis, P. Mathur, E. Hasler рассматривается проблема интерпретации идиом нейросетевыми моделями машинного перевода даже с учётом их эволюции и приводятся методы решения данной проблемы. Также проблематику машинного перевода в целом рассматривали такие лингвисты, как Ю. Н. Марчук, Й. Бар-Хиллер и другие. Соответственно, комплексный анализ специфики машинного перевода идиоматических выражений в контексте экономического дискурса является научной новизной.

В качестве материалов исследования предложим 20 различных идиом из текстов и заголовков различных англоязычных экономических статей и выявим статистику достоверности перевода их ИИ. Источниками избранных материалов стали «The Economist», «Bloomberg», «CNBC» и др., в тексте и/или заголовках которых было обнаружено использование идиоматических выражений. Процесс машинного перевода был осуществлён с помощью онлайн-переводчиков Yandex Translate, Reverso, а также генеративных предобученных трансформеров (далее – GPT) Deepseek, Qwen, Chat Smith.

Использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) при переводе материалов СМИ давно покинуло границы развлекательных статей, где погрешность или ошибка не повлекут за собой значимых последствий. После осознания вероятной достоверности ИИ в переводе, человек доверил ему для перевода материалы таких областей, где ложный перевод глобально губителен: исследование Lokalise (2025) демонстрирует, что в финансовом секторе использование ИИ-перевода выросло на 700% в период 2023-2024 гг., при этом доля переводов, выполняемых исключительно человеком, сократилась с 67,7% до 35,8% [1]; а в корпоративном сегменте уже две трети всего объёма переводов выполняются с использованием ИИ [5]. Кажущийся пережитым риск доверения ИИ корпоративных и финансовых документов перекрывает опасения по поводу внедрения ИИ в перевод материалов СМИ. Однако общенеучитываемые риски стоят внимания: качество перевода идиом напрямую зависит от репрезентативности и специализации обучающих ИИ корпусов; а экономический дискурс характеризуется высокой частотностью узкоспециализированной фразеологии, которая недостаточно представлена в общедоступных параллельных корпусах, используемых для обучения NMT-моделей и, более того, общеразвиваемых GPT [4]. Это приводит к доминированию стратегий калькирования и парафраза вместо поиска функциональных эквивалентов. Кроме того, для ИИ не нова проблема «суждения»: основное ограничение заключается не в языковой генерации, а в отсутствии скопос-ориентированного [6, с. 142] редакционного сознания: модели не способны принимать стратегические решения (опущение, замена, адаптация и др.), основанные на коммуникативной цели, целевой аудитории и жанровых конвенциях экономического текста, что приводит к следующему: ИИ-системы достигают лишь ~50% адекватности по сравнению с профессиональными переводчиками при работе с бизнес-идиомами [2, p. 5],

включающими и идиомы в экономическом дискурсе. Дополнительным ограничением становится техническая неэффективности ИИ при массовом переводе идиом: системы могут корректно обрабатывать изолированные выражения, но демонстрируют деградацию качества при работе с контекстуализированными примерами [3, p. 259]. Это указывает на недостаточную интеграцию дискурсивного уровня анализа в архитектуру современных моделей.

В подтверждение/опровержение представленной информации о низкой эффективности ИИ в переводе идиом в материалах экономических СМИ проведём исследование, результаты которого отразим в таблице. Его методы базируются на сопоставительно-сравнительном анализе машинного и профессионального переводов. Оценка адекватности перевода складывается из критериев, предложенных В. Н. Комиссаровым: соответствие норме эквивалентности, жанрово-стилистической норме и прагматической норме (то есть получение одинаковой реакции от иноязычной аудитории и аудитории носителей языка) [7, с. 45].

Таблица – Анализ и соотношение вариантов машинного перевода идиом

Идиома	Значение	Варианты машинного перевода	Оценка машинного перевода
Investors have come to see private markets as a cash cow.	Что-либо приносящее хороший доход	Chat Smith и Qwen предложили перевод «источник стабильного дохода» (описательный перевод), что является наиболее удачным вариантом; Deepseek поставил в скобки эквивалент на ПЯ «дойная корова», пояснив в скобках вариант описательного перевода, что частично верно, но в экономическом дискурсе использование идиомы является стилистическим несоответствием; остальные переводчики остались с дословным переводом, что является грубой ошибкой.	DeepSeek: +- Qwen: + Chat Smith: + Yandex T.: - Reverso: -
Citigroup Inc.'s wealth chief says the equity **bull market...**	**Bull market** — период на фондовом рынке, когда цены на акции стабильно растут	«Бычий рынок» в экономике уже является заимствованным общеупотребительным выражением, однако для экономических статей, адресованных более широкой аудитории, необходимо использовать описательный перевод — «рынок с тенденцией на повышение» (данный вариант предложен Reverso, остальные источники переведи дословно).	DeepSeek: - Qwen: - Chat Smith: - Yandex T.: - Reverso: +-

...still has "**some room to run**" as the Wall Street giant is luring record inflows from rich clients this year.	**Room to run** — 1) возможность действовать без ограничений; 2) Развитие чего-либо (в экономике)	Qwen и Deepseek предложили лучший вариант перевода: «потенциал для роста», который является наиболее адаптированным как семантически, так и стилистически. Yandex предложил аналог «есть куда расти», однако это является стилистической неточность, ровно как и вариант «пространство для роста» от Chat Smith и Reverso, который частично является семантической ошибкой в том числе.	DeepSeek: + Qwen: + Chat Smith: - Yandex T.: - Reverso: -
The economy is growing, although **in fits and starts.**	Неравномерно скачками	В данном случае все источники примкнули в варианту «рывками», что соответствует значению, но является стилистической ошибкой; наилучший адаптированный перевод — «неравномерно».	DeepSeek: - Qwen: - Chat Smith: - Yandex T.: - Reverso: -
White Elephant or a Game Changer?	Дорогой, но бесполезный актив	Chat Smith предлагает вариант «обременительная обуза»: распознана идиома, но неверно передан смысл; более того, допущен плеоназм. Qwen переводит идиому как «дорогой, но бесполезный актив» (описательный перевод), что является единственно верным вариантом. DeepSeek и NMT —дословный перевод.	DeepSeek: - Qwen: + Chat Smith: - Yandex T.: - Reverso: -
Cutting costs or **cutting corners**? How tightening GM budgets can backfire in the long run	Идти по самому дешёвому пути, экономить в ущерб качеству	DeepSeek и Qwen предоставили вариант «работа спустя рукава» (неполный аналог), не полностью раскрывающим значение; Chat Smith предложил калькирование, Reverso - вариант «экономия», яндекс - «обход препятствий», где последнее особо неприемлемо: был распознан непрямой смысл фразы, но при этом полностью неверно передано значение.	DeepSeek: +- Qwen: +- Chat Smith: - Yandex T.: - Reverso: +-
Making **Blue Chip** Economic Indicators and **Blue Chip** Financial Forecasts synonymous	С солидной репутацией	«Первоэшелонные», «ведущие», «первоклассные» (описательный перевод) – таков верный перевод от представителей GPT. Yandex полностью калькировал идиому, а реверсо и вовсе оставил «Blue Chip» без каких либо трансформаций.	DeepSeek: + Qwen: + Chat Smith: + Yandex T.: - Reverso: -
Economic Revival or **Dead Cat Bounce**?	Кратковременное восстановление цены актива после сильного	Несравненно лучшим образом справился DeepSeek с вариантом «ложная надежда» (описательный перевод) в контексте упоминаемого «экономического возрождения» перед идиомой, избежав лишнего распространения описания значения. Qwen переводит идиому как «временный, неустойчивый рост после	DeepSeek: + Qwen: + Chat Smith: +- Yandex T.: - Reverso: -

	падения, не означающее разворота тренда	падения», что является наиболее достоверным вариантом, однако перегруженным для заголовка СМИ. Chat Smith предлагает перевод «эффект мертвой кошки» (калькирование; опущение; добавление), что имеет место быть при условии, что читатель осведомлён о таком явлении без дополнительных описаний. Yandex старался лаконично передать идиому как «отскок от мертвой точки», но такой перевод недостаточен для понимания настоящего значения идиомы. Reverso же калькирует: «откат умершей кошки».	
Such «**hand-to-mouth**» households do not display higher growth in spending	Едва сводить концы с концами	GPT преставляют перевод «живушие от зарплаты до зарплаты»(аналог), что приемлемо, но не настолько эмоционально насыщенно. Yandex использует насыщенное «впроголодь», вызывающее больший эмоциональный отклик, что необходимо для СМИ. Reverso калькирует.	DeepSeek: +- Qwen: +- Chat Smith: +- Yandex T.: +- Reverso: -

Приведение вышепредставленного анализа приводит к подтверждению наличия ранее описанной проблемы. Нами было выяснено, что, учитывая информацию из таблицы 1, ИИ является недостаточно самостоятельным источником осуществления перевода материалов экономических СМИ, так как после себя требует 90% постредактирования человеком, а 65% и вовсе полной замены ИИ-перевода человеческим. Однако наилучшим решением является не исключение одной из указанных сторон, а их симбиоз: ИИ годен для перевода основного массива текста, тогда как человек – необходимый элемент для доработки деталей: применения различных переводческих трансформаций, стилистических и семантических корректировок, обеспечивающих эквивалентность и адекватность перевода.

Поставленная проблема в связи с её существенностью требует дополнительных исследований данной темы, делая её актуальной в сфере компьютерной лингвистики. Машинный перевод стоит использовать в качестве инструмента, который приводит вариант перевода идиоматического выражения, а точнее как оно функционирует в экономическом дискурсе. Человек, в свою очередь, анализирует и адаптирует по смыслу и контексту данную идиому так, что избежать возможной стилистической и прагматической неточности, создавая максимально понятный для аудитории перевод.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. AI translation quality achieves human parity: Is this the end of language barriers? : platform // R. Wolff, 2025. jan 25. URL: https://lokalise.com/blog/ai-translation-quality/ (date of access: 30.04.2026).

2. Alzeebaree, Y. Machine Translation and Issues of Multiword Units: Idioms and Collocations / Y. Alzeebaree // Eastern Journal of Languages, Linguistics and Literatures. — 2020. — Vol. 1. — P. 1-23.

3. Kalas, F., Liptak, P. AI and the Translation of Idioms – Challenges, Success, and a Corpus Perspective / F. Kalas, P. Liptak // Jazykovedny Casopis, Bratislava. — 2025. — Vol. 76. — P. 258-267.

4. Parallel Corpora for Machine Translation in Low-Resource Indic Languages: A Comprehensive Review // arXiv.org : Cornell University. 2025. mar 2. URL: https://arxiv.org/html/2503.04797v1 (date of access: 30.04.2026).

5. The 2025 Enterprise Content & AI Translation Benchmark Report: Navigating the Surge in Global Content Volume : platform // Bluente, 2025. dec 11. URL: https://www.bluente.com/blog/2025-ai-translation-trends (date of access: 30.04.2026).

6. Самков, М. В. Теория скопоса / М. В. Самков // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования». — 2011. — № 2. — С. 139-151.

7. Серебрякова, А. Ю. Параметры нормативной оценки адекватного перевода / А. Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Лингвистика. — 2014. — №1. — С. 45-47.

PECULIARITIES OF THE INTERPRETATION OF IDIOMS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE SYSTEM OF MACHINE TRANSLATION BASED ON ECONOMIC DISCOURSE OF MASS-MEDIA

J. Marchik, K. Chernik, O. Jilevitch
Polessky state university
Pinsk, Belarus
marchiikjulya@gmail.com, kseniyachernik667@gmail.com, jilevitch@gmail.com

This article explores opportunities and difficulties of artificial intelligence as the instrument used for the translation of idioms in economic discourse of mass-media. 20 idioms from various texts and headlines of English economic publications were analyzed and observed as the research material. The results of analysis demonstrate the low degree of accurate translation by AI. We suggest the best option: the combination of AI and human in the process of translation. The findings are practically significant for translation work.

Keywords: artificial intelligence, machine translation, idioms, economic discourse, post-editing, computational linguistics, translation adequacy

УДК 81'276.6

СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

А.А. Момотюк, О.Ф. Жилевич
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь
momotyuks@gmail.com, jilevitch@gmail.com

В статье рассматриваются лингвопрагматические особенности стратегий убеждения в англоязычном и китаеязычном деловом дискурсе. Выявлены системные различия в выборе коммуникативных средств, обусловленные культурно-историческими традициями.

Ключевые слова: деловой дискурс; стратегии убеждения; межкультурная коммуникация; английский язык; китайский язык; международные переговоры.

Актуальность исследования обусловлена стремительной интернационализацией деловой среды и ростом числа трансграничных контрактов, в которых языковое и культурное разнообразие участников становится активным фактором, определяющим исход переговоров. Убеждение как коммуникативная цель реализуется не только через содержательную аргументацию, но и через выбор языковых средств, прагматических стратегий и дискурсивных паттернов, глубоко укоренённых в национально-культурных традициях. В условиях, когда английский язык продолжает функционировать в качестве глобального лингва франка, а китайский язык закрепляет статус языка одного из крупнейших экономических игроков, сопоставление их persuasive-стратегий приобретает не только теоретический, но и прикладной характер [1, с. 45].

Объектом исследования выступает деловой дискурс в контексте международных переговоров. Предметом являются языковые и прагматические средства реализации стратегий убеждения в английском и китайском языках. Цель работы – выявить системные сходства и различия в организации persuasive-коммуникации, а также определить условия их успешной интеграции в межкультурном взаимодействии.

Исследование опирается на три взаимодополняющих теоретических пласта. Во-первых, теория речевых актов и лингвопрагматика [2, с. 352]. позволяют рассматривать убеждение не как статичное свойство текста, а как динамический процесс координирования интенций, включающий директивы, комиссивы и экспрессивы с перлокутивным эффектом.

Во-вторых, кросс-культурная коммуникативистика [3, с. 352] обеспечивает концептуальный аппарат для объяснения вариативности дискурсивных практик. Высокий/низкий контекст, индекс индивидуализма/коллективизма, дистанция власти и ориентация на долгосрочные последствия напрямую коррелируют с выбором стратегии аргументации: от эксплицитного предъявления данных до имплицитного апеллирования к общим ценностям и отношениям.

В-третьих, современные исследования делового дискурса [4, с. 596], подчёркивают институциональную природу бизнес-коммуникации, где убеждение всегда ограничено рамками профессиональной этики, корпоративной иерархии и прагматической целесообразности. В этом контексте persuasive-стратегия рассматривается как инструмент управления рисками, а не просто риторический приём.

Эмпирическую базу составили тексты деловой переписки, транскрипты видеоконференций, протоколы переговоров и корпоративные презентации на английском и китайском языках, опубликованные в открытых академических и профессиональных корпусах . Для обеспечения репрезентативности отбор осуществлялся по критериям: участие в международных контрактах, наличие фазы убеждения (презентация решения, обсуждение условий, преодоление возражений), фиксация коммуникативных стратегий [5, с. 352].

Применялись следующие методы:

1) контекстуальный анализ – выявление прагматических функций лексико-грамматических средств;

2) сопоставительный метод – установление соответствий и асимметрий в реализации persuasive-актов;

3) дискурсивное моделирование – реконструкция стратегических линий убеждения на разных этапах переговоров;

4) качественная интерпретация – оценка эффективности стратегий с учётом культурного кода и институциональных ограничений.

Англоязычный деловой дискурс: логико-рациональные и прямые стратегии. В англоязычной деловой коммуникации убеждение традиционно выстраивается вокруг принципа прозрачности и рационального обоснования. Стратегический приоритет отдаётся эксплицитной аргументации, где каждый тезис сопровождается эмпирическим подтверждением: статистикой, расчётами, ссылками на стандарты или предыдущие контракты. Лексико-синтаксический уровень характеризуется использованием модальных глаголов необходимости и долженствования *must, should, need to*, конструкций причинно-следственной связи *therefore, as a result, given that*, а также хеджирования *we believe, data suggest, it appears,* которое выполняет не функцию неуверенности, а прагматическое смягчение директивности [6, с. 596].

На этапе преодоления возражений англоязычные переговорщики чаще применяют стратегию «прямой конфронтации с аргументом»: чёткое выделение точки расхождения, предъявление контраргументов, предложение альтернативного сценария. Коммуникативный сбой минимизируется за счёт эксплицитного проговаривания ожиданий и фиксации договорённостей в письменной форме. Культура низкого контекста позволяет опираться на текст как на самостоятельный источник смысла, что снижает зависимость от предварительных отношений [7, с. 312].

Однако данная модель имеет уязвимость в условиях асимметрии: излишняя прямота может восприниматься партнёрами из высококонтекстных культур как агрессивность, давление или неуважение к иерархии. Кроме того, гиперрационализация убеждения часто игнорирует эмоциональный и реляционный компоненты, которые в ряде культур являются не вспомогательными, а базовыми факторами доверия [8, с. 320].

Китайский деловой дискурс: контекстуальные, косвенные и гармонизирующие стратегии. Китайская деловая коммуникация выстраивается вокруг принципа сохранения гармонии 和 **hé* и защиты лица 面子 *miànzi*. Убеждение здесь редко реализуется через прямое предъявление требований. Вместо этого применяется стратегия «обходного воздействия»: создание контекста, в котором желаемое решение воспринимается партнёром как логичное и взаимовыгодное, без ощущения принуждения.

Лингвистически это проявляется в использовании:

1) имплицитных конструкций и эллипсиса, требующих культурной компетентности для декодирования;

2) метафор и аллюзий к историческим, философским или природным образам;

3) стратегических пауз и риторических вопросов, стимулирующих самостоятельный вывод собеседника;

4) маркирования коллективной ответственности *we, our side, joint development* вместо акцента на индивидуальной выгоде.

На этапе переговоров китайские участники уделяют значительное время установлению реляционного фона 关系 *guānxì*. Убеждение начинается не с презентации цифр, а с демонстрации долгосрочной ориентации, уважения к статусу партнёра и готовности к гибкости. Отказ формулируется редко и всегда

смягчённо: через указание на «внутренние обстоятельства», «необходимость дополнительных консультаций» или «технические нюансы». Прямое «нет» воспринимается как нарушение коммуникационного этикета и может привести к потере лица обеими сторонами [9, с. 428].

Эффективность таких стратегий подтверждается исследованиями кросс-культурного менеджмента: в условиях долгосрочных партнёрств косвенное убеждение снижает конфликтность и повышает устойчивость контрактов. Однако в краткосрочных или транзакционных сделках имплицитность может вызывать непонимание, задержки в принятии решений и восприниматься западными партнёрами как непрозрачность.

Конвергенция и конфликт стратегий в межкультурном пространстве. Сопоставительный анализ показывает, что англоязычные и китайские persuasive-стратегии не являются взаимоисключающими, а представляют собой разные точки на спектре прагматической адаптации. Конфликт возникает не из-за языковых различий, а из-за рассогласования ожиданий относительно скорости принятия решений, допустимой степени прямоты и роли реляционного компонента.

В успешных кейсах международных переговоров наблюдается феномен «стратегической гибридизации»: англоязычные участники постепенно включают элементы контекстуального маркирования (уважение к иерархии, акцент на долгосрочности), тогда как китайские партнёры на этапе финализации контракта переходят к более эксплицитным формулировкам условий, сроков и ответственности. Такая конвергенция возможна только при наличии развитой межкультурной компетенции, включающей когнитивный (знание норм), аффективный (эмпатия к различиям) и поведенческий (адаптация речи) компоненты.

Результаты исследования ставят под сомнение упрощённые бинарные модели «западная прямота vs восточная косвенность». Современный деловой дискурс демонстрирует тенденцию к ситуативному выбору стратегии, где культурный код выступает не как жёсткий детерминант, а как ресурс адаптации. Критический вопрос заключается в том, как научить участников переговоров распознавать прагматические маркеры убеждения в «чужом» коде и своевременно корректировать собственную коммуникативную линию [10, с. 512].

Практические рекомендации:

1) внедрение в корпоративные тренинги модулей по прагматической декодировке: обучение распознаванию имплицитных отказов, хеджирования, контекстуальных маркеров доверия;

2) разработка двусторонних глоссариев переговорной коммуникации с указанием культурных коннотаций стандартных фраз;

3) использование гибридных форматов фиксации договорённостей: краткий эксплицитный протокол + расширенный контекстуальный меморандум о намерениях;

4) подготовка «культурных медиаторов» – специалистов, способных интерпретировать persuasive-стратегии в реальном времени и предотвращать эскалацию непонимания.

Сопоставительный анализ стратегий убеждения в английском и китайском деловом дискурсе позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, persuasive-коммуникация в каждом языке функционирует в рамках устойчивой культурно-

прагматической матрицы: англоязычная модель опирается на эксплицитность, рациональность и текст как источник смысла, китайская – на имплицитность, реляционный фон и контекст как регулятор понимания. Во-вторых, различия не носят абсолютного характера и могут быть преодолены через осознанную адаптацию, гибкое переключение стратегий и развитие межкультурной компетенции. В-третьих, успешные международные переговоры демонстрируют феномен стратегической конвергенции, где участники комбинируют прямые и косвенные persuasive-средства в зависимости от этапа, контекста и уровня доверия.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим моделированием гибридных persuasive-стратегий в цифровой среде, анализом влияния ИИ-переводчиков на прагматическую точность деловой коммуникации, а также с разработкой валидированных шкал оценки межкультурной persuasive-компетентности.

В условиях глобальной экономической интеграции способность убеждать не на своём, а на культурно-адаптированном языке становится не просто профессиональным навыком, а стратегическим ресурсом международного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арутюнова, Н. Д. Основы прагматики / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 256 с.

2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 352 с.

3. Bargiela-Chiappini, F. The Pragmatics of Cross-Cultural Business Communication / F. Bargiela-Chiappini, C. Filardo-Lameiro. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 284 p.

4. Gudykunst, W. B. Bridging Differences: Effective Intergroup Communication / W. B. Gudykunst. – 4th ed. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2004. – 392 p.

5. Hall, E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. – New York: Anchor Books, 1976. – 352 p.

6. Hofstede, G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / G. Hofstede. – 2nd ed. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2001. – 596 p.

7. Spencer-Oatey, H. Intercultural Communication in Business and Professional Contexts / H. Spencer-Oatey, D. Dārziņa. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2020. – 312 p.

8. Tannen, D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation / D. Tannen. – New York: William Morrow, 1990. – 320 p.

9. 陈原。社会语言学 / 陈原。 – **北京**: **商**务印书馆, 2004. – 428 页.

10.**王德春**。现代修辞学 / **王德春**。 – **上海**: **上海外**语教育出版社, 2001. – 512 页.

STRATEGIES OF PERSUASION IN BUSINESS DISCOURSE: A COMPARATIVE STUDY OF ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL NEGOTIATIONS

A.A. Momotyuk, O.F. Jilevitch

Polessky State University

Pinsk, Belarus, momotyuks@gmail.com, jilevitch@gmail.com

This article examines the linguopragmatic features of persuasion strategies in English-language and Chinese-language business discourse. Systemic differences in the choice of communicative means, determined by cultural and historical traditions, are identified.

Keywords: business discourse; persuasion strategies; intercultural communication; English language; Chinese language; international negotiations.

УДК 06.053.56

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛНОЦЕННОЙ АЛЬТЕРНАТИВОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЙ?

А.С. Нестерова, М.В. Аврусевич, О.Ф. Жилевич
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь
nnevvelin@gmail.com, avrmari1@gmail.com

В данной работе исследуется проблема потенциальной замены профессии переводчика системами искусственного интеллекта и специализированными устройствами. Доказывается незаменимость профессиональной компетенции специалиста, формируемой посредством гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: искусственный интеллект; профессия переводчика; умные наушники; машинный перевод; межкультурная коммуникация.

На современном этапе развития технологий искусственный интеллект проникает во все сферы человеческой деятельности. От медицины и юриспруденции до творчества и образования. Алгоритмы берут на себя задачи, которые ранее считались исключительно компетенцией человека. Одной из наиболее уязвимых, на первый взгляд, областей является лингвистика и, в частности, профессия переводчика. Появление искусственных систем перевода, таких как Google Translate, создало иллюзию того, что барьеры между языками могут быть преодолены без участия человека.

Однако возможность полной автоматизации этого процесса вызывает множество сомнений, так как перевод − это не просто замена слов одного языка на эквиваленты другого, но и сложный когнитивный процесс, требующий понимания контекста, подтекста, культурных кодов и психологического состояния собеседников. В университетах будущих переводчиков готовят не только как носителей иностранного языка, но и как всесторонне развитых специалистов, изучающих широкий спектр гуманитарных дисциплин.

Основываясь на вышеупомянутом, возникает вопрос: способны ли современные и перспективные технологии воспроизвести тот комплекс знаний и навыков, который формируется у студента в процессе многолетнего обучения?

Главным аргументом в пользу незаменимости человека является его подготовка. В университете переводчик изучает ряд дисциплин, которые формируют его личность и профессионализм. К примеру, дисциплина «Социальная психология» учит переводчика работать с людьми, а не с текстом, и В. Н. Комиссаров подчеркивает, что переводчик является посредником не только между языками, но и между участниками коммуникации. [1, с. 42-43]

Психология помогает переводчику замечать невербальные сигналы: интонацию, паузы, мимику, жесты и др. В напряженных переговорах одна неверная фраза может сорвать сделку. Например, при саркастическом ‘great job!’ искусственный интеллект переводит «отличная работа!», а переводчик передаст

«ну конечно, провал» по интонации. Переводчик, владеющий базовыми психологическими знаниями, может выбрать синоним, который звучит менее враждебно, тогда как искусственный интеллект лишен способности к эмпатии.

Одной из ключевых дисциплин является «Межкультурная коммуникация», которая учит понимать, что в разных культурах одни и те же действия имеют разный смысл. Например, кивок головой в Болгарии означает «нет», а в большинстве стран − «да». Ещё одним примером является то, что в арабских странах есть строгие правила общения между мужчинами и женщинами, а в Японии существует сложная система подарков и поклонов, и незнание этих правил может оскорбить партнера. Но переводчик, основываясь на своём многолетнем обучении, может избежать неприятных ситуаций, так как знает эти нюансы.

В бизнес-среде цена ошибки перевода измеряется миллионами долларов. Дисциплина «Иностранный язык для делового общения» в сочетании с «Корпоративной этикой» формирует у студента понимание стандартов профессионального поведения. Во многих языках (например, корейский, японский, немецкий, французский) существуют сложные системы обращения, отражающие статус собеседников. Неправильное использование местоимений «ты» или «вы» может быть воспринято как грубость. Деловой язык − это инструмент влияния. Переводчик должен понимать стратегии переговоров (win-win, давление, компромисс). Если одна из сторон использует манипулятивную технику, переводчик должен передать не только слова, но и манипулятивный посыл, чтобы вторая сторона могла адекватно реагировать [5].

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что университетское образование создает целостную картину мира у специалиста, и И. А. Стернин указывает, что коммуникативное поведение является частью национальной культуры, и для его правильной интерпретации требуется глубокое погружение в контекст [3]. Переводчик, изучивший психологию, этику и культуру, обладает способностью предвидеть последствия перевода, тогда как наушники и нейросети работают здесь и сейчас, не имея прошлого опыта и прогноза на будущее.

Эта разница особенно ярко проявляется в истории машинного перевода, которая охватывает уже несколько десятилетий интенсивного развития. Существует множество коммерческих проектов машинного перевода. Наилучшими из них являются Google Translate, Яндекс-переводчик и Microsoft Translator [4]. Но нужно понимать, что эти сервисы переводят текст дословно, без понимания информации и учета контекста. Они могут передать общую суть текста, однако допускают лексические и грамматические ошибки. Машинный перевод не может учитывать контекст и решить, как поступить в некоторых ситуациях. В то время как профессиональный переводчик может проанализировать контекст и использовать свой опыт. [2] Таким образом, можно отметить, что современный искусственный интеллект в области лингвистики достиг такого уровня, что результат его перевода часто невозможно отличить от результатов работы человека. Однако важно понимать, что это утверждение относится преимущественно к письменным текстам стандартной структуры.

Новую главу в истории машинного перевода открыло появление инновационных решений. Речь идёт об умных наушниках с функцией синхронного перевода. Устройства от ведущих технологических компаний (Google, Microsoft и др.) способны мгновенно распознавать речь, переводить её и

озвучивать собеседнику. Принцип работы прост: пользователь говорит на русском языке, а его собеседник слышит через второй наушник или мобильное приложение тот же текст, только переведённый на английский, китайский, испанский или любой другой язык. Эта технология стирает языковые барьеры, делая межкультурное общение доступным и естественным.

Несмотря на впечатляющие возможности, такие устройства имеют ряд ограничений, которые не позволяют им заменить профессионала. Как указывает В. Н. Комиссаров, перевод − это процесс замены текста одного языка текстом другого языка при условии сохранения содержания. [1,с.43-44] Искусственный интеллект сохраняет форму слов, но не понимает содержания. Например, в ситуации конфликта наушники переведут агрессивную интонацию дословно, тогда как переводчик мог бы смягчить ситуацию для сохранения диалога.

Умные наушники работают в режиме реального времени и часто ограничены узким контекстом. Если в начале встречи была договоренность, к которой возвращаются через час, человек-переводчик удерживает в памяти весь ход переговоров, в то время как устройство может «забыть» контекст или неверно интерпретировать его.

Аппаратные устройства зависят от качества связи, уровня шума в помещении и четкости дикции. В условиях производственного цеха, шумного ресторана или плохого интернета перевод наушников станет бесполезным. Профессиональный переводчик способен попросить повторить, уточнить термин или игнорировать фоновый шум. Особо уязвимым местом ИИ остается обработка юмора, иронии, сарказма и идиом. Например, простая английская идиома ‘raining cats and dogs’ наушники переведут буквально как «дождь из кошек и собак», тогда как переводчик мгновенно передаст эквивалент «льет как из ведра», предотвращая недопонимание между собеседниками.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что технологии являются отличным инструментом для понимания базовых инструкций в другой стране, но они не способны обеспечить качественную коммуникацию, необходимую в бизнесе, политике или в науке.

Проведенный анализ позволяет убедиться, что искусственный интеллект не сможет полностью заменить профессию переводчика в будущем. Технологии машинного перевода являются полезным инструментом, который ускоряет рутинные операции и обработку больших объемов информации, а также снижает стоимость простых переводов. Однако они ограничены в способности понимать смыслы, контекст и человеческие эмоции. Ключевым преимуществом переводчика является его многопрофильное образование. Дисциплины, изучаемые в университете, такие как психология, межкультурная коммуникация, корпоративная этика, мировая литература, философия, страноведение и др., формируют уникальную компетенцию. Они позволяют переводчику быть не просто «словарем», а полноценным участником коммуникации, способным сглаживать культурные конфликты, соблюдать этические нормы и нести ответственность за результат. Искусственный интеллект лишен жизненного опыта, совести и способности к эмпатии. Он не понимает, почему шутка может обидеть, почему в определенной культуре нельзя дарить часы, и почему в юридическом документе важна каждая запятая. Переводчик, вооруженный знаниями гуманитарных наук, понимает это интуитивно.

Таким образом, будущее профессии переводчика связано не с заменой человека машиной, а с их эффективным взаимодействием. Переводчики, которые освоят технологии искусственного интеллекта и будут использовать их для усиления своих возможностей, останутся востребованными специалистами. Те же, кто будет пытаться конкурировать с машиной в скорости набора текста, проиграют. Но сама суть профессии заключается в том, чтобы быть мостом между культурами и людьми, и она останется за человеком. Гуманитарное образование является тем фундаментом, который не способен воспроизвести никакой алгоритм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров – М. : Высшая школа, 2019. – 253 с.

2. Преимущества и недостатки машинного перевода : [сайт]. – Нижний Новгород, 2015-2020. – URL: http://scipress.ru/philology/articles/preimushhestva-i-nedostatki-mashinnogo-perevoda-na-primere-populyarnykh-onlajn-perevodchikov.html (дата обращения: 22.04.2026).

3. Стернин, И. А. Русское и финское коммуникативное поведение / И. А. Стернин // Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования : сб. / И. А. Стернин. – Воронеж, 2000. – С. 4–20.

4. Топ онлайн-переводчиков : [сайт]. – Израиль, 2013-2026. – URL: https://elenaruvel.com/onlajn-perevodchiki-kratkij-obzor/ (дата обращения: 22.04.2026).

5. Этический кодекс переводчика : [сайт]. – М., 2015. – URL: https://translation-ethics.ru/code/ (дата обращения: 22.04.2026).

CAN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SERVE AS A FULL-FLEDGED ALTERNATIVE TO THE TRANSLATOR'S PROFESSION IN THE TECHNOLOGICAL ERA?

A.S. Nesterova, M.V. Avrusevich, O.F. Jilevich
Polessky State University
Pinsk, Belarus, nnevvelin@gmail.com, avrmari1@gmail.com

This study examines the issue of potentially replacing the profession of translator with artificial intelligence systems and specialized devices. It demonstrates the irreplaceability of the professional competence of a specialist, which is formed through humanitarian disciplines.

Keywords: artificial intelligence; translation profession; smart earbuds; machine translation; intercultural communication.

УДК 8.81.811

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ НА ВОЕННЫХ АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ

П.В. Привалова, В.А. Гриневская
Белорусский государственный университет иностранных языков
Минск, Республика Беларусь, juliedecrus@gmail.com

В статьи проводятся результаты анализа способов представления образов женщины-труженицы и женщины-матери на военных агитационных плакатах (1941-1945 гг). Выявлено, что обращение к адресату реализуется через императивы прямого побуждения, глаголы 1-го лица множественного числа для выражения солидаризации и

формы 3-го лица настоящего времени, создающие эффект объективной неизбежности действия. Установлено, что образ женщины-труженицы актуализирует коллективную ответственность за победу в тылу, в то время как образ женщины-матери апеллирует к аксиологическим основам адресата, формируя перформативный призыв для воина. Несмотря на подчинение обеих ипостасей единой задаче победы, женщина последовательно исключается из функций боевой единицы.

Ключевые слова: военный агитационный плакат; женский образ; агитационный плакат.

Военный агитационный плакат – «броское изображение с кратким текстом, созданное для воздействия на аудиторию с целью побуждения к действию в условиях войны» [2, 144]. Его основная цель – воздействие на адресата сообщения, информирование, призыв к действию. Военный агитационный плакат как объект исследования находится на пересечении многих научных дисциплин: истории, лингвистика, культурологии, семиотики, психологии. Изучение плаката и его структурных, лексико-стилистических и коммуникативно-прагматических характеристик посвящены лингвистические работы А. В. Сорокина, А. Баскова, Х. Вальтера, К. Скарвальери, Л. В. Селезнёвой, Д. Р. Нуриевой, И. Н. Пушкаревой и мн. др.

Особый интерес в рамках изучения агитационного плаката представляют военный агитационный плакат, а также женские образы, которые широко использовались в советской плакатной графике периода Великой Отечественной войны. Изучение военных агитационных плакатов позволяет понять, как с помощью языка и визуальных образов оказывается воздействие на адресата, создаются личностно и национально значимые ориентиры.

В объективе настоящего исследования – военный агитационных плакат периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и вербальные способы создания женских образов на плакатах. Женские персонажи являются важнейшим элементом невербального компонента плаката, который способен «задать интерпретацию вербального сообщения и усилить его прагматическое воздействие» [1, с. 10].

Практическим материалом исследования послужили 298 военных агитационных плакатов, отобранных методом целенаправленной выборки в сети Интернет и проанализированные при помощи дискурс-, компонентного и количественного анализа.

В ходе исследования было установлено, что женский образ присутствует на 14,8% плакатов (от общего количества всех исследованных плакатов принятых за 100%). Показатель 14,8% свидетельствует о том, что женский образ не являлся доминирующим персонажем на плакате периода Великой Отечественной войны, т. к. первоочередной адресат – мужчина – непосредственный участник боевых действий. Тем не менее, обращение к женщинам также было значимо, т. к. они активно участвовали в развитиии экономики в тылу.

Установлено, что наиболее частотно в военный период плакатисты обращались к образам женщины-труженицы (56,8% от 44 плакатов, принятых за 100%) и женщины-матери (43,2%).

Объективация образа женщины-труженицы, выступающей активным субъектом трудовой мобилизации, связана с социально-экономическим положением страны во время Великой Отечественной войны: массовая мобилизация мужчин вызвала острую нехватку рабочей силы, вследствие чего женщины были вынуждены стать опорой военного производства боеприпасов,

легкой и тяжелой промышленности, сельского хозяйства. Анализ возрастно-половой структуры населения одной лишь Сталинградской области выявил явную диспропорцию в соотношении полов, согласно которому практически во всех трудоспособных возрастах разница в пользу женщин увеличилась на 30%, а среди погибших и умерших от ран в возрасте до 50 лет мужчин было в 4 раза больше чем женщин [4, с. 113]. Анализ отобранных плакатов с образом женщины-труженицы показал, что в 69,6% случаев призыв к профессиональной и трудовой активности женщин вербализуется с помощью глаголов в повелительном наклонении. Например, «*Женщины и девушки! Овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт!*» и др.

Частотное использование императивных форм указывает на доминирование «директивной коммуникативной стратегии, предполагающей внедоговорную основу» [3, с. 289]. Императивные формы (*овладевайте, заменяйте, помогайте*) реализуют прямое побуждение к действию и создают эффект личного обращения к адресату. В условиях военного времени подобная формулировка представлялась краткой и действенной, поскольку предписывала конкретную модель поведения (рис. 1).

Рисунок 1. – Плакат Колочков И.Т. «Женщины и девушки! Овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт!»

Государству требовалось в кратчайшие сроки вовлечь женщин в профессии, которые традиционно считались мужскими: тяжелую промышленность (*«Отметим каждый день новой победой труда!»*), сельское хозяйство (*«Убрать вовремя весь урожай – наш боевой долг!»*), оборонное производство (*«Заменим!»*) (рис. 2), поэтому плакаты формировали новую социальную норму, при которой утверждалась идея профессионального равенства женщин и мужчин как необходимое условие Победы.

Рисунок 2. – Плакат Серов В. А. «Заменим!»

Преобладание глаголов в форме повелительного наклонения с обращением, рассматривались в качестве средства воздействия на массовую аудиторию. На плакате «*Женщины и девушки! Овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт*» (рис. 1) адресат (*женщины и девушки*) выражается эксплицитно, что сочетает обращение и последующий императив (*овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт*), усиливая категоричность высказывания и подчеркивая общественную значимость требуемых действий. Так, императивные формы реализуют прямое побуждение и акцентируют внимание на обязанности женщины включиться в производственную деятельность, стать заменой ушедшим на фронт мужчинам.

В оставшихся 30,4% исследованных плакатов призыв к профессиональной и трудовой активности выражен глаголами 1-го лица множественного числа будущего времени *заменим, восстановим («Мы отстояли Ленинград! Мы восстановим его!»*) (рис. 3), *обеспечим* («*Обеспечим высокий урожай в 1944 году! Дадим фронту и стране больше продовольствия!*»), которые в отличие от обозначенного ранее, воплощают не прямой приказ, а призывают к коллективному действию и солидарности («*Обеспечим высокий урожай в 1944 году! Дадим фронту и стране больше продовольствия!*»).

Рисунок 3. – Плакат В. Серова «Мы отстояли Ленинград! Мы восстановим его!»

Использование имплицитного «мы» позволяет адресату почувствовать себя частью общего дела, в рамках которого личный труд становится вкладом в общее дело и закономерно в Победу всего государства. Так, посредством формы будущего времени, 1-го лица множественного числа объективируется общность усилий личных и общих, целей фронта и тыла, подчеркиваются важность коллективной идентификации. Оба обозначенных способа выражения призыва к профессиональной и трудовой активности направлены на преодолении традиционных представлений о мужских и женских профессиях и на легитимацию новой социальной роли женщины.

Отметим, что в исследованном материале воплощение образа женщины-труженицы на плакатах частотно связано с уборкой урожая (20%). Это объясняется стратегическим значением сельского хозяйства для Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. От своевременного и успешного ухода за сельским хозяйством зависело снабжение фронта и тыла продовольствием, обеспечение трудоспособности населения и устойчивость всей военной экономики. В этих условиях сельскохозяйственный труд приобретал военно-политическое значение. После мобилизации миллионов мужчин основная нагрузка по проведению полевых работ легла на женщин, поэтому агитационные плакаты активно обращались к теме уборки урожая, визуализируя *женщин-колхозниц* как центральных героинь трудового фронта. Через плакаты с изображением сельскохозяйственных работ официальные власти демонстрировали равнозначность работы в поле боевым действиям на фронте («*Убрать вовремя весь урожай – наш боевой долг!*»). Важность сельскохозяйственных работ подкреплялась и частотным использованием лексем *удар, долг, урожай*, благодаря чему сельскохозяйственная деятельность включалась в общую картину военного противодействия. Визуально такие плакаты изображали женщин в момент активного труда: за рулем трактора, у снопов сена, на фоне зрелых полей («*Больше хлеба для фронта и тыла, убрать урожай полностью!*»).

Одним из характерных способов привлечения внимания андресата являлось использование обращений, конкретизирующих целевую аудиторию по территориальным признакам («*Молодые ленинградцы! Отдадим все силы на восстановление родного города!*»), («*Мы отстояли Ленинград! Мы восстановим его!»*) (рис. 3). Упоминание топонимической общности, территории проживания адресатов усиливало локальную идентификацию.

В ряде случаев призыв к профессиональной и трудовой активности выражается номинативным обращения («*все*»), например, *«Фашизм – злейший враг женщин. Все на борьбу с фашизмом!»* (рис. 4), с последующим использованием оценочной лексики («*злейший враг*») с гендерно маркированной номинацией («*женщин*»), благодаря чему происходит семантическое расширение образа врага: фашизм перестает быть объектом только мужского противоборства.

Рисунок 4. – Плакат Н. Ватолина «Фашизм – злейший враг женщин. Все на борьбу с фашизмом!»

В процессе исследования было установлено, что вербальную объективацию получают не только образы **женщины-труженицы**, но и **женщины-матери**. Эмоциональный потенциал образа матери определяется его способностью устанавливать особую связь с аудиторией: каждый человек имеет мать, следовательно, данный образ затрагивает каждого человека. Оперирование материнским образом позволяет достичь широкой эмоциональной вовлечённости, поскольку обращается к личностной аксиосфере, сакральной ценности – матери с ребенком, находящихся под угрозой уничтожения. Отличительной характеристикой исследованных плакатов этой группы является употребление лексемы «*мать*». При этом мать может пониматься не только в кровно-родственном смысле, но и метафорически, например, «*Родина-мать зовет!*».

Также установлено, что изображение женщины-матери на военных агитационных плакатах может сопровождаться призывом к активным военным действиям (*«спаси», «убей», «встань на защиту»*) мужчин (*«воин»* («Воин Красной Армии, спаси!»), *«боец»(*«Боец, мсти!»). При этом, обращение к женщинам на плакате происходит без актуализации военного статуса (*«боец», «красноармеец).* Вместе с тем, если в производственных плакатах доминировал принцип коллективной солидарности (*«заменим*», *«обеспечим*»), то в плакатах, обращённых к образу женщины-матери, соотношение вербализованных призывов зеркально меняется. Анализ показывает, что в большинстве подобных плакатов (например, «*Родина-мать зовёт!*» И. Тоидзе, «*Воин Красной Армии, спаси!*» В. Корецкого) побуждение выражено прямым императивом или усечённым приказом (*«Зовёт!», «Мсти!», «Спаси!»*). В остальных случаях (например, плакат П. Соколова-Скаля «*Боец, мсти!*» или серия «*За Родину-мать!*») побуждение выражается формами глагола 3-го лица настоящего времени (*«зовёт», «ждёт», «плачет»*) или безглагольными конструкциями с эмоциональной окраской. Также отмеченные глагольные формы могут выражать угрозу, предостережение («Не болтай!» (Н. Ватолина, Н. Денисов), где глагол в форме 2-го лица единственного

числа создаёт индивидуальный запрет-инструкцию и имплицирует угрозу за невыполнение).

Таким образом, проведённое исследование позволяет заключить, что на военных агитационных плакатах периода Великой Отечественной войны воплощение получают образы женщины-труженицы и женщины-матери. Систематизация выявленных способов обращения к адресату в лозунгах на плакатах представлена императивными формами («*Не болтай!*» (Н. Ватолина, Н. Денисов), «*Отомсти!*» (Д. Шмаринов)), выражающими прямое волеизъявление адресанта, направленное на побуждение адресата к немедленному действию или, в случае с запретом, к его отсутствию. Также на исследованных плакатах употребительны глаголы в форме 1-го лица множественного числа, например, «*Отстоим Москву!*» (Н. Жуков, В. Климашин) для солидаризации адресата, призыва к коллективному действию. Установлено также воплощение глаголов 3-го лица настоящего времени («*Родина-мать зовёт!*» (И. Тоидзе, 1941) для фиксации действия «здесь и сейчас» независимо от воли адресата, объективной констатации факта.

Так, женщина-труженица на военном агитационном плакате представлена активным субъектом трудовой мобилизации, актуализируя коллективную ответственность за победу в тылу. Женщина-мать на военном плакате обращается к аксиосфере адресата, создавая перформативный эффект неотвратимого призыва к действию для мужчины-воина. Таким образом, оба женских образа подчинены единой задаче – обеспечить Победу, однако женщина в них никогда не наделяется функцией боевой единицы, оставаясь в рамках бинарной оппозиции «фронт – тыл» в тылу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алиева, Л. В. Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны / Л. В. Алиева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2015. – № 5. – С. 8–13.

2. Вальтер, Х. Политический плакат – зеркало своего времени / Х. Вальтер // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 4 (54). – С. 143–149.

3. Данилов, С. А. Власть и стратегии коммуникации в модернизирующемся обществе: рискологическое измерение / С. А. Данилов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 287–292.

4. Такташева, Ф. А. Государственная политика в отношении женщин в СССР в 1943 – начале 1950-х гг. / Ф. А. Такташева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 45–50.

REPRESENTATION OF FEMALE IMAGES IN MILITARY PROPAGANDA POSTERS

P.V. Privalova, V.A. Grinevskaya
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus, juliedecrus@gmail.com

This article analyzes how the images of the woman-worker and the woman-mother were constructed in Soviet wartime propaganda posters (1941–1945). The study finds that the posters address their audience through direct imperatives, first-person plural verb forms that foster a sense of solidarity, and third-person present-tense constructions that convey the action as objectively inevitable. The woman-worker figure, the analysis shows, foregrounds collective responsibility for victory on the home front, whereas the woman-mother figure draws on the viewer's core values, issuing what amounts to a performative summons to the soldier. Notably,

while both roles are subordinated to the overarching goal of victory, the woman is systematically excluded from any combat function.

Keywords: military propaganda poster; female image.

УДК 372.881.111.1

УЧЕБНАЯ ИГРОТЕКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В 5-Х КЛАССАХ

А.Р. Самусева, С.О. Макеевна
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanova15june@mail.ru, vip.soutrider@mail.ru

В статье рассматривается проблема формирования речевых грамматических навыков у обучающихся 5-х классов. Анализируются психолого-педагогические особенности младших подростков, обусловливающие трудности при овладении грамматикой. Обосновывается потенциал учебной игротеки – системно организованного комплекса грамматических игр. Представлены результаты экспериментальной проверки эффективности разработанного комплекса. Особое внимание уделено авторской методике диагностики речевых грамматических навыков по пяти операциональным критериям. Доказывается, что применение игровых методик способствует повышению мотивации, снижению языковой тревожности и автоматизации грамматических конструкций в речи.

Ключевые слова: учебная игротека; речевой грамматический навык; игровые технологии; иностранный язык; коммуникативная задача; средняя школа.

Одной из ключевых проблем обучения иностранным языкам в средней школе является формирование у обучающихся прочных грамматических навыков, которые они смогут использовать в устной и письменной речи. Особую сложность этот процесс представляет в 5-м классе. Как отмечают психологи и методисты, именно в этот период происходит резкий переход от игровой деятельности, доминировавшей в начальной школе, к более сложной теоретической подаче материала. Увеличение объема абстрактных грамматических понятий (времена глаголов, модальные глаголы, степени сравнения прилагательных, типы вопросов) зачастую ведет к падению познавательного интереса и возникновению трудностей в усвоении материала [2].

Традиционные упражнения, широко представленные в учебно-методических комплектах (подстановочные, трансформационные), эффективны на этапе первичного закрепления, однако они не всегда способствуют формированию прочного грамматического навыка, понимаемого как способность автоматизированно применять правило в речи. Как справедливо указывает Е.И. Пассов, знание правила и умение его использовать в реальной коммуникации – это разные вещи [9]. Возникает противоречие между необходимостью обеспечить качественную отработку грамматического материала и снижением интереса пятиклассников к однотипным упражнениям.

Актуальность настоящего исследования определяется потребностью в поиске эффективных методов, которые позволили бы соединить занимательность, свойственную возрасту, с серьезным лингвистическим анализом, соответствующим требованиям Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС). Таким «мостом» может стать учебная игротека. Обращение к

проблеме использования игровых технологий при обучении грамматике английского языка находим в работах Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, А.В. Конышевой, М.Ф. Стронина и других исследователей [2; 16; 6; 13]. Как подчёркивает Н.В. Гавенко, грамматические игры являются эффективным приёмом реализации коммуникативного метода при обучении иностранному языку [3]. Современные исследования также подтверждают, что использование игр и элементов геймификации способствует формированию грамматических навыков говорения [10].

В современной методике преподавания иностранных языков под учебной игротекой понимается не просто набор развлекательных игр, а систематизированный комплекс дидактических материалов, включающий настольные игры, карточки с заданиями, кейсы, цифровые тренажеры, нацеленных на отработку конкретных грамматических тем (например, Present Simple, Past Simple, модальный глагол *can*, конструкция *there is/there are*). В отличие от разовых, спонтанно используемых игр, игротека предполагает вариативность, сменяемость материала и возможность его многократного использования для разных педагогических целей: тренировки, контроля, коррекции знаний.

По мнению С.А. Шмакова, дидактическая игра – это целенаправленная творческая деятельность, в процессе которой обучаемые глубже и легче познают явления окружающей действительности [14]. Применительно к обучению грамматике, игра позволяет сделать процесс отработки структур не механической «зубрежкой», а осмысленной деятельностью.

Пятый класс – это период младшего подросткового возраста, характеризующийся сменой ведущей деятельности: на смену игре приходит интимно-личностное общение со сверстниками [15]. Однако игра не уходит полностью; она сохраняет высокую значимость как способ снятия психоэмоционального напряжения, средство социализации и самоутверждения в коллективе. Пятиклассники отличаются эмоциональностью, подвижностью, быстрой утомляемостью при однообразной работе.

Игровая форма на уроке английского языка позволяет задействовать механизмы непроизвольного запоминания, что критично при изучении сложных грамматических правил, таких как порядок слов в английском предложении, окончания глаголов в 3-м лице единственного числа, формы неправильных глаголов. Кроме того, в игре снижается страх перед ошибкой, что создает благоприятные условия для формирования коммуникативной компетенции. Как отмечает Д.М. Сомова, роль игры на уроках английского языка трудно переоценить, поскольку она создает естественную речевую среду [12].

Учебная игротека позволяет реализовать задачный подход в обучении грамматике. Грамматическое правило усваивается не ради самого правила, а как инструмент решения практической игровой задачи: победить в соревновании, разгадать загадку, составить рассказ, получить наибольшее количество очков. Это соответствует принципам системно-деятельностного подхода, лежащего в основе ФГОС.

Многократное повторение грамматической формы в игровом контексте (в парах, командах, группах) способствует автоматизации навыка значительно быстрее, чем выполнение однотипных упражнений. Как отмечает А.В. Конышева, «игра создает условия для непреднамеренного запоминания языкового материала

и обеспечивает непроизвольное усвоение речевых образцов» [6]. С.А. Сальникова отмечает, что игра как метод обучения позволяет снизить количество грамматических ошибок за счет многократного повторения в ситуации успеха [11].

Практические игровые методики при отработке изученных правил английской грамматики для 5-го класса описывает в своей работе Е.Г. Карпинская [5]. Володина И.О. и Лапшова Е.С. в своем исследовании подтверждают эффективность применения игровых технологий при обучении английскому языку учащихся 3-5-х классов [1]. Ю.В. Жданов также предлагает интересные игровые приемы для укрепления языкового иммунитета школьников [4].

Важнейшей характеристикой игр является их ситуативность. Они обеспечивают привязку грамматической конструкции к конкретной речевой ситуации, что предотвращает формализм знаний. Ученик усваивает не абстрактное правило, а способ выражения определенного коммуникативного намерения (просьба, разрешение, описание, рассказ о прошлом). Как справедливо отмечают Е.А. Лобузова и О.В. Афанасьева, игра является эффективным способом обучения иностранному языку, поскольку она создает естественную коммуникативную среду [7].

С целью проверки эффективности применения учебной игротеки на практике, мы провели анализ одного из наиболее распространенных УМК для 5-го класса – «Английский в фокусе» (Spotlight 5) авторов Ю.Е. Ваулиной, Д. Дули и др.

Перед тем, как создать собственную серию коммуникативных грамматических игр, мы сделали попытку проанализировать данное учебное пособие и определить, какое количество коммуникативно направленных заданий оно содержит. Мы исследовали упражнения по темам «Утвердительные и вопросительные предложения во времени Present Simple», «Оборот there is/are».

В теме «Утвердительные и вопросительные предложения во времени Present Simple» мы выявили больше всего языковых упражнений (50%), а речевым (30%) и условно-речевым (20%) уделено мало внимания.

Таблица 1. – Упражнения по теме «Утвердительные и вопросительные предложения во времени Present Simple»

Вид упражнений	Количество	Количество в %
Языковые	10	50%
Условно-речевые	4	20%
Речевые	6	30%

В теме «Оборот there is/are» снова преобладают языковые упражнения (54,5%), а речевые (18,2%) и условно-речевые (27,3%) составляют меньшую часть.

Таблица 2. – Упражнения по теме «Оборот there is/are»

Вид упражнений	Количество	Количество в %
Языковые	6	54,5%
Условно-речевые	3	27,3%
Речевые	2	18,2%

Исходя из анализа УМК «Английский в фокусе» (Spotlight 5) для 5 класса, мы сделали вывод о том, что в нем присутствует недостаточное количество коммуникативных заданий и этот недостаток может быть восполнен дополнительными игровыми материалами, которые помогут обучающимся активизировать грамматические умения и навыки за счет употребления изученных явлений в различных видах речевой деятельности, приближенных к реальным ситуациям общения. Вот некоторые из них.

1. Игры на отработку утвердительных и вопросительных предложений в Present Simple

Игра «Крестики-нолики» (Tic-Tac-Toe)

Цель: автоматизация построения утвердительных и вопросительных предложений.

Материалы: игровое поле 3×3. В каждой клетке указано подлежащее и глагол (He + play, They + go, She + read).

Ход игры: Чтобы поставить свой знак, игрок составляет предложение. Для клетки «He + play» возможны варианты: *He plays football* (утверждение) или *Does he play football?* (вопрос). Учитель заранее определяет тип предложения. При ошибке ход переходит к сопернику.

Время: 10 минут.

Игра «Интервью» (Interview)

Цель: отработка вопросов и кратких ответов.

Материалы: карточки с вопросами (Do you like...? Does your friend...? What time do you...?).

Ход игры: Ученики работают в парах, задают друг другу вопросы и записывают ответы. Затем представляют результаты: *Masha likes pizza. She doesn't like fish.*

Время: 12-15 минут.

2. Игры на отработку оборота there is/there are

Игра «Найди отличия» (Spot the Difference)

Цель: автоматизация оборота при описании места.

Материалы: две похожие картинки комнаты с 5-7 отличиями.

Ход игры: В парах, не показывая картинки друг другу, ученики находят отличия: *In my picture there is a bed near the window. In my picture there are two chairs.*

Время: 10 минут.

Игра «Гостиница» (Hotel Reception)

Цель: отработка вопросов и ответов с оборотом there is/are.

Ход игры: Класс делится на администраторов и гостей. Гости звонят в гостиницу и задают вопросы: *Is there a swimming pool? Are there any restaurants?* Администраторы отвечают, используя карточку-описание отеля.

Время: 12-15 минут.

Данные игровые задания были использованы на протяжении нескольких занятий в качестве дополнения к основному учебному пособию.

Для объективной оценки эффективности учебной игротеки нами была разработана система критериев, измеряющих не столько знание грамматических правил, сколько способность учащихся автоматизированно и уместно употреблять грамматические конструкции в процессе коммуникации. Как подчёркивают М.Б. Макарова и В.А. Береснева, формирование грамматических

навыков в средней школе требует особого диагностического инструментария, ориентированного на речевую практику [8]. Система включает пять операциональных критериев.

Первый критерий – связность и развёрнутость высказывания – характеризует способность построить последовательный текст из нескольких фраз, объединённых единой темой. Измеряется как количество самостоятельных предикативных единиц в монологе-описании картинки (1–2 предл. – низкий уровень, 3–5 – средний, 6 и более – высокий).

Второй критерий – частотность употребления целевых грамматических структур – отражает, насколько активно учащийся использует изученные конструкции, избегая примитивного синтаксиса. Вычисляется как коэффициент отношения суммы корректно употреблённых целевых конструкций к общему числу предложений (менее 0,3 – низкий уровень, 0,3–0,6 – средний, более 0,6 – высокий).

Третий критерий – точность грамматического оформления – фиксирует долю безошибочных употреблений целевых конструкций (менее 60% – низкий уровень, 60–85% – средний, более 85% – высокий).

Четвёртый критерий – коммуникативная инициативность – измеряет готовность учащегося вступать в иноязычное общение без внешнего побуждения, фиксируется как количество спонтанных реплик за 5 минут парной работы (0–2 – низкий, 3–5 – средний, 6 и более – высокий).

Пятый критерий – скорость грамматического оформления – оценивает степень автоматизированности навыка через среднее время паузы между репликами в диалоге (более 6 сек – низкий, 4–6 сек – средний, менее 4 сек – высокий).

Итоговый уровень сформированности речевого грамматического навыка определяется на основе суммы баллов по пяти критериям (максимум 15 баллов): 13–15 баллов – высокий уровень, 8–12 – средний, 0–7 – низкий.

Перед началом внедрения игровых заданий учащиеся 5-го класса в количестве15 человек выполнили входную диагностику, которая включала монологическое описание картинки, диалог в парах и несколько письменных заданий. Результаты констатирующего среза показали, что средние показатели по группе соответствуют низкому или нижней границе среднего уровня: связность – 2,8 предложения, частотность – 0,19, точность – 58%, инициативность – 1,2 спонтанной реплики, скорость – 6,7 секунды. Основные ошибки были связаны с отсутствием окончания -s в 3-м лице, неправильным порядком слов в вопросах и несогласованием there is/there are.

На протяжении нескольких занятий обучающиеся выполняли игровые задания из разработанной игротеки. На последнем этапе была проведена повторная диагностика по тем же пяти критериям. Результаты констатирующего и контрольного срезов представлены в таблице.

Таблица 3. – Динамика показателей сформированности речевых грамматических навыков

Критерий	Констатирующий этап	Контрольный этап	Абсолютный прирост
Связность (кол-во предл.)	2,8	5,9	+3,1
Частотность (коэфф.)	0,19	0,61	+0,42
Точность (% правильных)	58%	86%	+28%
Инициативность (кол-во реплик)	1,2	5,6	+4,4
Скорость (сек.)	6,7	3,4	-3,3

Как видно из таблицы, после применения учебной игротеки произошёл значительный прирост по всем пяти критериям. Связность высказывания увеличилась более чем в два раза, частотность употребления целевых конструкций возросла с низкого до высокого уровня, точность повысилась на 28%, коммуникативная инициативность выросла почти в 5 раз, а среднее время речевой паузы сократилось вдвое, что свидетельствует о переходе грамматического навыка на стадию автоматизации.

Распределение учащихся по итоговым уровням сформированности речевых грамматических навыков также подтверждает эффективность предложенной методики. На констатирующем этапе высокий уровень имели 2 человека (13%), средний – 5 человек (34%), низкий – 8 человек (53%). На контрольном этапе высокий уровень достигли 7 человек (47%), средний – 6 человек (40%), низкий уровень сохранился лишь у 2 человек (13%). Таким образом, доля учащихся с высоким уровнем выросла в 3,6 раза, а с низким – сократилась в 4 раза.

Те, кто выполнил входной тест с незначительными ошибками, на контрольном этапе не имели их вовсе, а те, кто не справлялся с заданиями, стали демонстрировать стабильно корректное употребление грамматических конструкций в условно-речевых и игровых ситуациях.

Таким образом, на основании проведенного анализа научных источников и полученных практических данных мы выяснили, что применение учебной игротеки при обучении грамматике английского языка в 5-м классе имеет большое значение для формирования устойчивых грамматических навыков. Игровые технологии направлены на практическое применение языка в ситуациях, моделирующих реальное общение. Разработанная система диагностики по пяти критериям позволила объективно зафиксировать положительную динамику. Учебная игротека позволяет учителю обучать грамматике на качественно новом уровне, используя личностно-ориентированный подход, учитывая возрастные особенности младших подростков и повышая их мотивацию. Использование систематизированного комплекса дидактических игр способствует развитию речевых грамматических навыков обучающихся, потому что позволяет участникам коммуникации сосредоточиться на решении игровой задачи, при этом непроизвольно используя и закрепляя необходимые грамматические конструкции в процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Володина И.О., Лапшова Е.С. Развитие лексических навыков при применении игровых технологий в процессе обучения английскому языку учащихся 3-5-х классов // Обучение языкам в эпоху интеллектуальных технологий: вызовы и перспективы : материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 22 марта 2024 г.). – Самара : Изд-во Самар. Ун-та, 2024. – С. 59-64. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://repo.ssau.ru/jspui/bitstream/123456789/37252/1/978-5-7883-2054-0_2024-59-64.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

2. Выготский, Л. С. Игра и ее роль в психологическом развитии ребенка: Вопросы психологии. – М., 2005 – 541с.

3. Гавенко Н.В. Грамматические игры как прием реализации коммуникативного метода при обучении иностранному языку // Поволжский вестник науки, 2025. №35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-igry-kak-priem-realizatsii-kommunikativnogo-metoda-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 10.03.2026).

4. Жданов Ю.В. Английский язык. Вкусные витаминки. Укрепляй языковой иммунитет. – М.: АСТ, 2019 – 192 с.

5. Карпинская Е.Г. Игровые методики при отрабатывании изученных правил английской грамматики – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://multiurok.ru/files/igrovye-metodiki-pri-otrabatyvanii-izuchennykh-pra.html (дата обращения: 18.03.2026).

6. Конышева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку / А. В. Конышева. – Санкт-Петербург : КАРО, 2008. – 179 с.

7. Лобузова Е.А., Афанасьева О.В. Игра как способ обучения иностранному языку // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2020. №4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/igra-kak-sposob-obucheniya-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 20.03.2026).

8. Макарова М.Б., Береснева В.А. Формирование грамматических навыков на уроках иностранного языка в средней школе // Педагогический вестник. 2023. №27. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grammaticheskih-navykov-na-urokah-inostrannogo-yazyka-v-sredney-shkole (дата обращения: 10.03.2026).

9. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам / Е. И. Пассов. – М.: Русский язык, 1989. – 278 с.

10. Позднякова М.Н., Карпачёва И.А., Панарина Г.И., Кисарин А.С. Формирование грамматических навыков говорения на уроке иностранного языка в общеобразовательной школе с использованием технологии геймификации // ПНиО. 2023. №4 (64). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grammaticheskih-navykov-govoreniya-na-uroke-inostrannogo-yazyka-v-obscheobrazovatelnoy-shkole-s-ispolzovaniem (дата обращения: 18.03.2026).

11. Сальникова С.А. Игра как метод обучения иностранному языку // МНИЖ. 2015. №7-6 (38). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/igra-kak-metod-obucheniya-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 18.03.2026).

12. Сомова Д.М. Роль игры на уроках английского языка. – 2013 – 15 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://goo.gl/g0bRQv (дата обращения: 15.03.2026).

13. Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.

14. Шмаков С.А. «Игры учащихся – феномен культуры»,1994. – 239 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:

https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_168fdee5f46a7f2b01cc1cb7f1d93772/
(дата обращения: 15.03.2026).
15. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. – 304 с.

EDUCATIONAL GAME LIBRARY AS A TOOL FOR FORMING GRAMMAR SKILLS DURING ENGLISH LESSONS IN THE 5TH GRADE

A.R. Samuseva, S.O. Makeeva
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia,
ivanova15june@mail.ru, vip.soutrider@mail.ru

The article examines the problem of developing speech grammar skills in 5th-grade students. The psychological and pedagogical characteristics of early adolescents that cause difficulties in mastering grammar are analysed. The potential of an educational game library as a systemically organised set of grammar games is substantiated. The results of an experimental verification of the effectiveness of the developed set of games are presented. Special attention is paid to the author's methodology for diagnosing speech grammar skills according to five operational criteria. It is proved that the use of game techniques increases motivation, reduces language anxiety and contributes to the automation of grammatical constructions in speech.

Keywords: educational game library; speech grammatical skill; game technologies; foreign language; communicative task; secondary school

УДК 811.133

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОСТРЕДАКТИРОВАНИИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Н. Симирская, О.Ф. Жилевич
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, nsimirsksya@bk.ru

В статье рассматриваются межъязыковые особенности постредактирования машинного перевода экономических текстов с английского и китайского языков на русский язык. Анализируются типичные лексические, грамматические и стилистические ошибки машинного перевода, а также способы их исправления. Особое внимание уделяется различиям в переводе экономической терминологии и влиянию языковых особенностей на качество перевода.

Ключевые слова: машинный перевод; постредактирование; экономический дискурс; экономическая терминология; межъязыковые различия; переводческие трансформации; переводческие стратегии.

XXI век характеризуется активным развитием цифровых технологий и широким внедрением систем искусственного интеллекта в профессиональную коммуникацию. Существенные изменения произошли и в сфере перевода, где системы машинного перевода стали важным инструментом обработки специализированных текстов, в том числе экономического дискурса.

Объектом исследования является машинный перевод экономических текстов с английского и китайского языков на русский язык.

Предмет исследования – межъязыковые особенности и типичные стратегии постредактирования машинного перевода экономических текстов.

Актуальность исследования обусловлена активным развитием цифровых технологий и широким использованием систем машинного перевода в сфере международной экономической коммуникации. Несмотря на высокий уровень развития современных переводческих систем, автоматический перевод экономических текстов по-прежнему содержит значительное количество лексических, грамматических и стилистических ошибок, требующих последующего постредактирования. Особую значимость приобретает изучение межъязыковых различий при переводе с английского и китайского языков, поскольку данные языки существенно отличаются по своей структуре, способам выражения значений и принципам построения экономического дискурса. Исследование особенностей постредактирования позволяет повысить качество перевода и эффективность профессиональной межкультурной коммуникации.

Материалом исследования послужили экономические тексты на английском и китайском языках, а также результаты их машинного перевода на русский язык, выполненные с помощью современных систем машинного перевода. В работе использовались методы сопоставительного, контекстуального и лексико-семантического анализа.

Переводчик традиционно рассматривается как посредник в межъязыковом общении, а перевод по-прежнему рассматривается как вид когнитивно-коммуникативной деятельности, оставаясь «гарантом сохранения понимания в многоязычном и поликультурном человеческом обществе». Однако технологические достижения сегодня ведут к изменению самой «модели переводчика как личности», профессиональных навыков перевода и содержания обучения [4].

В современных условиях переводчики активно используют системы машинного перевода и автоматизированные CAT-инструменты. Однако результаты автоматического перевода экономических текстов нередко содержат лексические, грамматические и стилистические ошибки, что делает необходимым последующее постредактирование.

Машинный перевод – это компьютерный перевод оригинала текста на другой язык с помощью искусственного интеллекта. Обыденные языки достаточно сложно закодировать для дальнейшего их использования при автоматизированном переводе. В настоящее время переводы текстов с использованием компьютерных технологий содержат огромное количество лингвистических неточностей, из-за которых искажается общий смысл переводимого текста [5, с. 238].

В профессиональную сферу перевода вошло понятие «цифровой перевод», понимаемое как «новый вид перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности человека переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств» или как «корреляция человека и искусственного интеллекта» [4, с. 65].

Следовательно, актуальными видятся исследования, направленные на рассмотрение возможностей оптимизации профессиональной деятельность переводчика в новых условиях с учётом прогресса нейросетей, предлагающих новый арсенал электронных средств.

Для подробного изучения различий в постредактировании машинного перевода особенностей экономических текстов, необходимо дать определение текста. Согласно определению Гальперина И. Р. «текст – это последовательные отрезки

письменной речи, связанные по смыслу и грамматически, обладающие жанровой и стилистической принадлежностью, логической завершенностью и определенной прагматической установкой» [2, с. 18].

Экономический текст представляет собой специализированный тип профессионального дискурса, связанный со сферой экономики, финансов, торговли и бизнеса. Для таких текстов характерны высокая терминологическая насыщенность, стандартизированность и требование точности передачи информации.

Цель перевода экономических текстов заключается в том, чтобы донести наиболее правильный перевод с учётом различий, имеющихся в экономических реалиях разных стран. *Главной особенностью перевода* экономических текстов является точность передачи информации. Перевод экономических текстов требует от переводчика не только отличного знания языка, но и наличия специальных знаний экономической теории и понимания особенностей специальной терминологии [3]. Трудность перевода текстов экономического дискурса заключается в том, чтобы дать точный перевод терминам при условии, что понятия не всегда совпадают.

Рассмотрим несколько примеров перевода экономических терминов в китайском экономическом дискурсе. Для корректной интерпретации специализированной лексики и её перевода с китайского языка на русский значительную роль играют толковые словари китайского языка, а также сопоставление терминов с их английскими эквивалентами, широко используемыми в международной экономической коммуникации.

Показательным является термин **通**货膨胀 («инфляция»), который соотносится с английским эквивалентом *inflation*. При дословном переводе китайское словосочетание может интерпретироваться как «расширение обращения денег», однако в экономическом дискурсе оно закрепилось именно в значении устойчивого роста общего уровня цен. В данном случае перевод требует не буквального воспроизведения компонентов термина, а использования уже закрепившегося в русском языке экономического соответствия.

Сходные трудности возникают при переводе термина **供**应链 («цепочка поставок», *supply chain*). Буквальное значение компонентов данного сочетания связано с понятиями «снабжение» и «цепь», однако в профессиональном экономическом дискурсе термин функционирует как устойчивое обозначение системы логистических и производственных связей. Переводчик должен учитывать контекст употребления и терминологические нормы целевого языка.

Аналогичным образом могут быть рассмотрены такие экономические термины, как 风险投资 («венчурный капитал», *venture capital*), **数字**经济 («цифровая экономика», *digital economy*), **市**场份额 («доля рынка», *market share*), 贸易壁垒 («торговые барьеры», *trade barriers*) и 资本外流 («отток капитала», *capital outflow*). Во всех перечисленных случаях адекватный перевод предполагает не только знание языковых соответствий, но и понимание экономического содержания терминов и особенностей их функционирования в профессиональном дискурсе.

Межъязыковые различия оказывают непосредственное влияние на процесс постредактирования машинного перевода. При переводе с английского языка

основные трудности связаны с терминологической многозначностью, буквальным переводом устойчивых экономических выражений и стилистической адаптацией текста. При переводе с китайского языка значительные сложности возникают из-за лаконичности языковых конструкций, отсутствия грамматических показателей и высокой зависимости значения термина от контекста.

Если говорить об экономических китайских текстах, то их особенностью также является использование устойчивых сочетаний – чэнъюев – «готовых выражений», которые характерны именно для китайского языка. Чэнъюй – фразеологический оборот, сложившийся на протяжении многих веков, однако существуют и относительно новые чэнъюи, так как процесс образования новых устойчивых сочетаний продолжается до сих пор [1, с. 23]. Трудность перевода заключается в том, что чэнъюи обычно имеют переносное значение, а не переводятся дословно по иероглифам. Часто употребляемыми в деловой речи чэнъюями являются следующие: **价格合理的**质量 «качество по разумной цене», **从**实际情况出发，一种商业方法 «исходить из реального положения вещей, деловой подход» и др. Для более точного понимания чэнъюев в таблице представлены примеры перевода чэнъюев.

Таблица 1. – Трудности и особенности перевода экономических терминов при переводе с китайского языка на русский язык

Трудность и особенности перевода	Пример	Дословный перевод / корректный перевод
Различие между буквальным значением термина и его профессиональным употреблением	通货膨胀 (tōnghuò péngzhàng)	Дословный перевод – «расширение денежного обращения». Корректный перевод: «инфляция» – устойчивый рост общего уровня цен на товары и услуги.
Необходимость учёта контекста при переводе терминов	供应链 (gōngyìng liàn)	Дословный перевод – «цепь снабжения». Корректный перевод: «цепочка поставок» – система организации поставок, логистики и распределения продукции.
Полисемия терминов и изменение значения в зависимости от части речи	投资 (tóuzī)	В форме существительного переводится как «инвестиции», в форме глагола – «инвестировать», «вкладывать капитал».
Особенности передачи терминологических словосочетаний	市场份额 (shìchǎng fèn'é)	Дословный перевод – «рыночная часть». Корректный перевод: «доля рынка» – процентное соотношение продаж компании на определённом рынке.

Особенности перевода финансовых терминов	风险投资 (fēngxiǎn tóuzī)	Дословный перевод – «рисковое инвестирование». Корректный перевод: «венчурный капитал» или «венчурные инвестиции» – вложения в инновационные и высокорисковые проекты.
Различия в структуре терминов в китайском и русском языках	资本外流 (zīběn wàiliú)	Дословный перевод – «выход капитала наружу». Корректный перевод: «отток капитала» – выведение финансовых активов за пределы национальной экономики.

Источник: 9.

Анализ таблицы показывает, что различия в переводе экономических терминов обусловлены особенностями китайского и русского языков. Китайский язык отличается лаконичностью, тогда как русский язык обладает более развёрнутой лексической системой, поэтому при переводе часто требуется адаптация терминов с учётом норм русского экономического дискурса.

Отличительной особенностью английских экономических текстов является повторение терминов. Чтобы обеспечить своевременную и эффективную торговлю, экономические тексты на английском языке должны быть точными и понятными. За счёт «дублирование синонимов» неоднократно подчёркивается одно и то же значение слова, чтобы избежать двусмысленности и обеспечить точную передачу значения слова. Повторение терминов в английских экономических текстах особенно заметно в юридических документах, таких как соглашения, документы и контракты, такие как «terms and conditions» （条款）(условия и положения), «method and procedure»（途径）(метод и процедура) и т. д.

Для китайских экономических текстов характерны:

1) твёрдый порядок слов в структуре китайского предложения (положение субъекта и предиката);

2) необходимость перестановок компонентов сообщения при переводе;

3) использование большого количества определительных конструкций и лаконичных терминологических сочетаний.

Дополнительные трудности при постредактировании экономических текстов связаны с различиями грамматических и синтаксических структур английского, китайского и русского языков, включая особенности терминологических сокращений, порядка слов и способов образования экономической лексики выработаны определенные стратегии перевода.

При переводе с английского языка машинные системы нередко сохраняют буквальное значение слова, не учитывая его терминологическую функцию в экономическом дискурсе. Рассмотрим таблицу:

Таблица 2. – Лексические ошибки машинного перевода английских экономических терминов

Оригинал	Машинный перевод	Исправленный вариант
fiscal policy	фискальная политика	бюджетно-налоговая политика
equity market	рынок справедливости	фондовый рынок
supply chain	цепочка снабжения	цепочка поставок
operating costs	операционные стоимости	операционные расходы
financial statement	финансовое заявление	финансовая отчетность
economic downturn	экономический спад вниз	экономический спад
shareholder value	ценность акционера	акционерная стоимость

Источник: 7.

Ошибки подобного типа связаны с тем, что многие английские экономические термины имеют узкоспециальное значение, отличающееся от общеупотребительного.

При переводе с китайского языка лексические трудности возникают значительно чаще, поскольку китайские экономические термины характеризуются высокой степенью семантической сжатости и многозначности. Кроме того, одно и то же слово может переводиться по-разному в зависимости от контекста:

Таблица 3. – Особенности постредактирования китайских экономических терминов

Оригинал	Машинный перевод	Возможный вариант
现金流动 (xiànjīn liúdòng)	движение наличности	денежный поток
市场主体 (shìchǎng zhǔtǐ)	субъект рынка	участник рынка
经济增长 (jīngjì zēngzhǎng)	увеличение экономики	экономический рост
金融风险 (jīnróng fēngxiǎn)	денежный риск	финансовый риск
对外贸易 (duìwài màoyì)	внешняя торговля наружу	внешняя торговля
产业升级 (chǎnyè shēngjí)	обновление промышленности	модернизация отрасли
市场份额 (shìchǎng fèn'é)	рыночная доля участия	доля рынка
绿色经济 (lǜsè jīngjì)	зеленая экономика	экологически ориентированная экономика

Источник: 8.

Особую сложность представляют сокращённые экономические конструкции, широко используемые в китайских СМИ и аналитических текстах. Машинный перевод часто передает их дословно, что приводит к стилистически неестественным или неточным вариантам.

Таблица 4. – Постредактирование китайских экономических выражений

Оригинал	Машинный перевод	Исправленный вариант
一带一路 (Yīdài Yīlù)	один пояс одна дорога	инициатива «Один пояс – один путь»
数字经济 (Shùzì jīngjì)	цифровая экономика данных	цифровая экономика
共同富裕 (Gòngtóng fùyù)	общее богатство	всеобщее благосостояние

Источник: 10.

Анализ материала показал, что при постредактировании экономических текстов наиболее часто применяются следующие стратегии:

1) замена буквального перевода терминологически корректным эквивалентом;
2) контекстуальное уточнение значения многозначных единиц;
3) стилистическая адаптация текста к нормам русского делового дискурса;
4) устранение грамматических и синтаксических ошибок;
5) унификация экономической терминологии;
6) замена калькированных конструкций нормативными русскоязычными вариантами.

Использование данных стратегий позволяет повысить точность и читаемость машинного перевода экономических текстов.

Проведённое исследование показало, что межъязыковые различия существенно влияют на процесс постредактирования машинного перевода экономических текстов. Английский и китайский языки характеризуются различными типами переводческих трудностей, что требует применения разных стратегий редактирования. Эффективное постредактирование возможно только при сочетании языковой компетенции переводчика, знания экономической терминологии и понимания особенностей профессионального дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. India begins the privatisation of its huge life-insurance company // The Economist. – URL: https://www.economist.com/financeand-economics/2022/05/07/india-begins-the-privatisation-of-its-huge-lifeinsurance-company (date of access: 04.05.2026).

2. Russia’s economy is back on its feet // The Economist. – URL: https://www.economist.com/finance-andeconomics/2022/05/07/russias-economy-is-back-on-its-feet (date of access: 04.05.2026).

3. Smialek J., Swanson A. The Era of Cheap and Plenty May Be Ending// The New York Times. – URL:https://www.nytimes.com/2022/05/03/business/economy/pandemic-supplychains-infltion.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article (date of access: 04.05.2026).

4. Гарбовский, Н. А. Мифы о переводе: от Вавилона до «цифры». В Журнале «Русский язык и культура в зеркале перевода» № 1 / Н. А. Гарбовский, О. И. Костикова. – 2020 – с.65–80

5. Гарбовский, Н. К. Статья «Дидактика перевода» Вестник Московского университета / Н. К. Гарбовский. – Сер. 22. Теория перевода. – 2013. – № 4.

6. Дубровина, Е. В. Научный руководитель – Городищева А. Н. Основные проблемы машинного перевода. Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Социально-экономические и гуманитарные науки. – 2014. – С. 238-240.

7. Рецкер, Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – М.: 1981. – 81 с.

8. Чечина, Н. Ю. Особенности терминологизации общеупотребительной лексики современного китай-ского языка: на примере экономического дискурса СМИ КНР / Н. Ю. Чечина // Вестник РГГУ. Серия: Литературове-дение. Языкознание. Культурология. – № 7. – 2020. – С. 16-29.

9. 刘米清. 中英文翻译比较分析, 1991. 125 页 Лю Мицин. Сравнительный анализ перевода китайского и английского языков. Няньчан, 1991. – 125 с.

10. 范仲英. 英翻译实用指南。 北京：外语研究与研究版 , 1996 . 127 页 . Фан Чжунъин Практи-ческое руководство по переводу. Пекин: Издание по изучению иностранных языков и иссле-дованиям, 1996. – 127 с.

INTERLINGUAL DIFFERENCES IN POST-EDITING MACHINE TRANSLATION OF ECONOMIC TEXTS (BASED ON ENGLISH AND CHINESE MATERIALS)

A. N. Simirskaya
Polessky State University
Pinsk, Belarus, nsimirsksya@bk.ru

The article examines interlingual features of post-editing machine translation of economic texts from English and Chinese into Russian. It analyzes typical lexical, grammatical, and stylistic errors of machine translation, as well as methods of their correction. Special attention is paid to differences in the translation of economic terminology and the influence of linguistic features on translation quality.

Keywords: machine translation; post-editing; economic discourse; economic terminology; interlingual differences; translation transformations; translation strategies.

УДК 811.133

РОЛЬ НОМИНАЛИЗАЦИИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ В АДАПТАЦИИ ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ

Д.С. Строк, О.Ф. Жилевич
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь, dasha.strok160705@gmail.com

В статье рассматривается проблема синтаксической адаптации заголовков экономических новостей при переводе с английского языка на русский. На материале публикаций деловых изданий Bloomberg и The Economist анализируются механизмы трансформации именных конструкций в глагольные и обратно.

Ключевые слова: номинализация; вербализация; заголовок; экономический дискурс; переводческие трансформации; медиалингвистика; адаптивный перевод.

Синтаксическая компрессия и доминирование номинализаций в заголовках англоязычных экономических изданий вступают в противоречие с глагольной ориентацией русскоязычного новостного дискурса, актуализируя потребность в эмпирически обоснованных стратегиях адаптивного перевода. Профессиональная деятельность переводчика экономических медиа предполагает решение дилеммы между сохранением жанровой сжатости исходного сообщения и адаптацией к синтаксическим нормам целевого языка. Механический перенос именных конструкций ведёт к утяжелению синтаксиса, снижению аттрактивной функции и нарушению узуса целевого медиапространства, в то время как избыточная

вербализация рискует исказить терминологическую точность и аналитический регистр исходного текста.

Целью данного исследования является выявление закономерностей трансформации номинализаций и вербализаций в заголовках экономических новостей при их переводе на русский язык.

В системно-функциональной лингвистике номинализация трактуется как инструмент грамматической метафоры, позволяющий «свернуть» процесс, качество или обстоятельство в именную сущность, что закономерно повышает информационную плотность и терминологическую насыщенность дискурса [4, p. 342]. В переводоведении синтаксические операции, связанные с переключением между именными и глагольными конструкциями, классифицируются как грамматические замены, направленные на преодоление межъязыковой структурной асимметрии без утраты семантического ядра [2, с. 89].

В медиалингвистике закреплён функциональный дуализм данных категорий: номинальные заголовки доминируют в аналитической и финансовой прессе, формируя эффект объективности, статусности и дистанцированности, тогда как глагольные модели характерны для оперативных новостей, усиливая аттрактивную функцию, ощущение срочности и эмоциональную вовлечённость [1, с. 54]. Вербализация, напротив, актуализирует процессуальность, переводя статичный факт в разворачивающееся событие, что критически важно для удержания внимания цифровой аудитории в условиях высокой конкурентности информационного поля [5, p. 67]. Таким образом, выбор между сохранением именной компрессии и её глагольным преобразованиемопределяется прагматической установкой целевого медиатекста.

В качестве примеров были отобраны заголовки экономических статей из авторитетных англоязычных изданий Bloomberg и The Economist, рассмотрим некоторые и них.

Оригинальный заголовок *«Fed's Rate Hike Signals Inflation Fight»* [Bloomberg] представляет собой номинальную конструкцию, где отглагольное существительное «hike» и цепочка существительных (rate hike signals inflation fight) обеспечивают высокую информационную плотность. В русскоязычной адаптации *«ФРС повышает ставку, чтобы обуздать инфляцию»* применяется де-номинализация: именная группа «rate hike» трансформируется в глагольную конструкцию «повышает ставку». Дополнительно вводится целевое придаточное (чтобы обуздать), демонстрирующее имплицитную цель исходного сообщения. Данная трансформация восстанавливает предикативное ядро, усиливая динамику и ощущение срочности, при этом пейоративная оценка (inflation fight – обуздать инфляцию) сохраняется, поддерживая драматизм исходного заголовка.

Оригинал *«Supply Chain Disruption Fears Weigh on Markets»* [The Economist] содержит цепочку из четырёх существительных и отглагольное «weigh». В переводе *«Опасения по поводу сбоев в цепочках поставок давят на рынки»* применяется де-номинализация: disruption fears – опасения по поводу сбоев. Так, преобразование именной цепочки снижает когнитивную нагрузку на русскоязычного читателя, а сохранение метафорического глагола поддерживает эмоциональную окраску и образность исходного заголовка.

Оригинал *«Brexit Fallout Hits Small Businesses»* [Bloomberg] содержит отглагольное существительное «fallout» и глагол hits. В переводе *«Последствия Брексита ударяют по малому бизнесу»* «fallout» де-номинализируется в

«последствия», тогда как «hits» модулируется в «ударяют по». Замена метафорического «fallout» на нейтральное «последствия» нивелирует культурно-специфическую аллюзию, делая сообщение доступным для аудитории, не знакомой с британским политическим контекстом.

Заголовок *«Market Meltdown Fears Spark Sell-Off»* [The Economist] использует цепочку отглагольных существительных «meltdown» и «sell-off». В переводе *«Опасения обвала рынка спровоцировали распродажу»* «meltdown fears» деноминализируется в «опасения обвала», что снижает информационную плотность, адаптируя заголовок под восприятие массовой аудитории, а сохранение глагола «спровоцировали» поддерживает причинно-следственную логику исходного сообщения

Проведённый анализ подтверждает, что номинализация выступает доминирующей стратегией при переводе англоязычных экономических заголовков на русский язык. Данная трансформация обусловлена системной лингвистической асимметрией: английский медиатекст опирается на именную компрессию для достижения терминологической ёмкости, тогда как русский новостной дискурс нормативно тяготеет к глагольной развёрнутости. Трансформация именных цепочек в глагольные конструкции позволяет одновременно восстановить синтаксическое ядро, снизить когнитивную нагрузку на реципиента и адаптировать сообщение к стилистическим ожиданиям целевой аудитории. При этом прагматический потенциал оригинала (оценочная окраска, метафоричность, причинно-следственные связи) не утрачивается, а преобразовываются в формы, соответствующие узусу русскоязычных СМИ.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования выявленных закономерностей при подготовке специалистов в области профессионально ориентированного перевода, а также при разработке методических рекомендаций по работе с экономическими медиатекстами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Клушина, Н. И. Стилистика художественной публицистики / Н. И. Клушина. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 240 с. – Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/30855. – Дата доступа: 10.05.2026.

2. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : Издательство «Наука», 2020. – 176 с. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43821567. – Дата доступа: 10.05.2026.

3. Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation / M. Baker. – 3rd ed. – London : Routledge, 2018. – 368 p. – Режим доступа: https://www.routledge.com/In-Other-Words-A-Coursebook-on-Translation/Baker/p/book/9781138063865. – Дата доступа: 10.05.2026.

4. Halliday, M. A. K. Halliday's Introduction to Functional Grammar / M. A. K. Halliday, C. M. I. M. Matthiessen. – 4th ed. – London : Routledge, 2014. – 592 p. – Режим доступа: https://www.routledge.com/Hallidays-Introduction-to-Functional-Grammar/Halliday-Matthiessen/p/book/9781138783713. – Дата доступа: 10.05.2026.

5. Van Dijk, T. A. News as Discourse / T. A. Van Dijk. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. – 224 p. – Режим доступа: https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9781315807270/news-discourse-teun-dijk. – Дата доступа: 10.05.2026.

THE ROLE OF NOMINALIZATION AND VERBALIZATION IN ADAPTING HEADLINE CONSTRUCTIONS IN TRANSLATION INTO RUSSIAN

D.S. Strok
Polessky State University
Pinsk, Belarus, dasha.strok160705@gmail.com

The article examines the problem of syntactic adaptation of economic news headlines when translating from English into Russian. Based on the material of publications by Bloomberg and The Economist, the mechanisms of transforming nominal constructions into verbal constructions and vice versa are analyzed.

Keywords: nominalization; verbalization; headline; economic discourse; translation transformations; media linguistics; adaptive translation.

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РИФМОВОК В СТИЛЕ РЭП В ХОДЕ РЕЧЕВОЙ РАЗМИНКИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

П.В. Черниенко
Барановичский государственный университет
Республика Беларусь, stepancovapolina1@gmail.com

В статье рассматривается методический потенциал рифмовок в стиле рэп для проведения речевой разминки на уроке английского языка в 6 классе. Описан опыт обучения, в ходе которого рифмовки по темам «School Books», «School Rules», «Do I have to?» использовались для развития умений монологической речи учащихся. Представлены задания, разработанные на основе рифмовок.

Ключевые слова: речевая разминка, рифмовка, рэп-дискурс, монологическая речь, умения монологической речи.

Методика преподавания иностранных языков находится в постоянном поиске инструментов, способных повысить мотивацию учащихся и развивать их коммуникативную компетенцию. Особую значимость в данном контексте приобретает речевая разминка. Позволяя активизировать ранее изученный языковой материал, снять психологический барьер, создать атмосферу иноязычного общения, она задаёт тон всему уроку и во многом определяет его успех.

Цель данной работы заключается в изучении потенциала рифмовок в стиле рэп для проведения речевой разминки, направленной на развитие умений монологической речи учащихся на уроке английского языка.

Развитие умений монологической речи является одной из ключевых задач обучения иностранному языку. Монологическая речь является формой речи, обращенной к одному или группе слушателей [1, с. 147], которая отличается развернутостью, последовательностью и относительной смысловой законченностью высказывания.

Одним из перспективных способов решения задачи развития умений монологической речи является применение инновационного содержания коммуникативной ситуации. В нашем исследовании мы предлагаем использовать в качестве смысловой опоры высказывания сгенерированные искусственным интеллектом рифмовки в стиле рэп, т.е. молодёжного музыкально-речевого жанра. Такие рифмовки обладают определенным потенциалом для развития

умений монологической речи, поскольку апеллируют к живому языку, знакомому учащимся из повседневной культурной среды.

Согласно определению, речевая разминка – этап урока, на котором осуществляется подготовка к изучению основного материала. Она включает ответы на вопросы, предварительное обсуждение темы, игровые задания и др. [1, с. 252]. Речевая разминка выступает не только как организационный момент, но и как полноценный методический компонент урока, направленный на обучение речи. Методически грамотно организованная речевая разминка обладает широким спектром функций. Так, проведение речевых разминок на уроке способствует улучшению взаимоотношений между учителем и учащимися, повышению мотивации и интереса к изучению иностранного языка, а также появлению условий для создания творческой среды. Помимо этого, речевая разминка увеличивает время речевой практики: учащиеся высказывают собственное мнение, выражают чувства и мысли по определенной коммуникативной ситуации.

Требования к организации речевой разминки заключаются в том, что она должна составляться с учётом уровня владения языком, психолого-педагогических и возрастных особенностей учащихся, носить мотивирующий характер, соответствовать теме-проблеме урока, длиться не более пяти минут и вовлекать в активную речемыслительную деятельность всех учащихся.

Одним из традиционно используемых учебных материалов для проведения речевой разминки являются рифмовки. В методической литературе под рифмовкой понимается порядок чередования рифм в стихотворении или созвучий окончаний двух слов. Она обладает такими признаками, как краткость, ритмичность, звуковая повторяемость, что позволяет усваивать их без больших временных затрат и трудностей [2, с. 96]. Рифмовки способствуют развитию чувства ритма, выработке правильного произношения, формированию выразительности и эмоциональности речи, быстрому запоминанию лексико-грамматических структур, расширению словарного запаса.

Рассмотрев понятия «речевая разминка» и «рифмовка», обратимся к определению термина «рэп» как лингвистического феномена и образовательного ресурса.

Рэп является одним из наиболее популярных среди молодежи музыкальных жанров, возникший на основе афроамериканского фольклора. Т. С. Воложанина и Ю. Ю. Куц характеризуют его как «жанр поп-музыки, ритмичный речитатив рифмованного текста на острую тему» [3, с. 24]. С лингвистической точки зрения рэп-дискурс отличается целым рядом характеристик. Так, к специфическим грамматическим особенностям рэп-текстов следует отнести намеренные отступления от нормы, которые превратились в своеобразную отличительную черту стиля. На лексическом уровне рэп богат сленгизмами, аббревиатурами и культурными коннотациями, без знания которых понимание текстов затруднительно. В рэпе широко используются метафоры, звукоподражание, сравнения и повторы. Такие характеристики рэпа, как ритмичность, повторяемость, экспрессивность и близость к живой речи молодёжи делают его перспективной основой для создания рифмовок, применяемых в ходе речевой разминки на уроке иностранного языка.

Таким образом, рифмовка и рэп обнаруживают структурные сходства: оба явления опираются на ритм и экспрессивность. Эти сходства открывают

возможность для создания и применения рифмовок в стиле рэп в качестве учебного материала для проведения речевой разминки, направленной на развитие умений монологической речи. С целью проверки эффективности использования данных содержательных опор нами была разработана серия рифмовок по темам «School Books», «School Rules» и «Do I have to?» с использованием технологий искусственного интеллекта [4].

Рифмовки в стиле рэп создавались на основе лексики и грамматических конструкций, соответствующих изучаемым темам из учебного пособия по английскому языку для 6 класса [5].

На уроке по теме «School Books» разминка начиналась с изучения рифмовки-рэпа, включавшей ключевую лексику по теме (History, Geography, Science, Literature, to make mistakes, to get good / bad marks, a subject, a daybook):

Yo, I wake up early, grab my bag and go,
History, Geography – I run the show!
Science in the morning, Literature at noon,
I open up my daybook, gotta finish soon!
I make mistakes sometimes – that's okay,
Get bad marks today, get good marks another day!
Every subject matters, every lesson's real –
Studying hard? Yeah, that's the deal!

После двукратного воспроизведения рифмовки учащимся предъявлялось изображение, связанное со школой, и они получали задание составить монологическое высказывание, опираясь на картинку. Опорой для построения высказывания служили текст рифмовки и лексические единицы из нее, которые были актуализированы в памяти учащихся.

На уроке по теме «School Rules» рифмовка в стиле рэп посвящена теме школьных правил с использованием лексики (a rule, to follow, to respect):

Ayo, listen up, I'll tell you what's cool –
First rule of the game: don't be late to school!
No phones in class, put that thing away,
Respect your teacher every single day!
Raise your hand, speak up, don't be shy,
Follow every rule and you'll be riding high!
School rules, school rules – they keep us right,
Work hard in the day, rest easy at night!

После проведения разминки учащимся предлагалось задание «Три аргумента»: в течение двух минут им необходимо было сформулировать три причины, по которым они считают то или иное школьное правило обязательным или несправедливым. Рифмовка служила смысловой опорой: учащиеся опирались на нее при построении собственных высказываний.

На уроке по теме «School Rules» после изучения рифмовки-рэпа учащиеся выполняли задание «Снежный ком»: первый ученик называл одно правило из темы урока, второй повторял его и добавлял своё, третий повторял оба предыдущих и добавлял следующее. Учащиеся органично использовали в цепочке высказываний образцы из рэп-рифмовки:

Walk, don't run – keep it smooth in the hall,
Be kind to everyone, respect them all!
Don't talk when the teacher's got the floor,

Follow the rules, that's what school is for!
Honest, polite, strong every day,
When we keep it right, we all find our way!
School rules aren't hard, just keep 'em in mind .
Be fair, be cool, be one of a kind!

Урок по теме «Do I have to?» был связан с использованием конструкции have to. В предложенной рифмовке главный герой рассуждает о своих школьных обязанностях:

Do I have to wake up? Yeah, I do!
Do I have to study? That's true!
I have to do homework, I have to attend,
I have to keep going right to the end!
I have to be honest, I have to be strong,
I have to keep trying all day long!
Do I have to? Yes, no doubt!
That's what school life is all about!

После речевой разминки учащимся предлагалось задание на рассуждение: учащимся нужно было высказаться на тему «Что я должен делать как ученик и почему?» в формате монолога. Рифмовка в стиле рэп представляла собой ритмико-интонационную опору и готовый образец использования конструкции, что облегчало переход к самостоятельному монологу.

На уроке по теме «Do I have to?» речевая разминка проводилась с использованием следующей рифмовки в стиле рэп:

Do I have to read? You already know!
Do I have to practise? Watch me grow!
I have to prepare, I have to be there,
I have to show everyone how much I care!
I don't have to panic, I don't have to fear –
I have to remember why I'm here!
Do I have to try? Every single day!
That's the only real winning way!

После ее изучения учащимся предъявлялись карточки с описанием школьных ситуаций. Учащиеся должны были разрешить предложенную ситуацию, например: «*You forgot to do your math homework. The teacher asks you to hand over your notebooks. What will you tell the teacher?*»

Апробация разработанных нами упражнений подтвердила целесообразность их применения. Мы выявили, что использование рифмовок в стиле рэп в ходе речевой разминки на уроке иностранного языка является эффективным методическим средством, способствующим развитию умений монологической речи. Ритмическая природа рэпа, его экспрессивность и обращение к актуальной молодёжной культуре создают благоприятную среду для самостоятельного говорения.

Таким образом, рифмовки в стиле рэп представляют собой смысловую опору для организации речевой разминки, которая рекомендуется к применению при работе над тематической лексикой и грамматическими конструкциями в целях развития умений монологической речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Нужная, Л. В. Обучение иностранному языку на ранних этапах развития / Л. В. Нужная, В. И. Батанова // Теория и методики преподавания иностранных языков в условиях поликультурного общества : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 3—4 дек. 2015 г. / Красноярский гос. пед. ун-т им В. П. Астфьева, 2015. – С. 95 — 102.

3. Воложанина, Т. С. Лингвистические особенности рэпа / Т. С. Воложанина, Ю. Ю. Куц // Иностранные языки в экономических вузах России. — 2021. — № 20. – С. 23 — 28.

4. Claude 3.5 Sonnet : генеративный искусственный интеллект // Anthropic. — URL : https://claude.ai (дата доступа : 19.05.2026).

5. Юхнель, Н. В. Английский язык : учеб. пособие для 6-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения (с эл. приложением) / Н. В. Юхнель, Е. Г. Наумова, Е. А. Малиновская. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2021. — 280 с.

THE USE OF RAP-STYLE RHYMES DURING WARM-UP IN A FOREIGN LANGUAGE LESSON

P.V. Cherniyenko
Baranavichy State University
Republic of Belarus, stepancovapolina1@gmail.com

The article examines the methodological potential of rap-style rhymes for conducting warm-up speaking activities in the English language lesson in the 6th grade. The teaching experience aimed to develop students' presentation skills on the basis of rep-style rhymes on the topics "School Books", "School Rules", "Do I have to?"is described.

Keywords: warming up, rhymes, rap, monologue, presentation skills.

УДК 316.77

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

О.О. Чивильдеева, В.И. Гостенина
Брянский государственный университет им. ак. И. Г. Петровского
Россия, Civildeevaolga@gmail.com

В статье обосновывается необходимость социологического подхода к изучению межкультурной коммуникации, акцентирующего институциональные и нормативные механизмы её регуляции. Анализируется роль социальных институтов образования, права, семьи и медиа в структурировании межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: институты; коммуникация; межкультурная коммуникация; нормативные аспекты; нормы; социологический анализ; ценности.

Межкультурная коммуникация как область научного знания традиционно формировалась под влиянием психологии, лингвистики и культурной антропологии. Эти дисциплины сосредоточили внимание на индивидуальных когнитивных схемах, языковых барьерах и культурных паттернах поведения. Однако в условиях глобализации и устойчивой поликультуризации современных обществ всё более очевидной становится недостаточность микроуровневых

объяснений. Социологический подход предлагает принципиально иную оптику, в рамках которой межкультурная коммуникация предстаёт не столько как результат личностных качеств участников, сколько как социально структурированный процесс, детерминированный действием институциональных и нормативных систем.

Ключевым понятием такого анализа выступает социальный институт, понимаемый как устойчивый комплекс статусов, ролей, организаций и правил, регулирующих ту или иную сферу общественной жизни. Применительно к межкультурной коммуникации можно выделить несколько институтов, чьё воздействие носит системообразующий характер. Институт образования транслирует нормативные представления о культурном разнообразии, формирует шкалу оценок «своего» и «чужого», а также задаёт образцы корректного межгруппового взаимодействия через учебные программы и воспитательные практики. Институт права устанавливает формальные границы допустимого поведения, фиксирует ответственность за дискриминацию по культурному или этническому признаку и определяет правила включения мигрантов в принимающее общество. Институт семьи выступает первичной инстанцией социализации, в которой усваиваются базовые культурные схемы, этнические стереотипы и установки на открытость либо закрытость к иным культурным образцам. Наконец, институт средств массовой информации и цифровых платформ формирует публичный дискурс о межкультурных контактах, репрезентируя образы представителей других культур и тем самым влияя на массовые восприятия и ожидания. Социологический анализ межкультурной коммуникации, таким образом, смещает фокус с вопроса о том, как именно индивиды понимают друг друга, на вопрос о том, как общество через свои институциональные структуры организует, ограничивает и направляет такое понимание [1].

Наряду с институтами столь же значимым измерением выступает нормативная регуляция. Нормы в межкультурной коммуникации выполняют функцию социального кода, предписывающего, разрешающего или запрещающего определённые формы поведения в ситуациях контакта между представителями различных культурных традиций. Существуют две основные категории норм. Формальные нормы закреплены в законодательных актах, административных регламентах, корпоративных кодексах и международных соглашениях. Они обладают санкционированной принудительной силой и поддерживаются деятельностью таких институтов контроля, как суды, полиция и инспекционные органы. Неформальные нормы, напротив, функционируют на уровне повседневных ожиданий, традиций, обычаев, этикетных правил и моральных предписаний. Они не имеют письменного закрепления и действуют автоматически, что делает их особенно значимым, но трудноуловимым источником коммуникативных сбоев.

Центральная проблема нормативной регуляции в рассматриваемой сфере заключается в возможности конфликта между различными типами норм. Такой конфликт может принимать две основные формы. Первая – это противоречие между формальными и неформальными нормами внутри одной социальной системы. Например, формальное законодательство может провозглашать принцип равенства независимо от культурного происхождения, в то время как неформальные практики в конкретных организациях или локальных сообществах

систематически воспроизводят исключающие или дискриминационные паттерны взаимодействия [2]. Вторая форма – столкновение неформальных норм различных культурных групп между собой. В этом случае участники коммуникации руководствуются неписаными, но жёсткими правилами собственной традиции, которые могут оказаться несовместимыми с аналогичными правилами другой стороны. Особую остроту этой проблеме придаёт то обстоятельство, что неформальные нормы глубоко укоренены в повседневности, редко рефлексируются самими носителями и воспринимаются ими как единственно естественные и правильные.

Из предложенного понимания вытекает необходимость анализа институциональных барьеров в межкультурной коммуникации. В отличие от психологических или языковых затруднений, институциональный барьер возникает тогда, когда само устройство социального института не учитывает культурное разнообразие либо конструирует асимметричные условия для различных групп. Так, образовательная система, построенная на ценностях соревновательности и индивидуальных достижений, может создавать системные препятствия для студентов из культур, ориентированных на кооперацию и групповую гармонию. Медицинские учреждения, требующие автономного информированного согласия от самой пациентки, могут вступать в противоречие с семейным институтом в культурах, где принятие подобных решений является коллективным делом. Правоохранительные органы, применяющие единые процедурные стандарты без учёта культурных особенностей восприятия авторитета и времени, рискуют провоцировать эскалацию непонимания вместо его разрешения.

Факторами эффективной межкультурной коммуникации с социологической точки зрения выступают не столько личная толерантность или знание иностранных языков, сколько наличие институциональных условий, снижающих нормативную неопределённость. К числу таких условий относятся формально закреплённые процедуры разрешения нормативных конфликтов, регулярная подготовка и переподготовка сотрудников ключевых социальных институтов к работе с культурно разнородной аудиторией, репрезентация культурного многообразия в медиа без формирования негативных стереотипов, а также существование специализированных институтов посредничества – культурных ассистентов, социальных медиаторов и организаций, представляющих интересы культурных меньшинств [3]. Отсутствие или слабость этих условий превращают межкультурную коммуникацию из управляемого процесса в зону спонтанных конфликтов и взаимных приписываний негативных намерений.

Предложенная институционально-нормативная рамка открывает конкретные эмпирические направления для социологических исследований. Одним из них является изучение расхождений между формальными и неформальными нормами в различных социальных сферах с использованием методов контент-анализа документов и глубинных интервью с представителями институциональных структур. Другим направлением выступает сравнительный анализ институциональных барьеров в разных типах обществ – например, в обществах с длительной традицией мультикультурализма и в обществах, находящихся на ранних этапах осознания собственной поликультурной реальности. Третье направление связано с исследованием успешных практик институционального посредничества и их типизацией. Наконец, отдельную область составляет анализ

нормативных конфликтов как фактора социальной напряжённости, что может быть осуществлено посредством кейс-стади конкретных коммуникативных сбоев в школах, больницах, судах или на транспорте [4].

В качестве конкретного эмпирического приложения предложенной рамки может быть рассмотрена типология институциональных барьеров, различающихся по источнику происхождения и механизму воспроизводства. Первый тип связан с несоответствием между формальными правилами института и неформальными ожиданиями его клиентов из иных культурных сред. Такое несоответствие порождает феномен «нормативной ловушки», когда действия клиента, полностью легитимные с точки зрения его собственной культурной традиции, квалифицируются институтом как девиантные или неуважительные. Второй тип институционального барьера возникает из-за отсутствия культурной рефлексии внутри самого института, то есть из неспособности его сотрудников распознать культурную обусловленность поведения другой стороны. В этом случае даже формально корректные процедуры приводят к коммуникативному сбою, поскольку интерпретационные схемы, используемые сотрудниками, оказываются неадекватными культурному контексту партнёра по взаимодействию. Третий тип представляет собой структурную асимметрию, при которой один культурный стандарт негласно принимается за универсальную норму, а все отклонения от него определяются как недостатки или некомпетентность. Такой тип барьера особенно труден для выявления, поскольку он не фиксируется в явных правилах, но воспроизводится через повседневные рутины отбора, оценки и распределения ресурсов. Каждый из перечисленных типов требует различных стратегий преодоления, и их различение составляет важную задачу прикладного социологического анализа.

Практическая значимость институционально-нормативного подхода заключается в том, что он позволяет перейти от морально окрашенных призывов к толерантности к конкретным изменениям в устройстве социальных институтов. Для института образования это означает пересмотр учебных программ не в направлении разового добавления тем о культурном разнообразии, а в направлении системной рефлексии о том, как сама школьная или университетская среда конструирует культурные иерархии. Для института права требуется не только ужесточение антидискриминационного законодательства, но и создание доступных и понятных механизмов для разрешения нормативных конфликтов, которые позволяли бы учитывать культурный контекст без ущерба для универсальных прав человека. Для института медиа необходима выработка профессиональных стандартов репрезентации культурных меньшинств, избегающих как стигматизации, так и экзотизации. Наконец, для института семьи как наиболее инертного в культурном отношении важна поддержка межкультурных посреднических структур, которые могли бы работать с семейными установками без прямого инвазивного вмешательства в приватную сферу. Реализация этих направлений предполагает не единовременную кампанию, а долгосрочную институциональную работу, включающую мониторинг, обратную связь от представителей различных культурных групп и поэтапную корректировку нормативных систем. Только при таких условиях межкультурная коммуникация перестаёт быть зоной спонтанных рисков и превращается в управляемую область социального взаимодействия.

Таким образом, социологический анализ межкультурной коммуникации, акцентирующий институциональные и нормативные аспекты, позволяет уйти от редукции этой сложной социальной реальности к индивидуальной психологии или лингвистическим трудностям. Основной вывод состоит в том, что успешность или неуспешность межкультурного взаимодействия в значительной степени предопределена тем, как устроены социальные институты и насколько согласованы между собой формальные и неформальные нормативные системы. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка типологии институциональных конфигураций, способствующих либо препятствующих устойчивому межкультурному диалогу, а также создание методик оценки институциональной готовности к культурно разнородной коммуникации. Без решения этих задач любые призывы к толерантности и взаимопониманию остаются на уровне благих пожеланий, не подкреплённых социальным механизмом их реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акаемова, Юлия Александровна Факторы риска в межкультурной коммуникации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2011. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-riska-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii (дата обращения: 08.05.2026)

2. Ибрагимова, Айгуль Ринатовна Межкультурные коммуникации в пространстве социального взаимодействия // Человек и культура. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnye-kommunikatsii-v-prostranstve-sotsialnogo-vzaimodeystviya (дата обращения: 08.05.2026).

3. Корякина, Анжелина Анатольевна, Гоголева Нарыйаана Михайловна Барьеры межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-mezhkulturnoy-kommunikatsii (дата обращения: 08.05.2026).

4. Сапрыкина, Анастасия Михайловна Межкультурная коммуникация глазами эксперта: по данным социологического опроса в г. Волгограде // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2021. №19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-glazami-eksperta-po-dannym-sotsiologicheskogo-oprosa-v-g-volgograde (дата обращения: 08.05.2026).

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: INSTITUTIONAL AND NORMATIVE ASPECTS

O.O. Chivildeeva, V. I. Gostenina
Bryansk State University and M.A. I. G. Petrovsky
Bryansk, Russia, Civildeevaolga@gmail.com

The article substantiates the need for a sociological approach to the study of intercultural communication, emphasizing the institutional and normative mechanisms of its regulation. The role of social institutions of education, law, family and media in structuring intercultural interaction is analyzed.

Keywords: institutions; communication; intercultural communication; normative aspects; norms; sociological analysis; values.

Научное издание

СБОРНИК
научных статей
по материалам IV Международной научно-практической конференции
«ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ»

Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь,
(май, 2026 г.)

За содержание и достоверность информации
в материалах сборника отвечают авторы

Формат 60×84/16 Гарнитура Times
Усл. печ. л. 14,6. Уч.–изд.л. 18.

Учреждение образования
«Полесский государственный университет»
225710, г. Пинск, ул. Днепровской флотилии, 23